

ЛЮБОВЬ ЧЕРНИКОВА

ОГОНЬ

В ТВОИХ ГЛАЗАХ

ОБЕЩАНИЕ

16+

Любовь Черникова
Огонь в твоих
глазах. Обещание

Серия «Огонь в твоих глазах», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25507973

SelfPub; 2019

Аннотация

Договор дороже денег. Так повелось издавна. Договор дороже свободы и жизни, но Кира готова даже на это. Ценная заложница, бесправная любовница, а, может, прилежная ученица – кем предстоит ей стать по воле нового Защитника? Паситу тин Хорвейга за глаза называют ублюдком. К чему приведет такого как он вынужденная ссылка, ведь боги любят пошутить, а наказание, на деле – первый шаг к исполнению заветного желания. Порядок книг цикла "Огонь в твоих глазах": 1. Обещание 2. Испытание 3. Выбор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	48
Глава 4	60
Глава 5	79
Глава 6	98
Глава 7	116
Глава 8	128
Глава 9	139
Глава 10	163
Глава 11	188
Глава 12	208
Глава 13	231
Глава 14	258
Глава 15	277
Глава 16	300
Глава 17	317
Глава 18	337
Глава 19	356
Глава 20	373
Глава 21	395
Глава 22	415
Глава 23	434

Глава 24	453
Глава 25	473
Глава 26	496
Глава 27	519
Глава 28	535

Глава 1

1.

Стрела ударила рядом с жертвой. Не убила – испугнула. Косой встрепенулся и дал дёру, петляя, что есть мочи.

Кира, перекинув лук за спину, стремглав рванула следом – это чуть ли не с детства привычная игра. Наслаждаясь чувством свободы, гибкостью и скоростью собственного тела, она, что лисица, преследовала зайца, непременно стараясь коснуться рукой мягкой шёрстки. Неслась, огибая рыжие стволы сосен, перепрыгивая через коряги, пригибаясь под ветками. Охотница преследовала зверя, с каждым шагом сокращая расстояние. Загоняя. Не давая роздыху.

Мощный прыжок. Нога нашла опору на зелёном ото мха поваленном дереве. Подгнившая древесина треснула, но лёгкая как лань девушка уже рысью распласталась в воздухе. Кувыркком приземлилась на укрытую хвоей землю, одновременно дёрнув косога за длинное ухо. Тот, весьма удивлённый таким поворотом событий, заложил новую петлю, убегающая прочь. Игра закончилась. И на этот раз охотница победила.

Кира, смеясь и тяжело дыша, осталась сидеть на месте. Вдруг что-то послышалось, и охотница мгновенно напряжилась, одним движением поднимаясь на ноги. Осмотрев-

шись, сняла лук и тихо прислонила к стволу ближайшего дерева. На лице расплылась хищная улыбка.

Едва слышно хрустнула ветка.

Кира тут же обернулась на звук.

Чуть дальше вспорхнула птица.

Пригибаясь, охотница бесшумно двинулась вперёд. Теперь ничто не напоминало ту безумную гонку. Неслышно было ни шагов, ни дыхания. Движения стали текучими, как у лесной кошки. Охотница даже втянула ноздрями воздух, миг изменив направление поисков. Нырнула в заросли лещины, что в обилии росла у самой опушки.

И все же момент нападения она едва не пропустила.

Микор налетел ураганом.

Удар. Ещё один. Ещё. Заблокировав все, отскочила назад, разрывая расстояние. Снова вперёд – в атаку. Подсечка. Не прошла. Кира повелась на обманное движение и оказалась на лопатках.

– Девчонка, – шутливо протянул друг, подавая руку.

Охотница приняла помощь, но не смогла удержаться от шалости:

– Сам такой! – резко дёрнула на себя, одновременно прыгнув в сторону.

Теперь уже парень оказался на устланной хвоей земле. Несколько иголок застряло в тёмных, непокорно торчащих ошетилившемся ежом волосах. Кира упёрлась коленом в мужскую спину и потянула, выворачивая руку сильнее.

– Ай! Вот я тебе! – Микор извернулся ужом, высвободившись из захвата.

Охотница не успела отскочить и полетела, зацепившись ногой за торчащий корень. Парень тут же оказался сверху:

– Вот я и говорю – девчонка, – друг продолжил привычно подтрунивать. – Тебе бы репу сеять, коров доить, да за вышивкой вечера просиживать.

Кира дёрнулась, но он крепко держал её руки. Не то чтобы она не знала, как освободиться, но не использовать же против друга запрещённый приём? Микор же рассматривал её находящееся так близко лицо. Жадно наблюдая, как кровь гуляет, украшая щёки румянцем. Как ветерок играет мелкими прядками русых волос, выбившихся во время схватки. Любуясь часто вздымающейся под рубахой небольшой грудью. Приоткрытым ртом, жадно вдыхающим воздух...

Неожиданно для себя парень решил. Резко наклонившись, прижался к губам подруги, срывая поцелуй, на который не давали разрешения. Кира, захваченная врасплох, на секунду застыла. Потом дёрнулась молодой кобылкой, скинув с себя парня.

– Эй! Ты чего?

– Ты мне нравишься, Кир, ужели не знаешь? – Друг откатился и лёг на спину, мечтательно вперившись тёмными глазами в бегущие по небу облака.

– А если и знаю, – Кира топнула ногой, – чай не Киаланы Заступницы ночь! Целоваться он вздумал!

– Ой, и чего? Вон посмотри на Люту с Ламитой. Что ни вечер – крадутся в овин. Почитай вся деревня про то знает, да посмеивается.

– У них сызмальства уговор. Никому и дела нет, что они там обжимаются, – Кира, надувшись, отвернулась. Отчего-то было тревожно на душе, и её взгляд уже который раз обратился к тропе, ведущей в деревню. Каррон Защитник до сих пор не появился. Это было странно.

– Да и мы ж с детства вместе. Опорафий одобряет. Твоя мать не против. Моя тоже была за.

Парень чуть сник, вспомнив почившую прошлой зимой тётку Олёну.

– Вижу, ты у всех спросил, кроме меня!

Кира резко повернулась. Её лицо горело от негодования, глаза гневно сверкали. Микор невольно залюбовался подружкой. Какая краса выросла из долговязой девчонки! От деревенских Киру отличала особая стать: тонкая талия, гибкий, будто у кошки, стан. А кулаки на что сильные! И пусть её грудь не столь пышна, и округлости пока угловаты, сейчас никого, кроме неё, не существовало для Микора. Даром что парни, обсуждая девок, говорили за глаза: «Не родит, уж больно худая. Странная, что с девкой делать, когда она мужские портки предпочитает? Охотится, что добрый мужик, а мне за неё козу доить?» Микор-то знал, злословили те, кто успел получить тумачков на гуляньях. Так обычно и заканчивались все попытки строптивую Кирку потискать.

Мало кто понимал, зачем Защитник Каррон взялся учить девчонку боевому искусству, но он никому не отказывал, хотя рано или поздно парни сами прекращали занятия. Кто-то решал, что с него довольно. Кто-то женился, и не до того становилось. У кого-то дел и по хозяйству хватало. Опять же – жатва, покос, другие заботы, а без повторений тело забывает науку быстро. Вот и вспоминают мужики былую удаль лишь на посиделках. Ни одной же девке, вообще, не приходила такая глупость в голову, но Кира упрямо таскалась на пластанья, которые Защитник Каррон называл умным словом «тренировка». Да не просто подсматривала, как девчонки часто делают, а прилежно повторяла. Это прилежание и ощутили на себе незадачливые женихи, когда Кира достаточно выросла, чтобы на неё стали обращать внимание.

Микор вскочил и схватил Киру за плечи.

– Ну чего ты? Обиделась? Не люб разве?

Он лучезарно улыбнулся, заглядывая ей в глаза. Ни одна другая давно б не устояла под его чарами, это парень знал точно. Взять хотя бы и Глашку – первую красавицу в Золотых Орешках.

Кира пристально вгляделась в знакомое с детства лицо. Узкие скулы, смуглая кожа, жёсткие волосы цвета воронова крыла и темно-карие почти чёрные глаза. Высокий, на целую голову её выше. Жилистый. Злой в драке словно волк. Да по Микору половина девок в деревне сохла, и чего он только в ней нашёл? Себя Кира к красавицам не относила. Живот,

что доска. Волосы чуть ниже лопаток, а ежели косы расплести так и то едва до талии достают. Да и зачем они? Только мешают. Фигурой пышной похвалиться тоже не может. Разве что все достоинство – глаза синие почти как у матери. Даром что её в деревне приёмышем считают.

Охотница мягко высвободилась.

– Микорка, ты бы лучше на Глафире женился. Ей сколько сватов не засылают, она всем от ворот поворот даёт. А девка ладная, и волосы чёрные – тебе под стать, что за детки бы родились! Чудо! Кстати, сестрёнка её малая как-то трепалась, что Глашка ночами слёзы льёт, да шепчет: «Микор-Микор!» Да она бы ради тебя целое поле репой засеяла и всех коров в деревне передоила. И своих, и чужих!

Кира не удержалась от хулиганства. Резко шагнула вперёд, одновременно уводя в сторону руку парня. Друг задумался, потому снова полетел на землю, не ожидая внезапной атаки, но успел схватить её за кисть, увлекая следом. Завязалась борьба. Хотя, скорее, возня, и охотница оказалась на друге верхом.

– Не думаю, что я проиграл, – самодовольно выдал парень и демонстративно оглядел её каким-то особенным цепким взглядом, всё равно что рукой огладил, отчего Кира мгновенно зарделась, ухватив за обе косы, приподнялся и чмокнул в нос.

– Микор, отстань! – Девушка упёрлась руками парню в грудь, не позволяя повторить шалость. – Если Каррон уви-

дит, со стыда сгорю!

– Ну вот! А я-то думал, ты и на тренировки ходишь только ради того, чтобы со мной вот так поваляться, – Микор потянул за косичку.

– Вот дурак! Всё равно что маленький, – охотница высвободила волосы и поднялась на ноги.

Парень не препятствовал. Встал следом:

– Помнишь, как сартоги напали? Мы тогда совсем малые были, а Каррон уже был Защитником в Золотых Орешках.

Кира кивнула. Тот день она вспоминала часто.

Дело шло к вечеру. Незлое солнце мягко согревало кожу, лаская золотыми лучами. В траве стрекотали кузнечики, мерно жужжали оводы, тихо шумела листвой крона раскидистого дуба, время от времени тоненько бляели ягнята, да мекали козлята во главе с двумя козами, отару которых Кира пасла с самого утра. Сама она лежала на пригорке, пожёвывая прутик и наблюдая, как в небе носятся резвые ласточки.

Три лучших ягнёнка в отаре предназначались Каррону Защитнику.

В Золотых Орешках самый лучший Защитник, так говорила мама. Каррона любили и уважали в деревне. Да и ей он казался самым добрым и сильным человеком во всём Княжестве. А то и в мире. И пускай голова его начала седеть, но борода все ещё оставалась темна, а светлые голубые, будто подёрнутые зимней стужей глаза, внимательными и зорки-

ми.

Каррон, несмотря на знатное происхождение, никогда не чурался работы, помогая селянам по собственной воле и в жатву, и в покос. Для каждого находил совет и доброе слово. А уж если лихо какое придёт, так тут и боги велели.

Кира слыхала, что в других деревнях совсем не так. Что Защитнику должно кланяться не только из уважения, но и в обязательном порядке. Хотя она, Кира, и подумать не могла, как это не поклониться, встретив Каррона на улице? Девочка улыбнулась, вспоминая большую мозолистую ладонь, цепляющую волосы, когда Защитник ласково трепал её по голове.

Сколь добр был Каррон, столь же и грозен в ярости. Сила Керуна жила в нём и пробуждалась, когда приходило время.

Деревня Золотые Орешки, затерявшаяся в холмах, поросших березняком и кое-где дубравой, а дальше на севере могучими елями, расположилась прямо у излучины реки Широкой на самой границе Великого Княжества Яррос. За рекой до самого горизонта раскинулись степные просторы, принадлежащие ордам кочевников сартогов, поклоняющихся кровавому богу Хынг-Нурру.

Далеко на севере за лесами, вдоль самой границы Княжества уродливым шрамом протянулась до края земли гниющая рана – Излом. Сейчас он спал. Спали и его порождения. Редкая одинокая тварь, выбиралась на свет под покровом ночи, да и та не проходила дальше заставы. Так что никто,

кроме диких зверей, да глупых кочевников, чьим именем достойно лишь браниться, не отваживался напасть на их деревню. Велика слава Каррона Могучего.

Лишь однажды за свой короткий век всего в десяток зим, Кира видела, как стоял Каррон Защитник на порубежном холме. Глаза его тогда побелели и, казалось, метал молнии. Воздух трещал и искрился вокруг, взмётывая сонмища колючих снежинок посреди лета. Задрожали и отступили враги, когда потянул он из ножен зачарованный меч из голубой стали. Принялся разить проклятых сартогов направо и налево, и покатались их головы...

Как катились головы кочевников, Кира лично не видела, но, слушая рассказы деревенских мужиков, ярко представляла, как это было. Жаль, что мать её тогда на порубежный холм не пустила. Унесла, да упрятала в погреб от греха подальше. Кира тогда в голос ревела, а та успокаивала, говорила, что в погребе не страшно, и что Каррон их защитит. А она, Кира, ревела-то совсем не потому, что испугалась темноты или пауков, а из-за обиды. Обидно было не увидеть, как сражается настоящий Защитник.

Зимой угрожала другая беда – набеги Стаи. Обезумевшие от лютого холода и голода волки из проклятых лесов, что растут в окрестностях Излома, каждую зиму сбивались в огромную стаю. Несметное их количество саранчой проходило по приграничным деревням. Случалось, до единого вырезая всех жителей, если не повезло в недобрый час оказать-

ся без защитника.

В Золотых Орешках такой беды не было. Стоило Каррону Защитнику выйти на холм – во-он тот соседний с этим, где сейчас лежит на мягкой травке она, Кира. Звериный поток замедлял бег, поворачивал мохнатою рекою, по широкой дуге огибая деревню.

Когда Стая пришла в Золотые Орешки впервые, они с Микоркой уже были большие. По восемь зим обоим миновало – поди удержи в тёплой избе. Пробрались тогда в овин, что на выселках, и спрятались, глядя через щель наружу. Ох и отходила за это обоим тётка Олёна, Микоркина мать, когда все раскрылось – неделю сесть не могли. Но Кира знала, она никогда не забудет увиденное.

Каррон стоял, спокойно опустив руки, и смотрел на стремительно приближающуюся Стаю. Спины огромных волков заполнили все пространство у подножья холма и весь берег Широкой, а из леса прибывали все новые и новые. Задние напирали на передних, повизгивая и взвывая от нетерпения. Мелькали клыки размером с добрый нож, мотались красные языки.

Вдруг Защитник Каррон гаркнул. Да так, что Кира с Микоркой вздрогнули от неожиданности, покрылись мурашками, несмотря на тёплые тулупчики из овечьей шкуры. Слово это они не разобрали, но прозвучало оно громче грома. Передние взвизгнули и охолонули, взрывая снег и кашляя красным на белое. Задние топтали их, не успевая остановиться.

Возникла сумятица. Звери глухо рычали, скаля острые клыки, влаивая от нетерпения. Кружили и подскакивали возбуждённые, подзадоривая друг друга, но не смели двинуться дальше.

Внезапно море спин раздалось в стороны. По образовавшемуся коридору не спеша шёл огромный седой волк. Остальные, поджав хвосты, стремились убраться с его пути как можно быстрее.

Вот какой-то бедолага зазевался, и тут же мощные челюсти хватанули за плечо. Жалобно взвизгнув, отброшенный в сторону принялся зализывать свежую рану, огрызаясь на голодных сотоварищей – жестоки порядки в Стае.

По мере приближения возжак текуче выпрямился, поднимаясь на задние лапы. Несмотря на сгорбленную спину и звериное тело, его походка не казалась неуклюжей. Напротив, сквозила грацией и мощью опытного воина. Не останавливаясь, он подошёл к Каррону в упор. Наклонился, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Защитник деревенским казался богатырём. Его плечи были шире, чем у любого мужчины, и не было никого выше ростом, но рядом с возжаком, он смотрелся, как пострел рядом с батькой. Словно Микорка, или она сама, Кира, по сравнению со старшими ребятами.

Каррон не испугался и не отвёл взгляда. В свою очередь, подвинулся ближе к волчьей морде, едва не коснувшись мокрого носа. Ноздрями втянул морозный воздух.

Вожак глухо зарычал.

Защитник приосанился и заговорил. Голос его звучал спокойно и твёрдо, будто деревенским советы давал:

– Уходи, Могута, иначе поляжет твоя Стая от моей руки.

Зверь громко фыркнул, тряхнул седой гривой, показав гигантские клыки.

– Уходи, Могута, иначе я уничтожу тебя и весь твой род до последнего щенка!

Воздух стал, будто гуще, маленькие вихри закрутились по всему холму. Вожак рыкнул и подался вперёд. В его горло тут же упёрлось острое клинка.

– Последний раз говорю, Могута. Уходи сам и уводи Стаю. Обещаю, ни один твой потомок не погибнет безнаказанно на моей земле, пока в силе наш уговор. Иди с богом, вожак, сбереги свою Стаю.

А дальше, может, Кире почудилось, а, может, и нет, да только Микорка этого не слышал, но она-то точно разобрала, как прорычал волк в ответ, напрягая звериную глотку.

– Харrrrrрошооо, Карrrрон. Уговорrrrrrr!

Старый перекидень развернулся и величаво направился обратно. Кира даже не поняла, в какой именно момент он незаметно растворился среди прочих.

Стая ушла.

Не раз потом дети и взрослые спрашивали Защитника, почему он не убил вожака и волков. На что Каррон отвечал:

«Все имеют право на жизнь, зачем сеять смерть? Её и так хватает».

– Сартоги! Сартоги идут! – Крик мальчишек тогда выдернул пастушку–Киру из воспоминаний о Защитнике. Вздрогнув от неожиданности, она села, а потом и вовсе вскочила на ноги. из-за рожи во весь опор к ней бежала троица мальчишек с заводилой Микором во главе.

– Сартоги! Там – у излучины! Переправились и рыщут. Похоже, передовой отряд!

Ягнята встревоженно шарахнулись в стороны, когда парнишка упал на колени подле Киры и закашлялся, выпалив все это на одном дыхании. Остальные поотстали и теперь медленно подходили, морщась и держась за бока.

– Я в деревню! – Кира было сорвалась с места, но Микор ухватил её за руку.

– Нет! Гони отару, мы уж сами, – он махнул рукой, и ребята понадали.

Кира подняла прутик, тревожно взглядываясь в кустарник на противоположном берегу, но никаких кочевников разглядеть не сумела. Ягнята и козлята жалобно заблеяли, не ко времени согнанные с уютного выпаса, но послушно потопали за парочкой жующих жвачку коз.

В деревне царило оживление. Вслед за мальчишками, обогнав маленькую отару, проскакали дозорные на взмыленных лошадях. Эти – от восточной сторожевой заставы, что

располагалась выше по течению. Они также привезли тревожную весть о большом отряде сартогов, замеченном за Широкой. В отличие от мальчишек, дозорные не знали про разведчиков, переправившихся у самой деревни.

Селяне засуетились, готовясь отразить набег. Кадки и бочки, раскиданные повсюду, были всегда наполнены водой на случай пожара. Быки стягивали заградительные возы – их придумал Каррон. Такой воз позволял укрыться лучникам хоть бы и посреди площади, безнаказанно пуская стрелы. Кроме того, каждый накрепко упирался в землю, был достаточно тяжёл и утыкан острыми кольями, чтобы не дать разгуляться вражеской коннице.

В свободное время Защитник учил всех желающих боевому искусству. Так что в Золотых Орешках каждый сизмальства знал, с какой стороны держать меч. Вот и теперь при одном упоминании о сартогах мужики натянули доморощенные доспехи, а кое-кто даже забряцал настоящей кольчугой, привезённой из Птичьего Терема, а то и самого Стольна Града. Селяне храбрились да хорохорились, готовясь дать отпор извечному врагу.

– Чего замерла?! Гони отару на двор! Сама – в погреб! – Соседка тётка Марфа пронеслась мимо с коромыслом, поторопив засмотревшуюся на приготовления девочку.

– Вот что за привычка, с пустыми вёдрами ходить? – Пробормотала ей вслед Кира и, встрепенувшись, взмахнула прутиком.

Животина покорно топала, поглядывая на снующих туда-сюда людей. Кира твёрдо решила: на этот раз никакого погребца. Пойдёт смотреть, как сражается Каррон, вот только Микора сначала найдёт, а то, когда ещё такая возможность выдаться? Рассказы о подвигах могучих Защитников она всегда слушала с жадностью. Но то – рассказы. Совсем другое дело увидеть все своими глазами. Рука непроизвольно потёрла зачесавшийся в предвкушении доброй взбучки зад. Ничего! Не впервой.

Мимо отары с лаем промчалась пара псов. Ягнята, перепугавшись, прыснули в разные стороны.

– Ну же, глупые! – Кира, размахивая прутиком, принялась собирать беглецов. Растеряв друг друга, те трусливо блеяли. Она быстро сбила их в кучу, дружной ватагой направляя в узкий проход загона. По привычке – считала.

Все ребята в Золотых орешках умели считать. Кто был мал – до десяти. Кто постарше – до ста, ну а совсем взрослые – до тысячи. Кира тоже умела считать до тысячи, хоть иногда и путалась. Её научил Каррон, и она считала все подряд: ягнят, шаги от крылечка и до окраины, прутики в плетне, облака.

– Звёздочка! – Кира не обнаружила козлёнка. Самого шустрого – чёрного с белым хвостом. Козочка была как раз из тех, что предназначались Каррону. – Ах, Киалана Заступница! – она всплеснула руками и побежала обратно по дороге. Стукнув себя по лбу, вернулась и как следует запер-

ла калитку загона, прежде чем броситься на поиски.

– Звёздочка, Звёздочка! – Громко звала козлёнка, который обнаружился только в самом конце улицы. И когда только так далеко удрать успела?

Стоило приблизиться, как козочка шустро отбежала на несколько шагов, а потом снова и снова, будто нарочно дразнила. Так, мало-помалу, Кира очутилась в огородах, что у выселок. Она тихо ругалась, и никак не могла догнать шуструю скотинку. Та успевала скрыться за очередным поворотом, мекая и ловко перебирая тоненькими ножками.

Вот впереди снова мелькнул белый хвостик и скрылся в кустарнике, живой изгородью отделявшем поле от дороги. По эту сторону деревни располагались овины и другие общие хозяйственные постройки – места свиданий, сплетен и потайных разговоров.

Микор из-под самой крыши овина наблюдал, как на опушке леса появились три сартогских всадника. Осмотревшись, они осторожно двинулись к выселкам.

– Ишь, гады, чего удумали! Наверное, тайный конец поджечь хотят, чтобы деревенские тушить сбежались, – предположил он, хотя и не придумал, зачем тем это могло понадобиться.

Маленький Федунька, хлопнув носом, затянул:

– Мамка-нака-а-а-а-эет!

– Тише ты! – Микор, больно пихнул его в бок.

Федунька насупился, но нудить перестал.

– Ох и выдерут нас, – философски вздохнул Егорша.

– Подумаешь, выдерут! – Микор презрительно сплюнул, подражая взрослым. Среди друзей он был самым старшим – ему уже исполнилось двенадцать. Егорше на одну зиму меньше, а Федунька видел лишь восемь.

Внезапно сартоги принялись нахлёстывать злых косматых лошадей, стремительно преодолевая открытое пространство, разделяющее опушку леса и деревню.

– Надо бы народ предупредить, – заволновался Егорша.

– Там Кирка! – Вскрикнул Федунька.

Микор и Егорша одновременно посмотрели, куда он указывал.

– Ой-ё-ё-ё! – Всплеснул Егорша руками. – Она же прямо на них сейчас выскочит!

Кира, ни о чём не подозревая, выбралась из кустов и остолбенела. Навстречу на приземистых косматых лошадках неслись всадники. Сартоги! Трое! Завидев её, они радостно заулюлюкали. Козочка от страха рухнула набок, вытянув ножки. Недолго думая, Кира по-волчьи закинула Звёздочку себе на закорки и рванула по дороге в сторону деревни. Козлёнок был тяжёлой ношей для девочки её возраста, но страх придал сил. У Киры и в мыслях не было её бросить.

Похоже, это те самые разведчики, но как они оказались по эту сторону деревни? Глухой топот обмотанных ишкура-

ми копыт раздавался все ближе. Кира бегала лучше сверстников, особенно на короткие расстояния, Микор даже на неё злился, когда оказывался всего лишь вторым, но с козлёнком на шее ей не тягаться против выносливых сартогских лошадей.

Сердце уже колотилось у самого горла, в груди горело, но она, мелькая босыми пятками, продолжала бежать дальше.

– Ты, – Микор повернулся к Егорше, – бери Федуньку и дуйте на площадь. Предупредите наших. – Закусив губу, он крепко сжал в руке самодельный лук.

Ребята беспрекословно послушались. Поторапливаясь и помогая друг другу, спустились и, что есть духу припустили за помощью. Микор повернулся к дороге. Кира неслась, унося на плечах остолбеневшего козлёнка.

– Брось! Брось его, глупая! – От бессилия Микор даже притопнул.

Всадники медленно, но верно достигали свою жертву. Забыв об осторожности и не таясь более, нахлестывали лошадей, с гиканьем преследуя добычу.

Овин, где прятался Микорка, располагался чуть поодаль от дороги. Его детскому почти игрушечному луку отсюда не дотянуться. Подхватив колчан, он ловко спрыгнул вниз. Крадучись, двинулся к дороге.

Когда Микор осторожно выглянул из кустов, преследователи уже достигли Киру. Один из узкоглазых всадни-

ков взмахнул рукой. Оглушительно щёлкнул бич. Кира, споткнувшись, покатила кубарем с пригорка, чуть было не придавив бедную козочку. Перевернувшись на спину, попыталась отползти к обочине, остерегаясь оказаться под конскими копытами.

– Убивать не станут. Кира растёт девка красивая, – повторил Микор слова взрослых. – В полон уведут, как пить дать. Или принесут в жертву.

Пригибаясь, он двинулся вдоль изгороди. Снова раздался щелчок, совсем рядом в воздух взвился фонтанчик пыли. Кира испуганно взвизгнула. Один из всадников спешил и направился к ней ковыляющей походкой привычного более к седлу, чем к твёрдой земле, человека. Он потянул из-за пояса, кривой нож и, гадко ухмыльнувшись, залопотал на гортанном наречии. Кира, смотрела на него, и не могла двинуться с места парализованная страхом.

Сартог было протянул руку, чтобы схватить её, как вдруг ему в грудь ударила стрела, отскочив от клёпаного нагрудника. Забыв о девчонке, кочевник удивлённо поднял голову.

Посреди дороги, шагах в тридцати, стоял худой темно-волосый паренёк с луком в руках. На лице мальчишки читалась отчаянная решимость. Сжав губы, он снова натянул тетиву, и следующая стрела беспомощно отскочила. Бьёт метко, да только с таким оружием разве что на воробьёв да полёвок охотиться? Сартог ощерил в улыбке кривые жёл-

тые зубы.

– Храбрый ребёнок, – пролаял он, жутко коверкая слова, – умрёшь следующим. Добрая дань Хынз-Нурру! – он подал едва заметный знак, и всадники сорвались с места в галоп. Большие мальчишка ему был неинтересен.

Микор упрямо натянул тетиву.

Тетива тренькнула.

Время будто замедлило бег.

Кира увидела, как со свистом разорвав воздух над её головой, в грудь сартога ударила третья стрела. Стальной наконечник с лёгкостью прошёл насквозь и доспехи, и плоть. Кочевник вскинул полный удивления взгляд и завалился навзничь.

Микор обескуражено взглянул на свой лук и зажмурился, ожидая неминуемой смерти. С двух сторон обдало густым запахом лошадиного пота и горячим ветром, взметнувшим короткие вихры, но большие ничего не происходило.

«Жив!»

Микор обернулся.

По дороге навстречу всадникам бежал Каррон Защитник. Мечом он встретил удар кривой сабли. Не останавливаясь, свободной рукой перехватил запястье и дёрнул сартога вниз. Тот, рождённый в седле, крепко сжимал кривыми ногами крутые бока лошади. Сбившись с ритма, животное изменило траекторию и, с протяжным ржанием, врезалось во второго всадника. Микор едва успел моргнуть дважды,

когда все уже закончилось.

Кира поднялась из дорожной пыли, машинально отряхивая долгополую рубашу, и, не отводя взгляда от мёртвого сартога, чуть прихрамывая, побрела в сторону деревни.

– Парень, ты цел? – Подоспевший Защитник быстро осмотрел Микорку. Убедившись, что тот не пострадал, поспешил навстречу девочке.

– Кира, дочка, ты не ранена?

– Нет, Каррон Защитник, я цела. Немного ушиблась, – пролепетала Кира, обомлев от удивления, когда мозолистые руки подхватили её и прижали к груди.

От частотола навстречу бежала Анасташа, исполненная тревоги. Увидев дочь на руках у отца, она не сдержала слёз. Крепко обняла обоих. Кира вдруг увидела, как встретились глаза матери и Защитника. Было в их выражении что-то странное. Необъяснимое.

– Уведи дочь, Анасташа, время не ждёт.

Каррон поставил Киру на землю, и мать тут же схватила её за руку, прижала к подолу, чуть помедлила, провозжая широкую спину тоскливым взглядом – Защитник на ходу раздавал деревенским указания.

Вспомнив былое, Кира и Микор, не сговариваясь, посмотрели на тропу. Парень с тревогой выдал:

– И правда, что-то Защитника Каррона долго нет. Может, случилось чего в деревне?

2.

Кира, стоя на крыльце избы Защитника, постучала в ставню. Никто не отозвался. Обернувшись, она вопросительно взглянула на друга, переминающегося с ноги на ногу. Тот пожал плечами.

– Защитник Каррон?

Никто так и не ответил.

Кира толкнула незапертую дверь. Миновала сени, забытые инструментом и утварью, пахнущие кожей и травами, пучки которых были развешаны под потолком. Для порядка стукнула по косяку, перед тем как войти в горницу – по случаю тёплой погоды дверь и так была отворена. Мало ли? Негоже Защитнику мешать.

– Защитник Каррон, это Кира. Можно?

Ответом была тишина. Решив, что отца нет дома, она уже было хотела уйти, как вдруг обратила внимание, что плотно, занавешивавшее вход от мух и комаров, чуть сбилось, образовалась щель. Кира потянулась, чтобы поправить, когда увидела край постели.

Могучий Защитник лежал без движения. Не было похоже, что он, вообще, сегодня вставал и выходил из избы.

«Неужто ещё спит?» – удивилась Кира.

– Защитник Каррон, вы случаем не занедужили? – Она вошла в горницу.

Отец не пошевелился. Закрытыми остались и его глаза.

– Защитник Каррон? – Охотница подошла ближе и тро-

нула мужчину за руку, та соскользнула с груди и безвольно свесилась.

Кира отшатнулась, зажав себе рот, чтобы не закричать. Снова осторожно приблизилась, не желая верить. В ногах образовалась предательская слабость. Медленно опустившись на колени рядом с постелью, она осторожно трясущимися пальцами взяла мозолистую руку в свою. Приложила к щеке, не ощущая больше привычного родного тепла. Будто что-то, что она всегда незримо чувствовала, теперь попросту исчезло, оставив взамен пустоту. Сердце щемило, оно то принималось трепыхаться раненой птицей у самого горла, то внезапно пропускало удар.

– Отец... отец, – едва слышно шептали губы.

Глаза наполнились слезами. Прделав мокрую дорожку, одна скатилась по щеке и упала на дощатый пол. За ней вторая, третья...

Потребовалось усилие, чтобы взять себя в руки и снова взглянуть на отца. Охотница нежно погладила седой висок, поцеловала в изборождённый морщинами лоб. Едва сдерживая рыдания, осторожно пристроила руку на широкой груди и попятилась. Опротевью выскочив наружу, закричала с крыльца:

– Защитник Каррон умер! – На этом её самообладание закончилось.

Кира сползла вниз по перилам, уселась на ступеньку и разрыдалась. На крик обернулся возившийся в огороде староста

Опорафий. Глубочайшее удивление застыло на его лице:
– К-как умер? Каррон Защитник?! Не может этого быть!

3.

Каррона похоронили спустя три дня. Провожали всем миром.

Хмурые дюжие мужики перед закатом вынесли в лодке обряженное в золотую рубаху тело. Следом шли голосящие на все лады бабы. Процессия медленно двинулась к Керунову холму, что у дубовой рощи, там загодя выложили высокую кряду. По– обычаю тело Защитника следовало сжечь, а пепел развеять над подвластной ему землёй, дабы и далее охранял его дух жителей. Присматривал за ними из чертогов Керуна до тех пор, пока не явится новый Защитник.

Анасташа, вопреки обыкновению, не пролила ни слезинки с тех самых пор, как взяла холодную руку Каррона в свою. Не выпускала ни на миг, пока языки пламени не лизнули и её запястье, оставив навечно красный след. Она молчала и будто не видела никого вокруг, даже когда ревущая в голос дочь утащила её в сторону подальше от погребального костра.

Староста Опорафий отправил в Орден чёрного голубя, приложив к записке с печальной вестью громовик Защитника.

4.

Месяцы после смерти Каррона пролетели незаметно.

Жизнь пошла чередом, и жители Золотых Орешков постепенно перестали задаваться вопросом: как такое случилось? Что послужило причиной смерти Защитника? Тщательно скрываемый недуг? Так, Защитники почти не болеют. Может, проклятье? Но кто бы отважился на такое безумство? Всем известно, боги хранят Защитников пуще прочих. В итоге порешили, что такова воля Керуна, и стали ждать нового Защитника.

Несмотря ни на что, первая зима без Защитника прошла спокойно. Стая вновь обошла деревню стороной. Отгремели весенние ручьи, дороги стали проходимы, и вот прискакал долгожданный гонец с вестью: Светлый Князь Богомил назначил Золотым Орешкам нового Защитника, мол, готовьтесь. Начали судачить, да за весенними заботами стало не до того.

Староста Опорафий заранее позаботился, чтобы избу Защитника приготовили для нового жильца, но перед этим самлично пришёл к Кире и, стоя у калитки, тихо надоумил сходить и взять в память об отце любую вещь. Оказалось, он давно знал, что охотница никакой не приёмыш, а родная дочка Каррона, но из уважения к Защитнику хранил его тайну свято.

Снаружи на цепи мёл хвостом Волчок, радостно поскуливая. Кира подошла и погладила пса по мохнатой голове.

– Что дружище? – Пёс понуро опустил лобастую голову. С тех пор как умер Каррон, Волчок то принимался выть,

то днями лежал, не двигаясь, и никого к себе не подпускал. Извести его деревенские не решались, чтобы не прогневить дух Защитника, но отпускать побаивались – совсем лютый стал. Кормили его Кира и Микор по очереди, да ещё иногда сам староста Опорафий – старика пёс уважал.

У крыльца Кира помедлила, набираясь смелости. Она не заходила внутрь с тех пор, как обнаружила тело отца. Стоя на пороге вспомнила, как впервые, робея, вошла в эту горницу. Ей тогда было восемь. Отец посадил её на колени и рассказал сказку о далёком Стольном Граде, княжеском дворце и Ордене Защитников, где прошло его детство.

Кира прошла дальше. Провела рукой по вощёному столу. Вдохнула грудью насыщенный знакомыми запахами воздух. Села на лавку и разревелась. Но слёзы быстро высохли, как, впрочем, и всегда. Охотница стала осматриваться, размышляя, чтобы взять такое, что особенно дорого сердцу. На глаза попала книга, которую по вечерам читал Каррон. Небольшая, но толстая. В потёртой кожаной обложке, подписанной рунами. Она и теперь стояла на полке, на прежнем месте.

Кира подошла, благоговейно взяла книгу в руки и осторожно, с почтением, положила на стол. Расстегнула застёжки кожаного переплёта и открыла где-то посередине. Пожелтевшие страницы были усеяны ровными строчками. Ни одного знака и ни одной закорючки Кира не могла разобрать. Отец учил её драться, охотиться, выживать в лесу, примечать важное, грамотно таиться, сливаясь с тенями. Учил и азбуке

– у неё дома была целая полка со сказками. Но рассказать про руны, которыми написана эта книга, наотрез отказался.

«Не надобно тебе это знание, – говорил он, – лишь девичий ум смущать».

Охотница закрыла загадочную книгу и, погладив шероховатую обложку, аккуратно поставила обратно. В конце концов, это – книга Защитников. Вдруг неправильно будет забрать её себе? Она обернулась вновь, осматривая горницу.

На стене в ножнах висел охотничий нож. Кира взяла его, подбросила в руке и сделала пару заученных движений. Пожалуй, то что нужно. Резная костяная рукоять, отполированная за годы рукой отца. Добротная сталь. Такого не найти ни у кого в деревне. Нож верой и правдой служил Защитнику, пускай теперь и ей послужит: и как нож, и как добрая память. Она сунула клинок обратно в ножны, приладила к поясу и улыбнулась, представив, как мать в очередной раз закатит глаза, узнав об этой её выходке.

Глава 2

1.

– Еду-у-т! Едут!

Загодя высланных гонцов опередила стайка вездесущих мальчишек. Они бежали по улице, разнося весть.

Деревенские высыпали из изб, собираясь на площади у старого дуба. Все как один надели лучшие одежды из белёного льна. У девушек на шее разноцветьем играли бусы, а вышивка на сарафанах сверкала бисером. Парни похвалялись удачью, балагурили, шутили и заигрывали с девками. Те хихикали, особенно бойкие острили в ответ. Приезд нового Защитника – чем не повод для праздника?

Но радовались далеко не все. Старшее поколение, всматриваясь в околицу, вполголоса делилось тревожными мыслями.

Наконец, у горизонта за клубилась пыль, а, спустя несколько мгновений, показался маленький отряд.

Староста Опорафий махнул рукой, и вперёд вынесли традиционный каравай. Защитник, входя в свои владения, должен был преломить хлеб, что означало доброго гостя в доме, прибывшего с миром. Позже он должен будет принести клятву, обещая верой и правдой защищать вверенную ему землю и людей. По древнему обычаю клятва эта скреплялась кровью избранной невинной девы – Девы-клятвы.

Каравай на белом, расшитом петухами, рушнике держала в руках Апраксия, мать Глафиры. Сама Глафира, белокожая, ладная, с длинной тёмной косищей толщиной в руку – первая красавица в Золотых Орешках, была бледна и, вопреки обыкновению, не шутила вместе со всеми. Приструнив острый язычок, скромно стояла рядом с матерью, потупив взор. И лишь изредка чёрные очи сверкали, когда она украдкой поглядывала на дорогу из-под белой кисеи, прикрывавшей лицо. Глафира накануне шепнула подружкам, что удостоилась великой чести, и теперь те бросали на счастливицу завистливые взгляды, но ей всё равно было до жути страшно. Защитник – это не в ночь Киаланы-заступницы с любимым миловаться. Мать сказывала, если удастся понести сразу, да родить Защитнику сына, она и вся семья не будут горя знать, а сама она Глашка, возможно, даже переедет в столицу. На столицу взглянуть страсть как хотелось, потому Глафира старательно гнала прочь страхи и дурные мысли.

Наконец, трое всадников на статных породистых лошадях въехали в деревню. Не останавливаясь, во весь опор пролетели Большую улицу и осадили лошадей, обдав пылью Апраксию вместе со злосчастливым караваем.

– Ой, не нравится мне это, – прошептала Анасташа, крепче сжав руку Киры. – Не так Каррон в деревню прибыл, совсем не так! Был один. Коня вёл в поводу. Поздоровался с людьми честь по чести, – она покосилась на задрожавшую, как осиновый лист на ветру, Глафиру.

Всадник во главе кавалькады выглядел внушительно, если не сказать больше. Он был наделен той самой мужской красотой, которой отличались Защитники. Высоко поднятая голова, холодный взгляд, в котором безошибочно угадывалась сильная воля и привычка повелевать. Глаза смотрели поверх голов чуть презрительно. Одет был богато. Дорожный кафтан, расшитый бисером и подрубленный собольим мехом, на ногах сапоги тонкой выделки, на поясе – украшенные камнями ножны. К вычурному седлу, под стать дорожной сбруе, был приторочен свёрнутый кольцами кнут, кои часто бывают у знатных сартогов. Да и буланый под ним просто загляденье, ушами прядёт и бьёт копытом, будто и не отмахал стольких вёрст.

Сам статен, широкоплеч, да иных -то Защитников и отродясь не водилось. Ещё никто не встречал косоного или сутулого. На вид – уже не юн, зим эдак тридцать-тридцать пять. Из-под шапки виднелись короткие, светлые как пшеничный колос, волосы. Ни бороды, ни усов он не носил, но щеки и подбородок покрывала короткая щетина.

Пришелец молча окинул народ холодными глазами и, вздохнув, презрительно скривился.

Вперёд шагнул Опорафий и, низко поклонившись, произнёс:

– Приветствуем тебя в Золотых Орешках, Пасита Защитник.

Пришелец брезгливо хмыкнул и заговорил:

– Черви, не знаете, как следует встречать своего господина?

По толпе прокатился гул. Удивлённо вскинув брови, Опографий пожевал губами, обернулся, обвёл потяжелевшим взглядом народ. Затем слегка развёл руками, как бы говоря: «Новая метла по-новому метёт» и, по-стариковски крякнув, тяжело опустился на колени, подавая остальным пример.

Кира заметила, как один из сопровождавших Защитника, сунул другому монету.

Народ зароптал, мужики хмурились и переглядывались. Не привык тутошний люд гнуть спину перед пришлыми.

Пасита испустил тяжёлый демонстративный вздох:

– Вижу, вас многому придётся учить.

Он спрыгнул с коня, бросив поводья одному из слуг, и направился к толпе, оттолкнув в сторону оказавшуюся на пути Апраксию, отчего та едва не уронила каравай. Следом цепными псами верхом двинулись хмурые проводители. По виду – чистые разбойники. Под колючим взглядом нового Защитника жители медленно опускались на колени, пачкая праздничные одежды в пыли. С лиц сбежали улыбки, и на площади воцарилась гробовая тишина.

– Ох, быть беде! – Прошептала Анасташа, усердно потянув Киру вниз.

Охотница, нехотя, поддалась, исподтишка зыркнув на Микора. Упрямец продолжал стоять, гордо вздёрнув подбородок – теперь уже один из всех. Пасита осмотрел склонив-

шую головы толпу. Заметил бунтаря:

– А я смотрю, в деревне и дурачок имеется? – Он тихо засмеялся и обернулся к своей свите, те поддержали его, дружно ослабившись. Посерьёзнев, Защитник спросил: – Парень, ты глухой?

– Я – Микор. С рождения свободный человек и не перед кем шею не гну. Разве что Светлому Князю готов кланяться.

– Значит, всё-таки дурачок, – протянул Пасита, – а какой с убогих спрос? – Он картинно обернулся к прихвостням. – Но вот в чём дело – я в своих владениях дураков не терплю!

Улыбка вмиг сошла с его лица. Без замаха он ударил Микора в челюсть. От неожиданности парень не устоял на ногах и упал, но тут же начал подниматься, вытирая бегущую из рассаженной губы юшку. Чёрные глаза метали молнии.

– Микор, не надо! – Кира схватила друга за штанину, но тот зло стряхнул её руку и встал, глядя прямо в глаза Защитнику.

– Я смотрю, ты, парень, непонятливый? – Голос Защитника звучал по-прежнему тихо и ровно.

Тяжело вздохнув, могучим ударом в подвздошь он разом вышиб из Микора весь дух. Отходя от корчащегося на земле парня, развёл руками.

– Придётся начать первый день правления с порки. И, да. Я жду извинений.

Микор поднял голову. Ноздри раздувались, желваки ходили ходуном. Сжав зубы, он смотрел на мучителя и мол-

чал. Пасита, вернулся к жеребцу и ласково потрепал по шее. Обернувшись через плечо, продолжил:

– Кстати, я разве не сказал? Чтобы наука была крепче, а взаимоотношения честней, у меня есть правило, от которого я редко отступаю: за непокорность расплачивается тот, кто рядом. Тот – кто дорог. Взять девчонку! – Он небрежно махнул рукой в сторону Киры, безошибочно определив, что Микор к ней неровно дышит.

– Да что же это такое делается, люди хорошие?! – прошептала Анасташа.

Бугаи вальяжно спешили и, не торопясь, направились к Кире.

Она же вскочила на ноги, оттесняя мать в сторону.

«Проклятый сарафан!» – Вспомнилось, как ещё утром она радовалась вышитому матерью узору.

Микор, затравленно оглянувшись, прочитал на лице избранницы отчаянную решимость. Кира недобро смотрела исподлобья, готовясь дать отпор. Едва заметно мотнув головой, Микор повернулся к обидчику. Слова не шли, застревая в глотке, и он еле смог выдать:

– Прости меня, Пасита Защитник.

Тот замер и вопросительно приподнял бровь. Микор мешком упал на колени, буравя взглядом землю перед собой. Кажется, было слышно, как скрежещут от злости зубы.

Пасита подошёл и ласково, почти по-отечески положил руку парню на голову. Так постоял некоторое время, в разду-

мьях глядя куда-то вдаль. Сжатые губы слегка шевелились, будто стараясь сдержать улыбку. На миг деревенским даже показалось, что все не так уж плохо.

– Пожалуй, мне придётся сменить гнев на милость. – Защитник сделал жест рукой, отзывая наступающих на пятящуюся охотницу прихвостней. – Ты сам расплатишься за свою дерзость.

Неуловимым движением он опрокинул Микора навзничь. Толпа ахнула. Кира ринулась было к другу, но мать поймала её за подол.

– Куда, глупая?! Хочешь, чтобы ему сильнее досталось?

«Фьють!» – просвистела плеть, в очередной раз опускаясь на окровавленную спину.

Наблюдая за происходящим широко открытыми глазами, Кира не могла поверить, что все на самом деле:

Вот бугаи Паситы приближаются, и Микор вскакивает на ноги. Вот он дерётся, с лёгкостью раскидывая их в стороны – наука Каррона не прошла даром. Свистит длинный кнут и обвивается вокруг шеи. Микор падает, и на него горой наваливаются разозлённые негаданным отпором прихвостни Защитничка.

Мужики было хотели вступить, не выдержав подобного управства, но тут Защитник показал свою мощь. Похолодел воздух, зазвенев морозом. Заставив легко одетых по случаю тёплой весенней погоды сельчан поёжиться. Совсем

побелели холодные глаза, и вдруг с неба упали острые как ножи, осколки льда. Те, кто находился ближе, вскрикнули и отскочили с покрасневшими руками и лицами. Но и на этом не остановился Защитник. Мороз сменился жаром, и на ладонях вспыхнуло пламя. С дрожью Кира проводила взглядом огненный шар, который упал и разлетелся снопом искр почти у самых её ног, опалив подол праздничного сарафана, только накануне вышитого матерью. Жители, как один, рухнули ниц, хором умоляя о пощаде, но под тяжёлым взглядом постепенно смолкли.

В повисшей над площадью тишине взбешённый собачий лай ударил по ушам. Волчок даже не лаял – низко булькал, брызгая слюной. Скалил по-волчьи длинные клыки. Тяжёлая цепь звенела, будка сотрясалась от мощных рывков.

– Усмирите тварь! – Рывкнул Пасита, и один из его прислужников направился к собаке, на ходу вытягивая из ножен широкий палаши.

– Волчок! – Дёрнулась было Кира, но Анасташа стальной хваткой ухватила за запястье.

Пёс замолчал и прыгнул.

Свистнула сталь.

Короткий взвизг, и тяжёлое тело глухо упало на землю. Вокруг медленно расплывалась лужа крови.

Солнце клонилось к горизонту, когда избитого Микора растянули за руки между двух столбов. Их только что вкопали смурные мужики, понукаемые бойцами Паситы тут

же – на площади – прямо перед домом Защитника. Остальным был наказ: оставаться и смотреть.

Кира, глядя на небывалое, рыдала в кулак под свист гуляющей по спине друга плети.

«Фьють!» – последний удар разрезал воздух. Наконец, все закончилось.

Пасита покосился на труп собаки и процедил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Убрать падаль! – Развернувшись, взошёл на крыльцо. Брезгливо окинув взглядом избу, отворил дверь и заглянул внутрь.

Приказ Защитника можно было понимать двояко. И мужики, робея и косясь на разбойничьего вида прислужников, бочком-бочком подобралась к столбам. Осмелев, срезали ремни, удерживающие руки Микора. Парень застонал, когда его уложили лицом вниз на припасённое покрывало. Прикрыв кровящую спину чистой тряпицей, бабка Матрёна, сокрушаясь, засемила рядом. Убедившись, что никто их останавливать не собирается, бедолагу потащили к знахарке в избу.

Кира было направилась следом, но Анасташа снова придержала её за руку, незаметно увлекая в сторонку, так чтобы спины деревенских прикрыли их от масляных взглядов, которые пришлые, покончив с заботами, принялись бросать на местных девок.

– И куда собралась? – Ругалась она вполголоса. – Матрёна

и без тебя сдюжит. Нечего вокруг толчею создавать, мелькать лишний раз! Да идём же, глупая! Видишь, как по сторонам-то зыркают? – Тащила она одуревшею дочь, перед глазами которой снова и снова свистела плеть, затмив в памяти даже взрыв огненного шара. – Идём, встретили уже Защитничка! – Она не сдержалась и сплюнула на землю. – Чует моя душа, это только начало...

Истошный визг раздался, когда Анасташа с Кирой уже сворачивали за угол избы, что на перекрёстке двух улиц. Обернувшись, охотница увидела, как проводители Защитника подхватили под руки яростно сопротивляющуюся Глафиру и, приподняв над землёй, с гогом потащили в избу. Та сучила ногами и пыталась вырваться, но её жалкие попытки вызывали у мучителей только смех. Отец девушки, дядька Прохан, не то обнимал, не то не позволял рыдающей в голос Апраксии броситься следом. Отсюда было видно лишь его напряжённую спину.

Защитник Пасита, расслабленно опершись на перила, наблюдал за происходящим с довольной улыбкой.

«Да как же так можно?!» – возмутилась Кира, внезапно ощутив, как, вытесняя прочие чувства, к горлу подступает гнев.

И тут же, будто что-то почувствовав, Защитник поднял голову. Принялся рыскать по толпе глазами. На мгновение охотнице показалось, что он смотрит прямо в её сторону. К счастью, Паситу отвлек прихвостень. Народ тем време-

нем стал потихоньку разбредаться по домам, и две беглянки, ускорив шаг, больше ничем не отличались от прочих.

Труп Волчка мужики убрали, присыпав кровь свежей землёй. Вскоре только ветер сиротливо трепал края белой, расшитой узорами по краю скатерти на длинном столе, на крытом у дома Защитника. Похоже, праздник закончился тризной.

2.

Пасита тин Хорвейг открыл глаза и сладко потянулся. Но настроение тут же испортилось.

«Золотые орешки...» – захотелось сплунуть.

В эту дыру он загремел по собственной глупости, а теперь вынужден киснуть неизвестно сколько. Вчера с порога пришлось наводить порядки. Хотя он, конечно, знал, что народ на границе своеобразный и к дисциплине не приученный. Чем дальше от столицы, тем больше воли.

«Или своеволия, – Защитник припомнил вчерашнего паренька: – И чего дураку стоило просто сделать, как велят? Хм... Гордость?»

Мордан и Харила накануне поспорили на золотой, удастся ли ему заставить целую деревню преклонить колени. Сам он в успехе не сомневался. Небольшая демонстрация *силы* и готово. Ну а парнишке пришлось всыпать для порядка. Дабы неповадно впредь было. Не ему, ни кому-то другому, не то повадятся гонором щеголять.

«Ничего с ним не случится, в Ордене ещё и не так секут. Отлежится, как новый будет. Может, даже мозгов поприбавится».

Спустив ноги на дощатый пол, Пасита как был нагой последовал к окошку. Снаружи пахло травами и навозом. Светлое небо обещало погожий солнечный денёк. Вдоль дороги, вкоча, бродили во множестве куры, что-то клевали, разгребая лапами землю. Среди них, горделиво задрав гребень, князем выступал зеленохвостый красавец-петух.

Пасита, улыбнувшись, изменившим ход, мыслям хмыкнул: «А ничего тут девки оказались».

Вчера он успел рассмотреть в толпе деревенщин с десятков ладных фигурок, которые не могли скрыть их нелепые одёжки.

Пасита обернулся. Одна из них боязливо таращила на него глаза с постели.

«Дева-клятва, – хмыкнул Защитник. – Как там её зовут? Глафира?»

Девчонка оказалась на редкость бойкой. Поначалу все твердила, дескать, нельзя без клятвы. Дура. Отбивалась, что есть мочи, руками и ногами. Тем интереснее было её сломать. Когда та, перестав кричать и драться, застыла безвольной куклой, глядя в потолок и терпеливо снося ласки, о которых ей никто даже не рассказывал, Пасита едва не испытал разочарование. А ведь так славно все начиналось. Он прямо ощутил себя Защитником древности, когда увидел это чудо

в белом. Надо сказать, это раззадорило. Да и девчонка была хороша. Зачем отказываться, когда предлагают? Но вдруг она неожиданно достигла вершины. Его весьма позабавило искреннее удивление, отразившееся в странных чёрных глазах. Вернуло осмысленность взору. Позже, дёргаясь в такт жёстким ударам, глупая, не понимала, что творится с её телом.

Тин Хорвейг невольно улыбнулся. Девка зарделась и сильнее натянула одеяло на нос. Он медленно приблизился, чувствуя, как восстаёт плоть. Вырвал из рук и бросил на пол мнимую преграду. Оставляя синяки на белых икрах, деловито за ноги подтащил к себе, разворачивая задом. На миг залюбовался открывшейся картиной. Намотав на кулак растрёпанные волосы, что попались в руку, потянул, заставив девчонку с тихим всхлипом прогнуться.

Через четверть часа, натянув штаны и рубаху, отворил дверь в сени.

– Дуй отсюда! – Девчонка затряслась всем телом, захлопала носом, глотая слёзы. Заозиралась в поисках одежды. – Живее! – Рывкнул он, и та как ужаленная, сорвалась и выскочила наружу. Как была – нагишом. Защитник, не спеша, направился следом. Отчего-то не хотелось, чтобы по пути её прижали тин Шнобберы.

Во дворе, притулив голову промеж обглоданных костей и чарок с недопитой медовухой, громко храпел Харила. Следом обнаружился и Мордан. Он вышел из нужника, завязы-

вая тесёмки на штанах, и лёгким кивком поздоровался.

– Уроды, – едва слышно прошипел Пасита сквозь зубы.

Эх, если бы у него был выбор. Двоюродные братья тин Шнобберы единственные, кто согласился отправиться с ним в эту ссылку. Остальные дружки, охочие до золота, да выпивки за чужой счёт, отказались от сомнительной чести. Предпочли разгульную жизнь в столице, а не последовали за опальным Защитником в дыру на край света. Их нельзя было в этом винить. Он и сам поступил бы так же.

«А у этих, просто не достало мозгов сообразить, что они направляются не на очередную увеселительную прогулку».

Тин Хорвейг подошёл к накрытому столу.

«Надо срочно обзавестись прислугой», – подумал он, недовольно морщась.

Сграбастав с дальнего края более-менее прилично выглядящее блюдо с пирогами, до которого не смог дотянуться своими грязными ручищами Харила, и, верно чудом, не успели разорить птицы и кошки, вернулся в избу. Опустив блюдо на стол, взял один пирог, повертел в руках, принялся. Пахло вкусно, и желудок тут же отозвался голодным спазмом. Откусив сразу половину, принялся неспешно жевать.

Когда дядя Затолан отправлял его сюда, то обещал, что это ненадолго. Со стороны Ордена небывалая роскошь послать представителя рода тин Хорвейг в такое захолустье. Это только тин Даррены шлют своих налево и направо.

«Книга. Где-то здесь должна быть та самая книга Излома,

которую так жаждет заполучить дядя. Надеюсь, этому идиоту Каррону не достало ума спрятать её вне избы?»

Пасита осмотрелся. На полке у окна рядом с резной статуэткой Керуна-воина стоял один-единственный пухлый том в потрепанном кожаном переплёте с застёжкой.

– Сартог меня дери! Не может быть! – Воскликнул радостно Защитник и закашлялся поперхнувшись.

Пару раз стукнул себя кулаком в грудь, пытаясь пропихнуть кусок дальше. Если он не ошибся. Если только недолгие поиски увенчались успехом, ему не придётся киснуть в этой дыре вечность.

Поддавшись глупому суевию, вчера Пасита даже в шутку не стал произносить слова древней клятвы. Он точно не собирался оставаться в Золотых Орешках. Не мечтал служить верой и правдой толпе лапотников, защищая от надуманных невзгод. Для этого существуют безродные Защитники.

«Или тин Даррены».

Усмехнувшись, тин Хорвейг вытер руки о занавеску – какие уж тут могут быть хорошие манеры? Схватив с полки книгу, вернулся к столу. Положил, с каким-то внутренним трепетом глядя на легенду. Осмотрел простой кожаный переплёт – никакого золочёного или украшенного драгоценностями оклада, кроме стёршегося тиснения, изображающего переплетённые руны богов: Керун и Киалана.

«Книга Излома. А с виду и не скажешь».

Глава 3

1.

– Адепт Нааррон, Адепт Нааррон! – В келью без стука во-
рвался запыхавшийся служка.

Совсем юный – на вид не больше тринадцати зим – долго-
вязый, нескладный. Ученическая хламида на нём болталась
и явно была велика, будто с чужого плеча. Он остановился и
шмыгнул густо усеянным веснушками носом, слегка оробев
под строгим взглядом.

– Ну? – Адепт скопировал суровый взгляд Агилона, пы-
таясь всем видом показать, что недоволен.

«Разве можно отрывать помощника Настоятеля Южной
башни от важных дел?» – возмутился мысленно.

Правда, в силу собственной молодости, а также из-за стё-
кол окуляров, которые использовал при чтении, на деле вы-
глядел Нааррон не настолько сурово и чинно, как ему бы то-
го хотелось.

– Вас, это... Настоятель Агилон зовёт. Говорит, срочно
явиться.

Нааррон заполошно подскочил с грубой деревянной ска-
мьи, запутавшись в собственной хламиде, чуть не упал,
смахнув со стола рукописи и опрокинув чернильницу. На-
стоятель назначил встречу для беседы по его научной рабо-
те, а он и запамятовал, погрузившись в изучение материала!

Адепт бросился к окну.

Часы на Центральной башне Ордена Защитников показывали четыре пополудни.

– Опоздал! – Он было кинулся поднимать рукописи с пола, но, махнув рукой, привычным движением поправил стекла на носу и вихрем вылетел наружу, едва не сбив с ног незадачливого паренька. Впрочем, тот уже осмелел, и, с трудом сдержав смешок, крикнул вслед:

– Адепт Нааррон! – Звонкий, ещё не начавший ломаться голос настиг, когда адепт почти завернул за угол.

– Чего ещё?! – Раздражённо рявкнул он, негодуя из-за задержки.

– Адепт Нааррон, Настоятель Агилон учит нас смирению и терпению, ибо без этих двух добродетелей...

– Уши оторву!

– Я хотел сказать, что Настоятель ждёт во внутреннем дворе у входа в башню дуболомов, – заметив сошедшиеся к переносице брови помощник Настоятеля, мальчишка тут же исправился: – У входа в башню Защитников.

– Северную башню? – Удивлённо переспросил Нааррон, силясь припомнить, было ли ему наказано явиться именно туда.

Адепт мог поклясться, что ничего подобного не слышал. Чего грешить? Порой он с головой погружался в науку, не помня о времени, но никогда не забывал ничего действительно важного. Потому-то он и стал лучшим учеником на курсе,

а ныне и личным помощником Агилона.

– Настоятель Агилон сказал, чтобы вы не медлили, – ещё раз повторил служба и поклонился.

– Ну смотри, если ты надо мной подшутил!..

– Нет, что вы! Я только передал приказ Настоятеля. – Парнишка отвесил новый поклон.

Нааррон поспешил к выходу из жилых келий. Стремительно преодолев крутую винтовую лестницу, пронёсся по коридору обгоняя идущих с занятий адептов, его чёрная хламида развевалась, подобно крыльям ворона. В фойе кивнул на ходу, здороваясь со знакомцами, и, стуча башмаками по каменному полу, выскочил на улицу.

Северная башня, или «башня дуболомов», как называли её адепты – будущие Хранители знаний, находилась в противоположном конце обширных владений Ордена и являлась резиденцией Защитников. Последняя часть пути пролегла мимо тренировочных полей и площадок. Сейчас как раз было время уроков, и курсанты занимались на свежем воздухе.

Нааррон с лёгкой завистью покосился на совсем юных ребят, которые изучали основы единоборств, повторяя за своим наставником движения и приёмы.

Адепт давно смирился со своей участью. Что поделать? Недостаточно быть сыном Защитника, чтобы получить дар *силы*. Но и дар мудрости не менее ценен. А порой и более – история знает немало тому примеров.

Нааррон отогнал от себя сиюминутную хандру, вспомнив

о своей нелюбви к физическим упражнениям.

На последней по счету площадке для спаррингов, защищённой куполом и располагавшейся в отдалении от остальных, сошлись в схватке выпускники. Воздух внутри гудел от напряжения, то взрываясь пламенем, то остывая в одно мгновение. Адепт закатил глаза и сдёрнул с носа сначала запотевшие, а затем покрывшиеся изморозью окуляры, спрятав их в один из многочисленных внутренних карманов форменной чёрной хламиды. Купол не позволял навредить окружающим снаружи, но от остаточных проявлений старые артефакты не защищали. В Южной башне Хранители Знаний усердно работали над новыми технологиями, даже наметился прорыв.

Через пару минут Нааррон низко поклонился, представ пред очи сразу двух глав Ордена.

– Помощник, – Агилон тепло улыбнулся в седую бороду, – ты вовремя.

Махаррон с достоинством кивнул, отвечая на приветствие внука. Настоятель Северной башни и глава Ордена Защитников по обычаю ничем не выдал родство. Адепт давно привык к такому порядку и не расстраивался, ведь раз в месяц он ужинал с дедом, сидя в его личных покоях у камина и подолгу болтая за чашкой ароматного травяного отвара.

В такие моменты они разговаривали о чём угодно, и эти беседы были всегда исполнены теплоты, мудрости и смысла. Черты сурового Махаррона смягчались: на его жизнен-

ном счету имелся не только великолепный Защитник, но и рос весьма перспективный Хранитель Знаний, вполне способный занять высокий пост Настоятеля Южной башни.

Высокий желчный Махаррон тин Даррен широкими шагами направился к воротам. Рядом засеменял сухонький миниатюрный Агилон в бессменной белоснежной хламиде с золотым кантом. Нааррон поспешил следом, радуясь, что в многочисленных карманах имеется и дорожная чернильница-непроливайка, и пенал с остро заточенными перьями, и печать с оттиском Ордена – громовиком, и запас листов чистой бумаги, аккуратно свёрнутых в рулончик и спрятанных в посеребренный тубус. Словом, все необходимое, чтобы должным образом исполнять обязанности помощника.

Не взял он только кинжал.

В отличие от курсантов, которым дозволялось использовать любое оружие, при условии, что оно изготовлено самостоятельно, мудрецы – как курсанты звали адептов – поголовно носили одинаковые выданные Орденом кинжалы. Адепты, посвятив себя науке, попросту игнорировали другую сторону обучения, злостно пропуская занятия по физической подготовке и рукопашному бою, справедливо полагая, что им всё равно не тягаться Защитниками.

– Учитель, прошу прощения, – обратился Нааррон к Настоятелю Агилону, когда они достигли ворот, – я запомнил, что вы перенесли нашу научную беседу и едва не опоздал.

– Тебе не за что извиняться. Тем более, что я и не говорил об этом. У меня для тебя поручение. Забирайся в седло, я по пути все объясню.

У ворот переминались с ноги на ногу осёдланные лошади. Нааррон едва заметно сглотнул. Ему предназначалась мыша-сто-серая кобылка с длинной чёлкой. Похоже, со всей конюшни постарались выбрать самую смирную. Нааррон, наверное, был бы благодарен, если б так не боялся.

Кобылка фыркнула и качнула головой, будто насмехаясь.

– Может... Может, я пойду пешком? Вы же знаете, я неплохо бегаю... – не постеснялся слукавить Нааррон.

– Ну же, смелее! – Не выдержал глава Северной башни. – У нас мало времени.

Нааррон сглотнул, подошёл ближе и схватился за лук. Лошадка тихо заржала и топнула ногой.

– Хорошая, хорошая, – пробормотал адепт, неуклюже взбираясь в седло.

В какой-то момент на его лице отразилась паника. Махаррон демонстративно смотрел в другую сторону, а Агилон, наоборот, сочувствуя, с затаённой улыбкой в уголках глаз.

– Я готов, – буркнул Нааррон выпрямляясь, впереди ожидало нелёгкое испытание.

Маленький отряд выехал за ворота и направился по горной тропе на север – туда, где ничего не было, кроме девственного леса, да дороги к перевалу.

Первым скакал Настоятель Махаррон, несмотря на воз-

раст, отличающийся от остальных спутников грациозной посадкой. Казалось, он сливался со своим караковым в единое целое. Довольно уверенно чувствовал себя в седле и седовласый Агилон. Адепт же болтался в седле, время от времени хватаясь за луку, когда тропа делала особенно крутой изгиб вверх или вниз. Он даже немного завидовал Настоятелям: «Не гляди, что старички, а меня-то за пояс заткнули...»

Настоятель натянул поводья и подождал, пока помощник поравняется.

– Нааррон, не будем терять времени, я на ходу расскажу суть задания.

– Слушаю внимательно, учитель.

– Это не просто очередная научная работа. Это – дело, от успеха которого зависит дальнейшая судьба Ордена. – Нааррон, внимая, вперился в глаза Настоятеля, покрасневшие от многих часов, проведённых за чтением. – К сожалению, даже в стенах альма-матер мы не защищены от недобрых ушей. Подковёрная борьба не затихает. Никто не должен знать, куда ты отправишься и какова конечная цель путешествия. Для вящей безопасности в Ордене будут знать, что я отправил тебя к моим дальним родственникам на Северные перевалы, якобы лично передать послание с инструкциями по поводу давнего спора о наследстве. Мой род весьма состоятельный. – Агилон странно хихикнул, будто стесняясь сего факта.

2.

Нааррон хмуро смотрел в спину деду, с головой погружившись в размышления. Он пытался осознать все то, что ему поведал учитель. За этим занятием сам не почувствовал, как его посадка приобрела естественность, адепт даже забыл придерживать за лук. Маленькая лошадка шла иноходью, да и дорога стала не в пример ровнее.

Пока вопросов было больше, чем ответов. Махаррон не верил в естественную кончину сына, но туманно намекнул, что многие знания несут многие печали. Нааррон понял, ответы он добудет самостоятельно, когда достигнет цели путешествия.

Год назад Нааррон тин Даррен был ошарашен вестью о внезапной гибели отца не меньше прочих и согласился с дедом, что все это весьма подозрительно. Сам он нечасто виделся с Защитником Карроном. Только, когда тот изредка приезжал в Орден. Адепт планировал навестить его и свою мать, как только закончит обучение и получит ранг Хранителя Знаний. Но судьба распорядилась иначе.

Теперь же Нааррон решил воспользоваться выдавшейся возможностью и непременно посетить родную деревню, как только с заданием будет покончено. Да и теплилась надежда, что на месте получится узнать больше.

– Настоятель Махаррон, я могу спросить?

– Спрашивай, – отозвался тот, придерживая лошадь.

– Но как я найду это место? Я ведь никогда не выбирался

дальше столицы, а вы мне даже карту не дали, – о том, что путешествие в одиночку, может быть весьма опасным, он даже не подумал.

– У тебя будет провожатый, один из Защитников.

Нааррон заёрзал в седле, чувствуя, как груз непосильной ответственности ложится на его чуть сутулые от сидения за книгами плечи.

– И кто же он?

– Скоро увидишь, – Агилон усмехнулся в седые усы.

3.

– Я никуда не поеду с этим! С этим!.. – Заорал Нааррон, неуклюже спрыгнув с кобылки, и решительно направился по тропе обратно.

На бревне у развилки сидел молодой курсант, ещё не получивший ранга Защитника. Он криво улыбался, снисходительно наблюдая за истерикой адепта.

Агилон и Махаррон переглянулись. В глазах Настоятеля Северной башни мелькнула улыбка. Впрочем, он её тут же спрятал.

– Нааррон тин Даррен! – прогремел строгий окрик.

Адепт остановился, заливаясь краской. Круто развернувшись, исподлобья с протестом зыркнул на деда, но через мгновение, понуриив голову, молча поплёлся назад.

Вскоре Настоятель Агилон давал ученикам последние наставления:

– В седельных сумках минимум необходимых в дороге вещей и запас провизии. Совсем немного – собирали на одного, чтобы не возникло подозрений. Но на день-два должно хватить. Вот возьми, – он передал Нааррону небольшой кожаный кошель. – Здесь деньги на дорогу. Только серебро и медь. Для всех – вы обычные путники.

– Это-то как раз несложно, – горько усмехнулся адепт, демонстративно глянув на попутчика.

Тот многообещающе оскалился в ответ и показал внушительный кулак.

– Нааррон, Крэг! Сколько можно? Закончили ребячиться! – Рывкнул Настоятель Махаррон, которого утомила их неприкрытая вражда. – В детали вы посвящены, должны понимать всю ответственность. Не место и не время для личных разногласий! Я оказал вам высочайшее доверие. Сделайте так, чтобы я об этом не пожалел!

Парни присмирели:

– Простите, Настоятель! – Пробормотали хором, проявив редкое единодушие, и тут же зло покосились друг на друга.

– Отправляйтесь немедленно. Промедление чревато. В Орден не возвращайтесь. В столицу и Великоград тоже ни ногой. Это понятно?

Оба кивнули.

– Крэг, по возможности придерживайся основного плана. Действуй по ситуации. Нааррон, ты можешь полностью положиться на курсанта Крэга. Он головой отвечает за твою

безопасность. Какими бы нелепыми тебе ни казались его решения, помни – он знает, что делает и действует в соответствии с моими инструкциями. Ещё раз напоминаю, будьте осторожны. Не называйте настоящих имён. Нааррон, тебя это особенно касается.

– Но и не стоит излишне фантазировать, чтобы случайно не оговориться, – вклинился в разговор Настоятель Агилон. – К примеру, помощник, представляйся всем – Нарн.

Нааррон скорчил разочарованную гримасу – «нари» покакиански значило «мышонок». Крэг прыснул в кулак. Агилон продолжил, неодобрительно нахмурив кустистые брови:

– Ты, Крэг, зовись Рэном.

Крэг пожал плечами, всем видом показывая, что ему всё равно, как его будут называть.

Лоб Агилона разгладился. Он с грустью, по-отечески посмотрел на обоих и добавил:

– Будьте осторожны.

Нааррон с трудом вскарабкался в седло. Крэг одним движением взлетел на крупного, но не блистающего статью мерина. Жестом показал адепту ехать за ним и пустился трусцой.

Следовало вернуться до ближайшей развилки, чтобы потом повернуть на север и пройти по дороге, ведущей к мосту через ущелье.

Настоятели некоторое время наблюдали за удаляющимися учениками. Наконец, Агилон нарушил молчание:

– Как думаешь, у них получится?

– Не сомневаюсь, мой друг. Ни капли не сомневаюсь, –

Махаррон тихо засмеялся.

Глава 4

1.

Нааррон молча трусил вслед за Крэгом. Его сутулая фигура внешне выражала покорность, но в душе кипела буря.

Какое разочарование! Лишь на секундочку стоило представить, что вот он – тот самый миг, когда в повседневной рутине, наконец, появилось место приключениям, как тут же судьба опустила с небес на землю. Пожалуй, это превращается в неприятную традицию. Да. Важное поручение определённо льстило, говорило о степени доверия к его мудрости и знаниям, но при этом ему в помощники определили того, кого он ненавидел, сколько себя помнил. Это ли не насмешка судьбы?

– Я, великий Защитник Нааррон! Ты будешь повержен!

– Как бы не так! Я – великий Защитник Крэг, и это ты будешь повержен, слизняк!

Детская игра внезапно переросла в нешуточную потасовку. Итог – закономерный: оба наказаны.

Вместо отдыха перед Церемонией Определения, незадачливые вояки вынужденно драили котлы на кухне до самого позднего вечера, недовольно сопя и косясь друг на друга, под окрики толстой краснорожей поварихи Марты.

На следующий день состоялась Церемония Определения.

Сияя: один – подбитым глазом, а второй – знатной шиши-

кой на лбу, Крэг и Нааррон стояли среди прочих сверстников, выросших также при Ордене. Здесь хватало отпрысков знатных родов. Точнее, их было абсолютное большинство, но попадались и парни из простых, неимеющие приставки рода к имени. Такие как Крэг.

Затаив дыхание будущие курсанты и адепты ожидали, когда двери Большого зала испытаний распахнутся, и войдут Настоятели, одетые по такому случаю в традиционные торжественные мантии: белоснежные у Хранителей Знаний и золотые у Защитников.

Наконец, ожидание закончилось.

Настоятели Махаррон и Агилон по традиции вошли первыми. Следом потянулась разномастная свита, состоящая из совсем юных служек, курсантов и адептов, а также некоторого количества Хранителей Знаний и даже Защитников. Этим было меньше, так как имеющие ранг нечасто пребывать в альма-матер.

Главы Северной и Южной башен заняли почётные места на возвышении, в противоположном от дверей конце зала сразу за контуром Круга Определения – старинного артефакта, который помогал определить наличие и направленность силы.

Нааррон сильно волновался, а потому слова деда пролетали мимо его сознания не задерживаясь. Торжественные речи от волнения казались журчанием воды. Настоятели просто поздравили присутствующих с ключевым в жизни

каждого отпрыска Защитников событием и дали традиционные напутствия, как следует себя вести во время церемонии. Это он и так помнил назубок. Да и было бы что запоминать? Назвали имя – идёшь в круг. Ждёшь. Круг показывает наличие и уровень силы, после чего идёшь к наставнику. Все просто на первый взгляд, если бы не это волнение, от которого ладошки стали потными, а воздуха не хватало, несмотря на то, что в зале было довольно прохладно.

Церемония Определения началась.

Одно за другим называли имена. Пятнадцатилетние мальчишки, выходили вперёд и вступали в Круг Определения. Если контур круга вспыхивал красным или белым пламенем, то кандидата препровождали на сторону будущих Защитников, где их ошалевших и растерянных встречали и подбадривали традиционным бокалом молодого вина наставники и курсанты Северной башни. Если же круг ровно светился тёплым жёлтым светом, будущий Хранитель знаний направлялся в стан мудрецов, который станет его домом на ближайшие годы.

Но всё чаще случалось, что круг оставался безмолвным. Тогда кандидату полагалось выслушать короткую сочувственную речь, смысл которой сводился к одному: «Не судьба». После чего бедолагу выпроваживали за дверь. Отныне его судьба более не была связана с Орденом. Каждый неудачник, был волен сразу покинуть стены Ордена или же остаться, но только в статусе прислуги. Таких находилось

немного, учитывая, что большинство кандидатов принадлежали к знатным родам.

Наконец, пришла очередь Нааррона. Робея, он прошёл в центр круга и остановился. Несколько мгновений ничего не происходило, и его едва не захлестнула паника, как вдруг по коже разлилось успокаивающее ласковое тепло. Шею и затылок нежно закололи тысячи иголок, отдаваясь лёгкой щекоткой в кончиках пальцев. Ощущение было настолько приятным, что он не выдержал и широко улыбнулся, вызвав блаженным выражением своего лица понимающие смехи у наставников. Но улыбка вмиг слетела с губ, когда Нааррон тин Даррен осознал, что Круг Определения горит ровным жёлтым светом, который образовал стену выше его роста. Одобрительный кивок Агилона вернул на землю и напомнил, что пора освободить место для следующего кандидата.

– О, нет! – Обречённо прошептал новоиспечённый адепт, понимая, что Защитником ему уже не стать. – Нет!

Опустошённый, он, едва волоча ноги, направился к «мудрецам», боясь поднять глаза на деда. Опасаясь, что такого разочарования Махаррон ему не простит. Вяло поприветствовав будущих сокурсников, не замечая одобрительного хлопка по плечу от наставника, он едва сдержался, чтобы позорно не разреветься, оплакивая свою несбывшуюся мечту.

Когда очередь дошла до Крэга, Нааррон, наконец, смог собраться. Стиснув зубы, новоиспечённый адепт смотрел те-

перь уже на врага. Тот, сжав кулаки, храбро вошёл в Круг Определения. Светло-карие глаза смотрели прямо на бывшего друга, а на губах играла кривоватая усмешка. Но шли мгновения, а ничего не происходило – Круг оставался безмолвным. Улыбка бывшего друга постепенно угасла, а сам он заметно побледнел. Нааррон даже слегка обрадовался в тот момент, но тут же испугался недостойных мыслей.

Прошла целая минута, когда контур Круга все же слегка полыхнул красным и погас. Крэг выдохнул с облегчением и снова засверкал ровными зубами, хотя улыбка его была растерянной. Будто пытаясь взять реванш за пережитые неприятные мгновения, он повернулся к Нааррону и одними губами шепнул: «Я – Защитник».

Адепт встрепнулся, скидывая с себя липкую сеть тягостных воспоминаний. На самом деле он давно ни о чём не жалел. Спустя годы обучения пришло чёткое понимание, судьба учёного мужа ему подходит как нельзя более. Для этого он обладает всеми необходимыми качествами.

«А как бы я смог стать Защитником, если до дрожи боюсь змей и пауков? Да и драться, и ездить верхом совершенно не люблю и не умею?»

Как и многие адепты-старшекурсники, Нааррон пренебрегал всеми занятиями по физической подготовке, считая их пустой тратой времени и ограничиваясь утренней разминкой.

«Лучше за это время проштудировать лишний научный

труд. Мне отлично даются научные изыскания. Я читаю и говорю на семи современных наречиях и знаю три древних языка на уровне, достаточном, чтобы разбирать старинные рукописи. Я способен быстро усваивать новое и рад трудиться на благо науки, коей в Ордене, к счастью, уделяется немалое внимание. Я готов посвятить жизнь открытиям. Так что, не кривя душой, могу сказать, что нахожусь на своём месте и посвящаю жизнь достойному делу», – на этой мысли к Наррону вернулось былое присутствие духа.

Впрочем, ненадолго.

Крэг внезапно развернул коня и приблизился.

– А теперь послушай меня, заучка. Неважно, что там тебе наговорили Настоятели, но имей ввиду: главный здесь – я. И если я приказываю упасть в грязь, то ты падаешь, не тратя времени на вопросы и сомнения. Или даже на то, чтобы снять свои окуляры, – он легонько щелкнул по гнущему переносью, отчего пресловутое приспособление перекошилось. – Ты меня понял?

Адепт обиженно засопел:

– Я ношу окуляры, только когда чита... – Рука Защитника грубо сцапала за грудки и приподняла над седлом.

– Я ещё не закончил. Мне поручено привезти тебя к цели живым и невредимым. Первое – я пообещал, а по поводу второго – скрестил за спиной пальцы, так что, если не хочешь провести всю дорогу связанным и с кляпом во рту, советую прислушаться к моим словам.

Крэг выпустил Нааррона и погнал коня вперёд по тропе. Плюхнувшись обратно в седло, Нааррон встряхнулся, одернув хламиду, и зло скрипнул зубами. Помолчал некоторое время, решаясь, но все же отважился:

– Я, смотрю, ты подзабыл, для чего нужны Защитники? Ах да, это и немудрено...

Это был тонкий и выверенный удар. Потенциал Крэга была настолько мал, а *сила* нестабильна, что тот вынужден был на каждый круг обучения тратить в два раза больше времени, чем прочие курсанты. По этой же причине он до сих пор не смог получить ранг Защитника, называясь сейчас так лишь формально.

Курсант резко натянул поводья, заставив мерина тоненько обиженно заржать.

– Ещё раз, ты, келейная крыса, вякнешь что-либо подобное, и я изобью тебя до беспамятства!

– Смотри, не перестарайся! – Не мог уже остановиться адепт. – Моя память должна быть в полном порядке, когда прибудем на место. Иначе ты провалишь задание за нас обоих.

Защитник вскинулся было, но осадил себя, зло дал шенкелей мерину и галопом направился по дороге, заставив Нааррона переживать не лучшие моменты. Душа адепта едва не распрощалась с телом, несмотря на всю иноходь кобылки, когда он пытался нагнать попутчика.

Наконец, Крэг снова натянул поводья, и Нааррон, с об-

легчением, последовал его примеру. Провожатый обернулся и махнул рукой, подзывая его ближе. Как бы адепт ни противился, он понимал, что придётся бок о бок провести ни один день, а значит необходимо налаживать мосты. В конце концов, если хорошо подумать, то вся их многолетняя вражда – не более чем детские обиды, переросшие во взаимную неприязнь.

– Тс-с-с, – курсант прижал палец к губам, когда Нааррон приблизился, – слышишь?

– Ничего я, – начал было адепт, но увидев грозное выражение лица, продолжил шёпотом, – не слышу.

– Кто-то поднимается по тропе. Там, – будущий Защитник указал наверх, где параллельно дороге, по которой сейчас топали их лошади, пробежала широкая каменистая тропа, которую они недавно покинули, свернув на развилке в сторону тракта.

Дорогу и тропу разделяла широкая полоса густого кустарника и искусственно посаженных деревьев – пешему не составило бы труда пройти напрямик, сильно сократив путь, но лошадям здесь было не пробраться.

– Давай за мной.

Крэг спешился и потянул было мерина с дороги, затем обернулся и схватил кобылку мешкающего Нааррона за повод. Они углубились в посадку, и остановились, обогнув заросли колючего кустарника.

– Слезай. – Шепнул курсант и закатил глаза, наблюдая,

как Нааррон неловко сползает с лошади. – Держи. – Он сунул ему поводья своего мерина. – Жди меня тут.

Таясь за кустами, он бесшумно двинулся вверх по склону в сторону тропы.

– Он ещё и мнительный. Никого там нет, – развёл руками адепт, обращаясь к кобылке и мерину, но тут и сам услышал размеренный цокот копыт – ехали шагом.

Сначала Нааррон решил не ввязываться, но вскоре любопытство взяло верх. Он намотал оба повода на толстую ветку и двинулся вслед за провожатым, инстинктивно стараясь не шуметь.

Крэг обнаружился в десятке шагов впереди. Пригнувшись, он осторожно выглядывал из-за ствола дерева. Услышав шаги, Защитник обернулся и зашипел:

– Я тебе что сказал? Ломишься, как стадо коров! – сграбастал попутчика за рукав и грубо дёрнул, вынуждая пригнуться.

– Поосторожней!

– Т-с-с!

Требование подкрепилось лёгким подзатыльником, и Нааррон замолчал, не столько выполняя приказ, сколько от возмущения. В этот миг на из-за поворота показались всадники. Двое. С виду ничем не примечательные путники, коих во множестве можно встретить на просторах Великого Княжества. И все же, их что-то неуловимо отличало от прочих. что-то, что заставило Крэга насторожиться и привести в го-

товность все боевые рефлексy. Нааррон кожей почувствовал исходящую от него энергию.

Внезапно с противоположной стороны тоже послышалось цоканье подков – кто-то ехал этим двоим навстречу.

Всадники насторожились и переглянулись. Один тут же сдвинулся к самой обочине, а второй прижался ближе к отвесному на этом участке склону, будто они занимали позиции.

– Там же... – начал было адепт, но будущий Защитник положил руку ему на плечо и крепко сжал, призывая к тишине.

Подозрительные путники замедлили шаг, но продолжили ехать, как ни в чём не бывало, а адепт вдруг понял, что не так. Невзрачная одежда на поверку оказалась накинутой сверху дерюгой и плохо сочеталась со статью лошадей, да и посадка с головой выдавала умелых наездников. Вся маскировка была настолько поверхностной, что обманула бы разве деревенскую старуху.

В этот миг на тропе показались Настоятели. Похоже, всё это время они оставались на том самом месте, где их ждал Крэг в самом начале, и только теперь решили вернуться в Орден. Их шли бок о бок, а Махаррон и Агилон мирно беседовали вполголоса, чуть наклонившись друг к другу. Адепт было пошевелился, но рука бывшего друга крепче сжала плечо, удерживая на месте.

Путники поравнялись с Настоятелями.

Проехали мимо.

Нааррон расслабился. Крэг, напротив, выпустив его плечо, схватился за меч. Вдруг тот всадник, который ехал ближе к склону, резко развернулся и выбросил вперёд обе руки. Стальные ножи разлетелись веером, с тихим свистом разрезая воздух. Адепт вскочил, но его тут же дёрнули обратно с такой силой, что он с размаха уселся на пятую точку.

Настоятель Махаррон, успел. Обернувшись, он вскинул руку на мгновение раньше ассасина, и между ними и нападавшими выросла огненная стена. Другой рукой он одновременно пригнул голову Агилона к холке лошади. Ствол дерева на обочине позади них ошетинился дюжиной метательных ножей – к счастью, ни один не достиг цели.

– Скорее! Надо им помочь! – Нааррон предпринял новую попытку вскочить.

– Ты, что ли, поможешь? – Будущий Защитник внезапно расслабился, и не думая бросаться на выручку.

Адепт, сверкая глазами от негодования, уставился на него. Тем временем бой продолжался. Агилон спешил и принял боевую стойку, держа наперевес посох, с которым почти не расставался. Сквозь огненную стену пролетели две лошади. Увернувшись от ледяных залпов Махаррона, их всадники тотчас кубарем скатились на землю. В полном молчании они обрушились на Настоятелей. Затаив дыхание Нааррон наблюдал, как седобородый Агилон, ловко парируя концами посоха удары кривых клинков. Он едва ли уступал в скорости бойцу зим на девяносто моложе.

– Смотри и учись, – усмехнулся Крэг, заметив отвисшую челюсть адепта.

В это время Настоятель Защитников, глаза которого пылали белым огнём, уже расправился со своим противником, засыпав все вокруг льдом и снегом, и пришёл на помощь начавшему уставать другу. После бой не продлился и трех вдохов. Повергнув второго противника, Настоятели встали спиной к спине, напряжённо всматриваясь в окрестности. Внезапно глаза Махаррона обратились туда, где прятались Нааррон и Крэг, одобрительная усмешка искривила губы старика.

– Можешь расслабиться, мой друг. Здесь больше никого нет, – Нааррону показалось, что голос деда прозвучал нарочито громко, ведь Агилон стоял совсем близко.

Настоятель Хранителей вдруг весь как-то обмяк, ссутулившись. Тяжело оперся на посох, превратившийся из грозного оружия в средство поддержки.

– Стар я уже для таких развлечений, – он виновато улыбнулся.

– Ничего-ничего! Не прибедряйся. – Ободрил друга Махаррон. – Выстоять в одиночку против сагалийского ассасина в твои-то годы! Неплохо, для мудреца-заучки, а? – Он пихнул друга в бок так, что тот едва не упал, на миг потеряв равновесие.

Оба рассмеялись, опустившись на большой камень у обочины.

– Эх. Это всего лишь ассасины начального круга – асс-

хэпт. Тебе не кажется, что это глупо?

Глава Северной башни кивнул.

– Пора возвращаться в Орден, пока его не оставили без Настоятелей.

Он поднялся и свистом подозвал лошадей. Те, прекрасно вышколенные, тут же вернулись к своим хозяевам. Махаррон пошёл и осмотрел тела. Сначала аккуратно тронул каждое носком тяжёлого ботинка. Наклонился. Его глаза снова вспыхнули белым пламенем, которое постепенно сменилось красным. Осторожно, кончиком кинжала он убрал с лиц мертвецов повязки, обнаружив что один из наёмных убийц юная и весьма привлекательная девушка. Старик нахмурился и неодобрительно покачал головой. Затем выпрямился и резким скупым движением, будто ловил муху, вскинул, согнутые в локтях руки ладонями вверх. В них ровным светом заплескалось рыжее пламя.

Непроизвольно вздохнул Крэг, и этот вздох был исполнен вселенской тоски. Нааррон украдкой взглянул на бывшего друга. Жидкий огонь – приём высшего круга, о таком «недозащитнику» разве что только мечтать.

Две огненные капли скатились на трупы поверженных противников, те тут же занялись, как сухой хворост. Жидкое пламя пожирало тела абсолютно беззвучно и с такой скоростью, на которую не был способен обычный огонь. Через несколько минут от мертвецов не осталось ничего, кроме кучки белого пепла. Сгорела даже амуниция, включая но-

жи, мечи и кинжалы. Настоятель Защитников, дождавшийся этого момента ногой раскидал пепел по тропе и пожал плечами, как бы говоря: «А что ещё остаётся делать?»

Настоятели забрались в седла и рысью направились в сторону Ордена. Выждав ещё некоторое время, Крэг поднялся.
– Идём.

Адепт, спотыкаясь, молча двинулся следом. Его знобило, хламида цеплялась за кусты и мешала передвигаться. Курсант отвязал лошадей и повёл обоих в поводу. Они двигались вдоль кромки леса. Через некоторое время будущий Защитник остановился, осмотрелся, затем развернулся, пересёк дорогу и пошёл обратно по другой стороне. Нааррон удивился, но от вопросов воздержался.

Впереди показалась развилка и Крэг снова застыл. Он долго прислушивался и внимательно всматривался в крутой поворот тропы, которая в этом месте поднималась гораздо выше и была хорошо видна из-за деревьев. Удовлетворившись увиденным, он вывел лошадей на дорогу.

Дальше поехали верхом. Снова вернувшись на тропу, миновали место расправы. Здесь придержали коней и как следует всё рассмотрели. Удивительно, но никаких следов почти не осталось. Дальше поехали кружным путём. Тропа, виляя, сначала спустилась, затем снова взобралась наверх и, наконец, вывела к старому деревянному мосту через провал. Спешно преодолев препятствие, они снова сошли с дороги на обочину.

– И к чему все это? – Не выдержал Нааррон спустя полтора часа пешей прогулки.

– За нами могли наблюдать, – буркнул провожатый, заставив адепта непроизвольно обернуться:

– Они? – адепт махнул головой назад, имея в виду давешних противников.

Курсант кивнул.

– Настоятель Махаррон дал знак, чтобы я следовал второму варианту маршрута. Плохо. Слишком рано.

Нааррон старался не отставать, только сейчас в полной мере ощутив всю сложность и опасность обрушившегося на них задания.

2.

Лошадка мерно перебирала ногами, Нааррон размышлял вслух:

– «Асс-хэпт» – сила. – Крэг заинтересованно покосился. – Имеется в виду, именно физическая сила. Мастера духовной силы зовутся «асс-хо-хэпт». Они одинаково владеют как боевыми искусствами, так и особыми умениями. Есть ещё «асс-пта» – это так называемые узкие специалисты, виртуозно владеющие какой-либо техникой: отравители, мастера одного удара и им подобные умельцы. На вершине иерархии сагалийских ассасинов стоят «хэпт-таны» – главы кланов. Эти великолепные бойцы и мастера силы духовной. Читал, у них есть подобие ваших приёмов. Всего кланов пятна-

дцать. Но пятнадцатый появился относительно недавно. Каких-то зим шесть назад или около того. Да и информация не проверенная, сдаётся мне большая часть того, что мне удалось узнать, небылицы.

Бывший друг слушал его и, в кои-то веки, не перебивал. Дождавшись паузы, он задал вопрос:

– А ты откуда все это знаешь?

– Искал информацию для Настоятелей. Так вот чего я никак не могу понять: почему они послали против Настоятелей Ордена всего лишь двух ассасинов в ранге асс-хэпт? Это же попросту нелогично! Получается, они изначально были обречены.

– Все здесь проще, чем палка, – лениво, потянувшись, отозвался Крэг.

Нааррон с удивлением на него посмотрел.

– Может, разъяснишь, раз ты такой умный?

– Хорошо. А к каким же выводам ты пришёл, теоретик?

– Не надо ёрничать! – Обиделся адепт, но любопытство взяло своё. – Ну и?

– Уверен, это была проверка.

– Проверка? Ради проверки, они пожертвовали учениками?!

– Они надеялись, выйти на исполнителей поручения. Это важнее.

– На нас?

Крэг кивнул.

– А зачем им мы?

– Поймать и пытаться, чтобы вызнать подробности о нашем задании.

– Поймать и пытаться? – Изумлённо прошептал Нааррон, дрожащими руками вынимая окуляры из внутреннего кармана хламиды. Затем, пришёл в себя, недоуменно уставившись на них, и сунул обратно.

– К слову сказать, у них почти получилось, – поддел Крэг, припоминая настойчивое рвение адепта помочь Настоятелям.

Тот испуганно заозирался по сторонам. Вечерний тракт, во время размеренной и неторопливой езды начал казаться уютным и спокойным, как будто разом пропитался враждебностью.

– Не суетись, – поморщился Защитник.

– Вдруг нас кто-нибудь увидит?

– А кто знает, что мы – это мы? Особенно если поменьше болтать? Теперь мы просто путники – Нар и Рэн. Я уволился из городской стражи в столице и возвращаюсь в родные места в поисках работы поспокойнее. Не моё это – улицы охранять. Я мечтаю сеять рожь и жениться, – Крэг ослабил-ся. – За небольшую плату я согласился сопроводить тебя в Верхние Поля, тем более что нам по пути.

Нааррон скорчил гримасу: «Да неужели?»

Некоторое время они ехали молча. Затем адепт снова не выдержал:

– Но, тогда мне всё равно непонятно, что это было за представление?

– Так и быть, посвящу тебя в детали. Ночью в Северной башне перехватили шпиона, от которого удалось узнать, что на посланцев готовится нападение. Махаррон переиграл план и вместо настоящих Хранителя знаний и Защитника в ранге, отправил нас с тобой.

– Шпион в Ордене?! Но это же невозможно!

– Ему кто-то помог изнутри. Этот кто-то вполне мог разведать и о планах Махаррона. Настоятель, ни в чём более не уверенный, постарался опередить врагов на шаг, отправив нас в другую сторону. Верные люди тем временем распускают слухи, правдоподобно объясняющие наше отсутствие. Кроме нас, с мелкими поручениями уже отправили, и, думаю, ещё отправят, и других курсантов и адептов, чтобы ещё больше запутать возможных преследователей. Для тебя Агилон сочинил легенду, а я, вообще, уже неделю как нахожусь вне стен Ордена. Так что формально мы даже не вместе.

– Хорошо. Звучит убедительно. Но я так и не понял, – тихо повторил Нааррон, – кто же наши враги?

– Акианский союз. Может, и кто-то еще... К сожалению, пока доподлинно неизвестно, кто из наших играет на их стороне. Но этот кто-то наделен достаточной властью и богатством, чтобы послать на верную смерть двух сагалийских ассасинов и внедрить шпиона в самое сердце Ордена.

– Скоро стемнеет, – адепт подслеповато взгляделся в неза-

метно подкравшиися сумерки, что затаились между стволов вековых деревьев, растущих вдоль дороги.

– Ну и что?

– Думаю, пора устроиться на ночлег, пока ещё хоть что-то видно. Сам знаешь, как здесь темнеет.

– Может, ты ещё и поужинать желаешь? – съязвил Крэг, но потянул повод, заставляя мерина свернуть с дороги.

– Давненько я не ночевал на свежем воздухе, – пробормотал себе под нос Нааррон без особой радости и поёжился.

Глава 5

1.

Солнце клонилось к горизонту, но до заката ещё было долго – хватит времени почистить и выгулять Полночь. Кира остановилась и взглянула на небо. После обильных дождей, пришедшихся на свежие посевы, стояла приятная прохлада. Березняки щедро украсились весёлыми шляпками подберёзовиков, от них не отставали и подосиновики, а в дубовых рощах не редкость в это время были и крепенькие белые – собирай не хочу! Плечи оттянул тяжёлый, полный грибами доверху короб. На поясе болталась пара куропаток и увязка целебных трав, завёрнутых в тряпицу. Их надо бы по пути занести знахарке Матрёне – обещалась, да в придачу грибов отсыпать. Самой-то знахарке недосуг по лесу шататься, особенно сейчас.

Охотница днями пропадала в лесу, возвращаясь лишь под вечер. Славно подогнанная по фигуре мужская одежда, кою она носила почти постоянно запылилась и требовала чистки. Носила Кира ещё привезённую отцом куртку и штаны, почти не снимая с тех самых пор, как в деревне объявился новый Защитник. Отчасти потому что каждый миг ожидала – придётся защищаться. Уж больно засели в памяти, надвигающиеся на неё бугаи. Мать же, вопреки обыкновению, не ворчала и не обижалась, что с любовью расшитые сарафаны

пылятся без дела, а дочь так никто и не сосватал. Наоборот, одобрительно кивала, провожая её взглядом до самых овинов, где тропка сворачивала в лес.

Русые волосы, ещё влажные, двумя тугими косами привычно ложились на, к счастью, не слишком пышную грудь – перед тем как идти домой Кира предпочитала освежиться в купальнях. Это были чисто женское место. Скала, выходящая из холма наружу и две каменные чаши, величиной с небольшие озерца. На дне большей бил холодный родник, оттого вода тут даже в жару была на глубине прохладной. Обычно там бабы плескались без опаски, но в этом году все могло измениться. Хотя, было похоже, что прихвостни Защитника пока о том не проведали. Да и холодно ещё, никто туда не ходит. Это только ей все нипочём.

Рядом, не отставая и не обгоняя, бежал Туман – верный заступник от всякого зверья. Розовый язык мотался из стороны в сторону, а умные карие глаза то и дело поглядывали на хозяйку. Его ещё щенком-несмышлёнышем подарил ей Каррон и с тех пор они почти не расставались.

Кира, погрузившись в размышления, внезапно осознала, что идёт напрямиком к площади, как делала сотни раз раньше. Избушка Матрёны расположилась на противоположной стороне деревни в тупичке, окружённом огородами, и самый короткий путь туда пролегал как раз через площадь, где высился дом Защитника. Раньше деревенские, не задумываясь, ходили мимо, но теперь все изменилось. Никому не хотелось

лишний раз попасть под горячую руку. Казалось, даже старый дедушка-дуб – молчаливый свидетель творившихся бесчинств, сиротливо понурил ветви, неспособный уйти. Стоило пойти в обход, сделав крюк.

Женский вопль раздался в тот момент, когда охотница, развернувшись, направилась обратно, поправляя лямки короба. Горько вздохнув она остановилась.

«Пасита тин Хорвейг! Когда же уймётся, гад, наконец? Что ни день, то девку мучат, то парня секут ни за что, ни про что. Как будто другого дела нет!»

Предчувствие говорило, этой ночью у них с Микором будет работа.

Сам Защитник довольствовался Глафирой, но его приспешники хватали всех, кого ни попадя, хорошо хоть по избам не ходили. Находчивые не стали ждать, сразу отправили дочерей к родне по соседним деревням. Других даже замуж выдали, не дожидаясь осени, да потихому. Беременные, да старухи на их счастье, для тин Шнобберов интереса не представляли. Анасташа Киру тоже отослать пыталась к тётке в Вороньи Гнёзда. Там хоть Защитник и вредный, зато уже старый. Давно девками не интересуется. У него другая игра – приладился парней муштровать навроде княжеской дружины. А то что дел невпроворот, ему не указ.

Ни уговоры, ни угрозы матери на Киру не подействовали. Охотница наотрез отказалась уезжать, не желая оставлять Анасташу одну.

Кира вздохнула и остановилась, стянув с плеч лямки ко-роба. Опустила его на землю подле изгороди. Туман насто-роженно приняхался, заглядывая хозяйке в лицо.

– Стереги. Тебе там всё равно делать нечего, – наказала охотница, и пёс тихо заскулил, наклонил набок голову. – Не спорь! – погрозила Кира пальцем, памятуя незавидную судь-бу Волчка, и с тяжким сердцем зашагала обратно.

Крики на площади сменились протяжным плачем. Собра-лась немногочисленная толпа хмурых мужиков и несколько перепуганных женщин. У крыльца стоял Защитник Пасита в одной рубаше, несмотря на прохладу. Рядом в руках у одного из прихвостней заливалась слезами красавица Ламита.

От греха Кира не стала подходить слишком близко. На-роду там собралось немного, потому не стоило привлекать к себе внимание – она одна из всех девок в портах ходит. Остановившись у палисадника, почти незаметная в тени раз-весистой яблони, принялась наблюдать.

– Пасита, отпустил бы девку. Негоже Защитнику насиль-ничать! – Робко увещевал староста Опорафий.

– Я – Пасита Защитник! Когда же вы, черви, научитесь обращаться ко мне, как подобает? – Он горделиво вздёрнул голову, обжигая народ презрительным взглядом.

Мордан в это время грубо дёрнул Ламиту, заставляя упасть на колени. От Киры не укрылось, как походя он её облапал. На искажённом от страха и покрасневшем от слёз лице застыла молчаливая мольба о пощаде.

– Так вот и вспомни, что ты Защитник, а не лиходей! – Гневно выпалил Лютобор, жених Ламиты.

Статный белокурый молодец, которого сейчас едва удерживали несколько деревенских. Первый парень на деревне Лютобор всем был хорошо. И в работе мастак, и побалагурить не прочь. Да и в драке разве что уступал Микору.

– На кого тьявкаешь, щенок?! – Прошипел Защитник, озверев от такой наглости.

– А я посмотрю, ты только со щенками да бабами – воин! – Подался вперёд Лютобор, и мужики повисли у него на плечах.

В глазах тин Хорвейга блеснуло пламя, это Кира заметила даже из своего укрытия, мгновенно похолодев. Увидели и остальные. Протяжно завывла от ужаса Ламита – поняла девушка, что не избежать им с Лютой расплаты. Брезгливо взглянув, Мордан за косу вздёрнул её с колен и отшвырнул в сторону. Та неловко упала, налетев на поленницу у стены. Кира охнула и закрыла рот рукой. Опорафий по перед всех бросился к ногам Паситы, умоляюще протягивая руки.

– Прости парня, господин Защитник, – примирительно начал он. – Юн ещё. Глуп. Кровь играет. Не ведает, что творит.

Подбежала к дочери тётка Парасья. Спешно подняла Ламиту с земли. На ходу отряхая сарафан, тихонько повела в сторону.

Хмурые мужики, играя желваками, медленно опускались

на колени, потянув за собой Лютобора. Тот глядел зверем, но последовал их примеру. Помнил парень науку Микора.

«Не был бы Пасита Защитником, несдобровать бы ему», – подумала Кира.

В Золотых Орешках отродясь слабаков не водилось. За дубравой бы и прикопали, даром, что знатный. Тут и Излом недалече – ежели чего: уехал посмотреть, да не вернулся. Приграничье.

Тем временем было похоже, что Защитник сменил гнев на милость и унял огонь в глазах.

– Дурака на столбы! Девку – в избу!

Прихвостни направились к дрожащей, как осиновый лист, Ламите. Оттолкнули в сторону Парасью, и та, не удержавшись на ногах, так и села с размаху на землю.

Пасита взошёл на крыльцо, скрылся в сенях и вышел, держа свернутый кольцами кнут. Ламита плакала, но держалась гордо и прямо. Ни на кого не смотрела. Защитник же, верно что-то надумав, сам спустился к ней. Повинуясь одному его взгляду, Мордан и Харила отпустили девку. Тин Хорвейг некоторое время пристально её разглядывал, а затем приподнял лицо за подбородок. На высоком белом лбу кровоточила ссадина.

– Пусть идёт, – скомандовал он.

Ламита, не веря своему счастью, бросилась к матери. Помогла той подняться и уткнулась в плечо, залившись горячими слезами. Пасита повернулся к Лютобору:

– Червь, повинись. Тогда я твою девку, может, и оставлю в покое... – Он словно не договорил, и лишь зло многообещающе ухмыльнулся.

Лютобор, не ответил, но на щеках заиграли желваки.

– Избавляться надо от этого змея!

Кира подпрыгнула от злого шёпота над ухом.

– Микор! – Прошипела она, чувствуя, как колотится от испуга сердце.

Друг был одет в охотничью куртку, крепкие штаны, высокие мягкие сапоги. В ножнах на поясе охотничий нож с широким лезвием, за спиной – короткий лук и колчан со стрелами. На лице вечно безбородого друга отросла непривычная щетина, сделав его облик жёстче и суровей. Уже не деревенский мальчишка – приятель по проказам. Мужчина.

В деревне Микор не появлялся уже, почитай, полторы седмицы. Как оклемался после порки, так и ушёл на охотничью заимку. Обитал там, то ли скрывшись подальше от лихих глаз, то ли стеснялся произошедшего. Лишь иногда навещал Киру, да являлся на помощь, когда каким-то чудом узнавал о новых происшестввиях. Например, как сейчас.

– Житья нет с таким Защитником, – друг презрительно сплюнул наземь. – Никаких сартогов не надо – всех изживёт. Впору всей деревней в лес перебираться.

На мгновение охотница представила, как все жители Золотых Орешков – и стар и млад, шикая друг на друга и стараясь не шуметь, на цыпочках ночью уходят из деревни, унося

на себе скарб и уводя скотину. Скотина в её фантазии, также всю старалась не шуметь. Вот бы Пасита удивился, никого не обнаружив. Наверное, своих прихвостней со злобы бы пришиб. Она горько улыбнулась.

Мимо прошла Ламита. Торопясь домой, мать тянула её за руку. Девушку крупно бил озноб, невидящие широко распахнутые глаза были полны слёз, а к ссадине на лбу прижата тряпица. Киру и Микора они даже не заметили.

На площади Харила и Мордан уже растягивали Лютобора промеж двух столбов. Вскоре в руках Защитника снова засвистела плеть. Кира вздрогнула, вспомнив, как на месте Люты побывал и Микор, да и несколько других ребят. Трудно и непривычно было молодёжи гнуть шею, да сдерживать острые языки. На тин Хорвейга, конечно, без дела не задирались, но вот оборонить девку от Мордана и Харилы – святое дело, вот те и повадились сами народ сечь, то ли с попустительства, то ли с прямого дозволения Защитника.

Лютобор некоторое время терпел молча, не проронив ни звука. Похоже Защитника это разозлило, и очередной удар вырвал стон. Не выдержав, Кира отвернулась, пытаясь удержать подступившие к горлу слёзы. На плечо легла рука и сжала до боли.

– Уходи. Не надо смотреть. Всё равно сейчас не поможем.

Кивнув, Кира повела плечом, стряхивая руку, и быстро зашагала прочь. Когда она, наконец, обернулась, позади уже никого не было. Микор словно растворился.

Туман ждал хозяйку возле короба. Завидев, рванул вперёд и, опершись мощными лапами на протянутые навстречу руки, принялся вылизывать солёное от слёз лицо.

Отмахнувшись от слюнявого языка, Кира брезгливо вытерлась рукавом и потрепала пса по лохматой холке.

– Эх, Туман. Злые времена настали. Как же теперь нам жить дальше?

2.

Далеко за полночь Кира, зятая в облегающий «потайной наряд», притаилась на краю площади. Тёмная холстина полностью закрывала лицо, оставляя только прорезь для глаз. Такие наряды их научил мастерить Каррон. Они тогда ещё удивлялись – зачем им такая странная наука. Они что, тати, чтобы от людей прятаться? А Каррон только посмеивался, говорил: «Хотели учиться у Защитника? Учитесь».

Места, где кожа оставалась открытой, Кира как следует вымазала сажей. Теперь если закрыть глаза, то хоть посреди дороги валяйся – в сумерках, а тем паче в темноте, простому глазу и не видно.

Ставни в доме Защитника были открыты, и ветер легонько играл с вышитыми Анасташей занавесками. Огонёк внутри давно погас. Небо весьма кстати затянули облака, обещая к утру пролиться дождиком.

«Темень была кромешная, самое время,» – подумала Кира, маясь в ожидании друга.

Микор пока так и не появился, но охотница не сомневалась, что он уже где-то рядом. Может даже с той стороны площади всматривается в темень, пытаюсь разглядеть её саму. Когда-то это тоже была своего рода игра или тренировка, но Микор всегда умел прятаться лучше.

Внезапно скрипнула дверь, на крыльцо вывалилась Глашка, прикрываясь изорванной одеждой. То и дело оглядываясь по сторонам, она неверной походкой поспешила прочь.

– Глафира, похоже, снова кого-то спасла, уняв пыл Защитника?

– Микор! – Едва слышно прошептала, во второй уже раз за сегодня вздрогнув, Кира.

– Вроде все тихо. Снимаем? – Спросил друг у охотницы.

– Волокуша?

– Приготовил.

Торопиться друзья не стали, выждали ещё немного времени – тут спешка и навредить может. Неизвестно, чем все обернётся, если Защитник про их работу узнает. Решившись, двумя теньями скользнули к столбам. Лютобор болтался на ремнях – ноги его не держали. Похоже сознание покинуло парня, или же он просто уснул, как бывает с измученными болью. Пасита с некоторых пор запретил забирать провинившихся сразу. Сказал: «Для пущей науки», а жители поперёк пойти боялись. Хотя и роптали, да у всех семьи. Только Микор сам по себе. А Кира не могла по-другому. Да и кто на неё бы подумал, на девку?

Неожиданно из-за опустевшей собачьей конуры поднялась тёмная фигура. Мгновенно распластавшись на земле, охотница по силуэту признала Харилу – здоровенный, тупой и злой детина. Из всех этот был самым противным. Перепивший хмельного мёда бугай, шатаясь, подошёл к болтающемуся между столбов Лютобору. Невнятно выругался, сражаясь с завязками на штанах. Наконец совладал и начал молиться прямо на парня, не замечая две серые кучи, которых тут раньше точно не было.

Вонючие брызги то и дело попадали на одежду, но Кира не шевелилась. Она даже перестала дышать, пытаясь слиться с землёй, как учил Каррон. Сжимая в руке отцовский нож, успокаивала себя мыслью, что могла бы легко одним движением перерезать ублюдку глотку, но тогда никому в деревне не дадут спуску.

«Ничего, даст Керун, мы встретимся как-нибудь на лесной тропинке». – предалась она грозным мыслям заранее готовясь отнять жизнь не сейчас, так потом.

На деле убивать людей Кире не приходилось, но отчего-то зрела уверенность – в этом случае рука не дрогнет.

Закончив свои дела, Харила довольно крикнул. Натянул штаны и потащился в сени, топая коваными сапожищами. Когда за ним затворилась деревянная дверь, друзья выждали ещё несколько минут. Убедившись, что все тихо, начали действовать. Микор аккуратно приподнял обмякшее тело Лютобора, а Кира ловко перерезала кожаные ремни на запя-

стях. Спина парня напоминала перепаханное поле – не было живого места. Похоже, в этот раз Защитник перестарался.

Микор взвалил его на плечи и, пригибаясь понёс к волокушам. Лютобор тихо застонал в беспамятстве. И Кира тут же вынула из потайного кармана пузырёк с настоем, который дала им Матрёна. Она ловко влила содержимое в рот парню. Настой белладонны со зверобоем и ещё какой-то хитрой травкой мгновенно унимал боль и позволял уснуть без сновидений. Это сильно облегчало их работу. Если спасаемый выдаст их невольным вскриком, то ведь недолго оказаться на его месте. О том, что могло ждать её, Кира, вообще, старалась не думать.

Микор присев от натуги держал обмякшее тело – здоров же парень. Тяжеленный! Выждав чуток, чтобы зелье подействовало, Кира прислушалась. Дыхание Лютобора выровнялось, теперь он точно погрузился в глубокий сон. Охотница кивнула подельнику. Без опаски они вдвоём под руки подняли увесистое тело. Уложив на волокуши, подняли, чтобы не шуметь и как могли быстро, покинули площадь, направляясь к бабке Матрёне.

«Эх, и прибавилось же у знахарки работы!» – подумала Кира.

Ни Кира ни Микор не заметили, как дрогнула в окне дома Защитника занавеска, и это был не ветер...

Охотницу разбудил тихий стук в ставню. Ещё толком не проснувшись, она села на постели. Сердце забухало в груди тяжёлым молотом, перехватывая дыхание то ли от недосыпа, то ли от дурного предчувствия.

Стук повторился, став настойчивее.

Накинув шаль, Кира выглянула наружу. На дворе едва брезжил рассвет, окрасив небо на востоке розовым всполохом. Под окном никого не было видно. Кира высунулась сильнее и тихо позвала:

– Микор?

От угла отделилась тёмная фигура. Друг так и не снял «потайной наряд», только башлык и повязка, скрывающая лицо, были стянуты, открывая хищные черты лица. Сажу он уже стёр, но не тщательно, отчего лицо приобрело землистый оттенок.

– Микор, ты что здесь делаешь? Неумытый какой! Ну вылитый мертвяк из сказок!

Тот не ответил. Ловко, одним текучим движением, словно на мгновение застыв в верхней точке, запрыгнул в окно, Кира едва успела посторониться. Но друг шагнул вслед за ней и остановился вплотную, обдав запахом леса, дорожной пыли и своим собственным. У Киры закружилась голова, в ногах образовалась слабость. Через тонкую ткань ночной рубахи она ощутила тепло его тела, осознав, что как-то это все нехорошо.

«Кажется, совсем мало поспала. Туго соображаю».

Охотница подняла голову, собираясь спросить, чего это он удумал? Но, наткнувшись на непроницаемый взгляд тёмных глаз, осеклась. не к месту подумалось, в который уже раз:

«Не иначе у Микора в предках были сартогские колдуны – шаманы».

Вдруг Микор сгрёб её в охапку, стыдно прижал к себе. Не спрашиваясь, крепко, почти до боли, впился в губы поцелуем. Кира попыталась его оттолкнуть, так он будто бы и не заметил вовсе. Голова же кружилась все сильнее, и в какой-то момент стало трудно дышать. Внезапно охотница решила, что умирает и тихо пискнула от испуга. Микор ослабил хватку, но и этого оказалось достаточно, чтобы наваждение спало. Кира тут же отстранилась от него, часто дыша. Лицо пылало.

– Ты чего это творишь?! – Ругалась она не то за поцелуй, не то за то, что он едва её не задавил. – Вот я тебе! – Она как-то совсем по-девичьи замахнулась, чувствуя, как к глазам без повода подступили слёзы.

– Ухожу я, Кира. В столицу пойду.

Не исполнив угрозы, Кира с размаху так и села на лавку. Оторопела подняла глаза:

– Ты это чего удумал?!

– Меня староста Опорафий послал с прошением к Великому Князю, чтобы назначил Золотым Орешкам другого Защитника.

– Да небывалое же дело!

– Идём вместе, а? – Микор шагнул к ней и порывисто схватил за плечи, заглядывая в глаза.

Кира инстинктивно отпрянула, под впечатлением от поцелуя. Обхватила себя руками, вяло подумав, что стоило бы что-то накинуть.

– А как же я оставлю мать? Кто останется присматривать за деревенскими? – она обошла парня и выглянула в окно, где заметно посветлело.

– Боюсь я, Кира, что и до тебя змей доберётся рано или поздно! Надо уходить отсюда.

– Уж я-то сумею за себя постоять! – Не очень уверенно ответила Кира.

Микор только усмехнулся, но насмешка не сорвалась с его языка. Он явно заставил себя говорить серьёзно:

– Положим, сумеешь одолеть Мордана и Харилу. К примеру, в лесу по одному. Ну, а дальше-то что? С Защитником тебе всё одно не совладать. Спалит и весь разговор! Да перед тем ещё и...

– Брось, Микор! Я почитай, что парень. Другой раз и не отличить вовсе. Особенно, как косы под шапку уберу.

– Да лето же на дворе. Скоро станет совсем жарко. И как ты будешь по улице ходить в шапке-то? Если что, парни платков не носят, – не удержался-таки от подколки друг, сверкнув ровными зубами.

– Ну так и обрежу вовсе! – Стояла на своём Кира. – Без

кос я и в сарафане не нужна. Да и тот уже забыла, с какой стороны надевать! – она отвернулась и добавила тише: – Да и не красавица я, вовсе, как Ламита, или там Прасковья. Или Глашка...

– Это ты-то не красавица?! – Возмутился Микор, затевав многожды говоренный разговор, и снова шагнул ближе, ухватил за руку: – Ох, не знаешь ты себя, Кира!

Охотница горько усмехнулась:

– Да коли бы красавица была, от женихов бы отбоя не было! А так, вон – только ты. Да и то ни разу взаправду не посватался честь по чести, – она тут же смутилась впервые сказанным вслух мыслям, не дававшим покоя.

– И только-то? Ты из-за этого решила, что никому не нужна? Боятся тебя парни, с такой как ты никто не сможет сказать, что он в доме хозяин.

– А ты? – Тихо спросила.

– А я – не боюсь, – после паузы ответил Микор, и тут же пошутил: – А все потому, что я один из всех могу с тобой совладать. Нас Каррон одинаково учил.

– Ой, да не говори гоп, пока не перепрыгнешь! Бывало и я тебе бока мяла.

– Да я же поддавался, а то ещё обидишься и не пойдёшь со мной в ночь Киаланы-заступницы.

Отчего-то шутка только разозлила и убила момент. Не этих слов Кира ждала. Пихнув друга в грудь, покраснела до кончиков волос. Микор посерьёзnel.

– Ну и потом, а вдруг тин Хорвейг узнает, что ты – Каррона Защитника дочь?

– Тихо ты! – Шикнула Кира, удивлённая до глубины души. – Откуда прознал?

– Так ты же сама мне и сказала.

– Когда это?

– Да тогда, ещё в овине. В детстве.

– Ты же не поверил.

– Тогда не поверил – мал был. А вот потом... Не болеешь ты, Кира. Раны на тебе, что на собаке заживают. Хотя, куда собакам-то до тебя? Не мёрзнешь почти... – Он как-то странно покосился, словно бы чувствовал себя виноватым за сказанное.

Кира медленно опустилась на лавку, пытаясь совладать с мыслями. Друг немного помолчал, не мешая ей думать.

– Не знаю вернусь ли? – Вздохнул вдруг он. – Раз со мной пойти не хочешь, так давай мужем и женой станем, – он неожиданно опустился перед нею на колени. Попытался притянуть к себе, запустив пятерню в волосы.

Увернувшись от поцелуя, Кира внезапно разозлилась. Вскочила с лавки, гневно сверкая глазами, чувствуя, как горят щёки и не хватает воздуха.

Мелькнула мысль: «С паршивой овцы хоть шерсти клок?!»

– И ты туда же? Уходи, Микор, пока со двора не погнала! – Прошипела она.

Парень усмехнулся и поднялся с колен. Голос его зазвучал жёстко, словно бы она ему обиду какую нанесла:

– Дело твоё. Но знай, коли приду и случится что, я его самолично убью. Стрела в горло или нож в ребро – готов Защитничек. Даром, что нечестно. Авось за такого Керун не накажет!

– Прекрати! Худое замыслил! – Испугалась охотница.

Микор не ответил. Просто сел на подоконник и неожиданно резким движением опрокинулся наружу. Мгновение помедлив, Кира все же выглянула. За окном уже никого не было, и отчего-то тоскливо зануло сердце.

Прикрыв ставни – совсем рассвело, Кира снова легла на лавку. Вставать было рано, да и после ночных дел необходимо как следует выспаться. Мать все знает, будить не будет хоть и до полудня. Даст отдохнуть.

В дверь поскреблись. Кира поднялась и отворила. В колени ткнулся мокрый нос. Туман протиснулся внутрь и улёгся под окном, тихонько рыча и поглядывая наружу. Собакам в избу ходу не было, но Туман – на особом счету. Да и как-то с ним спокойнее. Кира снова легла, с улыбкой наблюдая, как пёс, не поднимаясь на ноги, старательно ползёт к ней.

– Ах, ты, хитрая морда! – Она опустила руку и погладила собаку. Мохнатый наглец осмелел, положил голову рядом и зажмурился. В ноздри ударил густой запах псины, но Киру это не беспокоило. Это был запах добрый, здоровый. Она принялась перебирать жестковатую шерсть, пытаясь заснуть

снова, но получалось плохо, мешали мысли.

– Что же нам теперь делать, Туман? Что мне делать?

Глава 6

1.

Солнце, будто вторя тяжёлым думам, не спешило баловать деревенских. Мрачный люд, засеяв поля, с большим рвением старался заниматься обыденными делами. Защитник Защитником, а голодная смерть и того не лучше. Садились огороды, заготавливались грибы и пряные травы, которым пришла пора. Починялись плетни и домашняя утварь. Да и, вообще, заметили: ежели попусту не болтаться, то и меньше шансов напороться на неприятности. Загодя шли приготовления к летней ярмарке, что через седмицу после праздника Киаланы. Готовились, да перешёптывались – пустит ли тин Хорвейг? А то, может, и зря все. Ярмарка проводилась в ближайшем городке, коим был Птичий Терем, что на реке Кривице – притоке Широкой, прозванном так за извилистость и непостоянство.

Кира от других не отставала. Дома в клетях хранились припасенные вязки звериных шкурок, с набитых за зиму лисиц, соболей, белок и даже – голубой куницы. Авось удастся удачно сторговаться. Сбыть все разом городскому купцу, и пускай потом продаёт втридорога. Ей то что? Главное, будет время побродить, да на диковинки поглазеть. Она на ярмарке ранее не бывала, да и вообще в городе. А дома ей деньги особо ни к чему. Даром что мать все о приданом талдычит.

«Ещё тех же соболей набью, если понадобится».

Оставив лохматого Тумана у избушки на охотничьей заимке, где теперь в небольшом загоне обитала Полночь, Кира направилась домой пешком. Волков она не опасалась – умный пёс уберезёт лошадку и от этой, и от иной напасти. Да сейчас зверью не до того – ещё весна в крови играет.

Солнце пригревало сегодня так жарко, как после зимы еще ни разу. Вот и Матрёна вещала, что настала лету пора – все сбылось. Девчонки, скинув опостылевшие телогрейки, нацепили новые, справленные за зиму, сарафаны, с любовью вышитые цветами, да обережными узорами. Украшались теперь с некоторой опаской – не приведи Киалана лишний раз попасться на глаза Паситиным прихвостням. Ну да где удержать молодёжь, радующуюся жизни?

– Кира, здоровенько!

Маришка, дочь Аглаи и Зыкана превратилась за зиму в ладную смешливую девку. Курчавые огненные волосы так и выбивались из косы и, казалось, пылали чистым пламенем. Не портили её и многочисленные конопушки. Наоборот, оттеняли голубые глазищи, озорно сверкающие из-под непослушной чёлки. В её сторону уже с интересом поглядывали и те парни, которые в том году замечать не хотели малявку.

«Эх, хороши у нас девки в Золотых Орешках! Какую ни возьми – краса неземная. Только кажется порой, что я, и правда, найдёныш...»

– Давненько тебя не видала. Все по лесам шастаешь?

Зверя промышляешь? – узкая ладошка девушки указала на куртку и штаны, надетые не по погоде.

Кира кивнула в ответ и невольно улыбнулась. Один вид огнегривой Маришки, такой летней в чистеньком расшитом сарафанчике, поднял настроение.

– Да какая же сейчас охота, глупышка? Зверье множится, да и шкурка будет никудышная. Разве что на птицу?

– Погляди, теплынь! Сымай уж мужские портки, да айда с нами купаться.

Кира сначала хотела отказаться, но передумала. У неё из девчонок-то и подруг сердечных нет. Вместо них, всегда с самого детства рядом был Микор.

«Микор...» – что-то в груди заныло, будто от обиды.

Прошёл почти месяц, как друг ушел из деревни, так и не прислал весточки.

– Я подумаю, – охотница было пошла дальше, но обернулась: – Маришка, только одна не ходи, ладно?

– Я с Соланкой. Встретимся у купален! – Рыжей белкой, девчушка поскакала дальше.

Дома Кира впервые с приезда нового Защитника сменила лесной охотничий наряд на неношенный, слегка трущий кожу, льняной сарафан, вышитый по подолу весенними цветами. Перед тем, как у баб водится, основательно посомневалась.

«Невмоготу уже париться в штанищах!»

Отцовский нож она всё же взяла с собой. Мало ли. Да и без него непривычно. Ножны с сарафаном смотрелись странно,

да и мать с порога – засмеяла, обозвола юродивой. Так что теперь клинок, засунутый под самодельную подвязку из холстины, непривычно тер кожу на бедре.

Наконец, собравшись, Кира потопала к Девичьим купальням. Оные располагались на северо-востоке от деревни. Там, где почва становилась каменной, а холмы постепенно превращались в невысокие, окружённые соснами, скалы. Купальни представляли собой две эдакие чаши, каждая с небольшое озерцо размером. С одного края примыкали вплотную к отвесной скале, откуда под водой били холодные ключи, с другого – ручьями стекали в Широкую. По остальным берегам – густо рос малинник и ежевичник, прикрывая узкий бережок от досужих глаз, и радуя летом спелой ягодой. Вдобавок, в любую жару вода здесь была чистая и прохладная.

Ветерок, как ловкий любовник, надушенный цветочными ароматами, нежно гладил и перебирал русые волосы – Кира расплела привычные косы. Приятно ласкал ноги, самоуверенно пробираясь под длинный подол. Улыбка потихоньку завладела губами и больше их не отпускала. Позабыв обо всех свалившихся невзгодах, охотница была рада снова превратиться в беззаботную девчонку. Рада скинуть опостылевшие куртку и портки. Рада лету, зелени, солнцу: «Хорошо-то как! Душа поет!»

Харила и Мордан празднично шатались по окрестностям. Паписта запретил шалить, чтобы не отвлекать деревенских от работы, так что заняться им было нечем. Приелись и потешные скачки, на горбах мужиков. Просто так народ задирать да колотить без повода – тоже. А девок трогать – не можно. Против слова Защитника идти – себе дороже. Хотя именно это занятие, пришлось бы сейчас как нельзя по душе. Выпивка ещё в глотку лезла, но вдосталь была только опостылевшая медовуха, а желалось доброго вина из отцовских погребов, да где же его сейчас взять-то? У тин Хорвейга имелась заначка, да то – не про их честь, ясное дело. Вот и валандались братья тин Шнобберы неприкаянные по всей округе, высматривая, вынюхивая, примечая, да мотая на ус.

Харила выглянул из-за плетня позади дома старосты Опография, где, не спрашивая позволения, они с братом укрылись под старой тенистой яблоней, спасаясь от злого сегодня солнца. Вдовья дочь старосты, худая и некрасивая женщина со скорбным выражением лица, молча поднесла им блюдо пирогов, ковш кваса и две чарки и скрылась в избе.

Мимо по главной улице то и дело кто-то проходил, не минуя их любопытных носов.

– Глянь, а эта – курчавенькая-то, рыжая. Огонь девка!

– Маришка что ль?

– Ага – она самая. Да и её подруга тоже ничего.

Девчушки, весело щебеча, проскакали мимо. Они громко болтали, никого вокруг не замечая.

– Я б её на сеновал бы...

– Которую? Маришку? Или вторую? Как её?

– Не помню. А на сеновал – обеих.

– Да чего маяться? До овинов ещё дойти надо. Можно было бы прямо на площади, – Харила гнусно заржал, почесав вспотевшую промежность. – Ну и жара! – Он отхлебнул прямо из ковша, не замечая чарки. Мордан неодобрительно покосился на брата и снова повернул голову, провожая взглядом девчонок.

– Жарко, – согласился он. – Зато бабы в сарафанах – одна радость.

– Ты к Аханнке по пути не заглядывала? – Рыжая громко спросила товарку.

– Её же отец после того случая теперь никуда не пускает.

– Ну и что с того? Она же наша подруга!

– Да я-то что? Давай и Аханнку кликнем, да только бес-толку это, вот увидишь.

Девчонки уже отошли на приличное расстояние, и их разговор до братьев больше не доносился, хотя, услышав имя их подруги, они осклабились.

– Надо спросить Паситу, когда уже можно будет устроить настоящие развлечения, а то совсем тоска заела, скоро волком завою, – Харила зевнул и потянулся.

– Ага, спроси его, попробуй. Вона какой злющий стал! С тех пор как письмо из Ордена пришло, так и лютует. Настучал на нас, видать, кто-то. Только вот кто? – Мордан недо-

вольно скривился и выплюнул травинку.

– Лютует. Только теперь больше на нас зло срывает. Никакого веселья! Того и гляди, медовуху, и ту пить запретит. Какого сартога мы сюда, вообще, притащились? – Харила смачно сплюнул. – Погодь! А это что за птица? – Он снова встал, выглядывая из-за плетня.

Мордан посмотрел, куда указывал брат. По дороге лёгкой походкой топала стройная высокая девка. Её волосы, свободно спускались чуть ниже талии, отсвечивая тёмным золотом на солнце, это сильно выделяло её среди почти поголовно темноволосых местных. Такой оттенок сделал бы честь и любой столичной барышне, которые по последней моде безжалостно жгут волосы алхимией, добиваясь светлого цвета. Девчонка повернула голову, кивнув бабке у калитки соседней избы. Блеснули в улыбке ровные белые зубы, хлопнули густые ресницы. Даже отсюда было заметно, что глаза у девчонки необычного цвета.

– Хм. Вроде я этой здесь раньше не видел, хотя она и кажется мне смутно знакомой, – задумчиво почесал бороду Мордан.

Харила наморщил лоб, силясь разгадать загадку. Наконец, его осенило:

– Ужель пришлая?

– Не, мы бы знали. Они тут как грибы после дождя – девки-то. Как из одежек теплых повыскакивали, да платки снимали, сразу другой разговор пошёл. Вроде и те же, а вро-

де как и новые! – Мордан радостно пихнул в бок брата и заржал. – Будет, чем в ночь Киаланы поживиться.

– А ты что Киалане поклоняешься?

– Не больше чем обычно.

Мордан тяжело вздохнул, наблюдая на лице Харилы выразительное непонимание: «Вот же тупица уродился!»

– Керуну, брат, Керуну я поклоняюсь, как и все мужики. Я про то, что в таких дырах, как Орешки, все ещё празднуют ночь Киаланы по старым обычаям. А значит, девок будет полный лес. Сначала попляшут, потом побегут купаться, вот в лесу-то их и можно будет ловить. Смекаешь?

Харила это сообразил. Довольно осклабился, потирая руки.

– Мордан?

– Ась?

– А, может, того? – В глазах тупого увальня зажётся недобрый огонь.

– Ты чего задумал? А ну, как Пасита узнает?

– Давай хоть за ней проследим, всё развлечение? Ну, просто посмотрим, а там, будь что будет. Ежели чего – пригрозим, чтобы молчала.

Мордан, сомневаясь, пожал плечами. Но кивнул, соглашаясь, и, лихо перемахнув плетень, первым двинулся за незнакомкой.

Несмотря на недалёкость, прихвостни Паситы все же были бойцами, хоть и заплыли жирком от безделья. Кира, по-

грузившись в свои мысли, сами по себе обратившиеся к Микору, как никогда, была беззащитна и совершенно не заметила слезки.

– Мордан, она ж к купальням идёт! – обрадованно пихнул подельника в бок Харила, когда девка свернула к леску на развилке. – Ну хоть какая-то потеха!

– Тихо ты! Спугнём – в деревню вернётся, а там тин Хорвейг. Плакало веселье, – зашипел в ответ Мордан.

Его тоже охватил азарт, возобладав над здравым смыслом.

3.

«Микор. В последнее время друг не выходил из головы. Интересно, как он там? Удалось ли добраться до Стольна-града и рассказать Князю о бесчинствах тин Хорвейга? Выслушали ли его или выгнали с порога?» – Кира каждый день молила Киалану ниспослать храбрецу удачу.

И, похоже, богиня услышала. Опорафий сказывал, седмицу назад Защитничку пришло послание, от которого тот стал мрачнее тучи. В гневе спалил старый дуб на площади, а затем так хлопнул дверью, что треснула притолока. Но все же народ стали меньше тиранить, и Кира надеялась, что в том заслуга Микора. В мыслях он представлял отважным героем, и охотница с каждым днём она все сильнее жалела, что не согласилась на ту его последнюю просьбу: «Да что это со мной творится?»

Непривычное чувство одновременно тянуло душу и при-

носило затаённую радость, которая щемила где-то у солнечного сплетения.

Бережок Девичьей купальни порос местами мягкой зелёной травкой. Полуденное солнце жарко грело, но прозрачная вода даже на вид казалась холодной. Последний снег в лесу сошёл совсем недавно, но такие мелочи закалённую Киру совершенно не беспокоили – она никогда особо не боялась холода. Купалась тайком от матери с ранней весны и до поздней осени. И никакая хворь её не брала. Ни жар, ни трясуха. Микор всегда завидовал, особенно когда сам простывал, и ему приходилось пить молоко с пахучим барсучьим салом.

Харила неосторожно ступил и хрустнула ветка. Кира резко обернулась. Прислушиваясь, внимательно осмотрела окрестности. Братья затаили дыхание, спрятавшись в зарослях. Мордану показалось, что вот-вот она их заметит, уж больно острым казался взгляд девки.

Раздался залиvistый смех, и послышались шаги на тропинке. Кира расслабилась – это же девчонки идут. Одичала уже, пропадая днями в лесу, все шорохи мерещатся. Внезапно одолело жгучее желание прихвастнуть. Незаметно вынув нож, она быстро спрятала его среди камней, чтобы не утопить ненароком. Скинула через голову сарафан. Свернула и прибрала чуть в сторонке. Простая предосторожность. Оставшись нагой, одним прыжком, не раздумывая долго, вошла в холодную воду, отчего на миг перехватило дыхание. Мощными гребками выплыла на середину, разогревая

кровь.

4.

– Что-то она больно сухая. Живот, что доска, да руки му-
скулистые. Мне нравятся девки сдобные. Попышнее, да по-
мягче, – разочарованно прошептал Харила.

– Как раз на мой вкус. Такие, обычно, сопротивляются
сильнее. Ты понял? Она исподней рубахи не носит! – Вооду-
шевился вдруг Мордан и радостно дёрнул Харилу за рукав.

– Ой смотри, Кира тут! – Маришка с подругой вывернули
из-за кустов.

– Говорила я тебе, не стоит её в деревне искать, раз у куп-
пален встретится уговор был, – откликнулась её большегла-
зая подруга.

– Да ладно тебе, Соланка! Аханнку не зови, Кирку не ищи.
Твоя бы воля – одна бы побежала. Ки-и-р-а-а! – Маришка
запрыгала, солнечным зайчиком и замахала руками. – Кира,
мы здесь!

Кира радостно махнула в ответ.

– Айда купаться!

Маришка вприпрыжку рванула к воде. На ходу чудесным
образом, умудрившись стянуть сарафан. Оставшись в одной
исподней рубахе, забежать по колено в воду, прежде чем с
визгом выскочила обратно. За это время рассудительная Со-
лана задумчиво подошла к кромке воды и осторожно попро-
бовала большим пальцем.

– Кирка! – Возмущённо взвизгнув, топнула ногой Маришка. – Ты чего не сказала, что вода ледяная?!

Кира заливисто рассмеялась, от чего ушла с головой в воду, но тут же вынырнула, фыркая и отплёвываясь.

– Отчего же ей быть тёплой? Лето едва настало, – охотница развернулась и поплыла на середину. Глубоко нырнула, по давней привычке пытаюсь дотронуться до большого камня на дне.

– Мордан, нету терпежа больше!

– Уймись! Пасита тебя на ремни порвёт.

– Морда-ан, ну давай их просто раздеться заставим, а? Припугнём немного, все развлечение? – Продолжил канючить Харила.

– Хочешь – иди, пугай. Я и отсюда посмотрю, – не поддержал брат.

– Ой! Там кто-то есть! – Возмущённо взвизгнула Сола-на. – Вот я вам, охальники!

– Эх ты грозная, – ослабился Мордан, более не таясь. За ним на берег вышел и Харила.

– Ой, мамочки! – Девчонки аж слегка присели от испуга.

Маришка было схватила сарафан и попыталась его натянуть, но тот грубо вырвали из рук, и он полетел прямо в ледяную воду.

– Ну-ка, лезь доставай! – Глумился, Харила, разглядывая, как мокрый подол рубахи облепил девичьи ноги. Воображе-

ние уже нарисовало эту рыжую бестию полностью мокрой.

– Я тя-ятьке скажу... – Неуверенно протянула Маришка и осеклась, осознав, что против этих обидчиков тятка вряд ли поможет.

– Тя-я-ятьке скажет! Скажи-и. – Передразнил Харила. – Уже боюсь, – он заржал.

– Дуй в воду за сарафаном. Тогда мы твоему тятке ничего не скажем, – издевался Мордан. – Скидавай рубаху и вперёд. Ну!

Кира вынырнула, отфыркиваясь, и увидела на берегу рядом с девчонками две ненавистные хари.

– Стая вас раздери! – Выругалась она, и быстро поплыла обратно.

– О! Вот и третья, пожаловала, – обрадованно воскликнул Харила. – А я было решил, что потонула, уж больно тощая.

Походя прихватив Маришкин сарафан, Кира, не скрываясь, вышла на берег. Нарочито медленно выжала одёжку и протянула всхлипывающей девчонке.

– Девки, вам бы пример с неё брать. Уже в воде и в подобающем виде.

Мордан затуманенным взором жадно шарил по стройной фигурке, то и дело останавливаясь на наиболее привлекательных местах. Кто бы знал, чего стоило Кире показное спокойствие, с которым она выдержала эти взгляды.

– Чего встали? Быстро в деревню! – Грозно рыкнула она на застывших, до смерти перепуганных девчонок.

Отвлекая внимание на себя, отжала волосы и стала ловко плести косы. Не ошиблась. Озадаченные дуболомы, потеряв интерес к беглянкам, повернулись к ней.

– А ты это чего раскомандовалась? Чьих будешь? Что-то тебя никак не припомню, – не выдержал первым Харила.

– Вот и хорошо, – спокойно ответила Кира, закончив плести одну косу и принявшись за вторую. Её пальцы так и мелькали. – Оно тебе и не надо.

Но Харила молча стоял и заворуженно таращился на покачивающуюся, в такт мерным движениям рук, грудь с торчащими от холода сосками.

«Все, братишка околдован. С него теперь мало толку», – подумал Мордан и схватил замешкавшуюся Соланку за ворот:

– Кто она? Отвечай!

– Это же Ки-и-ира-а-а! – В голос заревела та.

– Кира-Кира! Вот ведь заладила! Какая ещё Кира?! – Он потряхнул девчонку.

Имя ни о чём тин Шнобберам не сказало.

– Кира охотница! – Хлюпала носом Солана.

– Слышал, Харила! Это же та самая девка, которая с собакой и в мужском платье по деревне шастает. А в сарафане-то и не признать!

– Так значит, это ты всякого зверя промышляешь? – Не нашёл ничего лучше спросить бугай, продолжая пускать слюни.

Его пальцы слегка подрагивали. Казалось, он вот-вот набросится, и Кира внутренне была готова дать отпор. Керун! Да она давно об этом мечтала. Ярость наполнила кровь жгучим огнём, одновременно сковывая льдом нутро.

– Всякого, – неоднозначно ответила, охотница и удивилась, как странно прозвучал голос. Подняла руки, перевивая две мокрых косы и скрепляя их на затылке узлом. – Большого и малого. Лютого и беззащитного...

Она покончила с причёской и со вздохом опустила руки. Жаль, что девчонки ещё не удрали.

Её манера отвечать. Холодный взгляд голубых глаз. То, что не смущалась своей наготы. Не ломилась в кусты, в попытках прикрыться. Не дрожала на прохладном здесь в тени, ветерке, несмотря на то, что кожа покрылась мурашками – всё смущало дюжих молодцев, казалось неправильным. Тин Шнобберы неосознанно медлили, не предпринимая никаких действий, вместо того, чтобы приступить к привычному делу.

– Пусть девчонки к мамкам бегут. Рано им ещё женихаться.

Скользящей походкой Кира приблизилась к Мордану. Глядя в глаза, медленно и мягко взяла за руку. Бережно, почти что нежно, освободила ткань Соланкиного сарафана из его кулака, а затем тихо сказала:

– Девчонки, брысь по избам!

На этот раз дважды уговаривать не пришлось. Обе припу-

стили по тропе, только босые пятки засверкали. Заворожённые Мордан и Харила, наконец, встряхнулись.

– Да она же ведьма! – Заорал Харила. – Она нас околдовала!

– А, мы её сейчас проучим брат! Будет знать, как мороки наводить!

Мордан было обрадовался, что находится так близко и может ухватить дерзкую девку, но лёгкая рука на его предплечье внезапно затвердела, как камень. Он вдруг побежал по берегу, сам того не желая. Обо что-то споткнулся и, получив увесистый тычок в спину, полетел прямо в ледяную воду купальни. Отфыркиваясь и отплёвываясь, вскочил. Харила уже поднимался с земли. Похоже, девка и его повалить успела. С мычанием разъярённого быка, младший тин Шноббер понёсся к хрупкой на вид, но крепкой, как тетива сартогского лука, девчонке.

Но что удивительно! Та не бросилась с визгом прочь, как сделала бы на её месте любая. Шагнула навстречу. Поднырнула под распростертую, готовую схватить ручищу и чрезвычайно ловким захватом проводила, прямо чугунным лбом в каменную стену.

Раздался сухой треск. Мордан поморщился. Харила осел на землю, как пыльный мешок.

– Что б тебя вся Стая выдрала! – Пробормотал в сердцах Мордан и, сбросив оцепенение, сам бросился к девчонке с намерением её как следует проучить. Он всегда был более

ловким бойцом, чем Харила и никогда не полагался целиком только на силу.

Девчонка молниеносно развернулась. Её глаза полыхали белым светом.

– Стой! Стой! – Крикнул потрясённый Мордан, старательно тормозя, и едва не упал.

Трава вокруг на глазах покрывалась инеем. Вода у берега уже подёрнулась тонким ледком. Пахнуло морозом среди лета. Девчонка застыла в боевой стойке. Мордан вытянул руки перед собой в защитном жесте:

– Прекрати, ради Киаланы!

Он опешил, хоть и видел подобное. Такого просто не могло быть, чтобы обыкновенная деревенская девка непостижимым образом вошла в боевой транс.

«Но как?!» – предположение показалась слишком абсурдной, чтобы о нем даже думать.

– Я только заберу брата, и мы уйдём.

То, что Харила так и не поднялся, тревожило. Тин Шноббер старший медленно и осторожно обошел девчонку. Та не шевелилась. Её зрачков не было видно, но он знал, что она следит, потому двигался предельно аккуратно. К облегчению Мордана, Харила был жив, но сомлел: «Хорошо же она его приложила!»

Ему однажды довелось быть свидетелем, как о толоконный лоб младшенького тин Шноббера разбили напололам лавку, а Харила и не поморщился.

«Но то, может, и лавка была гнилая?»

Крякнув, Мордан водрузил неподъёмную тушу на загрибок и, пошатываясь, медленно побрёл по тропе в сторону деревни.

«Воистину: битый небитого везет», – поворачивая на тропу, Мордан украдкой глянул на охотницу.

Девчонка так и не пошевелилась, провожая их жутким взглядом.

Когда недруги скрылись за поворотом, белый огонь в глазах Киры постепенно угас. Она впервые моргнула. Нервная дрожь прокатилась по телу. Зубы заклацали так сильно, что стало страшно, как бы не сломались. В ногах образовалась предательская слабость, и они подкосились. Кира рухнула на траву и свернулась калачиком, обняв себя руками.

Глава 7

1.

Нааррон проснулся от стука собственных зубов. Ночью сон долго не шёл. Мешали мысли, взбудораженные нервы и натруженное, непривычное к верховой езде тело. Но ближе к утру Киалана все же даровала блаженное забытие. Растянувшись на попоне во весь свой долговязый рост, он не почувствовал небольшой сучек, который упёрся прямо в копчик. Вдобавок пропустил момент, когда исчезло одеяло.

Костёр давно погас, и утренняя сырость сартогским разведчиком пробралась под одежду. Нааррон с трудом сел, не открывая глаз, пошарил вокруг, но одеяло так и не обнаружилось. Ничего не изменилось и с открытыми глазами.

«Не иначе идиот Крэг подшутил!»

Здесь на высокогорье воздух был особенно чист и прохладен, на сухой прошлогодней траве блестели капельки росы, изо рта шёл лёгкий парок. К неудобствам от холода добавились боль в копчике и естественные позывы. Нааррон, постанывая – ныли натруженные мышцы, неловко по-старчески поднялся.

«Да, пожалуй, не самая лучшая выдалась ночка. Хоть бы не разболеться».

Машинально пригладив рукой тёмные, беспорядочно торчащие волосы, адепт огляделся. Недозащитника нигде не бы-

ло видно, лишь неподалёку фыркали и переминались стреноженные лошади. Поёживаясь и слегка прихрамывая, он двинулся в сторону от лагеря, на ходу тщетно пытаясь распутать завязки на штанах. Те никак не хотели поддаваться замёрзшим пальцам. Увлёкшись этим занятием, адепт не заметил торчащий из земли корень, споткнулся и едва не упал. Наконец, удалось справиться с треклятыми завязками: «Да отвернётся Киалана на три дня от того, кто их придумал!»

Постанывая от облегчения, будущий Хранитель принялся справлять малую нужду, как вдруг осознал: «Что-то не так».

Струя разбивалась на мелкие брызги о нос чёрного тяжёлого, знакомый до боли – как в прямом, так и в переносном смысле – ботинка. Нааррон медленно поднял взгляд и встретился с глазами Защитника. Крэг свисал с толстой ветки головой вниз, его лицо находилось на расстоянии всего двух ладоней. Шумно сглотнув, адепт шевельнул острым кадыком на тощей шее и сделал шаг назад. Похоже, своими необдуманным поступком он прервал комплекс утренних упражнений, которые провожатый проделывал по привычке босиком. Руки попутчика, внушительно бугрящиеся мышцами, медленно скрестились на груди, в глазах заплескалось потемневшее от ярости золото.

– Я тебя убью, – спокойно произнёс Крэг.

Спустя двадцать минут, угрюмый адепт помешивал ложкой в котелке, время от времени косясь на попутчика, который разлёгся неподалёку и, пожёвывая травинку, глядел

в небо. Над головой приветливо синела высь, обещающая погожий весенний денек. Нааррон подул на похлёбку. Аккуратно, чтобы не обжечься, попробовал и обнаружил, что получилось весьма недурно.

– Готово, – буркнул он, не повернув головы.

Крэг с воодушевлением подхватился и, оттолкнув незадачливого повара в сторону, большой ложкой принялся накладывать похлёбку себе в миску.

– Не забудь мне оставить!

– Не забудь ещё раз вымыть мне обувь, – парировал недозащитник.

Он отсел в сторону и стал с аппетитом уплетать варево, прикусывая добрым ломтем хлеба:

– А ты недурно готовишь, заучка, – пробубнил курсант с набитым ртом. – Хоть какая-то от тебя польза. Будешь заниматься стряпней, раз больше ни на что не годен.

– Да уж лучше так, чем отравиться твоей, – не остался в долгу Нааррон и потёр ушибленный бок.

Будто бы было мало ему было ноющих мышц после дня в седле. Придурок дуболом гонялся за ним по округе, раздавая обидные тумачи и оплеухи. Пришлось спасаться, прыгая через поваленные за зиму тут и там деревья, и петлять, как зайцу, пугая лошадей своей развевающейся и цепляющейся за ветки хламидой. Потом его заставили вымыть в ручье осквернённые ботинки.

«Трижды! Какое унижение!»

После всего случившегося натаскать хвороста уже труда не составило. А вот разделывая тушку кролика, которого Крэг умудрился подстрелить ещё с утра, Нааррон чуть позорно не свалился в обморок. из-за всех этих событий теперь он пребывал в дурном настроении.

Защитник же, наоборот, после завтрака исполнился благодушия. Как добрая гончая, держал нос по ветру и прямо-таки рыл землю от нетерпения.

– Закончил? Вымой котелок, и в седло.

– Раскомандовался! – Возмутился Нааррон. – Да я из-за тебя готов лечь и помереть, а не то что провести ещё день верхом!

– Зато согрелся, – посмеялся Крэг. – Гляди-ка, даже зубами клацать на всю округу перестал.

Взгромоздившись на кобылку, адепт с удивлением обнаружил, что чувствует себя не настолько плохо, как думал. Даже вполне сносно. Мышцы почти не болели, а с неба, всю пригревая, светило яркое солнце. Весело чирикали птицы, и мир предстал снова прекрасным. Особенно после сытной порции кроличьей похлёбки со свежими и сухими травами, корешками и ломтем ещё не успевшего зачерстветь хлеба, которым великодушно поделился курсант.

– Я готов. Куда направимся?

– Пока – прямо, – насмешливо ответил провожатый, но Нааррон не успел обидеться, как тот добавил: – Выйдем на тракт и двинем по нему на север. К полудню, если всё пойдёт

хорошо, доберёмся до Быстрой. Река разливается широко, и люди строятся на противоположном обрывистом берегу. Если повезёт, то никого не встретим. Там и свернём, если дорогу не подтопило. Поедем вдоль русла на восток до самых Красных Горок – надо вернуться на большак.

– Это же огромный крюк! – Удивился Нааррон, припоминая карту.

К Красным Горкам вела наезженная дорога, по которой из Ордена можно было добраться дня за два, если ехать не торопясь. Поспешая – так, вообще, за день.

– Конечно. Но, надеюсь, это сойдёт с толку преследователей, если таковые случатся.

– У нас хватит припасов?

– Будем охотиться и рыбачить по возможности. Я планировал пополнить запас в Красных Горках. Да и лошадей неплохо бы сменить. Мой мерин едва ноги передвигает.

Нааррон хотел пошутить, что Крэг просто слишком здоровый, вот животины и надрывается. Но, решив не портить первую нормальную беседу за сутки, кивнул. Внезапно и он ощутил азарт сродни тому, когда важное открытие или новая идея брезжит совсем рядом и вот-вот родится на свет.

Они ехали не спеша, лишь раз остановившись, чтобы перекусить и дать отдых животным. Тракт в это время года был пуст – народ по большей части занят подготовкой к посевной, лишь изредка попадались пешие путники из местных. Пройдёт ещё пара седмиц, прежде чем потянутся подводы

с заморскими товарами по торговым городам. Защитник за всё время не заметил ничего подозрительного. Лишь раз их нагнал дородный детина на крепком коньке. Похоже, из торговой семьи парень. Спросил о дороге, о том куда направляются. Некоторое время ехал рядом, но вскоре, посетовав что уж больно медлительные они попутчики – мерин и правда захромал – обогнал и последовал своей дорогой.

Река Быстрая показалась гораздо позже полудня, Крэг ошибся в своих предположениях. У излучины они, как и собирались, свернули с тракта на утоптанную тропу, выющуюся лентой по равнине на приличном отдалении от берега. Если сюда и доходил паводок, то сейчас уже просохло. По правую руку у самого горизонта виднелась кромка леса, которая изгибалась, то приближаясь, то отдаваясь, а на юго-западе плавно забирался на гору, откуда они пришли. Несмотря на близость реки, было гораздо теплее, чем на высокогорье.

Слева на противоположном берегу жили люди. Из труб поднимался дымок, доносился собачий лай, мычание коров и едва ощутимый запах гари от сожжённой на полях соломы. На этом чуть дальше заросших камышом заводей раскинулись сети, но рыбаков не было видно. С кряканьем взмыли в воздух несколько потревоженных неведомо кем уток. Где-то там в зарослях рогоза у них были спрятаны гнёзда.

– Вот и ужин полетел. Чего не выстрелил? – Спросил Наррон.

– Не знал, что в тебе есть скрытые таланты, – ответил

Крэг.

– Какие такие таланты?

– Какие? – Удивился Защитник. – Подбитых уток из воды вылавливать, конечно. А ты что подумал?

Адепт насупился и некоторое время ехал молча. Кобылка мерно перебирала ногами, не доставляя никакого неудобства плавной походкой. Солнце позади опускалось за горизонт, удлинняя тени. В животе громко заурчало.

– Где мы будем ночевать? – Вокруг не было ничего подходящего, и лес в этом месте отступил особенно далеко, превратившись в тёмную линию.

– Да хотя бы и здесь, – ответил Крэг, словно бы вынырнув из задумчивости.

Натянув поводья, курсант спрыгнул с понурого мерина.

– Как здесь? – Растерялся Нааррон. – Вот прямо здесь?!

– А что? Тебе что-то не нравится? – Ослабился дуболом. Будущий Хранитель осмотрелся.

– Да все мне не нравится! – Он чуть не топнул ногой от досады. – Здесь же ветер гуляет! Нет хвороста, чтобы развести костёр, и ещё эти треклятые лягушки! Они сведут меня с ума своим кваканьем.

– Я поищу что-нибудь на ужин, а ты займись лагерем, – не обращая внимания на недовольство, бросил Крэг и ушёл, оставив адепта одного с двумя лошадьми, можно сказать, посреди чистого поля.

Когда, спустя примерно час, он вернулся, то приятно уди-

вился. Рассёдланные лошади были привязаны в зарослях ивняка на длинный повод – так что и до воды легко дотянуться, и со стороны особо не видно. Маленький лагерь разбит чуть выше – в естественном углублении.

«Если сесть или лечь, то проходя рядом едва ли заметишь, а с дороги так и вовсе не видно», – Крэг нарочно проверил. Теплился небольшой костерок.

«Заучка догадался-таки набрать приличный запас сухого плавника».

Над костерком бурлил, закипая, котелок с водой, а уставший, но весьма довольный адепт сидел рядом, закутавшись в одеяло.

– А ты молодец, заучка. Я от тебя и не ожидал. Честно. Думал, вот сейчас вернусь, придётся ещё и лагерь разбивать.

Он протянул уже ощипанную тушку дикой утки. Будущий Хранитель, довольно зардевшись, взял птицу и принялся смолить, поворачивая к огню то одним, то другим боком.

– Я припомнил то, что когда-то читал в книгах о путешественниках.

– Это хорошо. Главное, чтобы дождь не пошёл.

– А что если и дождь?

– Придётся намять тебе бока снова. Не хочу проснуться в этой яме по шею в воде.

Нааррон одарил взглядом, исполненным укоризны, затем тревожно зыркнул на небо:

– Не будет ночью дождя.

– Почём знаешь?

– Не будет и всё тут.

2.

Утро началось с крика: «Подъё-ём!»

Здесь у реки было влажно, но далеко не так холодно, как на высокогорье. Поэтому, несмотря на сводящее с ума лягушачье кваканье, уставший Нааррон быстро уснул и сладко проспал до самого утра. Он дрых бы и дальше, если бы Крэг бесцеремонно не сорвал с него одеяло. Затем заставил стянуть хламиду и все, что было под ней. Оставшись в одних холщовых штанах и босой, адепт дрожал, обхватив себя руками. Крэг скептически его осмотрел и остался весьма недоволен увиденным, о чём не преминул сообщить в нелестных выражениях, самыми безобидными из которых были: дрищ и доходяга. Загнал его пинками и тычками в холодную утреннюю воду, посетовав на «девчачьи визги» недостойные мужчины. Окунул пару раз с головой и милостиво разрешил выбраться берег, где заставил бегать туда-сюда по тропе до тех пор, пока будущий Хранитель не перестал трястись. Все действие сопровождалось вскриками, охами, ахами и жалкими попытками отбиться, пока Защитник не обессилил со смеху. Уж больно комично со стороны смотрелся долговязый художочный заучка.

– Зачем ты это сделал?! – Негодовал Нааррон, держась за ноющий бок и пытаясь отдышаться.

– Так будет каждый раз. Готовься.

– А если я заболею?!

– Ты заболеешь, если останешься такой же квашней, как сейчас! Я тебе даже помогу. Даже не верится, что когда-то ты тоже хотел стать Защитником!

Адепт оторопел. Он выпрямился, забыв про боль в боку.

– Ты помнишь?

– Нааррон Великий Защитник? Конечно, помню, Нааррон великий заучка-вонючка. Повторяй за мной, или я тебе устрою!

Адепт из чувства протеста ещё немного постоял на месте, не желая подчиняться, но поймав грозный взгляд, обещавший немедленную кару, как умел принялся повторять несложные движения утренней зарядки.

3.

Шёл четвёртый день путешествия.

Перекусив и дав отдохнуть лошадям, путники продолжали двигаться вдоль берега реки, которая теперь стала намного уже и, оправдывая своё название, значительно быстрее. Тропа влилась в проторённую дорогу, которая выворачивала из-за подступившего ельника и дальше вела вдоль кромки леса, хотя и не подходила к деревьям слишком близко. Нааррон мысленно радовался, что закончились бескрайние просторы. Три дня ночёвок на берегу для него, келейного затворника, стали серьёзным испытанием. Вчера они даже

нормально не поужинали. Кроме уток, охотится здесь было не на кого, да и те со своими гнёздами остались далеко позади в зарослях камыша и рогоза. Мыши и суслики не вдохновляли на кулинарные изыски, потому пришлось доедать оставшиеся сухари, запивая травяным отваром. Примерно таким же случился и завтрак, несмотря на то, что Крэг честно попытался поймать рыбу импровизированной удочкой.

Потому выехали раньше, чем обычно и двигались чуточку быстрее. Неспешное путешествие по мягкой земле дало отдых бедному мерину, и он почти перестал хромать. Нааррон ещё робел, взбираясь в седло, но с каждым разом у него это выходило все будничнее. Большая доля заслуги принадлежала в этом смиренной кобылке, которая проявляла свободы воли не больше, чем деревянная скамья. Она лишь снисходительно фыркала, но перебирала ногами, повинувшись всаднику.

– Скажи, как случилось, что ты так себя запустил? – Внезапно спросил Крэг.

– Что? Ты о чём? – Погружённый в собственные мысли адепт, не сразу сообразил о чём говорит Защитник.

– Я, говорю, как ты до такого докатился, заучка? Ведь вроде нормальный парень. Руки-ноги на месте. Здоровенный – весь в деда. Да и упражнения для мудрецов никто не отменял.

– Не твоё дело! – Рывкнул обиженно Нааррон. – Ты мне специально настроение портишь?

– А вот ещё как моё! Чем лучше ты подготовлен, тем боль-

ше у нас шансов.

– Твоё дело меня охранять. Я мозг, а ты – всего лишь му-скулы.

– С таким же успехом я могу тащить на себе мешок ка-пусты. Если поймаю стрелу в горло или отравленный нож в сердце, ты сможешь сделать не больше, чтобы спастись и за-вершить задание.

Как ни странно, при этом в голосе Крэга не было насмеш-ки, скорее присутствовала лёгкая досада. С такой стороны Нааррон не рассматривал их путешествие, а потому не на-шёлся что ответить. Мелькнула горькая мысль: «Если хоро-шо подумать, он прав. Я, и правда, себя запустил».

Тем временем Защитник продолжал рассуждения:

– Ещё остаётся открытым женский вопрос. Девки любят сильных парней, а не умников. Им не столь важно, кто ты, если имеешь мощное тело и достаточно вынослив. Я вот был уверен, что мудрецы размножаются обычным способом, но глядя на тебя... – в глазах Крэга заиграли черти.

– Ну, знаешь! Это уже слишком! – Взорвался Нааррон, чувствуя, как уши пылают. – Прекрати немедленно!

– Хотя, опять же, если подумать, не все мудрецы такие рохли. Взять, к примеру, Настоятеля Агилона...

– Помогите! – Раздался тоненький крик. Из леса выскочил и направился напрямиком к дороге ребёнок.

Глава 8

1.

– Помогите!

– А ну стоять! – Рывкнул Защитник. – Что случилось? Ты как тут оказался?

– Дя-яденьки, только не бе-ейте, – затынул долговязый парнишка плаксивым голосом. – Я грибы собира-ал, заблуди-ился! Три дня-я плутаю – е-есть хочется!

– Экий, ты, шустрый! – Крэг тем временем внимательно всматривался в кромку леса, то и дело поглядывая на место, где дорога поворачивала за деревья, но так ничего подозрительного и не усмотрел. – Говоришь, грибы собирал?

– Собира-ал, – согласно кивнул найдёныш косматой головой.

– А где же твоё лукошко?

– Так, это... Потерял же в лесу.

– Не врёшь?

– Не вру-у-у! Тятка дома уши надерё-ё-ёт за лукошко-то! – Снова заголосил мальчишка, кулаком размазывая сопли по грязному лицу.

– Слышь, малой, а ты откуда будешь?

– Дык, деревенский ж я! Из Заячьей Пади, что у Красных Горок.

– Вот она – дорога-то. Топай прямо, там и до города неда-

лече, – махнул рукой Крэг старательно изображая говор простого люда.

– Ы-ы-и-и-и-и, дя-я-деньк-и-и-и, – снова завёл своё парнишка, – я три дня ничего, кроме ягод не е-е-ел! Живот боли-и-ит! Люди на дороге лихи-и-ие, оби-и-идют сироту-у-у!

– Так сироту, или же тятка уши надерёт? Ты уж определись.

– К... Рэн, да пусть парнишка идёт следом. Сколько ещё до Красных Горок? – Миротлюбиво спросил Нааррон.

– Завтра к вечеру там должны быть, ежели как и сейчас пойдём. – Защитник пристально посмотрел на адепта, пытаюсь взглядом выразить неодобрение.

– Не переживай, малец, мой охранитель получает плату за свою работу, – будто нарочно проигнорировал его адепт, – вот и старается. Ты нам не помешаешь. Иди следом до самых Красных Горок. Найдёшь оттуда путь к своей деревне?

– Найду! – Мальчонка радостно кивнул, тут же осушив поток слёз.

– Меня зовут господин Нари.

– Спасибо, господин Нари! – Он тут же признал в более утончённом Наарроне важную птицу.

Крэг недовольно сузил глаза, но не стал спорить, поддерживая легенду.

– Значит, господин настаивает, чтобы мальчишка следовал за нами?

– Господин настаивает, чтобы ты уступил ему своего ме-

рина.

– За это ты мне не платишь, – Защитник одарил адепта таким многообещающим взглядом, что тот тут же добавил:

– Я пошутил.

Поравнявшись, Крэг тихо сказал:

– Будешь выпендриваться, заучка, сильно пожалеешь. Мне все это не по душе.

Нааррон скорчил в ответ гримасу:

– С каких пор ты стал таким мнительным? Это же просто мальчишка. Подозрительнее было бы бросить его в беде.

Они, не сговариваясь, обернулись. Парень вприпрыжку поспешал следом, совершенно не выказывая признаков усталости и истощения после трёхдневного скитания по лесам.

Солнце наполовину скрылось за верхушками деревьев, накрыв дорогу густой тенью. Там дальше на полях его лучи окрасили туман в розовый цвет – должно быть неподалёку имеется какой-то пруд или озеро. Потихоньку опускались сумерки. За всю дорогу они снова так никого больше не встретили – путники предпочитали более короткий и оживлённый тракт, что и к лучшему. Пришла пора остановиться на ночлег.

По дороге Крэгу удалось подстрелить парочку куропаток из своего арбалета, чудом высмотрев их в сухой прошлогодней траве.

– Рэн, разведи костёр и займись ужином, – распорядился Нааррон с благородным видом, на что провожатый одарил

его тяжёлым взглядом. – А я, так и быть, помогу тебе с лошадьми, – поспешно добавил адепт.

На самом деле Защитник возложил на него эту обязанность, чтобы он потихоньку избавлялся от своих страхов.

«А, может, и просто, ради досады».

– Конечно, господин, вы так добры. – Глаза недозащитника обещали скорую расплату.

– Как тебя зовут, парень? – Обратился Нааррон к мальчишке.

– Сей... Сайкер, господин.

– Необычное имя для деревенского парнишки, – отметил Крэг.

– Моя мать была из городских, – пожал плечами тот. – У них иные порядки. В деревне раньше смеялись, потом привыкли, даже дразниться перестали, – он многозначительно ударил кулаком по ладони, как бы говоря: «У меня сильно не забалуешь!»

– Вот что, Сайкер, помощи-ка собрать хворост для костра. Да не ленись.

– Да, господин Нар! – Мальчишка тут же сорвался в лес.

– Только не отходи далеко, а то снова заблудишься на ночь глядя, – напутствовал Крэг и добавил тихо, обращаясь к Нааррону: – Во-первых, заучка, не зарывайся. А во-вторых, я уже сказал, не нравится мне этот мальчишка. что-то с ним нечисто.

Он сунул птиц в руки адепту и, мягко поднявшись, тенью

скользнул вслед.

Через четверть часа объявился Сайкер с большущей охапкой хвороста, которую еле волок, чудом удерживая тонкими ручонками. Вскоре весело заплясал огонь, затрещал сучьями. Для разнообразия было решено запечь куропаток в глине – это Крэг, убедившись, что мальчонка занят именно тем, о чём его просили, не поленился сделать крюк и добрался до скрывающегося за полями озера. Нааррон к тому времени ощипал и выпотрошил птицу, начинив её припасёнными травами, и теперь занимался лошадьми. Ныне в лагере не было бездельников.

Стемнело.

Костер разгонял тьму, но за пределами небольшого круга, царил кромешный мрак. Сытый адепт осоловело развалился на одеяле и то таращился на огонь, то разглядывал своих попутчиков. Защитник сидел напротив и точил внушительный нож. В неверном свете языков пламени его лицо выглядело несколько зловеще. Мальчишка, довольно лыбясь, жадно впивался в мясо белыми крепкими зубами. Покончив со своей порцией, он свернулся клубочком под выделенной ему лошадиной попоной и теперь вовсю сопел.

Мелькнула мысль: «Парень был голодный, но за всю дорогу так и не попросил еды, только попил, когда предложили».

Мелькнула и тут же пропала.

– Завтра меня не буди, – распорядился Нааррон, удобнее устраиваясь на импровизированном ложе.

Крэг ничего не ответил, только криво ухмыльнулся в темноту.

2.

К удивлению адепта, это утро мало чем отличалось от вчерашнего и предыдущих, разве что изменилась подача:

– Подъём, господин, Нар! – Одеяло по традиции улетело прочь. – Вы забыли, что велел лекарь? Вам необходимо для здоровья рано вставать, – незаметный пинок, подкрепил вежливые слова, заставив Нааррона подскочить.

– Кр... Рэн! Я же просил!

– Не забывайте, как полезно для организма принимать закаливающие ванны. Таков наказ вашего лекаря. Вы же не хотите его нарушать? – Лицо Крэга выражало крайнюю учтивость, а в золотистых зрачках плясали черти. – Сымайте все лишнее и бегом умываться! Извольте, помогу.

Невзирая на слабые протесты, Защитник содрал с адепта хламиду, успев незаметно отвесить пару тумачков.

– Отстань! Я сам! – Недовольный адепт, в основном из чувства самосохранения, стащил с себя все лишнее, оставшись, в холщовых портах.

– Вот и славненько. А теперь бегом! Бегом к озеру! – Крэг обернулся на сонно лупающего глазами мальчишку. – Эй, а ты чего расселся? Давай-ка следом! Я тебя одного в лагере не оставлю, даже не думай! – Он направился было к Сайкеру, но тот, взвизгнув, вскочил и, мелькая босыми пятками,

бросился за Наарроном.

– Господин Нари, господин Нари! Чой-та он? – Завопил пацан визгливым, тоненьким голосом.

– С ума он сошёл! – Отозвался адепт на бегу. – Топить будет.

– Как топить? – Мальчонка от удивления даже остановился, но, опомнившись, припустил вновь.

Достигнув берега, будущий Хранитель самостоятельно вошёл в воду. Вздыхая и охая, поплескал на худосочный торс, привыкая к холоду. Вода показалось такой ледяной, что сводило кишки, но адепт заставил себя умыться, искоса поглядывая на Защитника. Тот, ехидно ухмыляясь, пронёсся мимо, щедро обрызгав, и уплыл туда, где было глубже. Сайкер, ёжась и поджимая то одну, то другую ногу, тёрся на берегу и беспомощно озирался по сторонам. Убедившись, что на него никто особого внимания не обращает, потихоньку бочком перебрался за камыши.

– Эй, малец, – тут же выкрикнул из воды Крэг, – а ну давай сюда! Тебе следует вымыться!

– Дяденька Рэн, вода холодная! Я плохо плаваю, – раздалось из зарослей.

– А вот как я тебе сейчас помогу?

– Не надо, дяденька Рэн! Я сам умоюсь, только не тащите в воду, пожа-алуйста! – Заканючил мальчишка и тотчас вернулся.

Он присел у воды на корточки и, макая в воду по два паль-

ца, начал старательно тереть лицо и даже шею, то и дело поглядывая с опаской на Защитника.

– Пойду бегать, – сообщил Нааррон, посчитав, что на сегодня с него водных процедур достаточно: «Вон уже зуб на зуб не попадает!»

Крэг направился к берегу, заметив, что Сайкер сразу опасно отодвинулся подальше. Адепт тем временем весьма бодро чесал по тропинке к лесу. Малец, немного поразмыслив, здраво решил, что с господином Нари будет куда как безопасней, и припустил следом, громко крича:

– Господин Нари, подождите!

3.

Перекусив, троица свернула лагерь.

– К вечеру должны показаться Красные Горки. Хорошо бы успеть до темноты, пока ворота открыты, – Крэг придирчиво осматривал осёдланного Наарроном мерина. – Не хочется снаружи ночевать. А ежели опоздаем на постой пустишь?

Защитник подмигнул мальчонке, отметив, как тот слегка побледнел, но тем не менее бойко ответил:

– Отчего не пустить? Пущу. Да и тятка против не будет, ежели за постой заплатите.

– Коли не брешешь, твой батюшка останется доволен, – продолжил зубоскальство курсант.

В Красных горках он планировал задержаться на день-

другой. Пополнить припасы и сменить лошадей. Мерин и кобылка для длительного путешествия не годились, разве что в качестве вьючных. Скучный запас провизии, захваченный из Ордена, подошёл к концу. Да и чтобы добраться до места требовалась серьёзная подготовка.

Храм Киаланы у Излома так и назывался, потому как находился именно что у Излома. Климат в тех местах суровый. Не такой, как везде. Там царит вечная осень, знаменуя ночи лёгким морозцем, а дни – пронизывающим ветром и холодными дождями. Редкий случай, когда выглянет солнце. По крайней мере, в учебниках так писали. А потому неплохо бы было обзавестись подходящей одеждой. Сам Крэг снарядился по-походному: простая куртка и штаны, в сумках с собой тёплая поддёвка. Да и привычен он к прохладе. Защитникам нипочём жара и холод – это в крови, да ещё бережёт *сила*.

«Только вот обувь... Обувь может выдать, – Крэг прекратил созерцать свои ботинки и раздражённо глянул на заучку: – Да ещё эта хламида!»

Конечно, вряд ли кто-то признает в Нарроне мудреца из Ордена. Скорее примут за студиязуса какого-нибудь университета, коих тьма в столице. Но тех, кто бережётся, берегут сами боги.

– Сайкер, а ты часто бываешь в Красных Горках? – Спросил Нааррон.

– Порой случается, – ответил парнишка.

– А что, есть там приличные места для ночлега?

– Приличные-то? А то как же! От северных ворот ведёт улица, вы на ней не останавливайтесь. Там самые дорогие заведения. Хозяева – ворюги!

– Все как один? – Уточнил Защитник.

– Ага, – с готовностью подтвердил мальчишка.

– Так, где же лучше переночевать?

– Поверните к западным, через Калашную улицу. Увидите вывеску – огромный колос пшеницы. Это постоянный двор «Полный колос» – туда не заходите. Там дорого и хозяин...

– Ворюга? – Приподнял брови Крэг.

– Не такой, как у северных ворот, но тоже ворюга и скупердяй. И пиво кислое наливает, – Сайкер скривился с видом знатока, – дай волю и три шкуры сдерёт.

– А ты то по чём знаешь?

– Так эта... Батяка жеж сказывал, – развёл руками парнишка.

– Где же нам лучше ночевать-то? – Нааррон заёрзал в седле.

Ему уже мерещились льняные, пахнущие лавандой, простыни. Ноздри, казалось, улавливали запах свежего хлеба. Грезились, тонущие в масле, клубни молодого картофеля, и нежный барашек вращался не спеша на вертеле... В животе громко заурчало.

– Напротив «Полного колоса» увидите другой постоянный двор «Четыре кошки». Там ещё вывеска забавная. Вот туда и идите. То, что с виду невзрачно, не обращайтесь внимания.

Зато еда свежая, и берут по-честному.

– Спасибо за напутствие, – поблагодарил Крэг, решив, что не так уж плох мальчонка, и спросил: – А рынок где?

– Так у западных ворот жеж и находится. Сейчас как раз должна быть, ярмарка. Купцы с заморскими товарами понаехали...

Адепт, в свою очередь проникшись, кинул пареньку мелкую монету. Тот её ловко поймал и, засияв, тут же спрятал под одежду.

Глава 9

1.

Кира открыла глаза и обнаружила, что лежит в собственной постели. Счастливо вздохнув, откинулась на подушку. Хвала Киалане! Это всё просто дурной сон – вон, даже голова ещё побаливает. Выпростав руку, опустила её вниз, привычно ожидая тычка мокрым носом в ладонь, но вспомнила, что Туман уже неделю как на охотничьей заимке охраняет Полночь.

«Жаль, не все можно списать на сны».

Маясь от недостатка развлечений, бугаи Паситы затеяли устраивать лошадиные бега, порой, до пены загоняя деревенских кобылок. Всё это время охотнице удавалось скрывать свою красавицу-лошадку – отцовский подарок – в хлеву. Но когда тин Шнобберы стали шарить по дворам, Кира решила от греха подальше увести Полночь на заимку. Тоже, конечно, риск, но она предпочла бы, чтобы Полночь загрызли звери, или увели треклятые сартоги, чем грязный сапог Харилы пинал горячие беспокойные бока.

Внезапно Кира осознала, что тепло укутана и накрыта пуховым одеялом. А ведь сроду не мерзла и зимой редко, когда снимала куртку, лишь поддевая пуховый платок в особый мороз.

«И зачем все это? Странно. Лето на дворе!»

Последние воспоминания сводились к тому, что на улице стоит жара. Тем не менее она даже не вспотела, хотя, раскрывшись, вздохнула свободней.

Размышления прервала откинувшаяся занавеска. Вошла Анасташа, тревожно всматриваясь ей в лицо.

– Мама?

– Как ты себя чувствуешь, доченька? – Она тихо присела рядом, но вдруг не выдержала и, повинувшись порыву, сжала Киру в объятьях. – Проклятый Пасита! – Рыкнула она так, что позавидовал бы и Могута. – Стая раздери его самого и этих лиходеев!

– Мам, ты чего? – Кира мягко отстранилась.

– Что эти дети сартогской шлюхи с тобой сотворили?

Анасташа никогда не позволяла себе так грязно ругаться, и Кира удивлённо выпучила глаза. – Я прихватила зелье у знахарки, – тем временем продолжала мать, тревожно всматриваясь в лицо дочери. – Выпей на всякий случай.

Кира вдруг осознала, что не помнит, как оказалась дома.

«Я вспоминала Микора по дороге к купальням. Но что же случилось потом?»

– Кто сделал? Какое зелье? – переспросила она, спуская ноги на нагретый солнцем дощатый пол.

– Зелье-то, чтобы плод не прижился. Лучше сразу, чем потом вытравлять. Опасно это.

Кира только открыла рот, но не успела ничего сказать, как из-за занавески вынырнули две мордашки. Залепетали напе-

ребой:

– Кирочка!

– Кирочка, прости нас!

К охотнице бросились Маришка и Солана. Схватили за руки, принялись гладить. Затараторили, перебивая друг друга:

– Кирочка, мы так испугались! Побежали в деревню, – Маришка выпучила свои огромные, как у матери, глазищи.

– Люту с Ламитой встретили по дороге, – перебила её подруга.

– Это он тебя домой принёс.

– Ты у купален сомлела!

– И холодная! Прямо ледяная была, – наперебой трещали девчонки.

– Помедленней! Я за вами не поспеваю, – осадил их Кира.

– Кирочка, простишь ли? Мордан и Харила – страшные! Я испугалась. Не сумела промолчать, – Солана виновато опустила глаза и залилась краской.

– Ты, Соланка – дура. Нет бы соврала чего! – Пихнула подругу в бок огнегривая Маришка.

– Цыц, балаболки! – Прикрикнула на шумных подружек Анасташа. Устало и расстроено всплеснула руками: – Дочка, беда-то какая! Защитник Пасита велел, чтобы ты к нему в избу явилась, как только очнёшься.

В мозгах немного прояснилось, и Кира резко вскочила, в

ужасе схватившись за голову:

– Я убила Харилу!

– Киалана Заступница! Кира-а... – Анасташа так и опустилась на лавку, приложив ладони к щекам.

– Кирочка, что ты такое говоришь? – Маришка удивлённо наморщила лоб. – Харила вернулся вместе с Морданом. Живой он. Мы сами видели. Правда хромал сильно. Мордан его до избы Защитника довёл.

– Да! И на лбу у него теперь огромная шишка! – Радостно добавила Солана. – Но он уж точно не помер, – она робко улыбнулась. – Хотя, жаль.

– Ох и напугала же ты меня! Я и запомнила, о чём люди судачили. – Выдохнула Анасташа. – Мол, прихлебатели Защитничка передрались промеж собой, когда тебя насильничали.

– Что?! – Тут уж пришла пора Киры удивляться. К счастью, произошедшее вспомнилось ровно до того самого момента, когда горе-воины убралась восвояси. – Никто меня не насильничал, мама! Мы подрались, и я... Я ударила Харилу, а Мордан его унёс, потому что он чувств лишился. А потом...

– Ой ли?! – Перебила Анасташа, и в синих глазах отразилось недоверие.

– Мама! Тебе ли не знать, кто меня учил? Хотя, конечно, ты-то всегда считала, что это так – баловство. Любимое дятко тешится. А я в драке не уступлю и Микору, даром что

девка!

Анасташа все ещё с долей сомнения смотрела на дочь.

– Теть Таш, Кира не обманывает!

– Да-да, мы все видели! И как Мордан в воде искупался с Кириной помощью, – Маришка хихикнула.

– Видели! Т-а-ак и полетел. С головой окунулся! – С вос-
торгом добавила Соланка.

– Я тоже так хочу уметь, – продолжила Маришка.

– А тятка сказал, что нас тогда никто замуж не возьмёт,
как Киру! – Выпалила Соланка и осеклась, покраснев под
грозным взглядом Маришки.

– Да ну вас! – Отмахнулась охотница, которую неожидан-
но задела такие слова. – Мам, не знаешь, зачем я Пасите по-
надобилась? – И тут же осеклась.

«Глупый вопрос. Конечно же, наказать хочет за то, что
отлупила прихвостней. А, скорее, развлечься...»

Анасташа снова схватилась за сердце. Кира помрачнела.
Похоже, прав был Микор. Рано или поздно ее, все одно, за-
метили.

– Чему быть, того не миновать. Негоже заставлять ждать
Защитника.

Хмурая, как грозовая туча, она решительно выпрямилась
и оглянулась в поисках одежды. Отбросив в угол злосчаст-
ный сарафан, попавшийся на пути первым, споро натянула
привычный охотничий наряд. Посетовала мысленно: «Будет
жарко в куртке на рубаху. Да и пусть!»

Любимое облачение заботливо вычистила мать, и оно аккуратной горкой высилось на сундуке. Одевшись, охотница пристроила на пояс ножны и вдруг поняла, что они пусты.

– Где мой нож?

Девчонки переглянулись и пожали плечами. Анасташа, чуть подумав, ответила:

– Так, ты ж его с собой брала. Может, в воду упал?

– Точно! Я же его под камень спрятала на берегу. Это даже хорошо, что про него в драке не вспомнила, а то тогда не к Защитнику идти, а за Излом бежать настала б пора.

Анасташа сделала защитный знак рукой, призывая Киалану смилостивиться и отвести беду.

– Ки-ир, – Соланка подёргала за рукав. – Может Лютобор прихватил?

– Нож Каррона Защитника – приметный. Его все в деревне узнают. Люта догадался бы забрать, – рассудительно добавила бойкая Маришка.

– Спасибо, девочки! Мама, – Кира порывисто крепко обняла Анасташу и быстро выскочила на двор.

Вдохнув вечерний воздух, напоенный запахами трав, взглянула на родное небо, на дорогу.

«Будто прощаюсь... – мелькнула мысль, и стало немного страшно. – Эх! Как же сейчас не хватает Полночи. Сесть бы верхом и нестись через поля, ни о чём не думая. Далек-далеко... Полночь! Кто-то должен о ней позаботиться, если я вдруг не вернусь.

Кира поняла, если с ней захотят что-то сотворить, будет драться насмерть. А значит тин Хорвейг ее убьет. Если не сразу, то потом засечёт до смерти. Вряд ли подобное спустит.

Пошла она отчего-то дальней дорогой. Сначала вообще в другую сторону, а потом в обход деревни, словно надыхаться пыталась. На счастье, у околицы встретился Лютобор с вязанкой молодой лозы. Люта мастак был плести в свободное время. Из-под его рук выходили не только отличные туеса, да корзинки, но и вообще, что угодно. Деревенским мальчишкам он однажды наплёл на зиму коней, да поставил на кривые салазки. Одного себе для примера оставил, да летом на ярмарку в Птичий Терем свез. Сказывал, с руками оторвали.

– Кира, здоровенько! Говорят...

– Здрав будь, Люта! – Перебила охотница. – Никак опять к ярмарке готовишься? – она указала на прутья.

– Да вот, есть еще пара задумок, а так-то уже все, почитай, и готово. Зима долгая была.

– Поблагодарить тебя хочу. Маришка сказала, это ты меня от купален принёс...

Тут Кира зарделась, припомнив, в каком виде Лютобор её там мог найти. И парень, похоже, всё понял, поспешив успокоить:

– Мы с Ламитой были. Она первая тебя обнаружила, и меня кликнула.

– Передай и Ламите низкий поклон. Ежели доведётся, лично её отблагодарю. Ан нет, сходите к моей матери и вы-

берите лучших соболей, какие только есть в клетях.

– Кира, странно говоришь, будто прощаясь? – Нахмурился Лютобор.

– А может оно так и есть, кто знает? – Кира тяжело вздохнула, неопределённо махнув рукой. – Люта, ты мой нож, слушаем, не видел?

– Тот, который от Каррона тебе остался? Приметный такой.

– Он самый. Я его под камень у купален прятала.

– Нет, не видел. Да мы тогда за тебя испугались. Ламита сарафан нашла, да рубаху и скорее домой. А ты холодная, что не живая... Мне порою мстилось – тело несущая, – Люта смутился. – Матрёна тоже удивилась сильно. Сказала, живая, но что с тобой, толком не пояснила, сразу отвар какой-то влила, да закутать велела потеплее. А потом, и вовсе, из избы всех выгнали, чтобы ты отдыхала. Девчонки сказывали, ты с тин Шнобберами дралась?

– Вроде как, – Кира не хотела вдаваться в объяснения, а Лютобор понятливо не стал настаивать. – Ладно. Пожалуй, схожу сама поищу, – охотница решила, не станет торопиться к Защитнику. Чему быть, все равно не миновать. – Люта, у меня просьба будет. Полночь и Туман – на заимке. Позаботишься о них, если сама не смогу?

– Какой разговор, – Лютобор кивнул посмурнев. – Я их и так уже два дня кормлю.

– Какие два дня?!

Кира опешила: «Неужто я два дня провалялась? А Пасита то все ждёт!»

Слабая надежда на благополучный исход дела таяла на глазах.

– Так оно и выходит, – подтвердил Лютобор.

– Ох... Ладно, Люта, пойду я тогда.

– Храни тебя Киалана, Кира! – Люта перехватил поудобнее вязанку.

Кира бегом бросилась к купальням. Обыскав весь берег, с лёгкостью признала тот самый камень, но ножа под ним не обнаружилось – видать кто-то забрал. Кто, уже не понять. За это время следов не осталось. От досады охотница даже ногой притопнула. Обидно было до слез. Нож Каррона был ей очень дорог.

Как не таились Каррон и Анасташа, Кира с детства знала о том, что Защитник её отец. Однажды она случайно подслушала их с матерью разговор. Это случилось сразу после памятного набега сартогов. В деревне про то никто не ведал, кроме отца, матери, бабушки Желаны, да деда Огина, который к тому времени уже помер. Да вот оказалось еще староста Опорафий знал.

По малолетней глупости, она решила поделиться радостью с Микором. Захлебываясь от счастья, шёпотом сообщила другу, что никакой она не приёмщи, а дочка Защитника! Самая, что ни на есть настоящая, но тот только поднял её на смех: «Кира, глупая девчонка! У Защитников

вообще дочери не родятся. Стыдно не знать». Сказал, что все она себе напридумывала, а Каррон к ней и так как к родной относится, потому что он добрый и любит её приемную мать.

Кира на него тогда целую седмицу дулась. Но словам его не поверила, а хорошо все обдумав, решила больше ни одной душе не рассказывать свою тайну. И даже с Микором о том более не заговаривать.

Не торопясь, охотница вернулась в деревню. Шла медленно, пытаясь собраться с мыслями, прежде чем заявиться к Защитнику.

«И что я ему скажу?»

В голове никак не укладывалось, почему тин Хорвейг столько ждал, пока она очнётся? Ведь мог попросту приказать, и ее бы вытащили из постели силой. Это было бы на него похоже. На душе стало ещё тревожнее.

2.

Пасита выжидательно смотрел в окно, на губах змеилась довольная улыбка. Время от времени нетерпение одерживало верх, и он начинал притопывать ногой. Затем, ловил себя на этом и усилием воли останавливался. Он – Защитник. Он должен быть терпеливым. Он умеет быть терпеливым.

Тин Хорвейг погладил отполированную временем рукоять охотничьего ножа. Это, без сомнений, тот самый. Пасита хорошо помнил каждый изгиб лезвия, каждый костяной за-

виток. Время не наложило на добрую сталь отпечатка. Клинок из закалённой в магическом пламени стали совсем не изменился.

«Вопрос: как нож Защитника оказался у деревенской девчонки?»

Ответ скоро должен был прийти своими ногами.

Когда прилетел почтовый голубь с запиской от Затолана, Пасита поначалу впал в бешенство. Разгромил собачью будку, чуть не спалил дуб под окном и едва не вынес дверь в избу. Чудом удалось сдержать рвущуюся наружу силу. Правда для этого пришлось несколько часов упорно медитировать, восстанавливая разрушенные узлы и блоки потоков. Это далось нелегко. Но и сожжённую деревню, которую его направили беречь, Светлый князь Великого княжества Яррос ему бы точно не простил. Уж очень нежная любовь к Приграничью пылает в благородном сердце Богомила.

Пасита презрительно скривился. Конечно, ведь именно здешние жители не дают сартогам, Стае и чудовищам из Излома добраться до Стольна-града, и вогнать клыки прямо в его белый изнеженный зад.

Пасита покривил душой. Не таким уж неженкой был Светлый Князь Богомил, как осерчавшему Защитнику хотелось бы думать.

Записка.

В ней было два коротких, но исполненных смыслом предложения:

«Не забывайся! Постарайся найти дочь».

Если кто-то и смог бы перехватить послание, то вряд ли понял бы истинный смысл сказанного. В первой части говорилось о том, что Затолян непостижимым образом узнал о его маленьких шалостях в деревне, и остался недоволен. Конечно, он же, нерадивый племянник, позор на дядины седины, пятно на сияющем гербе Ордена и все такое прочее. Слыхано многожды во время многочисленных выволочек. Но вот загвоздка, такой поразительной силы нет ни у кого из тин Хорвейгов, вот дядя и вынужден терпеть все его выходы. Ведь выгодно иметь на своей стороне сильнейшего на данный момент Защитника Ордена. Пожалуй, только Настоятель Махаррон мог бы его переплюнуть, да только вот проверить это было нельзя.

Вторая часть послания Пасите и вовсе показалась шуткой.

«Постарайся найти дочь. Затолян что, издевается?!»

К счастью, медитация помогла не только обуздать силу, но и прочистить мозги. А заодно вспомнить один подслушанный разговор. Дядя не шутил. Много лет назад у Каррона, помимо никчёмного мудреца, действительно родилась ещё и дочь.

«Невероятно! Дочь у Защитника!»

Случилось невозможное. Но, главное, что пророчество могло оказаться – не просто предсмертным бредом полоумной старухи.

Пасита тин Хорвейг прекрасно понимал, назначение в Золотые Орешки по сути – ссылка. Такое место хорошо, для Защитника, чьи золотые годы позади.

«Взять хотя бы этот ритуал с клятвой. Да его же отменили лет двести назад».

Курсанты об этом только и знали, что из уроков истории Ордена. Порой, в шутку даже жалели, что сейчас не так. Да и Защитники теперь не были обязаны сидеть как привязанные на одном месте до конца своих дней. Орден за просто мог отозвать одного и назначить другого, если имелась на то причина.

«Если подумать, я совершенно не против некоторых старинных ритуалов. Даже наоборот!»

Взять, к примеру, Глашку. Девка, похоже, свято верила, что исполняет долг, и старалась как могла. При этом не вела себя, как изнеженные вниманием столичные аристократки, а он не спешил её разубеждать.

Пасита заставил ушедшие в сторону мысли вернуться в рабочее русло.

«Стоп! А ведь дядя неспроста уговорил Махаррона отправить нерадивого племянничка именно в эту дыру! Именно в Орешках провел последние годы Каррон. Да и умер он как-то странно, уж не дядиных ли рук это дело? С Затолана станется. Выходит, дядя обо всём заранее знал, и слова старухи для него не имели ровно никакого значения?»

С этого момента Пасита тин Хорвейг потерял покой. Во

что бы то ни стало он решил отыскать девчонку.

«Сколько ей сейчас?»

Первое время в этой дыре одна мысль о том, что время уходит сквозь пальцы, приводила в бешенство: как он сможет её отыскать, находясь в этой глухомани? Какова вероятность, что она ещё здесь? Не выдали ли ее замуж в одну из соседних деревень? Не погибла ли от родовой горячки, производя на свет шестого по счету выродка пьянице-мужу?

«Керун и Киалана, пусть она будет жива!» – как никогда искренне взмолился Пасита.

Защитник улыбнулся и в очередной раз подбросил нож.

«И всё-таки! У Каррона была дочь. Дочь!»

Древние Защитники могли заводить семьи и жить, как любые другие люди, но потом появился Кодекс – свод правил. Каждый Защитник знал, что никогда не женится. Угаснуть родам не давало только то, что наравне с Защитниками рождались Хранители знаний. А также то, что им самим не запрещалось иметь детей.

С тех пор как Защитники стали верными псами – гарантиями государственной безопасности, им запретили заводить семьи. Нет, дети не стали рождаться реже, наоборот. С врожденной привлекательностью Защитники всегда были приманкой для женщин. Иногда Пасите казалось, что Кодекс и был создан, чтобы развязать им руки, а точнее, кое-что по-ниже.

Но среди детей становилось все меньше девочек. Наделе-

на *даром* и вовсе была одна из десяти. Со временем их появление на свет и вовсе сошло на нет по неизвестным причинам. Хранители знаний бились над этой загадкой, но так и не приблизились ни на шаг к ответу. Плохо то, что и рождение мальчика с *даром* – теперь считается великим событием. А женщина, родившая будущего Защитника, удостоивается особых почестей. Ребенка сразу забирают в Орден, где он живет до самой Церемонии Определения.

Но на деле Кодекс хоть и предписывал скрывать наличие родственных связей, правило давно соблюдалось чисто формально, и молодые курсанты из дворян свободно навещали родительские поместья на каникулах.

У самого Паситы до сих пор не было детей. И надо сказать, что сие обстоятельство было единственным, что причиняло Защитнику настоящую боль. Нет, дело вовсе не в том, что он жаждал воспитывать ребёнка. Просто Пасита тин Хорвейг привык себя чувствовать лучшим. Везде и во всём. Один из лучших Защитников, обладающий огромной мощью, к тому же привлекательнейший мужчина столицы. А то, что он в свои тридцать две зимы до сих пор не смог зачать, в то время, когда другие едва ли не вели счет на спор, делало его неполноценным в собственных глазах.

О! Пасита много работал над решением этой проблемой, совмещая приятное с полезным. Поначалу выбирал самых знатных девиц, самые невинные бутоны из хороших родов. Красивые ухаживанья, комплименты, дорогие подарки дела-

ли свое дело, хотя ему особо и не требовалось стараться. Дамы всех возрастов, независимо от семейного положения и количества детей, сами стремились побывать в его постели, поддаваясь невидимым чарам. Эдакому природному магнетизму, которым Пасита обладало вдвойне. К тому же он был богат, а род тин Хорвейгов являлся одним из самых влиятельных и вёл начало от княжеского.

Другое дело, что родители невинных бутонов, по большей части были против, но Пасита легко находил лазейки и подходы, только больше кружа хорошенькие головы. Запретный плод сладок – это работало в обе стороны.

Но время уходило, а ни одна барышня, так и не соизволила понести. Вдобавок, он разочаровался и в самих барышнях. Те часто корчили невинность, а на поверку оказывались весьма искушёнными обольстительницами, через врата Киаланы коих прошло несметное количество путников.

Со временем Пасита, осознав, что невинные бутоны быстро заканчиваются и требуют много времени, клятв в вечной любви, а потом еще и досаждают обвинениями, перестал гнушаться и менее чистых созданий. И даже замужних, если те были не против. О, оказалось, что как раз такие интересней. Ведь они сами, не желая тратить время на разговоры, спешили перейти к делу. Затем дошла очередь и до их смазливых служанок. Как правило, те на поверку оказывались гораздо привлекательнее и свежее своих хозяек, но тоже редко были против, радуясь вниманию господина Защитника и

надеясь на то же самое, что и он. Для них ребенок, зачатый от Защитника был шансом. Ступенькой наверх.

Мало-помалу Пасита, щедро наделённый Киаланой мужской красотой и статью, начал тихо презирать женщин, обвиняя их в своих несчастьях. Наступил момент, когда он, охладев, совершенно прекратил свои изыскания. И, о чудо! Барышни всех сортов стали сами искать внимания Паситы тин Хорвейга. Пожалуй, в то время он стал самой вожаделенной персоной при княжеском дворе. Не зная отказа, и даже несмотря на то, что порой открыто выказывал пренебрежение.

Но вот случилось неизбежное. Устав от примелькавшихся, сочащихся ядом и прочими соками змей, коими кишела столица, он положил глаз на юную барышню – дочь посла Акианского королевства, прибывшего с дипломатической миссией в Великое Княжество Яррос.

Высокая, темноволосая, леди Иелла фире Анакассия, в отличии от столичных модниц, не блистала обнажёнными плечами и глубоким декольте. Напротив, все её платья были изящными, но весьма закрытыми. На лицо бросала сень неизменная вуаль, из-под которой Пасита время от времени ловил мимолётные взгляды на многочисленных приёмах. Тем не менее все попытки общения сводились к положенным по этикету жестам и фразам.

Однажды все же удалось завязать разговор, и загадочная дева не преминула отметить, что Пасита не ищет, но

и демонстративно избегает женского общества. И почему? Верно, все оттого, что верен своей даме сердца, и это достойно всяческих похвал. Такое чистое чувство встретишь ныне не часто. Пасите польстила и высокая оценка, и то, что заморская леди не смотрела на него плотоядным взглядом.

В тот раз они разговаривали почти до полуночи, и с тех пор леди Иелла прочно засела в его мыслях. Ночами в поместье, лёжа в одиночестве на огромной кровати, он вспоминал терпкий аромат цветочных духов. Остроумие и изящные манеры акианской красоты. И думал, что это она – его непокоренная крепость.

Через некоторое время на приёме по случаю именин одного из советников, Пасите тин Хорвейгу выдалась великолепная возможность, как ему тогда поместилось. Он весь вечер высматривал леди Иеллу среди придворных. Посол присутствовал, но его дочери нигде не было видно. Поиски затянулись, и Защитник слегка перебрал от расстройства. Почувствовав острую необходимость вырваться на волю, подальше от томных взглядов девиц разной степени свежести, он выбрался в сад, откуда через неприметную калитку проскользнул в разбитый по соседству княжеский парк, закрытый на это время для случайных посетителей.

Она стояла у пруда, мечтательно наблюдая за парой лебедей. Пасита, памятуя о сильном и решительном, молча подхватил Иеллу на руки и, не взирая на слабые протесты,

затащил в белокаменную беседку посреди пруда, куда вел узенький деревянный мостик, выкрашенный белой же краской.

Пенная вуаль была сорвана с лица, обнажив гладкую кожу, пухлые алые губы. Миндалевидные карие с поволокой глаза, обрамленные пышными ресницами. Узкий подбородок и жестко очерченные скулы, что не испортило общей картины, а наоборот добавило нездешнего шарма.

Защитник шептал заморской деве много нежных глупостей, и в тот момент сам в них едва не начал верить, наблюдая, как постепенно оттаивает под умелыми руками и страстными поцелуями заморская красавица.

Плотно скроенное, закрытое до самого горла платье, цвета выдержанного сагалийского вина, выгодно оттеняло тёмно-каштановые волосы, гармонируя с природным цветом губ, но совершенно не давало пространства для манёвра. А вот широкий многослойный низ, на поверку не оказался серьёзным препятствием.

Под подолом, к вящему удивлению, Пасита тин Хорвейг, обнаружили весьма жилистые волосатые ноги с моластными коленками. А заветное место, куда он так стремился, и вовсе напомнило что-то до боли родное и близкое.

Оттолкнув лже-деву, Защитник с отвращением сплюнул на белоснежный пол беседки, и едва ли не чувствуя себя мужеложцем, яростно вытер губы. Та же, нисколько не расстроенная, гаденько рассмеялась, аккуратно оправляя

юбки. А затем, демонстративно откашлявшись, огласила окрестности душераздирающим визгом, так, что заложилло уши.

На берегу уже маячил разгневанный посол-отец со своей акианской свитой, стража и даже гости. Ну не кидаться же было в воду?

На следующий день ему пришлось предстать перед Князем. Там же были Настоятель Махаррон и дядя Затолан.

Светлый князь Богомил ледяным тоном сообщил:

– Сегодня утром мне пришлось подписать соглашение с Акианским союзом. Там было одно очень невыгодное и унижительное условие. На эту уступку пришлось пойти, чтобы сохранить прежние торговые договоренности. В результате мы не получили ничего, а Акианцы стали на шаг ближе к своей цели! – Князь скрипнул зубами и, не глядя на Защитника, изъявил свою волю: – Приказываю Ордену временно удалить провинившегося из столицы, и чтобы ноги его здесь не было без особой на то необходимости, – он жестом показал, что аудиенция окончена.

За всё время Богомил даже ни разу не взглянул на Паисту. Не назвал по имени, будто бы тот был пустым местом. Все попытки Затолана объяснить произошедшее и убедить, что нельзя так просто раскидываться Защитниками с таким уровнем дара, пропали втуне.

– Как ты мог! – Журил Настоятель Махаррон, пока они вынужденно тряслись в карете, покидая город. – Ты навлек

позор не только на себя, но и на весь Орден! На все Великое Княжество!

– Да это же был мужик! О какой такой святой невинности и поруганной чести идёт речь?! – Не выдержал и сорвался Пасита, проявив недопустимое нарушение субординации.

– Глупец! Все! Все, кроме тебя понимали, для чего он притащил с собой эту свою «дочурку», но лишь ты клюнул на приманку! Ты никогда не мог держать себя в узде. Твои желания всегда для тебя на первом месте. Поэтому именно ты стал целью, особенно желанной, потому что ты не только один из тин Хорвейгов, а ещё и Защитник – один из столпов Ярроса! – Отдышавшись, настоятель заговорил спокойнее, обливая с ног до головы презрением. – Ты всегда был неводержан и высокомерен. Всегда слишком гордился своим происхождением. Куда там! Отпрыск рода тин Хорвейг! Это для тебя значит даже больше, чем твой ранг. Ты ошибаешься, считая, что имеешь право делать все, что захочется, – воздух в карете значительно остыл, несмотря на то, что за её пределами был знойный полдень. Пасита, покосился на Настоятеля, но смолчал.

Защитнику было велено как можно скорее отправляться в какие-то Золотые Орешки – глухую деревню, расположенную у самой восточной границы. Хорошо, хоть не приказали исследовать Излом изнутри. Пасита с ужасом думал о предстоящем путешествии. Он даже унизился и попросил

дядю Затолана, что-нибудь сделать, но тот был непреклонен. Сказал: «Мне едва удалось выбить для тебя это место. Поезжай и, наконец, научись ответственности!»

Ему дали срок два дня. Дел было много, а потому времени на сборы почти не осталось. Выкроив последний вечер перед отъездом, Пасита постарался обойти всех друзей и приятелей по пирушкам. Те ожидаемо сторонились и общались нехотя, не желая попасть в опалу к Князю или же тащиться неведомо куда.

Удалось соблазнить только братьев из обедневшего рода тин Шнобберов, посулив полное содержание, честь прислуживать Защитнику и развлечения для настоящих мужчин, коих они, сидя в столице, никогда не увидят. Если честно братья были полными тупицами, но ехать одному совершенно не хотелось. На следующий день рано утром Пасита, Мордан и Харила отправились в дорогу.

Через два дня в перелеске им повстречались старая карга с красавицей-дочерью. Отчего-то при виде этой свежей мордашки, не испорченной принадлежностью к высшему свету, его одолело безудержное желание. Посчитав, что окажет им честь, он привычно предложил золотой и пожизненное содержание, если девушка забеременеет.

По совести, ни старуха, ни девчонка бродяжками или нищенками не были. Паломницы возвращались домой, из столичного храма Киаланы, но для Паситы в тот момент это было совершенно безразлично. Они не оценили его добро-

ты. Оскорбились, да еще и осмелились читать нравоучения. Приказав тин Шнобберам придержать старуху, он все равно овладел девчонкой из принципа – ему не отказывают.

Старуха рвалась из рук ржущих и глумящихся тин Шнобберов. Шипела, как сковорода, извергая проклятья на головы обидчиков. Но внезапно прекратила визжать и жутко засмеялась, запрокинув голову. Глаза вспыхнули, и она изрекла странным голосом: «Бездетному только Защитница – дочь Защитника сможет подарить дитя». После чего поперхнулась и замолчать навеки. Тин Шнобберы грязно выругались, брезгливо отбросив труп в сторону. Отошли подалее. Девчонка, похожая на измятый цветок под колёсами телеги, тихо плакала, натянув на колени рваную рубаху. Отчего-то его сила на неё не подействовала. Не принесла обычного удовольствия.

В тот момент Пасите стало не по себе. В голове словно снова заговорил Настоятель: «Ты невоздержан тин Хорвейг!»

Отгнав гнусное видение, Пасита приказал тин Шнобберам выкопать могилу и похоронить старуху. Девчонке дал десять золотых, прежде чем уйти. Такой, как она, этого хватит на целый год жизни. Или на учебу в храме Киаланы.

Посчитав слова старухи проклятьем, тин Хорвейг испугался и, остановившись в ближайшем городке, отправил к дяде голубя с запиской, в которой сообщил, не вдаваясь в подробности, о странной пророчице. Как ни странно, ответ

пришёл в тот же вечер: «Найди книгу, там ответы».

Пасита, вынырнув из воспоминаний, снова подбросил и поймал нож, бросив возбуждённый, нетерпеливый взгляд в окно. С Книгой ему крупно повезло. А если интуиция не подводит, то скоро он выполнит и второе поручение.

Глава 10

1.

Пасита тин Хорвейг верил в свою удачу, и та снова ему улыбнулась.

Правда, когда в горницу ввалились Мордан и Харила, он дико разозлился, желание спалить нерадивых помощников стало нестерпимым. В последнее время братья тин Шнобберы все сильнее раздражали своей маятой, но и прогнать их он не решался. Все же пока была нужда в соратниках, не отличающихся излишней совестливостью. Привыкшие же к разгульной жизни, они тяготились покоя, не умея занять себя делом. Пасита не слишком препятствовал их развлечениям, разве что не позволял чрезмерно усердствовать, досаждая деревенщинам.

– И кто это вас так отделал? Ужель, мужики осмелели?

Защитник, едва сдержал злорадный смех, разглядев огромную шишку на лбу у Харилы. Мордан же внешне был цел, но отчего-то в мокрых портах и рубахе, которые липли к телу.

Младший тин Шноббер молча насупился, хотя до того всю дорогу, как очухался, только и делал, что грозил страшными карами наглой девке, изводя нытьём брата.

– Не мужики приложили Харилу, – старший тин Шноббер выразительно покосился на младшего.

– Чья бы корова мычала! – Харила возмущённо дёрнулся.

Взыграла гордость, и он выпустил плечо Мордана, но тут же охнув, оперся на стену. Похоже, шишкой на лбу дело не обошлось.

– Не мужики, говоришь? Ужели, бабы? – Картинно всплеснул ладонями Пасита, подражая говору деревенских ради потехи.

– Не бабы. Баба, – понуро подтвердил Мордан, комкая подол рубахи, словно пытался отжать воду. – Кира-охотница.

Пасита коротко рассмеялся. Затем пристальней взгляделся в угрюмые рожи товарищей, и его одолело веселье. Он хохотал все сильнее. От смеха даже схватился за край стола. Отсмеявшись, утёр проступившие слезы. Лица братьев так и остались хмурыми: «Не, они что, нарочно? Уморить меня хотят?»

Посерьёзнев, переспросил, скептически приподняв бровь:

– Кира-охотница? Что за Кира-охотница?

– Говорят, девчонка приёмш Анасташи. То ли вдовы, то ли бобылицы. Её изба на западной окраине неподалёку от овинов.

– С косичками, – невпопад вставил, обиженно молчавший доселе, Харила.

Собеседники повернулись к нему. Тин Хорвейг едва снова не прыснул, такое злое и одновременно жалкое было у младшего тин Шноббера лицо.

– А вот скажите-ка мне, господа, как так случилось, что

какая-то Кира-охотница. С косичками, – добавил он немаловажное замечание, бросив короткий взгляд на Харилу, – смогла до синяков отколошматить двух здоровых мужиков?

– Она вошла в боевой транс, – голос Мордана прозвучал невозмутимо.

– Что?! – Одновременно переспросили Пасита и Харила. Старший тин Шноббер развёл руками.

– Она была голая, – снова невпопад встрял Харила.

Пасита приподнял обе брови сразу, выказывая удивление.

– Помолчи, болван! – Неожиданно рявкнул, разозлившись, Мордан. – Она воспользовалась случаем и хитростью забросила меня в воду. Странно, но драке девка крепко обучена. Пока я выбирался, Харила тоже успел на земле поваляться. Поднялся, свирепый, как боров. Бросился на неё. Пасита, ты же знаешь, какой дурной он в гневе? Да только та не испугалась. Увернулась ловко так, да и помогла ему встретиться лбом со скалой. Я в какой-то миг, грешным делом, решил...

– Да, цел я! – С унылым раздражением протянул Харила.

Пасита поднялся и задумчиво прошёлся по комнате. Остановившись, пристально посмотрел на каждого из братьев и уточнил:

– Я правильно понял, вы оба утверждаете, что деревенская девчонка Кира-охотница, голая и с косичками, вошла в боевой транс и отлупила вас – двух здоровенных мужиков?

– Не-ет! – Дружно помотали головами прихвостни, при

этом каждый явно подразумевал что-то своё.

– Так говорите же толком! – Рывкнул Защитник, начиная раздражаться.

– Без косичек, – вставил Харила. – Она связала их вместе, прежде, чем драться. Или... это будет считаться, что у неё одна коса?

На лице помощника отобразилось такое мысленное усилие, что Тин Хорвейгу нестерпимо захотелось стукнуться лбом о стену.

«Боги, с какими идиотами мне приходится иметь дело!»

Более смыслённый Мордан замахнулся на брата, приметив тлеющие угольки в глазах Защитника, и Харила замолчал, наконец, осмыслив, что его рассуждения несколько не к месту.

Старший тин Шноббер продолжил:

– Нет. Сначала она отлупила нас, а уже потом вошла в транс, – он осекся, осознав, что повторил чужие слова. – Я хотел сказать, я легко бы с ней совладал. Но, когда увидел всё это, понял, пора убираться от греха. Вас – Защитников лучше не злить.

– Что ты сказал? – Тин Хорвейг вздрогнул, словно его оса ужалила.

– Пасита, не серчай. Ляпнул, дурак, не подумав, – Мордан всерьёз испугался.

«Боги, дайте терпения!» – Защитник поморщился и, глубоко вздохнув, спросил:

– Что ты имел в виду, когда произнёс «вас Защитников»?

– Ну... Я подумал... Хотя... Конечно, я ошибся. Этого же не может быть. Наверное, мне померещилось от жары.

– Говори же! – Рыкнул Пасита.

Мордан сглотнул:

– Там стало намного прохладнее.

– Да на нём же мокрая рубаха, а купальни в тени! – Перебил, махнув рукой, Харила с видом «нечего тут умного строить!»

– Я что, по-твоему, слепой! Вода ледком у берега подёрнулась. Трава вокруг заиндевила, – разозлился Мордан. – Но, главное, у девчонки побелели глаза.

Защитник потрясенно молчал. Возможно, судьба, а вовсе не злой рок занесла его в Золотые Орешки?

– Так, где, говоришь, это произошло?

– У купален. На том берегу, куда мужикам ходу нет. Ну, где ихние бабы обычно плещутся.

– Пасита, можно я эту девку высеку? А коли тебе самому развлечься захочется, так ты у нас всегда первый. Высечь и опосля непоздно.

– Девчонку не трогать! – Рывкнул Пасита.

– Но как же?! – Взвился Харила.

– Я что-то непонятное сказал? – Голос Защитника стал вкрадчиво тихим. В горнице стало заметно теплее, но братья поёжились, ощутив это кожей, и яростно замотали головами.

Тин Хорвейг не стал дальше с ними разговаривать, вышел

за дверь и отвязал Ярого. Вскочив на коня, стремглав понёсся через деревню к овинам, распугивая встречных жителей. Свернул на тропу через лесок, наверх – туда, где природные каменные чаши образовывали уютные пруды с чистой ключевой водой.

У купален, как он и ожидал, никого не было. Спешившись, Защитник привязал коня и пошёл взглянуть на место драки поближе.

Отчётливые отпечатки больших ног вели из воды на берег – здесь выходил Мордан, после того, как девчонка отправила его в плаваньё. Тин Хорвейг нашёл место, где она стояла, по глубокому следу – такой остаётся, если противник namного тяжелее, как оно и было.

Перебирая ногами, как в танце, Пасита повторил заученные движения в замедленном темпе, бросив в воду невидимого противника. Защитник прикрыл глаза и встряхнулся, разгоняя по телу приятные мурашки, от возникшей в голове картины. Смутный образ обнажённой, девушки, по телу которой ещё катятся капельки воды, исполняет базовые приёмы школы рукопашного боя Ордена Защитников. Отчего-то простая фантазия заставила кровь бежать быстрее.

Пасита отошёл чуть в сторону – ближе к тропе. Здесь Харила упал впервые. Похоже, он пытался наброситься сзади, но девчонка увернулась. Классический приём «шаг назад». Отскочила – вон трава примята. Хорошо заметны следы небольших стоп. Пасита встал, в стойку, скопировав по-

ложение ног.

Вот Харила поднимается. Вот с рёвом несётся на Киру-охотницу. Глубокие отпечатки сапог и помятая, кое-где вывороченная из каменистой почвы с корнем трава, тому свидетельство.

«Интересно, что она при этом чувствовала, стоя здесь абсолютно обнажённой?»

Ответ пришёл сразу – ледяное спокойствие. Иначе откуда взяться «стуже»?

Пасита отставил ногу в позицию «готов к встрече», не сомневаясь, что попадёт точно в след. А затем, повторяя за собственной притягательной фантазией, симитировал, как та подныривает под руку, делает перехват и, добавляя инерции приёмом «ветер в спину», помогает противнику поцеловать скалу.

Пасита тин Хорвейг мягко танцевал по берегу, воспроизводя с поразительной точностью все действия Киры.

А вот и место, где девчонка, обессилив, упала на землю. Рядом обнаружили и другие следы, не принадлежащие участникам схватки. Женские и мужские. Мужские, ведущие в обратном направлении, были чётче.

«Похоже, девчонку унесли на руках. Все верно. Если это был неконтролируемый выплеск силы, она должна была лишиться чувств».

Пожалев, что не нашёл её первым, Пасита направился к лошади. Нога задела один из камней, и что-то блеснуло. На-

гнувшись, он поднял охотничий нож. Пару мгновений Защитник неверяще хлопал глазами, а затем широко и радостно улыбнувшись, произнёс вслух:

– Так вот, кто ты, Кира-охотница!

Первым порывом было направиться прямо к дому девочки, но он остановил себя и пустил Ярого медленным шагом. Надо было обмозговать произошедшее и заодно успокоиться. *Сила* бурлила и рвалась наружу. Не помешала бы пара-тройка часов медитации.

У поворота от овинов к деревне навстречу попались две девчушки. Завидев его, заметались. Затем замерли перепуганные у обочины. Одна дёрнула другую за рукав, и обе, низко поклонившись, хором пропищали:

– Будь здоров, господин Защитник!

Пасита благодушно кивнул, отметив милovidные ещё детские личики, грозящие через пару годков превратиться в смазливые мордашки. Мелькнула мысль: «Эта деревня просто сундук с сокровищами! А главное – ни румян, ни белил, но что не девка, через одну – красавица».

Уловив нетерпение в озабоченных, мечущихся по сторонам взглядах и беспокойных руках, спросил:

– А не видели ли вы Киру-охотницу, лапушки?

Опешившие от неожиданного вопроса, а пуще от ласкового обращения, девчушки переглянулись. Темноволосая пролепетала:

– Так, от неё же и идём, – от тин Хорвейга не укрылся

рассерженный взгляд, который при этом рыжая бросила на подругу.

– И как она себя чувствует? – Задал Пасита провокационный вопрос.

– Нездоровится ей, господин Защитник, – ответила вторая.

– А что с ней такое приключилось? Неужто зверь какой порвал? – Делано удивился тин Хорвейг.

– Матрёна, знахарка наша, сказала, что сил она разом лишилась. Поспит и все пройдёт, господин Защитник.

«Не может быть! Или может?» – Пасита кивнул своим мыслям. Подозрения подтвердились. Если девчонка вошла в боевой транс без малейших знаний и наставника, то от потраченной впустую энергии и неумения её восполнить, просто сомлела. Ничего, поспит, *сила* восстановится, а там и придёт в себя. А пока неплохо бы заглянуть к этой Матрёне.

– Матрёна, значит? А как мне её найти?

– Так, то просто совсем, господин Защитник. От вашего дома по переулку направо. Там, в самом конце на окраине её изба и будет.

– Вот, держите, красавицы, – Пасита достал из кармана горсть круглых леденцов, которые любил покатать во рту на досуге, и протянул девчущкам. – Теперь бегите обратно к охотнице. Передайте, как очнётся, пусть явится к Защитнику Пасите в избу.

Он тронул поводья, девчонки низко поклонились.

Пустив коня рысью, тин Хорвейг, обогнув деревню, вскоре оказался у указанной избы. Сама знахарка обнаружилась у колодца позади дома.

– Здрав будь, господин Защитник, – приветствовала его она, едва склонивши голову, и не проявив особого почтения. – Никак приболели, коли ко мне явились?

– Мне сказали, ты была у Киры-охотницы. Что с ней? – Пасита сразу перешёл к делу.

– Переутомилась девочка, – хитро прищурилась старуха. – А как же иначе, если с непокрытой головой по жаре весь день бегать?

Знахарка не стояла на одном месте, а продолжала споро заниматься делами, вынуждая гостя двигаться по двору следом.

– Только не смей мне лгать! – Раздражение накатило неожиданно и прорвалось-таки наружу.

Вокруг резко похолодало, и старуха поёжилась, но, скорее оттого, что озябла. Не от страха. Матрёна уже довольно пожила на этом свете, чтобы говорить свободно и ничего не бояться.

– Не знаю как, но очень похоже, что истощение резерва у неё, вроде как у жриц Киаланы. Может, просмотрели её в детстве? Какая-то *сила* у девчонки точно имеется.

Ответ тин Хорвейгу понравился. Из сказанного следовало, что про способности Киры знахарка ничего не знает, вот и предполагает. На деле слабенькая магия жриц, обычно дар

врачевания или предсказания, имеет не много общего с *силой* Защитников. Но и таких девочек принято забирать в храм Киаланы, где они получают соответствующее обучение и образование.

Выяснив главное, Пасита уточнил:

– Она уже пришла в себя?

– Ещё спит. И, думаю, спать будет долго. Ледяная вся, что могильная плита. Я дала отвар. Велела укрыть потеплее, раньше следующего дня не проснётся точно.

– Состав?

Знахарка удивлённо вскинулась.

– Состав отвара, – с нажимом повторил тин Хорвейг.

– Зверобой, череда, капелька беладонны для укрепления связей. А тебе-то какое дело?

– А ты, старуха, не так проста. Где училась? – Спросил Защитник, проигнорировав неучтивость.

– Столичный университет алхимии при храме Киаланы. Факультет травничества – магических сил-то у меня нету, – не выдержав, знахарка ехидно добавила: – Диплом показать?

Защитник ухмыльнулся и погрозил ей пальцем.

2.

– Где ты, где ты, Кира-охотница? – Шептал Пасита, вглядываясь через окно в пустую площадь.

Солнце висело у самого горизонта, окрасив все вокруг в золотистые тона. Час назад Мордан сообщил, что девчонка

очнулась. Чуть позже – что отправилась к купальням. И в этой деревне нашлись гнилые душонки, которые можно подкупить или запугать, так что за домом охотницы все это время пристально следили.

«Не торопитесь она исполнять волю Защитника!» – это только подзадорило.

Наконец, полностью оправдав чаяния, на краю площади появилась стройная фигурка. Уверенной походкой без доли жеманства, она приближалась к его жилищу. Движения, настороженность и слегка хищная гибкость показались смутно знакомыми.

– Так вот кого я видел тогда у столбов! – Защитник даже испытал некое удовлетворение. – А вечер становится все интересней!

Тин Хорвейг в очередной раз подбросил и поймал охотничий нож.

Чуть раньше он, пинками разбудил, задремавших было в сенях братьев тин Шнобберов и вытолкал прочь, пригрозив, чтобы и духу их не было в избе, когда явится девчонка. На всякий случай Защитник выглянул за дверь, убеждаясь, что они не ослушались. Затем вернулся в горницу и сел за накрытый стол, но тут же передумал. Почти суетливо вскочив, в последний момент решил спрятаться, чтобы понаблюдать за гостьей.

В сенях скрипнула дверь.

3.

Кира поравнялась со старым дубом. Кора дерева-старца почернела от пламени, листья свернулись на обуглившимся ветвях. Испытав острый приступ жалости и какой-то обиды, охотница приложила ладонь к стволу и легонько погладила.

– Здравствуй, дедушка. Твоя вина лишь в том, что ты не мог сбежать подальше отсюда, – ей вдруг почудилось, что вместе с деревом умерла и душа Золотых Орешков.

Не спеша, охотница поднялась на крыльцо. Она делала это уже много раз, но ещё никогда с таким тяжёлым сердцем. Поморщилась, досадуя на щель в притолоке. Эх... Когда-то пределом мечтаний всей деревенской ребятни было заглянуть в дом Защитника. Она несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаивая нервы. А затем отворила дверь.

Её встретил накрытый стол, но ни в сенях, ни в горнице никого не было. Обострённые чувства подсказали, что за ней наблюдают, но Кира не подала виду.

Шелохнулась занавеска.

Охотница резко обернулась и вздрогнула. Позади стоял Защитник, отрезав путь к бегству.

– Ну здравствуй, Кира-охотница! – Пасита, словно смакуя её имя, сам первым её поприветствовал. – Не это ли ищешь?

Он по рукоять вогнал нож Каррона в дверной косяк.

«Мой нож!» – мысленно возмутилась девушка:

– Так вот кто его взял.

Защитник широко улыбнулся, и Кира вдруг осознала, на-

сколько он хорош.

«В такого можно запросто влюбиться, если бы чёрные дела не застили приятный облик, заставляя относиться к Защитнику не иначе, чем к лютomu зверю, то про наших красавцев – Микора, да Лютобора половина деревни в ночь Киаланы и не вспомнила бы. Да и кто бы ещё за кем по лесу б гонялся».

Воображение нарисовало забавную картину: толпа деревенских красавиц, плотоядно ухмыляясь, сообща загоняет растерянного Защитника.

– Значит, кланяться не станешь, – констатировал Пасита, мигom развеяв все грёзы. – Эх, учу я вас, учу...

– Настоящее уважение, поклонами не подменишь, – не сдержалась Кира.

Пасита мгновенно очутился рядом, заставив вздрогнуть. Рука взялась за подбородок приподнимая. Губы Защитника оказались непозволительно близко, и Киру словно обдало жаром, исходящим от его тела. Стальные глаза глядели, не мигая, но охотница даже не пошевелилась. Не вскинула рук, пытаясь оттолкнуть, лишь ответила таким же прямым и холодным взглядом.

Выждав время, Пасита отпустил её и засмеялся чему-то. Обошел и сел во главе стола. Кира так и осталась стоять не оборачиваясь. Давая себе необходимую передышку, чтобы совладать со рвущимися на волю эмоциями. Во рту стоял привкус страха, смешавшийся со странным волнением, кото-

рое пробудили запахи волчьих шкуры, здорового и сильного тела, горчинка полыни. Она привычно прочитала их словно книгу, как делала это выслеживая зверя.

– А ты храбрая. Пожалуй, ты мне нравишься, Кира-охотница. Ты непохожа на остальных, – Защитник подвинул к себе бутылку с вином. – Даже странно, что столько времени я тебя не замечал, – он наполнил два кубка и с наслаждением сделал глоток. – Садись, отужинай со мной. Ты ведь не откажешься от приглашения Защитника?

Кира медленно повернулась. Она не верила своим ушам. В каждом слове тин Хорвейга мерещилась ловушка. Крепкий капкан на несмышлёного зверька.

«Еда отравлена? В неё добавлена стынь-трава, от которой я ослабну как котёнок, и тогда Пасита сможет сделать со мной что угодно?»

Мысль вдруг показалась глупой. Ещё недавно она и без того была совершенно беззащитна – бери тёпленькой. Так какой Защитнику в этом резон?

«К тому же можно просто приказать...»

– Ну же! Это прекрасное вино. Я привёз его из Стольна-Града, – увещевал Пасита. – Уверен, ты такого и не пробовала никогда в жизни. А от вашей медовухи меня уже воротит.

Он встал, взял со стола второй кубок и медленно приблизился. Под оценивающим взглядом Кире захотелось сквозь землю провалиться. Никто из деревенских парней никогда

раньше так странно на неё не смотрел.

«Он будто обжигает и сдирает кожу, обнажая душу и выживая на свет все тайны!»

Пасита остановился, в нескольких шагах:

– Да и чудесное возвращение потерянного ножа стоит отметить. Кстати, можешь его забрать, – он кубком указал на нож Каррона.

Кира, скинув оцепенение, потянулась и взялась за рукоять. Лезвие плотно засело в дереве, и первая попытка его вытащить не удалась.

– Попробуй двумя руками, – подсказал тин Хорвейг с усмешкой. – Подержи кубок, я помогу.

Он протянул один ей. Кира, словно не заметив его жеста, поднатужилась и все же выдернула нож сама.

Пасита присвистнул.

– Пожалуй, теперь верю, что именно ты отделала Харилу и Мордана. Хотел бы я на это взглянуть, – он отсалютовал и осушил кубок одним глотком. – Да присядь ты уже, наконец! В ногах правды нет.

Освободив руки, Защитник приобнял охотницу за талию, заставив вздрогнуть и порозоветь. Поддерживая под локоть, переместил к столу. Кира судорожно размышляла, как дальше себя вести с ним? Складывалось впечатление, что Защитник не только не осерчал, но и, наоборот, во всём произошедшем видит развлечение. Это делало его благодушным, и ощущение грядущего подвоха усилилось.

– Ну что же ты? Смутилась? – Пасита отодвинул резной стул напротив второго прибора. – Позвольте поухаживать, барышня.

Тин Хорвейг придвинул стул, помогая усесться – тот самый резной, что делал отец. Как только охотница робко опустилась на сидение, совершенно растерянная, радушный хозяин поставил перед ней полный кубок и, прихватив свой, опустевший, вернулся на место во главе стола.

– Защитник Пасита, – обращение далось Кире с трудом, она даже едва не поперхнулась, стараясь сдержать в голосе добрую толику яда, – к чему все это представление? Хочешь наказать, наказывай. Не томи!

Пасита, уже наполнивший свой кубок вновь и только-только пригубивший, поперхнулся от этих её слов. Вскочив, долго кашлял, перемежая удары кулаком в грудь со смехом: «О да! – думал он, успевая бросать плотоядные взгляды на девчонку. – Это как раз то, что я бы сейчас с удовольствием сделал».

Наконец, ему удалось отдышаться.

– Кира-охотница, и в мыслях не было тебя наказывать!

Отчего-то охотница не слишком поверила. Другим и за меньшее перепадало на орехи. Легко усмотрев недоверие в её глазах, тин Хорвейг продолжил:

– Да и за что? Разве ж за то, что охальников сумела приголубить? Так это в пору их самих наказать. Горе-воины! С девчонкой вдвоём не совладали. Позор! Славно ты меня по-

веселила. Видишь, я даже тебе свой нож просто так отдал.

Кира вопросительно вскинула брови.

– Выпьем за честность? – Предложил Пасита, подняв кубок, и выжидательно посмотрел.

Охотница несмело взяла свой, но пить не стала. Защитник пожал плечами и снова отхлебнул. Покатал напиток во рту с благодным выражением. Проглотил. Затем пододвинул ближе блюдо с жарким. Выбрал кусочек посимпатичнее, взял с подноса ломоть хлеба и перо зелёного лука. Принялся уплетать с таким аппетитом, будто мясо – это единственное, что его в данный момент интересовало. У Киры подвело живот, и он предательски заурчал, напомнив, что она почти два дня ничего не ела. Гуртом навалились запахи, рот мгновенно наполнился слюной. От сильного голода даже руки задрожали.

– Не стесняйся, поешь.

– Благодарствую, я не голодна, – с величайшим трудом заставила себя солгать охотница.

Пасита не стал настаивать, только усмехнулся и неопределённо повёл плечом. Мол, дело твоё. Несколько насытившись, он снова заговорил.

– А скажи-ка мне Кира-охотница, откуда у тебя этот ножичек взялся?

– Подарок, – буркнула Кира, не вдаваясь в подробности.

– А знаешь ли ты, чьи руки его сделали? – Охотница мотнула головой, и довольный Защитник, улыбаясь, помахал ладонями. – Это был я. Вот этими вот руками я смастерил его

много лет назад, ещё будучи курсантом Ордена. Теперь понимаешь, к чему мой вопрос?

– Мне его Каррон Защитник подарил.

Кира умолчала, что взяла нож, как память об отце уже после его смерти.

– Хм! И почему я не сомневался? – Хищно улыбнулся Пасита. – А знаешь ли ты, Кира охотница, откуда этот нож взялся у Каррона? Вижу, что нет. Да и вряд ли Защитник стал бы делиться подобными историями с сопливой деревенской девчонкой.

«Ну, это ещё бабушка надвое сказала», – подумала Кира про себя, а вслух ответила:

– Каррон мне ничего не рассказывал. Зачем Защитнику, вообще, разговаривать с сопливыми девчонками?

– Ла-а-адно, – промурлыкал собеседник, – так и быть, расскажу тебе эту историю. Однажды мы с Карроном, – он сделал паузу, – как бы это сказать? Немного не сошлись во мнениях. Я только-только смастерил нож и развлекался, вырезая им своё имя на... Хм...

Всплыли воспоминания о давнем.

Справная, грудастая девка на орденской конюшне. Их туда вечно словно ветром заносит. Все время «случайно» встречаются. Тогда он хвастался ей остротой заточенного магическим пламенем клинка. Лица Пасита уже не помнил, но помнил, как кончиком ножа принялся выводить на обнажённом бедре своё имя. Помнил мелкие бисеринки крови на

белой коже, остающиеся после каждого пореза. Бояться ей было нечего – царапины, не более. Все прошло бы дня за два. Девка же тихо плакала, умоляя этого не делать. Боялась не боли. Какая там боль? А что муженёк ейный надпись ту увидит, поймёт всё и поколотит.

«Бояться надо было раньше, – подумал Пасита, – когда строила глазки, или когда похотливо извивалась подо мной, в надежде заполучить семя Защитника».

– Пожалуй, я всё же не стану вдаваться в подробности, – продолжил рассказ он. – В общем, было довольно весело, пока не пришёл Каррон. В результате у нас вышел спор. В то время Каррон тин Даррен уже был в ранге и состоял на службе в Ордене. Разница в возрасте, опыте и положении позволила ему выйти. Он отнял мой новенький нож, как трофей. – Пасита снова наполнил кубок. – Но вот он снова вернулся ко мне. Знала бы ты, как я удивлён! – Защитник широко улыбнулся и добавил: – Но не стану же я отнимать его у девчонки? Считай, это подарок тебе – сразу от двух Защитников. За это просто грех не выпить! – Тин Хорвейг снова выжидательно поднял кубок.

Чувство обречённости и готовность к неизбежной каре несколько отступили озадаченные.

«Возможно ли и дальше отказываться? – Очень не хотелось навлечь на себя гнев Защитника. – В конце концов он пил из этой же самой бутылки и до, и после того, как наполнил мой кубок. Может, и нет там ничего такого?»

Неумело повторив жест тин Хорвейга, прежде, чем пригубить, Кира мысленно произнесла свой тост: «За то, что бы ты сдох!»

Ничего подобного пробовать ранее охотнице и правда не доводилось. Ароматный, немного терпкий золотистый напиток имел более, чем просто приятный вкус. Он обволакивал рот, играл на языке и, казалось, кричал: «Пей ещё! Ещё! Больше пей!»

Кира и сама не поняла, как сделала несколько жадных глотков прежде, чем смогла осознать это и остановиться.

– Вот и прекрасно! А теперь приступим к главному. – Тон Защитника неожиданно из игривого стал деловым, хотя улыбка с губ никуда не делась. Как и странный интерес в глазах. А последовавший вопрос охотницу просто огорошил: – Ты ведь дочь Каррона Защитника?

– Да, – внезапно для себя ответила Кира, и в панике вытаращила глаза, прикрыв рот руками.

Пасита довольно рассмеялся. И вопросы посыпались один за другим:

– Давно об этом знаешь?

– С детства, – снова выпалила Кира, не отрывая рук от рта.

– Это Каррон научил тебя основам рукопашного боя?

– Да!

Охотница резко вскочила на ноги, опрокинув стул. Недопитое вино лужицей растеклось по столу и закапало на пол.

– Хочешь меня убить? – Тин Хорвейг особенно радостно улыбнулся, задавая этот вопрос.

– Очень! – От души резала правду-матку Кира, совершенно не в силах с собой совладать. – Ты меня опоил?! – Возмущённо воскликнула она.

– Да. Но ничего такого. Просто вино откровения.

– Но... Ты же и сам его пил?

– Пил, – согласился Пасита.

– Но почему?

– Оно мне нравится на вкус. Прекрасное вино. Ну и, конечно, чтобы усыпить твою бдительность. Кстати, как ты его находишь?

– Вкусное! – Зло буркнула Кира, чувствуя себя глупо. Ответы срывались с уст раньше, чем она успевала их осмыслить. Будто плотину прорвало. Собрав волю в кулак, задала вопрос: – Оно не действует на Защитников?

– Ещё как действует, – Пасита рассмеялся.

– Зачем ты меня позвал? – Пospешила спросить Кира.

– Хотел удостовериться, что ты и взаправду дочь Каррона.

– Откуда узнал? Зачем я тебе?

Тин Хорвейг уже вынул маленький пузырёк из кармана и быстро проглотил содержимое, прежде, чем ответить. Зажмурился, схватившись за край стола. Издав рычащий звук, помотал головой. Передёрнулся всем телом и утёр лицо руками. Немного так постоял, а затем открыл смеющиеся глаза, в которых блестели слезы. Его ответ, прозвучал несколь-

ко хрипло:

– Дрянная девчонка! Испортила игру раньше, чем я успел насладиться ею сполна. Есть некая острота ощущений, когда ты вынужден говорить только правду, – он опустил на стул. Кира видела, как по его виску ползёт капелька пота. – Жаль, противоядие никогда не бывает такими же сладким, как яд, – он снова улыбнулся, но выглядело это несколько натужно. – Впрочем, для тебя игра ещё не окончена.

Он снова встал, лениво поднял упавший стул и приставил его к столу. Взяв за плечи Киру, мягко усадил обратно. Не убирая рук, спросил наклонившись к самому уху, отчего охотница ощутила себя, мягко говоря, не в своей тарелке:

– Когда ты научилась входить в боевой транс?

– Что? – опешила Кира, думая только о пальцах, обжигающих плечи.

«Как я могу это чувствовать через плотную куртку?»

– Там у купален ты вошла в боевой транс. Когда у тебя проявились способности?

– Я не знаю, о чём ты!

– Хм... Ты не можешь солгать. Похоже, это и правда случилось впервые, – тин Хорвейг отпустил её, а затем вынул из-под стола другую бутылку. Достал свежие кубки, наполнил и один протянул Кире. – Обычное. Можешь пить без опаски. Оно тоже весьма недурно на вкус.

Кира покосилась на руку с кубком, как на ядовитую змею.

– Не доверяешь?

– Нет.

Пасита усмехнулся, ничего не ответив.

– А теперь от главных вопросов перейдём к менее важным, но весьма занимательным.

Его взгляд опять приобрёл то особое выражение, которое было ушло. По телу побежали ледяные мурашки.

– Ты невинна?

– Да! – Снова против желания ответила Кира.

– И почему я не удивлён? – Расхохотался Защитник. – Такая опасная и такая наивная, – он рассматривал её, будто редкого, но забавного зверя, отчего Кира сидела как на иголках все сильнее краснея. – Да, не завидую я тем, кто имел глупость покуситься на тебя в ночь Киаланы.

Кира смолчала, припомнив, всех кого отделала. Чужаки, приехавшие в гости к родственникам из соседней деревни в надежде обзавестись невестой. Свои-то подавно не рисковали. Даже Микор.

– Знаешь, Кира, – внезапно посерьёзnel Пасита, и охотнице показалось, что из его голоса впервые исчезла издёвка, – тебе лучше уйти. – Поймав отблеск удивления в её глазах, Защитник пояснил: – Мне надо крепко подумать, а ты – сильно отвлекаешь. Ступай. И можешь не бояться, Мордан и Харила не станут тебя преследовать.

Не веря своим ушам, Кира медленно поднялась. Осторожно направилась к двери, каждое мгновение оглядываясь.

– Убирайся! – Внезапно рявкнул тин Хорвейг, ударив ку-

лаками по столу. – Ты наводишь меня на дурные мысли!

Кира, прыснув как заяц. Стремглав выскочила наружу, чувствуя жар теперь уже всей спиной. Быстрыми шагами она пересекла площадь и, лишь завернув за угол крайнего дома, позволила себе слабость – побежала. Охотница бежала так быстро, что скоро оказалась возле своей избы. Домой в таком состоянии идти не хотелось. Миновав родной двор, она остановилась, только оказавшись среди овинов. Протопав на нетвёрдых ногах ещё пяток шагов, Кира схватилась ладонью за занозистую стену.

От стремительного бега начал бить кашель. Желудок поднялся к горлу, и охотница не стала ему противиться – пусть выйдет ядовитое пойло. Сладкое и коварное, как речи змея-Паситы.

Освободившись от выпитого и отдышавшись, Кира последовала дальше к сеновалу. Упала без сил на свежескошенное сено и пролежала так неизвестно как долго. Когда восстановилось присутствие духа, с неба уже давно смотрели звёзды. Охотница медленно поднялась и побрела к себе.

Глава 11

1.

Девчонка, наконец, ушла. Тин Хорвейг, тяжело дыша, оперся на край стола: «Что это со мной? – Сила бунтовала, и Защитник едва её сдерживал, как бывало, когда только учился ей управлять. – Впору из избы перебираться в какую-нибудь пещеру».

Вспомнилась пустая келья в Северной башне. Каменные стены, пол и потолок. Каменная же лежанка, застеленная тонким шерстяным одеялом – камеры узников, порой, бывают уютнее. Собственный огонь Защитнику не страшен, а вот если загорится барахло, от дыма недолго и задохнуться.

Настоятель ворвался как раз в тот момент, когда Пасита пытался сбить пламя со своей скромной постели. Позади него маячил дядя.

– Я же говорю, слишком много силы и совершенно нет самоконтроля, – Махаррон был раздражён. Как и всегда, когда дело касалось курсанта Паситы тин Хорвейга. – Затолан, твой племянник, попросту, избалованный мальчишка!

– Настоятель, я медитирую каждый день! – Слабая попытка оправдаться пропала втуне.

– Курсант Пасита тин Хорвейг, вы снова забываетесь!

– Простите, Настоятель. Я буду лучше стараться, –

ответ прозвучал достаточно смиренно.

– Хочу в это верить.

Пасита так и застыл, почтительно склонив голову, пока дверь за незваными гостями не закрылась. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он медленно поднял глаза, в которых снова плескалось пламя. Тин Хорвейг напрягся и зарычал, высвобождая мощь. Подпитывая её яростью, незаслуженными обидами, и просто радостью, оттого, что решился на бунт. Маленькая клетушка наполнилась ревушим пламенем, языки которого в поисках пищи бессильно лизали каменные стены.

В незапертую дверь кельи робко постучали.

– Входи! – Пасита тяжело дышал, но чувствовал себя, на удивление, хорошо.

– Тин Хорвейг, с тобой все в порядке? – Гарой сунул нос внутрь и оглядел местами оплавившиеся стены, осторожно покосился на обитую железным листом дверь, та раскалилась и обдавала жаром. Глаза сокурсника округлились, когда взгляд переместился на тин Хорвейга и замер на обнажённом, покрытом пятнами копоти теле.

– У тебя найдётся лишняя одежда? – Спросил Пасита.

Гарой быстро закивал и исчез, даже не затворив за собой дверь.

В тот раз это помогло. Спасло от перенапряжения. И вот сегодня, впервые за долгое время, Пасита почувствовал, как вновь возросла его мощь.

«Неужели, это девчонка на меня так действует?!»

2.

Кира открыла глаза, с удивлением обнаружив, что уже наступило утро. Во рту стоял неприятный привкус. Вдобавок, слегка мутило. Вчера, вернувшись домой, она думала, что не сможет сомкнуть глаз, но тяжёлый липкий сон без сновидений мгновенно затянул в свои объятия.

Поднявшись, Кира поняла, что даже не разделась. Быстро скинув охотничий наряд и сапоги, натянула льняную домашнюю рубаху – грубую, но просторную. И, как была босая вышла на двор. Стоя на крыльце потянулась, смывая скверну, окунула лицо в холодную воду, набранную загодя в ушат для умывания. Стало немного легче. Распрямившись, сделала несколько движений, разминая одеревеневшие, после вчерашнего бешеного бега мышцы. Прислушалась к ощущениям. Странно, но есть не хотелось, хотя и пошли третьи сутки с тех пор, как у неё во рту и маковой росинки не было, не считая отвара, которым её поила знахарка, да чудесного на вкус вина откровения.

Вернувшись в избу, Кира напилась колодезной воды и, прихватив гребень, снова вышла наружу. Расплела косы, некоторое время наслаждалась ощущением свободы, позволяя лёгкому ветерку ерошить волосы. Затем, перекинув русую гриву на одну сторону, принялась расчесываться, полностью сосредоточившись на процессе. Утренняя прохлада

принесла ощущение обновления, потихоньку выветривая отголоски вчерашней дурноты.

Вокруг стояла поразительная тишина. Безмятежность нарушали только ленивые крики петухов да щебет птах. Матери тоже нигде не было видно. Наверное, погнала Бурёнку на выпас, да разговорилась с соседкой.

Закончив причёсываться, Кира отложила гребень. Поднялась и откинула волосы за спину, вздрогнув от неожиданности. Во дворе на старой колоде, что стояла у самого тына сидел Защитник Пасита. Подле его ног, прямо на земле стояла корзинка, прикрытая белой тряпицей.

– Доброе утро, Кира-охотница! – Нежданный гость улыбнулся во все тридцать два зуба. – Я и не рассчитывал на такое прелестное зрелище, когда шёл сюда.

Кира смутилась, мигом пожалев, что скинула охотничий наряд. В одной лишь домашней рубаше она почувствовала себя беззащитной под всё тем же странным взглядом тин Хорвейга, от которого, казалось, жжет кожу.

– Да ты, никак, язык проглотила? – Принялся подтрунивать Пасита.

– И тебе доброе утро, Защитник, – едва выдавила Кира.

– Я не стал будить. Решил подождать, пока сама проснёшься. Теперь вижу, правильно сделал.

Кира от возмущения не нашлась что ответить.

«Он, что, заходил в избу?» – Представив, как Пасита пялится на неё спящую, Кира почувствовала, как в животе ле-

денеет.

Тин Хорвейг тем временем выдал неожиданное:

– А скажи-ка, красавица, куда это ты собралась?

– О чём ты, Пасита Защитник?

– Мне одна ночная птица напела, что ты собираешься без моего ведома покинуть деревню, а на охотничьей заимке тебя ждёт лошадка. Я не поленился подняться пораньше и всё проверить. Не наврала ведь птаха! Лошадь там и правда нашлась, да ещё какая! Под стать хозяйке. И в дорогу собрано, даже вот корзинка со свежими пирожками имеется, – он указал себе под ноги.

Кира без труда узнала работу Лютобора, лучше него никто не плёл в деревне.

Тин Хорвейг сунул руку под тряпицу и вынул пирожок. Понюхал и откусил сразу половину:

– М-м! Вкусные. Хочешь?

– Нет, спасибо, – хмуро ответила Кира, чувствуя, как просыпается голод. – Со вчерашнего ещё сыта.

Пасита рассмеялся, памятуя, что она так и не съела ни крошки.

Кира же судорожно соображала, как Защитник узнал?

«Но ведь я не собиралась бежать, по крайней мере, пока. Неужели Люта меня не так понял?»

Защитник пристально смотрел, молча дожёвывая остатки пирожка. Его взгляд не сулил ничего доброго. Закончив, он произнёс:

– Помнишь, что я сказал в первый день? За непокорность расплатятся те, кто рядом. Те, кто дорог.

– Что ты сделал с Лютобором?!

Пасита криво усмехнулся.

– Так вот кто тебе помог собраться в дорогу? А я, грешным делом, решил, что все устроил тот лютый пёс, – пошутил он. – Суший волчара! Хотел огреть его плетью, так тот увернулся, шельма!

– Туман!

– Знаешь, ты та-ак ловко сдаёшь друзей! Никакого вина откровения не нужно, – продолжал потешаться Защитник. – Не переживай, твоя псина сбежала. Кобель оказался совсем не дурак. Понял, что не по зубам противник.

Кира сжала кулаки, ноздри раздувались, глаза метали молнии.

– Глаза горят. Щёки пылают. Ай-да чудесное зрелище! Ты, как утренний морозец в марте.

Он внезапно оказался рядом. Так близко, что Кира отшатнулась. Протянув руку, Защитник взял прядь волос, медленно пропустил сквозь пальцы, словно наслаждаясь ощущениями. А затем шагнул ближе и, схватив целую горсть, поднёс к лицу. Ноздри втянули воздух, он буквально зарылся в волосы носом. Кира застыла, не смея шевельнуться.

Скрипнула калитка, нарочито громко лязгнув засовом – то вернулась Анасташа.

– Доброго утречка, Пасита Защитник! – Мать низко по-

клонилась.

Тин Хорвейг поднял голову. Нехотя, отпустил волосы.

«Недурна, пожалуй, краше дочери будет. Голову держит, что княжна, иль королева какая – оставили отпечаток годы, проведённые рядом с Защитником».

Тин Хорвейг не сомневался, памятуя легендарную верность тин Дарренов, Каррон и не смотрел на других женщин.

– И тебе поздорову, Анасташа! Видишь, – добавил он, обращаясь к Кире, – твоя мать знает, что такое хорошие манеры.

Кира, скрипнув зубами, промолчала. Мать подошла и встала рядом, сохраняя на лице настороженное выражение.

– Чем обязаны высокому гостю? – Учтиво спросила она.

– Произошло недоразумение. Но, кажется, мы уже поняли друг друга. Не так ли, Киррана тин Даррен? – Припечатал тин Хорвейг, и стальные глаза обожгли ледяным взглядом.

Анасташа прижала ко рту руки, а Кира растерялась от звучания собственного имени. В глаза её еще ни разу в жизни так не называли. Пасита тем временем направился к выходу, по пути прихватив корзинку с пирожками. У самой калитки он обернулся:

– Ах, да! Жду тебя сегодня сразу после полудня на площади. Будь верхом и не запаздывай, – покинув двор, Защитник пешком направился по улице, и принялся что-то насвистывать.

– Да что же это творится? – Анасташа была блее мела. –

Чего он пристал? И почему так к тебе обратился? – Последний вопрос мать задала шёпотом.

– Мама, я давно всё знаю! – Притворство разозлило охотницу, но ответом ей были лишь поджатые губы, и она продолжила: – А теперь и тин Хорвейг знает!

– Киалана Заступница! – Анасташа шагнула ближе и прижала дочь к груди. – Да как же это? Да откуда?

– Я сама ему рассказала, – всхлипнула Кира, но сдержалась.

В стойле била копытом Полночь. В сторонке у стены обнаружались аккуратно сложенные вещи: котомка с провизией, свёрнутое одеяло, упакованные в кусок холста и плотно увязанные конопляной верёвкой мелочи, необходимые в дороге. Добротнo собрал её Лютобор, ничего не забыл. Кира сглотнула: «Неужели снова Люта и Ламита попали под удар? Зачем позвал Защитник? Почему обратился полным именем?»

Киррана тин Даррен – звучало непривычно и благородно. Имя не для деревенской девчонки. Не для неё, не для Кирры...

3.

Пасита едва добрался до дома. Сартог его дёрнул пойти пешком. Кто бы знал, чего стоило показное спокойствие. Сначала он хотел забрать девчонку с собой сразу, но вовремя понял, что тогда придётся медитировать до обеда. Пришлось послать Мордана к Матрёне, чтобы та сделала целеб-

ного отвара.

«Что же происходит?! Давно *сила* не вела себя так странно. Когда я оказываюсь рядом с девчонкой, она так и стремится вырваться наружу, подхлестывая сразу и все прочие потаённые желания. А ведь именно сейчас, как никогда, мне нужен полный контроль, чтобы совершить задуманное. То, что Кира дочь Каррона тин Даррена и внучка Великого Махаррона, ещё не означает наличие у девчонки *силы*. Но вдруг тин Шнобберу, и правда, показалось со страха, или на пьяную голову? Чтобы это узнать наверняка нужна Церемония Определения, а для того, чтобы её провести, потребуется согласие Совета, которое нельзя собрать без весомых доказательств. Только в этом случае Киррана сможет обучаться в Ордене и стать хотя бы курсантом, не говоря уже о получении ранга Защитника. Впрочем, клятвы на Кодексе будет достаточно».

Древний артефакт, умел распознавать правду или ложь говорит Защитник.

«Положим, сам-то я уверен, девчонка обладает серьёзным потенциалом. Да и моя сила просто кричит об этом, но своими глазами ведь не видел? Значит, Кодекс покажет, что я лгу. Нужно заставить девчонку проявить дар. Подозреваю, будет непросто. Особенно, если с ней это случилось впервые, и сама она пока не может обратиться к *силе*».

Медитация прочистила мозги, и у Защитника созрел план.

4.

Слухи быстро разносятся по деревне. Кто-то видел, как из дома Анасташа выходит тин Хорвейг. Сказал одному, тот – другому. Любопытные глаза следили, пока Кира не спеша ехала по улице. Солнце едва отклонилось, от зенита, когда она верхом на красавице Полночи прибыла к дому Защитника. Несмотря на тёплую погоду, на ней был застёгнутый до самого верха охотничий наряд. Две тугие русые косы падали на грудь. За спиной привычно разместился лук, на поясе – нож Каррона: «Или же Паситы?» От этой мысли стало как-то неприятно.

Защитник выехал навстречу. Поодаль следовали присмирившие Харила и Мордан. Они ничего не сказали, лишь бурлавили её нехорошими взглядами. Охотница тоже не стала с ними здороваться.

«Много чести».

– Ты вовремя. Поезжай следом, – сухо кинул тин Хорвейг, разворачивая коня.

На рысях маленький отряд выехал из деревни.

– Мы направляемся к купальням? – Спросила Кира, когда Пасита свернул на тропу с дороги.

Обычно мужчины тут не ходили, а если нужно было пройти мимо, пользовались иным путём, чтобы не нарушать негласного правила.

Защитник ничего не ответил, а через некоторое время они

и правда остановили коней на берегу водоёма, к счастью, никого не потревожив.

– Слезай, – кинул он и спешился, хлопнув Ярого по плечу.

Конь отошёл в сторону, где его привычно поймал под уздцы один из тин Шнобберов и привязал рядом с прочими лошадьми.

– Мордан, поди сюда. У тебя есть возможность поквитаться, – заметив лёгкую растерянность приспешника, Защитник добавил: – Или ты передумал?

– Не передумал, – мрачно буркнул тот, скидывая куртку. За ней стянул через голову рубаху, оставшись обнажённым до пояса.

– Портки не забудь, – подтрунивал над братом Харила, – вдруг снова решишь искупаться.

– Я не вижу, чтобы ты захватил с собой шлем, или хотя бы шапку потолще, – не остался в долгу Мордан.

Защитник осклабился, его веселила эта перепалка. Давненько братья тин Шноббер не получали отпора.

«Волнуются, или боятся опозориться? А девчонка растеряна, вон как озирается. Не знает, что делать».

– Я готов, Пасита.

Мордан расслабленно подошёл и встал напротив Киры. Широкий, коренастый, с волосатой грудью и бугрящимися мышцами, но успевший нагулять небольшое брюшко.

– Ну, чего стушевалась? – Тин Хорвейг, насколько мог, тепло улыбнулся Кире. – Бей его.

– Как бить? – Удивилась охотница, и Защитник делано вздохнул.

– Руками бей. Ногами. Или ты его, или он тебя. А ты, – он обратился к Мордану, – победишь, она – твоя.

Лицо Мордана расплылось в хищной улыбке. Он уже понял, что *сила* к девчонке не явится по первому зову. А ведь только это его тогда и остановило. А то, что она его в воду забросила, так – то чистая случайность. Не более. Не ожидал от голозадой девки такой прыти. Теперь же в полной боевой готовности, да под прикрытием Защитника, вряд ли она сможет его одолеть.

– Иди сюда, цыплёночек, – он поманил охотницу пальцем. – Или лучше спускай порты заранее, и тогда я тебя просто отшлёпаю.

– А ты подойди и попробуй! – Разозлилась Кира, стянув лук и отбросив в сторону. Подумала мгновение и тоже скинула куртку, вызвав одобрительное мычание. Внезапно накатило то самое ощущение ледяного спокойствия. Ох, не раз она желала встретиться с этими выродками сартогской собаки на лесной тропинке. Ведь знала, что справится. Она чуть согнула колени, привычно принимая боевую стойку, будто готовясь к схватке с Микором.

– Стоять! – Рывкнул Пасита, и соперники вздрогнули. – Нож мне отдай. Не нужен он.

Кира помрачнела, но расстегнула ножны. Протянула клинок рукоятью вперёд, не отводя глаз от Мордана. Защитник

взял нож, но прежде неожиданно погладил её пальцы. Кира вздрогнула и на миг перевела взгляд. Этим не преминул воспользоваться Мордан. Бугай сорвался с места и одним прыжком оказался рядом, одновременно нанося удар под дых.

Кира легко увернулась: «А не так, ты, быстр, как сам думаешь!»

Гибкой лозой проскочила под его руками, подставила ногу и, почти нежно, подтолкнула в спину. Противник полетел вперёд, загребая сапогами камни. Устоял, но ненадолго. Когда повернулся, разозлённый, тут же схлопотал ногой в грудь и ещё – уже в голову. Кира его пожалела. Странно было бить во всю силу. Не верилось, что бой настоящий. Но и этого хватило, чтобы бугай упал на четвереньки, и принялся ловить ртом воздух. Да и в ушах у него явно звенело: «Вон как башкой крутит. Ударь я сильнее, то и сомлел бы. Видно, не такой лоб чугунный, как у братца», – Харилу она тогда люто приложила. Не на жизнь дралась, насмерть.

– Ах ты!..

Младший тин Шноббер рванул на помощь, но ему преградил путь Пасита:

– Рано.

Мордан тем временем поднялся. В тёмных глазах плескалась ярость.

«Теперь станет в разы осторожнее, – подумала Кира, но не испугалась. – Если бой выйдет честным, я непременно выиграю. Ну а нет, тогда всё равно никто не поможет. Пасита, что

захочет, сделает. Вон, гад, как смотрит, что волк на мясо».

Мордан и правда стал внимательней. Подходил медленно, то и дело дёргаясь в обманных движениях. Наконец, нанёс удар. Следом ещё, и ещё. Кира без особого труда увернулась от пудовых кулаков. Отклонилась назад, кувыркнулась и тут же ринулась навстречу. Заученным движением перехватила руку, отметив, что та слишком толстая – как следует не ухватишь, и сама полетела на траву. Опьянённый сиюминутной победой Мордан, с рычанием, навалился сверху. Точнее, хотел навалиться, но в последний момент Киррана извернулась ужом и выскользнула из-под его туши. Она уже поняла, пощады не будет, её просто измотают.

«Какой бы ловкой я ни была, Мордан и Харила попросту сильнее. А ведь здесь ещё и Пасита. Что будет, если он вступит в схватку?»

Не медля и не давая противнику подняться, Кира со спины оседлала противника. Саданув кулаком в висок, тут же вцепилась захватом в толстую шею, принялась душить, напрягая все силы: «Главное, не дать ему подняться!»

Мордан, потерявшийся от удара, ухватился за руку, пытается оторвать от горла. Силы у охотницы стремительно кончались. Бугай перекатился на спину, прижав всем весом. Принялся бить башкой назад. Приложил затылком в грудь, и Кира заорала от боли, но не разжала хватку.

– Пора! – Коротко скомандовал Защитник.

Харила с радостным рыком кинулся вперёд. Вместе с

охотницей поднял брата с земли. Схватив Киру под руки, одним рывком оторвал, попросту отшвырнув как котёнка в сторону. Охотница с трудом поднялась на четвереньки. От удара головой о камень из глаз полетели искры. В глазах двоилось. Шагах в пяти, кашлял, пытаюсь отдышаться, Мордан.

Вдруг тень закрыла солнце.

– Ну же! Давай! – Шептал тихонько Пасита, пытаюсь рассмотреть в глазах девчонки отблески пламени или пелену мороза.

– Попалась! – Пробасил Харила, возвышаясь над охотницей подобно скале у купален. – Тин Хорвейг, девчонка наша! – победно рыкнул он, радуясь, что превзошёл брата. – Иди сюда. Дядя Хари тебя не обидит.

Покрытая рыжими волосами ручища с короткими пальцами застыла на расстоянии ладони. Робко улыбнувшись, Кира медленно протянула свою. Радостный оскал бугая стал шире. Резко распрямившись, охотница сыпанула песком. Харила заревел, отшатнувшись, принялся тереть глаза. Пользуясь замешательством, Кира налетела как вихрь, нанося ослеплённому противнику удары, которые, к сожалению, ему мало вредили.

– Надо же, – удивился Пасита, – а подлые штуки нам не чужды! Интересно, этому её тоже научил Каррон?

С каким-то затаённым удовольствием он следил, как девчонка с поразительной аккуратностью воспроизводит один за другим приёмы базового курса рукопашного боя, что пре-

подают в Ордене. Хоть сейчас можно проходить испытания по рукопашному бою.

«Тем лучше. Больше времени можно будет уделить грамоте и наукам».

Мордан присоединился к брату, и теперь уже на Киру обрушился шквал нешуточных по силе ударов, но пока той удавалось уворачиваться или парировать на излёте, изредка атакуя в ответ.

– «Волчьи зубы», «трава в поле», «молотобоец», – Пасита вслух перечислял легко узнаваемые движения. – «Молотобоец» не стоило. Неподходящий противник, – он отметил, что Кира избегала любых приёмов, для которых у неё был недостаточно силы.

«Молодец! Учится на своих ошибках, в бою такие дорого обходятся».

Внезапно девчонка тин Даррен хитро извернулась, и братья налетели друг на друга.

– Угу, «серпантин». Самое время, – одобрительно кивнул Пасита.

Тяжёлый кулак Харилы, просвистев на волосок от лица охотницы, пришёлся прямёхонько брату в челюсть. Тот, клацнув зубами, отлетел и упал на спину. Вставать он явно не торопился, и Кира, не теряя времени, пошла в атаку. Она уже очень устала. По лицу струился пот, сбитые в кровь костяшки саднили, а пробить толстую кожу Харилы так и не выходило. Тупая боль поселилась в затылке, которым она

приложилась о камень. Было трудно дышать, горела огнём скула – Мордан до неё разок дотянулся.

В рёбра врезался кулак. Сипло с полустоном охнув, Кира вознесла краткую мольбу Киалане: «Лишь бы не треснули. У Харилы очень длинные руки, и он гораздо тяжелее брата, а что если... Керун, помоги!»

Кира прыгнула вперёд.

– Попалась! – Младший тин Шноббер радостно осклабил-ся, прижимая её к себе.

Кира сделала вид, будто хочет вырваться. Отклонилась назад, вынуждая подхватить ещё крепче. А затем, размахнувшись, послала тело навстречу. Со всей силы вперёд, одновременно выпрямляясь в струну, словно собиралась через него перепрыгнуть.

«Только бы получилось!»

Может, ничего бы и не вышло, но помогла случайность. Или Керун услышал, но Харила, потеряв равновесие, сделал шаг назад и оступился. Не удержавшись, завалился навзничь, инстинктивно разжав руки. Вместо того чтобы отско-чить подальше, Кира его оседлала, вдавив колени в зем-лю, что есть мочи. Удерживая на месте, но младший тин Шноббер больше не сопротивлялся.

«Видать, хорошенько башкой приложился. Затылок ока-зался не так крепок, как чугунный лоб?»

Вцепившись в рыжие волосы руками, охотница стала раз за разом бить его головой о каменистую землю, надеясь, что

Мордан ещё не поднялся.

Пасита с беспокойством разглядел, как земля под Харилей окрасилась бурой.

«Неужто, прибила?»

В стороне медленно поднимался Мордан. Он едва очухался и спасти брата уже не успел бы. Тин Хорвейг понял, девчонка раньше расколет Хариле череп, и направился к ней.

– Эй! – Сказал почти шёпотом, и Киррана тут же отпрыгнула в сторону, словно дикая кошка.

Встала в низкую стойку, рыская обезумевшим взглядом. Напрасно Защитник пытался разглядеть в зрачках проблески *силы*. Там затаился лишь загнанный зверь.

«Правильно сделал, что забрал нож, – похвалил себя тин Хорвейг. – Но, почему же не откликнулся *дар*? Ведь девчонка явно на грани. Вон как налилась краснотой щека, завтра будет огромный синяк. Дышит неглубоко – получила по рёбрам как надо. Голова в крови, но готова и дальше сражаться».

От Защитника не укрылось, как губы охотницы кривятся от боли.

Внезапно Киррана тин Даррен взвилась в воздух.

«Удар ястреба? И откуда взялось столько прыти? От захвата ушла – «хвост лисицы», и, с разворота – «волчьи зубы», «полумесяц» и... О! Ого, «ожерелье русалки»! Это уже не из базовых приёмов. Ай-да Каррон!»

– Умерь пыл! – Рявкнул Пасита.

Он с лёгкостью отразил все удары, так ни разу не ответив.

Одним молниеносным движением поймал за руку во время очередного броска. Дёрнул и прижал к себе так, что Кира, пискнув, едва смогла дышать. На все попытки освободиться, захват становился только сильнее, отозвавшись в рёбрах, к которым прибавилась острая боль в плече. Охотница почувствовала, как губы Защитника щекотно касаются уха, обжигая дыханием:

– А все же ты меня порадовала, Киррана, но мне ты – не противник, – последовал грубый поцелуй в шею, после чего её оттолкнули подальше. – Закончили! – Скомандовал он братьям тин Шнобберам.

Кира, не веря, что всё прекратилось, медленно попятилась, готовая развернуться и трусливо сбежать. На большее сил не осталось.

«Я даже не успею взобраться на Полночь!»

Мордан уже был на ногах и помогал подняться брату. Оба хмурые бросали злобные взгляды в её сторону.

– Нечего зыркать, – осёк их Защитник. – Как есть опозорились! А если бы я ей нож оставил? – Он повернулся к Кире: – С завтрашнего дня станем вместе тренироваться, – увидев протест в синих глазах, добавил: – Это не такая уж большая плата за покой в Золотых Орешках, ты же не станешь спорить?

– Обещай, что ни ты, ни они, – Киррана указала большим пальцем в сторону тин Шнобберов, – не станете никого больше трогать.

Пасита несколько мгновений пристально на неё смотрел, испытывая двоякие чувства. что-то между раздражением от такой дерзости и восхищением.

– Обещаю, – наконец, соизволил ответить он и усмехнулся: – Жизнь в деревне станет до омерзения спокойной и безмятежной, если ты будешь проводить со мной много времени. Очень много. Возможно, все своё время.

Кира, скрипнула зубами, понимая, это может означать что угодно, но кивнула:

– Согласна.

Глава 12

1.

– Пасита, да чего ты возишься с этой девкой? Может, мне, и правда, все почудилось.

Мордан или уже и сам не был уверен в том, что видел, или очень хотел, чтобы в это поверил могущественный приятель. Его прямо-таки изводила жажда мести, выедавая изнутри и мешая спать. Слова, брошенные Защитником на берегу, не давали покоя, превратившись в навязчивую идею. Он должен обладать девчонкой! Ему следует показать, кто здесь главный. Что это такое будет, если каждая деревенщина возомнит, что можно так вот запросто кидать наземь благородных тин Шнобберов?

– Пошлите кого-нибудь к охотнице. Передайте, к тренировкам приступим после праздника Киаланы. Мне нужно время подумать.

Тин Хорвейг отвернулся от окна и окинул взглядом комнату. Харила сидел за столом и, не торопясь, жевал пороссячий окорок, препротивно причмокивая и обсасывая жирные пальцы. На его лице царил умиротворение, будто ничего вкуснее и желаннее этой вот ножки на свете не было. Мордан же, напротив, стоял посреди комнаты и хмуро пялился. Все недалекие мыслишки были написаны у него на лице.

– Девчонку не трогать. Всем это ясно? – Тихо повторил

Пасита и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

– Видал? – Повернулся Мордан к брату. – То «победишь – твоя». То – «не трогать!»

– Ну так ты и не победил, – проявил редкую для себя рассудительность Харила. – Значит, не твоя, – обсосав обглоданную дочиста кость, он откинул её в сторону.

Мордан не ответил лишь презрительно скривился. Затем подошёл к окну и выглянул наружу. Защитник стоял на крыльце с задумчивым выражением лица.

– Столько думать, недолго и в мудрецы податься, – пробормотал себе под нос старший тин Шноббер и повернулся к брату: – Сам схожу, – и добавил, видя, как Харила спешно оттирает руки. – Один.

2.

Тин Хорвейг нащупал в кармане кафтана записку. Короткое послание от Затолана гласило: «Не спеши! Действовать будем, когда вернёшься».

Это был ответ на ранее посланное письмо, в котором Защитник между строк обрисовал происходящее.

Накануне вечером, едва вернувшись домой, Пасита выпил сразу половину всего целебного отвара, который сварила специально для него знахарка, после чего срочно принялся медитировать.

После долгого общения с девчонкой тин Даррен *сила* бурлила и рвалась наружу. Хорошо было бы отъехать подальше

– туда, где нет посторонних глаз, и дать ей свободу. Но теперь он уже не был зелёным несмышлёным юнцом. Пасита прекрасно понимал, почему этого делать не стоит, и чем всё, может, для него закончиться. Дай волю раз и захочется снова и снова. Контроль, обретаемый годами с таким трудом, будет потерян. Истина, которую, не жалея сил, вбивают в головы будущих Защитников наставники: чем больше *силы*, тем больше требуется контроля. Иначе, когда понадобится, он не сможет воспроизвести и простейшего приёма. А что он за Защитник, если *дар* ему не подчиняется?

Наконец, потоки пришли в норму, и тин Хорвейг поднялся с пола, где просидел всё это время в особой позе, скрестив ноги. В голове, как это обычно бывает после длительной медитации, воцарилась неестественная ясность.

Книга! И почему он про неё сразу не подумал? Защитник подошёл и снял с полки книгу Излома.

Когда Пасита закончил разбирать руны, наступила глубокая ночь. Из открытого окна веяло прохладой, донося запахи полевых цветов и навоза. Стрекотали кузнечики, где-то неподалёку напевала ночная птица. Защитник поднялся из-за стола. Сладко, до хруста костей, потянулся. Широко зевнув, потёр покрасневшие глаза. А ведь он не ошибся. Эх, не хватает сейчас рядом какого-нибудь мудреца посмышлёней. Самому-то руны разбирать ой как непросто! Все что удалось прочитать, какие-то жалкие три страницы. А главное: ничего особо важного он так и не узнал. Лишь несколько любопыт-

ных фактов из истории создания Ордена, которые почему-то не упоминались в учебниках.

Хотя не совсем так. Все же ему удалось кое-что обнаружить. В книге говорилось, что у пары с инициированным даром гарантированно рождался одарённый ребёнок. То есть, у двух Защитников всегда были дети, обладающие *силой*. Без исключений.

Из этого тин Хорвейг сделал неутешительный вывод: «Вот почему теперь так редко появляются на свет Защитники – слишком мала концентрация истинной крови. Это влияет и на потенциал».

Курсанты, и правда, были слабее с каждым поколением. Среди нынешних не редкость такие, которым приходится учиться несколько лет на одном и том же круге, чтобы овладеть *силой*! И мало кто из новичков имеет потенциал, хотя бы в половину, как у Настоятелей старшего поколения. Ему самому в этом сказочно повезло.

«Но что точно означает «пара с даром»? Отец и мать ребёнка должны быть Защитниками в ранге или же необязательно?»

Если это так, то его простое любопытство и желание досадить Махаррону, притащив в Орден девчонку, имеет гораздо больший смысл. Надо понимать, Настоятель Северной башни знает, про свою внучку, но скрывает её от остальных, приказав даже родной матери выдавать дочь за приёмышу.

«Или же он попросту за неё боится? А в курсе ли старик,

вообще, про её *дар*? Ведь его внук смог стать лишь хранителем знаний, не более. Да, *сила* в мальчишке есть, но это совсем не та разрушительная мощь, которой обладает каждый Защитник».

Пасита продолжил размышления.

«Положим, что у двух Защитников всегда рождается ребёнок с даром, сколько же тогда знатных родов откроет охоту на девчонку? Тогда, тем более, Киррана должна достаться только мне».

Ведь именно он, Пасита тин Хорвейг, обладатель просто запредельного на данный момент уровня силы. Ну не от Махаррона же ей рожать? Он понадеялся, что рано или поздно сможет убедить в своей правоте старика тин Даррена. Как бы ещё избежать посягательств соперников? Похоже, остаётся надеяться на удачу и на то, что остальные просто не знают.

Если подумать, со всего Ордена про девчонку сейчас знали правду лишь несколько человек: Настоятель Махаррон, дядя Затолан и он сам. Братья тин Шноббер не в счёт. Они достаточно глупы, чтобы не придать происходящему должного значения.

«Главное, языками бы не трепали, но тут я за ними пригляжу».

Пасита было разволновался, но тут же взял себя в руки. Следует выспаться, а не то придётся снова медитировать.

«Три раза за день, это прямо как в старые добрые, необузданные времена», – эта мысль несколько развеселила.

В дверь тихонько поскреблись.

– Кто ещё? – Рыкнул Пасита, решив, что кто-то из братьев посмел прервать его уединение.

– Господин Защитник, – на пороге потупив глаза стояла Глафира, она робко подняла голову, – вы давно за мной не посылали, – девушка осеклась, залившись густым румянцем и потупилась.

– Убирайся! Не до тебя мне.

Глафира обиженно вскинула голову, и Пасита вдруг отметил, как гармонируют алые щёчки с её волосами цвета воронова крыла, бледной нежной кожей и блестящими из-под густых ресниц огромными глазами. Чем-то она ему напоминала кровопивцев – ныне исчезнувших порождений Излома, о которых он читал в учебниках истории.

«А что? Может, и так. Орешки-то, почитай, у Излома и находятся. Кто знает, в каких отношениях твари могли быть с предками нынешних жителей?»

Он усмехнулся этой мысли и ощутил горячую волну желания:

– Стой! – Крикнул в окно. – Вернись.

Девка, повинуясь предыдущему приказу, уже успела добраться до середины площади. Услышав окрик, замерла, как вкопанная. Развернувшись, едва ли не радостно поскакала обратно.

Кира едва добралась до дома. Тихонько сползла с лошади и, прикрываясь её телом, прошмыгнула через двор – авось, мать не заметит ничего странного. Вопреки опасениям Анасташа, похоже, дома не было. Это и к лучшему. Охотница быстро обходила лошадку, задала ей корма. Тенью через окно просочилась в свою комнатку, морщась от боли – болело все тело. Тихо выглянула, убедившись, что не ошиблась – она была в доме одна. Немного расслабившись, стянула пыльный охотничий наряд и вышла на двор умыться. Хорошо бы было искупаться целиком, но как-то не располагало самочувствие, да и обстановка, к купанию, когда они закончили, и Пасита отдал команду возвращаться.

Кира вернулась в комнату и прилегла на лавку. Тело болело, на лице наливался синевой огромный синяк. И как это скрыть от матери? Разве что в лес отправиться, пока не пройдёт? Да толку-то? Небось полдеревни её видело.

Скрипнула дверь. А через мгновение в комнату влетели Анасташа и Матрёна.

– Дочка! За что они так тебя? Вот же ироды! – Мать бросилась к Кире, принялась ощупывать, гладить.

– Мам, я в порядке. Ничего страшного не произошло, пара ушибов и всего-то делов.

– Дай-ка взгляну, – знахарка оттеснила причитающую Ташку и начала осмотр. Через некоторое время вынесла вердикт: – Рёбра целые. Синяк, конечно, серьёзный, но до свадьбы заживёт. Хотя и не дело это девке с мужиками биться! –

Она с укоризной взглянула на Киру, как будто та сама ходила по деревне и всех задирала. – А вот рана на голове мне не нравится. Много грязи, как бы не было заражения, – значарка засуетилась, вынимая из большой закрытой корзины всевозможные пузырьки и склянки. – Таша, согрей воды.

Мать вышла, а Матрёна цепко взглянула на Киру.

– Никто не насильничал, – со вздохом ответила охотница на, ещё не заданный, но ожидаемый вопрос, – только немного побили. Да я и сама виновата. Слишком самонадеянно себя повела, вот пропустила парочку ударов...

– Кира, и зачем все это? Пусть уж мужики с Паситой и воюют, если им так надо, а ты ведь девчонка! Куда тебе до него?

Кира горько усмехнулась.

Вошла Анасташа с ковшом горячей воды. Матрёна споро достала маленькую плошку, зачерпнула. Поболтала, слегка остужая, вылила туда содержимое какого-то пузырька и протянула охотнице:

– На вот, пей.

Она принялась споро готовить какие-то примочки. Кира залпом осушила плошку и поморщилась:

– Ну и гадость!

Отвар не был горьким, но имел отвратительный привкус и запах. Разом накатила слабость, веки отяжелели, захотелось спать до умопомрачения. Матрёна тем временем инструктировала Анасташу:

– Вот. Это принимать три раза в день, а мазь на тряпочку и к синякам прикладывать. Мелкие просто намазать достаточно. Дня за три сойдёт. Сильное средство. Верное. Наклонись-ка рану промою.

Кира послушно нагнулась над ушатом, и Матрёна осторожно принялась очищать рану, разбирая волосы руками.

– Чем это тебя так?

– Оступилась. Упала на камень, – буркнула Кира и, почувствовав приступ дурноты, вынужденно схватилась рукой за стоящий рядом с лавкой стул. Анасташа ахнула.

– Отвар подействовал, – успокоила Матрёна, предотвращая новый поток охов и ахов, – там лёгкое успокоительное. Сейчас ляжет и до утра проспит, во сне все заживёт быстрее.

– Мне завтра надо на рассвете...

Язык заплетался, и Кира с трудом им ворочала.

– Чего-чего надо? – Недовольно передразнила знахарка.

– Быть на площади. Разбуди меня обязательно, мама, – прошептала Кира, откидываясь без сил на лавку.

Спать хотелось невероятно. Одолела смертельная усталость. Бой с такими противниками потребовал концентрации всех сил, и теперь наступил откат, да ещё это зелье...

– Рану я промыла. Все не так страшно, как показалось сначала, даром что сильно кровило – на голове всегда так. Завтра – полный покой. Никаких драк, охоты, конных прогулок. Можешь просто сесть и вышивать в конце концов?

– Мне надо на площадь. Рано утром, – упрямо повторила

Кира, изо всех сил борясь со сном.

– Зачем это? – Изумилась Анасташа.

– Пасита приказал. Будем тренироваться.

– Что? Изверг ещё не натешился? Я вот сейчас пойду к нему! Или лучше мы уедем из деревни. Немедленно! – Анасташа бестолково заметалась по комнате.

– Мама, а ты, и правда, поезжай, – вдруг даже обрадовалась Кира, но твёрдо добавила: – А я – останусь.

– Это почему же!

– Пасита обещал, что больше никого не тронет, если я...

– Что?! – Хором воскликнули женщины и переглянулись.

– Защитник сказал, они больше никого не тронут, если я буду каждый день с ним... тренироваться.

– Прямо так и сказал? – Недоверчиво переспросила Матрёна. – Да ты же девчонка, на кой это ему?

– Так и сказал, – подтвердила Кира. – И прибавил, что за девичью честь могу не опасаться, – поспешила развеять подозрения, хотя, скорее всего, безуспешно.

Не обращая больше ни на кого внимания, закрыла глаза и мгновенно уснула. Пробуждение оказалось не из приятных. Проснулась Кира от большого тычка в рёбра.

– Спишь? – Зло прошипел Мордан. – Никакого почтения!

Мужчина возвышался, над ней, отчего охотница почувствовала себя весьма неудобно. Руки в боки, ноги широко расставлены, губы кривятся в презрительной ухмылке. Кира подскочила было на лавке и тут же, с произвольным

стоном, села обратно. Чувствовала себя она более, чем разбито. Вторая попытка оказалась чуть удачнее. Стараясь не охать, обошла Мордана и принялась спешно искать одежду. Охотничий наряд, вычищенный заботливой материнской рукой, обнаружился аккуратно развешенным на спинке стула. Буркнула:

– Я скоро буду. Выйди, мне надо одеться.

– Ты ещё смеешь мне приказывать, девка?! – Угрожающе надвинулся бугай. Получив внезапный толчок в грудь, Кира снова села на лавку. – Да я тебе!..

– А то что? – Нехорошо сощурившись, перебила Киррана, нащупав под подушкой нож. Спасибо маме. Это она его положила, а ведь раньше только посмеивалась над этой привычкой.

– Да я тебя сейчас!.. – Мордан шагнул ближе, схватил за ворот, поднимая с постели. Рубаха угрожающе затрещала.

– Интересно, что скажет Защитник? – Зловеще улыбнулась Кира, приставив лезвие к паху ублюдка.

Она надеялась, что не ошиблась в своих предположениях. И, похоже, оказалась права. Мордан зло толкнул её обратно, выпустив рубашку, и Кира закашлялась от боли в ушибленных рёбрах. Да, рефлексy её подвели. И как она в таком состоянии собирается снова драться?

Противник отступил, тяжело дышал от ярости.

– Ты, сартогская сука, – прошипел он, – я дождусь, пока тин Хорвейг потеряет интерес, и тогда тебе несдобровать.

Я заберу тебя в своё поместье и превращу в прикроватный коврик. Ни один мой гость не пройдёт мимо, не плюнув в твою сторону! Ты сдохнешь под моими сапогами, и я скормлю твою вонючую тушу цепным псам! – Он смачно харкнул прямо на чисто вымытый пол и, резко развернувшись, вышел.

В глубине двора за домом разрывался Туман. Кира выскочила следом на крыльцо.

Мордан остановился у самой калитки, повернулся:

– Громко же лает твоя псина, – он, ослабившись, посмотрел вглубь двора, заставив Киру насторожиться.

– Не смей тронуть собаку! – Охотница едва узнала свой голос – она зарычала, не хуже Тумана.

– Можешь не приходить сегодня на площадь. Встреча отменяется.

Охотница проводила его фигуру тревожным взглядом. Мордан удалялся широкими размашистыми шагами, время от времени зло зыряка через плечо. Кира тяжело опустилась на ступеньку крыльца и горестно вздохнула.

«Ещё седмицу назад до меня никому и дела не было, а теперь что?»

Самый страшный человек в деревне питает к ней какой-то странный интерес. Она давно не маленькая, и прекрасно знает, что происходит между женщиной и мужчиной. Да и доселе Защитник особо не стеснялся – брал, что хотел. Тот ужин... Она прекрасно осознавала, чем это все могло закон-

читься. Но Пасита сдержался. Она видела, с каким трудом давалось ему это самообладание, но ведь ничто не могло помешать ему сделать так, как пожелает.

«Или же причина в том, что я Киррана тин Даррен? Не хочет ссориться с могущественным родом? Дедушка Махаррон за такое спуска не даст».

Охотница в этом не сомневалась.

Теперь Мордан. Он явно точит на неё зуб. Ещё бы! Двойное унижение. Такое не каждый-то деревенский увалень сразу забудет, что уж говорить об отпрыске знатного рода? Нужно его опасаться. Не стоит забывать, что братья не простые слуги, а скорее ровня Защитнику, судя по одежде и повадкам. Да точно! Слышала же, что их зовут тин Шнобберы – значит дворяне. Да и Мордан сейчас, ляпнул про поместье, когда ругался. Хотя, ему-то она и не обязана верить. И как относиться к его словам? Не солгал ли? Правда ли не нужно тащиться на площадь? Хорошо бы, да вдруг Пасита осерчает и скажет, что она нарушила договор?

– Да ну их всех! – Разозлилась Кира.

Она не то что драться или тренироваться не в состоянии, а, вообще, едва на ногах держится. Им надо, вот и пусть друг другу рыла чистят. С этими мыслями охотница вернулась в дом, ощутив внезапно зверский голод.

4.

До ночи Киаланы осталось два дня, если можно так ска-

зять: сегодня, да завтра подождать, а вечером уже и вот он – праздник. Приготовления в Золотых Орешках шли полным ходом. Из каждого дома доносились умопомрачительные ароматы свежей выпечки Пироги, пирожки, сахарные кренделя, пышки, калачи с маком и прочие изыски местных поварих заставляли слюнки течь не переставая. Наряду с печёным, готовились и хмельные ягодные мёды, благо пришло уже разной ягоде время. Уже давно настаивался квас, наварено было и пиво. Завтра с утра незамужние девушки начнут плести цветочные венки, добавляя дубовый лист, или веточки крапивы – смотря, кто какое желание загадал.

Мужики на берегу Широкой ближе к обеду разведут костры, чтобы жарить приготовленное мясо. В основном дичь, но нет-нет да и мелькнёт щедрой рукою выделенный поросёнок или барашек. Не стоит скупиться. В ночь Киаланы, каждый должен быть наряжен, сыт, пьян и доволен жизнью, насколько это возможно. Такова примета.

Все будут петь, веселиться, играть и танцевать. Есть вволю без запретов, брызгаться водой – непременно условие: только той, что смог унести в руках. Не умолкнет смех до самой темноты. А как взойдёт первая звезда, девушки поснимают с головы венки и пустят по воде, распустят косы да затянут печальную песню в честь Киаланы-девы. Навстречу со стороны выйдут парни в простых белёных рубахах с красными кушаками. Ответят хором, славя мужа её Керуна. Как только дело дойдёт до слов про быстрого ястреба, что ухватит белую

горлицу, девушки ринутся врассыпную в лес. Парни допоют куплет, ещё немного похрабрятся, подзадоривая друг друга и, давая девчонкам фору, а затем бросятся следом, снимая кушаки на ходу. Если и поймают кого – не страшно. Выкуп – всего лишь поцелуй, но и отказать в нём не можно. Если же двоим Киалана голову вскружит, значит так тому и быть. В ночь Киаланы это можно, а после праздника вот она – готовая пара. Никто не осерчает, даже самые суровые родители будут вынуждены смириться. С богами не спорят.

Из всех правил бывают исключения. Кира пойманной была только раз, но отпор ей дважды давать приходилось. Да и попалась-то по глупости. Ей можно было хоть и на месте стоять, свои просто мимо пробежали бы. Вот и привыкла, что никому тут, кроме Микора, не нужна. Ага, да кто бы супротив него-то её поцеловать решился? Вот и шла не спеша, улыбалась своим мыслям и мечтала, как завтра будут с Микором тренироваться, и она ему отомстит за поражение. Тут-то этот заезжий и подоспел. Кажется, дядьки Иссопия племянник. Ладно бы просто поцелуй требовал, так ведь нет! Он из Птичьего Терема приехал, вот и решил, что раз городской, то можно вот так сходу руки распустить. Да и не была-то его она сильно. Так. Бросила наземь, а он осерчал, и сам уже в драку полез. Пришлось дать отпор, не терпеть же? Второй раз получилось похоже, но там ещё и Микор подоспел, так самой, вообще, ничего делать не пришлось.

Кира задумчиво рассматривала своё отражение в неболь-

шом настольном зеркальце на подставке – дорогая безделушка в серебряной оправе, которую когда-то подарил её матери Каррон. Синяк уже почти сошёл, хотя ещё давеча пугал чернотой. Хорошие у Матрёны мази, да примочки. Завтра, похоже, совсем не останется и следа. Рёбра тоже больше не болели, а под волосами остался лишь маленький розовый шрамик. Вопреки опасениям рана оказалась пустяковой – кожу о камень едва рассадила. Пасита, хвала Киалане, её больше не звал. Не обманул Мордан, но все же дурное предчувствие не покинуло. Подумалось: «Это еще не конец».

Вошла Анасташа, принесла новый, расшитый летними цветами по подолу, сарафан.

– Вот, завтра наденешь.

– Спасибо мама. Красотища какая! – Кира принялась разглядывать рисунок.

– Самой бы пора уже сарафаны расшивать, – привычно пожурила Ташка дочь, прекрасно зная, что это бесполезно.

– У меня так красиво никогда не выйдет! – Кира обняла мать.

– Дай-ка посмотрю, – Анасташа повернула дочку к свету, погладила осторожно щеку. – Почти и не видно уже. Даже удивительно! Вчера я была уверена, что шрам останется.

Скрипнула калитка, и тут же раздался лай.

– Принесла кого-то неладная! – Анасташа с тревогой выглянула в окно.

– Тётъ Таш, – крикнул соседский мальчишка, – там это...

Киру зовут.

– Кто зовёт?

Мать с дочерью уже вышли на крыльцо.

– Защитник Пасита требует к себе.

5.

Кира пошла пешком. Если вдруг придётся куда-то ехать, то будет время подумать, пока сходит за лошадю. Было жарко, и она не стала надевать охотничий наряд. Да и вроде как тин Хорвейг слово дал, хотя грызли её некоторые сомнения на сей счёт...

Показался дом Защитника. Сам хозяин уже стоял на крыльце и радостно улыбался, завидя её.

– Здрав буде, господин Защитник, – поклонилась Кира.

Это один на один, можно себе позволить бунт, а на людях, лучше Паситу не гневить.

– Кирра! – Похоже, он чуть не назвал её полным именем, но вовремя остановился.

– Мне не сказали, надо ли быть верхом... – Развела руками охотница, как бы извиняясь за свой непривычный вид.

– Хм. А сарафан тебе к лицу, – мужчина некоторое время рассматривал её. – Я просто позвал тебя пообедать. Проходи.

Кира непроизвольно сглотнула. Помнила, чем закончился прошлый ужин.

– Я сыта, господин Защитник, благодарю.

– Так, о чём мы договорились? – Голос Паситы прозвучал

с мягким укором.

– Помню, – ответила Кира с горькой усмешкой.

– Тогда вперёд, – он указал рукой куда-то на задний двор.

Позади дома под раскидистой яблоней в тени уже ожидал накрытый стол.

– А ну, дай-ка посмотрю, – Защитник оказался рядом, осторожным нежным прикосновением приподнял голову Киры за подбородок и осторожно повернул к свету, рассматривая синяк. Кира отметила разницу, с которой прикасались его пальцы сейчас и тогда на берегу. – Неплохо! Завтра будешь как новенькая. А молодец эта ваша Матрёна, – он отпустил Киру и выдвинул стул, ожидая, пока она усядется. Затем сел на своё место. – Я специально дал время, чтобы ты пришла в себя. Не рассчитал тогда, что пропустишь столько ударов. Не подумал, что нет у тебя опыта. Хотя, если бы ты умела пользоваться *силой*, то у тин Шнобберов не было бы ни единого шанса.

– Я не хочу жечь людей, – тихо, почти шёпотом ответила Кира.

– Что? – Вытаращил глаза Пасита и рассмеялся. – Ну ты и скажешь! Жечь людей!

– А как ещё мне с ними было бороться? Нож ты у меня забрал. Да и не стала бы я их убивать, просто поцарапала для острастки.

– А ты самонадеянна, как я погляжу, – Защитник все ещё улыбался. – Думаешь, братья тин Шноббер не знают, как

драться с вооружённым противником? Они воинскому делу с детства учились меж прочим. Но я о другом.

– Так, и я...

– Ой не смейся! – Тин Хорвейг в голос захохотал. – Мой маленький и очень храбрый воин. Нет! Защитница – вот ты кто.

Кира ничего не ответила, но смотрела на этого красивого, сильного и такого страшного мужчину во все глаза. Что он такое говорит? Защитниц же не бывает? Просто смеётся над ней, деревенской дурочкой?

Пасита успокоился, деловито наполнил её блюдо, положив кусок кролика, зелень, несколько клубней сладкого картофеля и ломоть свежего хлеба. Налил в кубок вина.

– Ешь. Не бойся. Никакого подвоха. Слово Защитника.

Кира осторожно отщипнула кусок мяса и стала медленно жевать, Пасита тем временем продолжил:

– *Сила* Защитников не только в том, чтобы жечь и замораживать. Она... Как бы это сказать? Чуть более многогранна. Но это уже секреты Ордена, и я не вправе о них рассказывать. По крайней мере, не сейчас.

Некоторое время Защитник молча поглощал пищу.

– Послушай, – он понизил голос, – ты внучка самого Махаррона тин Даррена. Великого Махаррона, слыхала о таком?

Кира кивнула, она прекрасно знала, кто её дед, и Пасита обрадовался, что не придётся слишком многого объяснять.

– Так вот, твоё рождение на свет – это чудо. Твои отец и дед поступили неправильно, скрыв тебя от Ордена. Но самое важное то, что у тебя определённо есть дар *силы*, и на него нельзя вот так просто не обращать внимания. Знаешь, почему мальчишек забирают в Орден сразу после рождения?

– Нет, – Кира жадно внимала, не отрывая глаз от губ говорящего. Она даже перестала жевать и дышать, боясь пропустить хоть одно слово. Никто и никогда не рассказывал ей об Ордене так много, даже отец постоянно отделялся отговорками, да сказками.

– *Сила*, – Пасита на мгновение задумался, подбирая слова, – понимаешь, её нужно уметь контролировать, иначе рано или поздно она возьмёт верх. Сметёт все на своём пути, оставив тебя горевать над трупами близких, – Защитник резко приблизил своё лицо, и Киррана испуганно вздрогнула, отшатнувшись. – Ты помнишь, как это было, когда *сила* пришла? Отчего Мордан сбежал, намочив штаны? Отчего теперь он тебя так не любит?

– Нет, – испуганно прошептала охотница, – я так ничего не могу вспомнить...

– Вот то-то и оно, – развёл руками Пасита, а со временем все станет только хуже. *Сила* начнёт одерживать верх. Я сам вынужден все время с ней бороться, – он обезоруживающе улыбнулся. – Это несколько портит мой характер. Порой, я бываю невыносим.

– И что же мне делать?

Кира было страшно подумать, что у неё и правда есть эта самая *сила*. Она и не подозревала, что может быть настолько опасной для окружающих. ещё подкупала искренняя улыбка тин Хорвейга, который сегодня был потрясающе хорош. Кира попыталась представить рядом с ним Микора, и поняла, что друг проигрывает Защитнику.

«Стоп! О чем ты думаешь?! Не забывай, кто сидит перед тобой!»

– Я предлагаю тебе помощь. Помогу справиться с *силой* до того, как она выйдет из-под контроля. Так и поступают наставники. Заодно надо научить тебя ещё кое-чему, до того, как мы попадём в Орден.

– Что?! – Кира чуть не подавилась вином, которое ещё недавно совсем не собиралась пить, но, замороженная рассказом, непроизвольно сделала глоток.

– Тише, не кричи! – Защитник поморщился. – Разве так ведут себя благородные барышни за столом.

– Это я-то благородная барышня?!

«Час от часу не легче», – подумала Кира.

– Ты, Киррана тин Даррен. Если я не ошибаюсь, приставка «тин» перед фамилией даётся только тем родам, которым сам Великий князь пожаловал дворянство.

– Но ведь Князь младше деда, а Махаррон и тогда уже был тин Дарреном.

– Глупышка, – вновь улыбнулся Пасита, – до нынешнего Князя был ведь и другой.

6.

Тин Хорвейг ещё много интересного поведал и даже проводил до дома, хотя охотница и пыталась отказаться от такой сомнительной чести, как могла. По улице шла и чувствовала, как иголками колют взгляды из-за каждой подворотни и занавески.

У калитки Пасита остановился и взял Киру за руки, заставив напрячься.

– Завтра праздник, ты готовишься?

– Да... как обычно, – Кира постаралась ответить неопределённо.

– Я не знаю, что для тебя значит «как обычно», – не дал схитрить Защитник, – но ты должна там быть.

– Зачем? – Кира попыталась отнять руки, но тин Хорвейг только сжал сильнее.

– Скажем так: на одну ночь я хочу забыть, что я Защитник в ранге, и просто побегать по лесу, как деревенский мальчишка. Понимаешь, я этого никогда не делал раньше, – почти не слукавил он.

– А я-то тут при чём? Там и без меня будет полно девушек. Но не забудь, ты обещал никого не трогать! – Поспешила напомнить Кира, понимая, что про других ляпнула зря.

В душе воцарилось странное смущение. Сегодня Защитник предстал перед ней совсем в ином свете, и в голове все перевернулось. Не было до конца понятно, хороший он или

плохой? Или просто так сложились обстоятельства? И все же инстинкты, не прекращая, вопили об опасности, и они обычно не подводили.

– Бегать я собираюсь только за тобой. Вон и песню выучил ради такого дела, – Пасита обезоруживающе, в который сегодня уже раз, улыбнулся.

– За мной? – Удивлению Киры не было предела.

– Ага. Скажем, мной движет охотничий азарт. Убежишь – считай, повезло. Не сумеешь, я получу законный поцелуй. Ничего кроме. Согласна?

Кира нехотя кивнула: «Попробуй тут, откажись...»

– Ступай домой, тебя уже мать ждёт.

На крыльце, и правда, стояла хмурая Анасташа.

Глава 13

1.

– Да что же это такое творится! – Анасташа, схватив Киру за руку, почти заволокла внутрь избы.

– Мама! – Возмутилась охотница, удивлённая таким поступком. – Право слово, как в детстве!

– Ты в своём уме?! – Орала мать. – Мало того, что сначала таскаешься с тремя мужиками неизвестно где, возвращаешься едва живая. Я уже не говорю про тот раз, когда тебя принёс Лютобор. Сплетен за спиной мне и так хватает. Наговорились уже за всю жизнь, но это ни в какие ворота не лезет! Завтра же отправлю тебя в Вороньи Гнёзда к тётке!

– Мама, да что случилось-то?

– Она ещё спрашивает! Нет, вы только посмотрите!

– Мама!

– Вся деревня знает, как охотница Кира, приёмная дочь Анасташа, небывалое дело! Напялила сарафан. А потом её ещё и Защитник до дома провожает. Да кто?! Пасита, сын сартогской шлюхи, будь он неладен!

– Мама, ты стала слишком много ругаться, – Кира старалась говорить спокойно.

– Что ты сказала? Ох! Она ещё смеет матери дерзить! Общение с Защитником не идёт тебе на пользу.

– Зато тебе в своё время очень пошло! – Не выдержала

Кира несправедливых обвинений, да ещё и не известно за что.

Мать на миг замерла, задохнувшись от такого намёка.

– Надо было строже с тобой. Как же это я так проглядела-то, а? Зря, видать, на Каррона надеялась. Помогите нам Киалана, что выросло-то? Я же в ней души не чаяла! Все для любимого дитяти, всю любовь за двоих отдавала...

Кира не выдержала и выскочила на двор, не желая слушать злых слов. В голове звенел материнский голос. Грудь щемило, не давая вдохнуть. Охотница обошла дом и со второй попытки влезла в окно. Проклятый сарафан! Сорвала ненавистную одежду и бросила на пол, испытав лёгкое чувство вины. Быстро натянула охотничий наряд, пытаясь не слушать, как на крыльце что-то обвинительное кричит Анасташа. Тихо вылезла тем же путём наружу и побежала в сторону овинов, скрываясь за изгородью. Дороги почти не видела – то слёзы застили глаза.

За свои девятнадцать зим Кира ни разу не поругалась с матерью всерьёз. Детские обиды не в счёт. Что же сейчас произошло? Как, вообще, это могло случиться? И, главное, из-за чего?

Добравшись до овинов, охотница проскользнула внутрь одного. Забралась наверх, и свернулась калачиком на старой соломе, рыдая захлёб, как в детстве. Через некоторое время слёзы кончились, и она долго лежала, вдыхая запах нагретого за день дерева и наблюдая сквозь щели, как постепенно

заходит солнце. Потом – как на пока ещё светлом небе появились первые звёзды и на землю опустилась тёплая летняя ночь. Домой идти совершенно не хотелось, а в душе было пусто.

Сначала умер отец. Ушёл. Так странно, раз, и его не стало. Никто не понял, почему же это произошло? Защитники болеют редко и живут долго – их хранит сила.

Потом уехал Микор – единственный друг. С девчонками дружбы у Киры не складывалось. Нет, она ни с кем не враждовала. Но дальше чем поздороваться, да про дела спросить не шло: «Девчонки-то что? Они все про парней, да про наряды. А я всё больше о звериных повадках, да про то, как лучше сбить противника с ног, или половчее затаиться в лесу, или, положим, на поле... Кому это интересно? Сплетен не люблю и в рукоделиях не сильна. Люди меня странной считают, хотя и привыкли. Одеваюсь не так. Приёмыш. Драчунья. Охотница...»

Кто поглупее, бывало, вообще, подкидышем из Излома дразнил, но это уже и забылось – Каррон быстро осадил пустословов.

«А теперь вот и мать взбеленилась. Ну что мне-то делать, если Защитнику неймётся? Он ведь не добровольно, так силой заставит. Неужели всем будет легче, если меня приволокут к дому на площади за волосы? Разве мама будет такому рада?» – на этой мысли снова хлынули слёзы.

«Пасита. Чего он пристал? – несмотря на сладкие речи,

Кира хорошо помнила презрительное выражение лица, свист плетей... Помнила, как убили ни в чём не повинного Волчка... Помнила, как они с Микором снимали со столбов полуживых парней и доставляли тайно к Матрёне... Помнила Глафиру, крадущуюся в ночи с лихорадочным блеском в глазах... – Да. Сегодня Защитник, будто бы и не он вовсе, а кто другой. И про *силу* эту столько талдычил, а все одно – будто соблазнял. Да только не нужна мне никакая *сила*! Ясно, как день – от неё одни беды. И домой вот точно теперь нельзя. Как говорил тин Хорвейг? Когда эмоции нахлынут, можно чего угодно ожидать? А вдруг я усну и избу спалю? Или, наоборот, заморожу к бесам?» – охотница села и осмотрелась. Сжечь случайно овины и сеновал тоже будет нехорошо.

2.

Кто-то гладил по плечу, спросонья сразу подумалось о плохом, и Кира резко вскочила, выхватив нож.

– Тише! – На неё в ужасе глядела побледневшая Анасташа. – Ужели я тебя так допекла, что ты меня готова убить?

Мама! – С укоризной воскликнула охотница, возвращая нож на место. Села рядом и расплакалась, спрятав лицо в ладонях.

– Тише-тише, – Анасташа осторожно потянулась. Обняла, чувствуя, как напряжена спина дочери. – А ты чего это удумала тут спать? Камни у воды не лучшая постель. Так и простудится недолго.

– Чай не зима, – буркнула Кира, выворачиваясь из объятий. С обидой посмотрела на мать и принялась раздеваться: «Что же в голове-то так горячо?»

– Прости, дочка. Не знаю, что на меня вчера нашло... Разозлилась, увидев тебя с извергом. Знаю, сердцу не прикажешь, но... – Анасташа тяжело вздохнула. Горечь искадила все ещё прекрасное, несмотря на годы, лицо. – Да и Пасита мужчина видный. Знатен, богат. Эх, если бы ещё не был Защитником... Опять же, обликом хорош, но... Наверное, и моя кровь тут виновата.

– Мама, стой, – Кира, как есть, без ничего уже по колено вошла в воду, но обернулась, – ты сейчас о чём? Ты решила, я влюбилась в тин Хорвейга?! – Ещё не получив ответа на вопрос, прочитала его у матери в глазах. – Да ты что? Все не так! Совсем не так! Да я тебе все расскажу, ты погоди. Охладиться мне надо.

Кира привычно разбежалась и нырнула. Купание принесло облегчение, освежив не только тело, но и мысли. Уняло странный жар. Даже на душе стало легче. Охотница вышла на берег и, расположившись на плоском камне, не спешила начинать разговор. Отжала волосы, принялась заплетать косы.

– Так почему ты здесь спала? – Не выдержав, спросила Анасташа.

– Боялась избу спалить.

– Чего? – Глазах матери от удивления стали вдвое больше.

– Мама, я – Защитница.

– Киалана Заступница, помоги! Моя дочь повредилась умом.

– Так Пасита сказал, – не обращая внимания на слова матери, продолжила Кира. – Со мной тогда что-то произошло. В тот самый раз, когда Люта с Ламитой меня нашли здесь. Мордан рассказал про это тин Хорвейгу. Они посчитали, что я вошла в боевой транс, как Защитник.

– Что?! – Анасташа не поняла и половины сказанного.

– Пасита сказал, что у меня *дар*, а дед и отец скрыли это от Ордена, но больше так нельзя. И ещё сказал, что я могу нечаянно избу спалить...

– Брешет твой Пасита, как сивый мерин! Голову хочет вскружить! Сказки сказывает.

– Зачем ему врать? – Устало проговорила Кира. – Он, что захочет берёт. Хотя... Может, меня не трогает, потому что я – тин Даррен? – Произнесённое с трудом имя непривычно резало слух. Кире казалось, что это кто-то другой. Не она. Не о себе говорит. – Опять же, деревенских не обижать обещал, пока я к нему прихожу и делаю, что велит. И ведь седмица, как спокойно. Верно? – Кира подняла глаза.

– Народ-то решил, к празднику Киаланы смягчился изверг, богиню боится гневить... – Анасташа украдкой взглянула на дочь и снова уставилась вдаль.

– Ага, а плата за то – мои бока...

– Дочка! – Мать порывисто обняла Киру, будто пытаюсь

закрывать, защитить.

– А вчера, – продолжала Кира тем же самым ровным тоном, несмотря на то, что голова покоилась на материнской груди, – Пасита был совсем другой... Будто подменил кто. Вежливый, обходительный. Но приказал сегодня вечером быть на празднике среди остальных. Целоваться со мной хотел... – Кира смутилась. – Наверное, ты права.

Охотница подняла голову и горестно вздохнула, внезапно осознав, как все выглядело со стороны: «Пасита улыбается, ведёт меня под локоток до самой избы, потом за руки держит...»

Анасташа встала и спустилась к воде. Умыла лицо, едва тронутое сеткой морщин.

– А ещё сказал, – продолжила Кира, – мне непременно надо учиться. Сказал, что он увезёт меня в Орден, иначе *сила* рано или поздно вырвется на волю, и тогда быть беде.

3.

– Пасита, так что? Сегодня девок снова трогать нельзя? – Мордан стоял посреди комнаты и насуплено глядел на Защитника, завязывая на талии широкий бордовый пояс с длинными кистями.

Тин Хорвейг с утра прямо-таки лучился. Предвкушение, порой, слаще всего прочего бывает.

– С чего ты взял? – Он широко улыбнулся и отхлебнул вина. – Это же ночь Киаланы. Кого поймаешь, та и твоя. Бо-

гиня одобрит, – он весело рассмеялся и отсалютовал кубком. Через мгновение к нему присоединились и братья.

– Идёмте.

По берегу Широкой со смехом носились девушки, головы которых украшали венки, и парни, подпоясанные красными кушаками. Это те, кто ещё не обрёл семейный очаг. Те, кто скоро побежит в лес исполнять обряд во славу Киаланы. Все смеялись, играли, брызгались речной водой, что-то жевали, черпали из больших корчаг, расставленных тут и там. Пили: кто пиво, кто мёд, а кто подслащённую воду. На берегу горели костры, освещая все вокруг ярким пламенем. Замужние женщины то и дело подбрасывали ароматные травы, отгоняя духов, выбравшихся из Излома на шум, чтобы посмотреть, что же здесь такое творится.

Кира сидела чуть поодаль на бревне и жевала травинку, доплетая венок. У ног лежал целый ворох полевых цветов. Все синие: васильки, аконит, синий лён.

Вернувшись домой, охотница задремала – сказались ночёвка на камнях и тяжкие думы. Анасташа не стала её будить, позволив выспаться, насколько возможно. Ведь следующую ночь полагалось провести без сна. Вот и запоздала Кира с венком немного: «Не страшно. Веселиться всё равно настроения нет, что-то не до того».

Со вздохом протянула руку, так и не решаясь добавить дубовый лист. Что означало бы – желание привлечь сильного

жениха. Такого, кто сможет защитить. Крапиву же выбирали те, кому хотелось покладистого и сговорчивого спутника жизни. Кира долго не могла решить, что нужно именно ей. Даже хотела оставить венок просто из цветов, так поступали, когда полностью полагались на волю богини. Внезапно нахлынула тоска по другу. Сколько праздников подряд они вот так же, как и остальные, наслаждались жизнью, объедаясь сладкими пирожками с малиной и ежевикой.

Впервые Кира всерьёз задумалась о том, что у неё до сих пор нет суженого. Раньше он ей как-то и не был нужен. Да и мать не давила, не спешила сплавить дочку из дому.

«А теперь? Нешто это, щемящее душу чувство, возникающее, когда вижу, скажем, Ламиту с Лютобором, зависть и есть? А хорошо, наверное, вот так прижаться к широкой груди, и не думать ни о чём... Так, дуб или крапива? Надо быть честной перед богиней, – Кира решила и вплела дубовые листья. – Пусть случится чудо и Микор вернётся. Выйдет навстречу по лесной тропинке, стянет свой кушак и набросит мне на талию, притянет к себе. Усмехнётся с хитринкой и ляпнет какую-нибудь колкость. Да пускай, хоть и про репу... А потом сорвёт поцелуй. Да не так, как обычно, а такой вот – жаркий, как тогда в избе, перед уходом. Чтобы было даже немного больно...»

Мечты прервал грубоватый оклик, и охотница подняла голову.

Перед ней стояли Федул и Егорша – старые приятели Ми-

кора, а с ними ещё несколько парней помладше:

– Ты что это здесь делаешь?

– Венок плету. Или не видишь? – Кира продолжила заниматься своим делом.

С Федунькой у охотницы, когда-то ещё в незапамятные времена, образовалась взаимная неприязнь. Как и большинство парней, он полагали, что девке с Защитником тренироваться не след, и даже пригрозить пытался. Но особенно крепко все в этом уверились, после того, как она ему и Егорше по разу бока намяла. С тех пор и задирались, но теперь всё больше издалека. Микор же только посмеивался, но не лез.

– Но ведь Микора тут нет, – как-то холодно и серьёзно ответил Федул.

– И что с того?

– Микора тут нет, – с нажимом повторил парень. – Зачем тебе венок?

– Да ещё и с дубовым листом! – В голосе Егорши прозвучало возмущение.

Кира вдруг разозлилась. Не столько словам, сколько не понравилось ей выражение лиц у парней. Хмурые, будто бы и не праздник вовсе.

– А вам, вообще, чего надо-то? – Демонстративно нахлобучив на голову законченный венок, охотница поправила распущенные, чуть волнящиеся, волосы и поднялась. – Идите к своим. Девчонки, небось, заскучали без вас. Того и гля-

ди – другие уведут.

– Наших не уведёшь. Они не такие, как некоторые, – Егорша окатил презрением с ног до головы. Кира даже внутренне вздрогнула от его взгляда.

– Шла бы ты, охотница, домой подобру-поздорову, – внешне запно выдал Федул.

– А ты, Федунька, когда это такой храбрый стал? – Взъерилась Кира, делая шаг навстречу. – Или решил, коли я теперь в сарафане, так и управы на тебя не найду?

– А почто ты такая сильно смелая? С чего бы?

Федул не пошевелился и не сошёл с места. Он уже вырос и ничуть не напоминал того худенького, вечно боящегося всего и вся мальчика.

– Да она ж теперь с Защитником Паситой, с чего бы ей тебя бояться? – Выкрикнули из-за спины, но Кира не разобрала, чей это был голос.

– Чего болтаешь? – Она даже растерялась от такого заявления.

– Да видели все, как он тебя домой провожал. Ты с ним милуешься, только потому, что он первый, кто тебя побить смог? Так можешь особо не гордиться. Остальные просто не дерутся с девчонками, – Федул снова скривился.

– Зря Микор не бил, не знал, какой к тебе нужен подход.

– Или бил, да мы чего-то не знаем? – Егорша многозначительно посмотрел на глумливо хихикающих товарищей.

– Защитник, знамо дело, крепче бьёт! – Добавил снова

голос балагура, прячущегося за спины остальных.

Парни зло расхохотались, и охотница поняла, ребятам мёд, да пиво горячат кровь. А иначе, чем объяснить недобрые речи, да ещё в такой вечер, как сегодня?

– А ежели мы тебя все вместе поколотим, ты с каждым станешь миловаться? – не унимались насмешники.

– Убирайся, Федул, не доводи до греха! – Кира, сжала кулаки и глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться: «Негоже в праздник затевать драку. А ну случайно спалю кого, как пугал Пасита?»

– А и правда, иди-ка своей дорогой, Федул. Я с тобою позже побеседую.

Никто не заметил, как сзади подошёл Лютобор. Строго посмотрел на каждого охальника и встал рядом. По другую руку возникла Ламита и взяла охотницу под локоть, поглаживая по плечу, успокаивая.

– Люта, а ты что же? На её стороне? – Федул явно удивился, ведь Микор никогда не дружил с Лютобором, но встал на защиту его недостойной подруги.

– Ну уж точно не на вашей.

– Люта, ты хотя Микору другом и не был, ужели одобряешь, как она поступает?

– Да и ты, похоже, Микору не друг. Иди своей дорогой и не попадайся мне сегодня боле. Не стерплю!

Парни, нехотя, отошли в сторону.

– Не обращай внимания. Это Глафира их завела, – шеп-

нула Ламита.

– Глашка? – Удивилась Кира. – Она-то тут при чём?

– Полюбила она Паситу, несмотря ни на что. Даже про Микора думать забыла. А тут его с тобой увидела, разозлилась – оба ведь около тебя крутятся, – Ламита произнесла это каким-то извиняющимся тоном. – Обозлилась Глашка вот ребят и раззадорила. Ты же знаешь, у неё ядовитый язык.

– Киалана Заступница! – Вздохнула Кира. – Вот только этого ещё мне не хватало. Да я, и правда, с радостью бы ушла, если бы можно было, – взгляд непроизвольно скользнул по берегу, отыскивая среди гуляющих знакомую фигуру. Паситы нигде не было видно: «Хвала богам!»

– Выпей мёду, и идём веселиться. Нет у тебя такого права – в ночь Киаланы грустить! – Ламита потянула Киру к ближайшей корчаге. Сама наполнила чарку, подала. – Малиновый особенно удался.

Щёки девушки алели, даже в сумерках видно было, что она и сама уже отведала мёду. Жалась к Лютобору, как ласковая кошечка – приятно посмотреть.

– Твоя правда! – Кира не стала противиться. Залпом осушила чарку и надкусила сладкий пирожок, предложенный Лютобором.

4.

Как только на небе появилась первая звезда, все неженатые парни потихоньку пропали. Но ушли они недалеко.

Поднялись на дальний холм, где в дубовой роще на священной поляне возвышалась статуя Керуна. Мужчины собрались в полукруг, готовясь к действию, вознося вполголоса молитвы богу-воину. Потом молодёжь отправится на берег к девчонкам. Прочие, подобрав остатки праздничного ужина и неспешно болтая, разбредутся по домам.

Во главе мужской братии сегодня был не кто иной, как Пасита тин Хорвейг. Именно ему была отведена честь вести обряд. Обряды служения Керуну он знал хорошо. Никто и разницы особой не заметил: что Каррон Защитник, что Пасита – благодать снизошла на всех.

Передавалась из рук в руки ритуальная чаша, произносились положенные слова. Каждый мысленно просил что-то своё: кто удачи в охоте, кто мужской силы, кто богатого урожая, а кто и хорошую жену, да побольше деток.

– Сегодняшняя ночь одними поцелуями не ограничится, – усмехнулся Мордан, передавая чашу брату.

– Сколько добавил? – Тихо спросил Харила.

– Тройную дозу, – хихикнул старший тин Шноббер.

Чаша вернулась к Пасите, и он поставил её у ног каменной статуи, а затем одним лишь взглядом разжёг огонь, сложенного подле костра.

– Славься Керун! Мы – твои сыновья! – Провозгласил он.

– Кер-р-ра! – Раскатисто отозвалось пять десятков глоток.

Пасита запел. Голос Защитника был мелодичен и чист. Белёная простая рубаха, подпоясанная широким кушаком, шла

ему не хуже всех тех дорогих нарядов, к которым он так привык в столице. Коротко стриженные волосы уже немного отрасли, а на щеках красовалась лёгкая щетина. Небывалое дело!

Интонации стали грозными, деревенские парни с охотой вторили, повторяя слова ритуальной песни. «Кер-р-ра!» – похожий на рык, боевой клич, услышали даже ожидающие на берегу девушки. Мало у какой по рукам не побежали мурашки, столько первобытной мощи прозвучало в нём. Это была и угроза, и обещание, и своего рода сигнал.

Ратмара, самая старшая из незамужних девок, повернулась к остальным. Скороговоркой с переливами запела. Её звонкий голос разнёсся далеко над водой. Трелью откликнулись ночные птицы – добрый знак. Киалана слышит. К ней постепенно присоединялись и другие. Пели нарочно не в лад, но оттого только ещё лучше выходило. Песня славилась природу, созидание, женское начало. Несла в себе скрытую между строк мольбу о здоровье, надёжном спутнике, лёгких родах и мире. Девушки взялись за руки и медленно направились друг за другом, постепенно сомкнувшись в кольцо хоровода.

Сумерки сгустились, и многочисленные костры залили берег Широкой золотым светом. Плавно двигались девы в белых сарафанах, расшитых по подолу цветами, с расплетёнными косами и венками на головах. Под ногами, вторя им, плясали тени, а за всем этим наблюдали многочисленные

звёзды во главе с полную луну.

Хоровод разомкнулся и, извиваясь, змеей вполз на ближайший холм. Туда же из рощи, что находилась на соседнем, уже поднималась цепочка парней. Шли они широкими шагами, развернув плечи, высоко подняв головы. Шли найти и забрать своё, как воины древности когда-то. Шли, и летела впереди них песня. Вскоре мужские и женские голоса переплелись в шуточной подначке-перебранке, где куплетом на куплет отвечать принято.

Кире показалось, будто она во сне. Или же в юом самом трансе, о котором говорил Защитник, и вот-вот потеряет себя. Голоса будто отдалились, происходящее завораживало и немного пугало, до шума в ушах: «Может, это из-за мёда, что без счёта чарок поднесла мне Ламита, пытаясь прогнать тоску, развеселить? А, может, дело в том, что я сегодня так ничего не съела толком?»

Стоящие напротив парни были все как на подбор. Хотелось смотреть на них во все глаза. Подойти, обнять каждого, поцеловать... Кира уже почти забыла, как зло с ней говорил Федунька... Сердиться отчего-то расхотелось – в ночь Киаланы полагалось быть счастливой. На душе стало легко и немного тоскливо, и от этого мечтательная улыбка сама собой озарило лицо. Внезапно Кира столкнулась с одобрительным взглядом Паситы. Защитник стоял поодаль и смотрел, не отводя жадных глаз. Смотрел с предвкушением, как кот на сметану. Ощущение минутного счастья тут же пропало,

на смену пришла тревога, и мир будто прояснился, скинув пелену странного очарования.

Пропели про ястреба и горлинку. Кира, погрузившись в свои мысли, все пропустила, и лишь по визгу, да прыснувшим в стороны девкам поняла: «Пора бежать!» – но ещё несколько мгновений не могла заставить себя двинуться с места, будто прикованная.

Вид несущихся навстречу парней, глаза которых сверкали азартом, привёл в чувство. Охотница легконогой косулей сорвалась с места, без труда настигнув самых медлительных. Она бежала, не оборачиваясь, обходя девчонок одну за другой. Летела так, будто за ней гонятся все твари Излома: «А раньше шла бы себе не спеша, поддразнивая Микора и наблюдая, как вокруг снуют другие парни, делающие вид, будто бы меня и нет вовсе».

К лесу Кира добралась первой, даром что подол сарафана путался в ногах, грозя повалить на землю: «Куда дальше? Или лучше спрятаться?»

За всеми переживаниями продумать этот момент она попросту забыла. А скорее, по привычке, не посчитала нужным.

«Может, измазать лицо грязью, да затаиться? Да только вот не потайной костюм на мне. Сарафан мама вышивала, пачкать жалко... Или, может, на берёзу влезть? – эту мысль прогнала сразу: – Ага, то-то будет потеха, если кто-нибудь увидит. Хотя, чего я так испугалась? Отчего колотится в гру-

ди сердце? Или все из-за слов Федула? Или же я боюсь столкнуться с тин Хорвейгом?»

Лес наполнился криками и смехом, но все звуки пока доносились от опушки. Похоже, парни уже рядом. Догнали. Ищут. Ловят. Для прочих начиналось самое интересное, и Кира направилась дальше, углубляясь в лес.

«К утру все девушки соберутся у купален. Можно засесть неподалёку и выждать, пока закончится праздник. Хорошо, если ещё и вздремнуть удастся».

Решив, что делать, Кира, теперь особо не спеша направилась по знакомой тропинке, обратив внимание, что шум и крики «загонщиков» сместились влево. Как раз в противоположную от купален сторону. Правильно. Девчонки тоже веселились, показываясь преследователям из-за деревьев, дразня, завлекая и совершенно не торопясь идти к месту сбора. Да и нечего там пока делать.

Близко хрустнула ветка. Охотница мгновенно юркнула за ствол ближайшего дерева. Это оказалась старая берёза, толстая, с могучими корнями, между которых образовалась приличная яма. В ней-то она и схоронилась, пригнувшись и затаив дыхание.

К счастью, беспокойство было напрасным. Из-за деревьев появилась Ламита. Она залилась звонким счастливым смехом и шутливо прыгнула в сторону убегая. Следом с кушаком наготове уверенно и неспешно шагал Лютобор. На лице жениха Ламиты даже в темноте отчетливо читалось предвку-

шение.

– Попалась!

Смех резко оборвался, когда парень, набросив пояс девушке на талию, притянул к себе. Ламита развернулась, шагнула навстречу, положив руки любимому на грудь. Откинула голову, глядя из-под опущенных ресниц. Кира не разобрала, что именно она шепнула, но видела блестящие зрачки Лютобора. Он почти зарычал, подхватывая невесту на руки. Та и не думала противиться. Напротив, плотнее прижалась. Парень отпустил её на землю как раз рядом с укрытием, где притаилась охотница. Кира успела увидеть, как он впился в пухлые, сладкие от выпитого мёда губы Ламиты жадным поцелуем собственника. Двинулся вперёд, вынуждая ту отступить. Прижал любимую спиной к дереву.

Теперь Кира чётко слышала не предназначенные для чужих ушей слова, произносимые приглушённым шёпотом, и горячее, будто после быстрого бега, дыхание. То и дело из-за ствола мелькали то край подола, под который рвались жадные руки, то обнажённая нога, бесстыдно обвивающая мужское тело.

Кира почувствовала себя жутко неловко, даже лицо загорелось: «Что же делать? Показать? Да ни за что! Надо незаметно убираться отсюда».

Она осторожно отползла, ни одна веточка не хрустнула, выдав её присутствие. Подол сарафана, будто нарочно старался за что-нибудь зацепиться, и Кира попросту собрала его

в кулак, чтобы не мешал. Зря охотница беспокоилась. Влюблённые, полностью увлечённые друг другом, не обратили на неё никакого внимания, всю оглашая окрестности страстными стонами.

Немного отдалившись, Кира остановилась и прислушалась. В лесу стало значительно тише. Видать, парочки уже нашли друг друга и разбрелись по потаённым местам. Теперь лишь изредка раздавался девичий визг или смех.

«Всё, как всегда», – Кира тяжело вздохнула, чувствуя, как странно щемит в груди тоска по непознанному женскому счастью.

Нет, она знала, что происходит между мужчиной и женщиной, но все образы ограничивались свадебным обрядом, после которого чета торжественно, под одобрительные выкрики гостей, уходит в опочивальню. Жених горд и весел. Невеста стыдливо краснеет, пряча взор. Но то что она увидела сейчас... Это было другое. Кира и не представляла, что любить можно вот так яростно и жарко... Теперь вдвойне стало смешно вспоминать шуточные поцелуи с Микором, ещё немногим назад, мнившиеся верхом дозволенности.

«Микор. Хорошо бы он оказался здесь, и всё стало бы, как раньше... Побежали бы по лесу, дурачься и смеясь. И не стало бы в голове места грустным мыслям...»

Задумавшись, охотница на миг потеряла бдительность, а потому не заметила, как позади на тропинке бесшумно выросла коренастая фигура.

Глаза мягко закрыл чей-то кушак.

– Микор! – Почти поверив в чудо, радостно воскликнула Кира.

– Не-ет, – вкрадчиво произнёс голос Мордана, а кушак переместился на горло и затянулся так, что она едва могла дышать. – Попалась! – Зло прошипел он в самое ухо, обдав тяжёлым запахом перегара. – И кто из нас теперь охотник? – Он дёрнул пояс вверх, вынуждая подняться на цыпочки и крепко вцепиться руками в бордовую тряпку.

– П-Пасита... – Едва смогла прохрипеть охотница, пытаюсь бороться.

– Ты же только что звала другого? – Деланно удивился бугай. – Ветреная девка!

Кира не ответила, панически пытаюсь освободиться от удавки, перед глазами поплыли цветные круги.

«Похоже, сомлела. А, может, головой ударилась?» – Кира точно не знала, но, открыв глаза, обнаружила, что лежит на спине, упираясь макушкой в шершавый ствол дерева. Руки немели, туго связанные вместе всё тем же самым кушаком-удавкой по ту сторону берёзы. Сверху навалился Мордан, судя по крепкому запаху, изрядно пьяный. Увидев, что она открыла глаза, насильник, гнусно ухмыльнувшись, задрал выше подол сарафана. Коленом бесцеремонно раздвинул ноги, и, пыхтя, и грязно ругаясь, принялся сражаться с завязками на штанах. К счастью, в спешке умудрился затянуть их на крепкий узел.

– А-а-а-а! – Закричала, забилась Кира. – Пусти! Не тронь! Спалю-ю! Пасита-а-а! – Завизжала она, как никогда надеясь, что и правда обладает *силой*. Надеясь, если не боги, то хотя бы Защитник услышит, раз и так собирался искать. Жуткая мысль заставила замолчать: «А вдруг тин Хорвейг будет не против?»

Извернувшись, охотница умудрилась-таки ударить Мордана коленом.

– Сартогская сука! – Замахнулся было мерзавец.

Кира зажмурилась, сжавшись в ожидании удара пудовым кулаком. После боя у купален стало по-настоящему страшно. Теперь она здраво оценивала свои силы. Да и многое ли можно было сделать со связанными за головой руками?

Удара так и не последовало. Да и сам бугай, тихо охнув, куда-то делся, напоследок больно саданув сапогом по бедру. Что-то тяжёлое плюхнулось справа. Кира скосила глаза. Мордан поднимался с земли, полыхая полным ярости взглядом.

– Уймись, идиот! – Голос тин Хорвейга звучал угрожающе. – Тебе кто позволил?

– Ты! – Огрызнулся тот.

– Что-то я не припомню.

– Сам сказал, девок трогать можно, если кого поймаю. Я – поймал!

– Я не говорил, что можно трогать эту! Думал, вам, идиотам, и так должно быть ясно. Завтра же убирайтесь, чтобы

я ваши рожи в своей деревне больше не видел! – Глаза Защитника вспыхнули красным, что в темноте выглядело более, чем зловеще.

– Ты ещё об этом пожалеешь!

– Тин Шноббер, ты вздумал мне угрожать? – Голос Защитника прозвучал вкрадчиво.

– Ну что-ты, Пасита, как можно? – Мордан чуть поклонился и, развернувшись, шатаясь, скрылся среди деревьев.

Пасита подошёл к связанной охотнице. Моргнув, потушив пламя в глазах. Походя одёрнул подол сарафана, прикрывая срам. Вынув из-за голенища нож, разрезал путы и протянул руку, помогая встать. Кира, не в себе от произошедшего, без задней мысли приняла помощь.

– Попалась! – Улыбнулся Защитник, прижав её к себе.

Охотница, напряглась, упёршись ладонями мужчине в грудь, попросила:

– Пожалуйста, не надо, – прозвучало жалко.

– А как же моя награда? Лишь поцелуй. Должно отдать дань богине.

Кира сглотнула, подавив дрожь. Целоваться хотелось меньше всего: «Поскорей бы оказаться у купален. Там люди. Там никто не станет больше приставать».

Родной исхоженный вдоль и поперёк лес, будто стал враждебным.

– Тише-тише. Успокоилась? Ну так как? – Пасита ничего не предпринимал. Лишь выжидательно смотрел, не выпус-

кая её из рук. – Или я тоже могу забыть об обещаниях? – он нехорошо прищурился.

Охотница не ответила. Просто закрыла глаза, подняв лицо: «Сейчас. Нужно немного потерпеть, и всё закончится».

Тин Хорвейг крепче притиснул её к себе. Тонкая ткань сарафана, в отличие от плотного охотничьего наряда, плохо защищала. Тело мужчины было неестественно горячим, она это слишком хорошо ощущала. Кира учуяла слабый запах вина. Того самого, что накануне пили за обедом. Одурающе пахло чисто вымытым телом, и ещё чем-то волнующим, отчего кружилась голова: «Или это от удара?»

Легкое прикосновение к губам, неожиданно отдалось судорогой в теле, заставив громко всхлипнуть – Пасита будто пробовал редкое лакомство. Он продолжил целовать, прижимая все крепче и крепче. Нежность исчезла, остался один напор. Было жарко, как никогда. В ногах образовалась такая слабость, что, если бы Защитник её не держал, Кира бы точно упала. Она ахнула, вздрогнув всем телом, вцепившись в ткань его рубахи, когда язык ворвался внутрь рта. Тщетно попыталась оттолкнуть, испугавшись новых, доселе неизведанных ощущений. В животе все внезапно свернулось спиралью, заставив издать тихий стон, охотница обхватила тин Хорвейга за шею, сама прижимаясь плотнее.

Внезапно все закончилось. Пасита сам её оттолкнул, хотя безумие вперемешку с отблеском силы и плескалось в стальных глазах.

– Ты выполнила обещание, Киррана. Иди, – голос прозвучал хрипло и как-то сдавленно. Защитник тяжело дышал, будто загнанный зверь. Враз обессилев, даже оперся на дерево. Рывкнул, подгоняя: – Иди же!

Кира, ошеломлённая и одуревшая от страсти, отступила на несколько шагов, боясь отвести взгляд, словно от хищного зверя. Потом все же повернулась и поспешила к купальням. То и дело оглядываясь, до тех пор, пока фигура Паситы не скрылась за деревьями. Тело била крупная дрожь. Её так ещё ни разу не трясло, казалось зубы клацают на весь лес.

Уже стало светать, когда она оказалась на тропе, ведущей к купальням. За первым поворотом путь преградила пятёрка парней – Федул, Егорша и остальная шайка. Похоже, они, распрощавшись со своими девками, возвращались в деревню. Мужчинам у купален быть не след, тем более в такую ночь.

– Вы только посмотрите! – Воскликнул Федул, указывая друзьям на Киру.

– А мы уж думали, она до обеда не вернётся, после таких-то жарких объятий, – Егорша презрительно скривился.

«Не может быть! Нас с Паситой кто-то видел?! Жуть!» – Кира похолодела, будто со стороны увидев произошедшее.

– Егорша, ничего не замечаешь?

– Сарфан испорчен, «ожерелье страсти» на шее?

Кира схватилась за горло. После того как Мордан её душил, наверняка остались синяки, которые парни и приняли

за нечто иное.

– А губы-то, губы! Гляди, как опухли, – продолжали глумиться те.

– Завтра хватит одного взгляда, чтобы догадаться: охотницу, наконец, кто-то догнал, – раздался новый взрыв хохота.

– Обязательно расскажем Микору, когда он вернётся.

– А Микор мне не жених! – Огрызнулась Кира.

Непривычные издёвки злили и причиняли обиду.

– Теперь уж наверняка, после такой-то выходки.

– Да, Микор такое не спустит!

– Яблочко от яблони...

Наперебой острословили парни. Высказавшийся последним Федул не успел и моргнуть, как оказался на земле. Колоно Киры упёрлось в грудь.

– Что ты сказал?

Почувствовав, как мутится в голове, охотница испугалась, что это то, о чём говорил Пасита: «Поколотить обидчиков – это одно, а вот прибить насмерть? Нет, такого мне не надо». В этот момент поодаль в лесу над кронами деревьев с рёвом вырвался столб пламени. Это отвлекло, и странное ощущение исчезло.

– Кира, я... – Федул что-то бормотал, остальные, к счастью, не лезли.

– Ты трус, Федунька! Решил, я без Микора никто? Ничего не стою? Неужто, все еще ревнуешь друга? – Кира тряхнула

парня, напоследок приложив о землю, и поднялась.

Остальные «храбрецы» посторонились пропуская. Чувствуя, как хмурые взгляды буравят спину, стащила надоевший до сартогских блох венок, который чудесным образом удержался на голове во время всех приключений и зло швырнула на землю.

– Вот тебе и дубовый лист! Одни «сильные» вокруг. Эту бы силу да в правильный воз запрягать...

Глава 14

1.

Тин Хорвейг смотрел вслед убегающей девчонке.

«И что это сейчас было?»

Поцелуй случился далеко не таким невинным, даже для самого Защитника, что странно: «Но главное не это, – главное было то, как вела себя *сила*. Внутри ревело и бушевало пламя, пытаюсь вырваться на волю: – И я, похоже, не в силах его погасить». Несмотря на все старания успокоиться не получалось. Не выходило остыть, привычно призвав на помощь мороз, чтобы компенсировать огненную сторону дара. Все, на что хватало контроля, просто стоять на ногах и держаться ис последних сил.

«Держаться... Держаться... – Прокручивая в голове точно молитву, Пасита медленно брёл, шатаясь, и то и дело останавливаясь у деревьев, чтобы отдышаться и сделать новый шаг. По лицу текли струйки пота. Пальцы дрожали. На искушенных губах выступили бисеринки крови. Наконец, впереди показалась поляна: – Маловата будет, но хоть что-то».

Постояв на опушке, точно решаясь, Защитник с усилием оттолкнулся от шершавого ствола и побрёл к центру. Добравшись до середины, задрал голову к светлеющему небу и снял все блоки, выпуская силу на волю.

2.

– Тин Шноббер, ты кретин! Сартогская кобыла умнее тебя в четыре раза! – Пасита был крайне зол и почти перешёл на крик.

Братья жались на лавке, вздрагивая от каждого слова, тяжёлым молотом обрушивающегося на головы – хмель прошёл, и пришла закономерная расплата за невоздержанность в возлияниях. Вчерашний задор и прыть тоже подрастерялись, да ещё и вернувшийся спозаранку Защитник совершенно не дал выспаться. Заявился как раз в тот момент, когда сладкий сон только смежил веки. Безжалостно разбудив пинками, принялся распекать:

– Это надо было додуматься подмешать в питье «Страсть Киаланы»! – Рыкнул он. – Сколько?

– Двойная доза, – пробурчал Мордан.

– Ты же говорил, что тройная? – Харила удивленно глянул на брата.

– Заткнись, придурок! – Вызверился тот.

– Тройная?! – Паситы вскинул едва не вылезшие из орбит глаза к потолку: – Керун-воин, за что ты послал мне этих остолопов? Ты в своём уме? – Стальные зрачки обратились к старшему тин Шнобберу.

– Мы просто хотели повеселиться, – оправдывался тот.

– А если бы я тебя прибил ночью, тебе было бы достаточно весело? – Зашипел Защитник, мысленно добавив: «А потом неизвестно, что сделал бы с девчонкой, убив на корню свою

мечту?» – У меня все блоки едва не сорвало к сартогам!

– Пасита, мы же не знали, что зелье на тебя так действует... Думали, Защитники невосприимчивы... – Харила выглядел особенно виновато, хотя идея явно принадлежала его брату, и, глядя на его помятое, некрасивое лицо, Защитник не выдержал, засмеялся. Хохотал до слёз, пока не начал всхлипывать и, теряя силы, опустил на лавку.

Братья озадаченно переглянулись, и Мордан шепнул:

– Кажется он того... С ума сбрендил.

– Что-то мне боязно, – ответил Харила и тоже заёрзал.

Утерев выступившие слёзы, тин Хорвейг резко успокоился:

– Меня другое удивляет, – продолжил он уже спокойнее, хотя смех так и норовил вновь прорваться, что было заметно, по его дернувшимся губам. – И как вам только в голову пришло этого зелья самим напиток? Это какими же тупицами надо быть? Вы хоть представляли последствия?

– Оно дорогое! – Оправдываясь, возразил Харила.

Пасита, вздохнув, глянул как на безнадёжного и продолжил теперь уже тихо и зло:

– Если бы из-за вашего идиотизма девчонку хоть кто-то тронул. Неважно, вы, – он выразительно посмотрел на Мордана, – или местные. Я бы спалил все это место, к сартогам, до тла! И начал бы именно с вас. Спалил, и ушёл бы за Излом.

Защитник и в страшном сне не мог представить, что его единственная надежда чуть не рухнула из-за глупости по-

МОЩНИКОВ.

– А я, вообще, ни при чём, – пробормотал обиженно Харила.

– В общем, так. День вам на сборы, и можете убираться на все четыре стороны. С такими помощниками врагов не надо.

– Вот и отлично! – Подскочил внезапно осмелевший Мордан, в котором выиграла фамильная гордость. – Всё равно скука смертная. Ты только и можешь, что обещать. Зачем я, вообще, согласился поехать? Да ещё и брата с собой уволок!

– Всё сказал, тин Шноббер? – Пасита произнёс фразу холодным тоном, оценивающе глядя на бугая.

– Всё, – Мордан встал и направился к выходу.

– Тин Хорвейг, – пробасил вдруг младший тин Шноббер, даже не сделав попытки подняться, – можно я останусь?

– Что? – Воскликнули Мордан и Защитник в один голос.

– Я не буду трогать охотницу. Да и не собирался. Я, вообще, никого больше не трону. Буду делать все, что скажешь. Не прогоняй меня, пожалуйста.

Пасита ничего не ответил, лишь раздражённо махнул рукой, приказывая братьям убраться из горницы. Когда те вывалились наружу, Защитник тяжело опустился на лавку: «Тройная доза! Это надо только подумать!» – Он прекрасно представлял, сколько заплатил тин Шноббер жрицам за целую бутылку. Вот почему так раскалывается голова, и трясутся руки. Он с самого начала подозревал, что это не обычное похмелье, с которым мощный организм совладал бы в

два счёта, а найденный в сенях пустой пузырек лишь подтвердил, что дело нечисто: «Болваны даже не додумались сорвать этикетку!»

Пасита усмехнувшись, вспомнил как вчера то и дело наткался на предающиеся любви парочки: «Особенно жаркая ночь Киаланы нынче выдалась в Золотых Орешках».

Выудив из закровов бутылку вина, он плеснул себе кубок и снял с полки Книгу Излома. По какой-то причине его потенциал увеличился, хотя уже и не должен был: «Я думал, что давно достиг пределов *дара*».

Кроме того, наблюдался серьёзный перекося баланса. Огненная структура теперь в несколько раз превосходила морозную, а этого нельзя было допускать ни в коем случае. Чревато неожиданными срывами и внезапной потерей контроля: «Вон как из крайности в крайность бросает, – смутные подозрения только усилились: – Неужели все дело в девчонке?»

3.

Братья тин Шноббер вышли наружу, прихватив в сенях заранее припасённую бутылку с медовухой, и расположились под яблоней позади дома.

– С чего это ты решил остаться?

– Брат, я влюбился. Кажется...

Мордан поперхнулся и прыснул прямо Хариле в лицо, но тот будто и не заметил, продолжая блаженно лыбиться.

– Ты умом повредился?! Хотя, откуда бы ему у тебя взять-

ся? Отродясь не бывало. Твоя мать, верно, зачала со скамейкой, пока твой тупой папаша был в отъезде.

– Не смей так говорит о моей маме! – Рыкнул угрожающе Харила, тут же растеряв всё благодушие, и тряхнул братца за ворот. – И про отца тоже. Он, меж прочим, твой дядя!

– Ладно-ладно, успокойся, – Мордан решил, что не стоит ссориться. – И кто она?

– Не знаю, – на будто слепленном абы как из куска глины лице снова расцвела мечтательная улыбка.

– И всё-таки ты идиот.

– Не больший, чем некоторые. Даже я сообразил бы не трогать девку, кою Тин Хорвейг себе присмотрел. Он такое никому не прощает.

– Я хотел отомстить!

– Отомстил?

Братья замолчали, каждый думая о своём.

– Чем планируешь заняться? – Наконец, задал вопрос Харила.

Мордан поморщился:

– Отец, небось, снова отправит следить за Болотным поместьем.

– Там же со скуки помереть можно. Мне хватило того лета, когда ты обманом уволок меня с собой. Ни девок, ни развлечений – одни старые клуши и комарье. Ни выпивки – погребка пусты, как душа сартога. Да ещё и прислуга родителям докладывает о каждом шаге. Нет. Я лучше здесь останусь.

Уговорю как-нибудь тин Хорвейга.

– И все же ты тупица.

Харила неодобрительно покосился на брата, но промолчал. Привык и давно устал обижаться, но вдруг кое-что вспомнил:

– А она сказала, что я умный. И сильный.

Мордан скривился – благостное выражение на дремучем лице Харилы выглядело неуместно:

– О, боги! Хотел бы я посмотреть на ту дуру, которая так сказала, – пробормотал он себе под нос, стараясь, чтобы брат не расслышал. Рука у младшенького тин Шноббера была тяжёлая, а терпение не бесконечное.

– Чего? – Насторожился тот.

– Какая она? – Добавил Мордан громче. – Как, говорю, выглядит?

– Маленькая и хрупкая. Чернявая, – в голосе Харилы сквозила невиданная доселе нежность. – Очень красивая. Она меня первой поцеловала, – глаза затуманились воспоминаниями.

– И ты её? – Мордан шевельнул бровями, но не стал договаривать, отметив, как стремительно меняется выражение лица кузена. – Молчу-молчу! Дела-а... Харила тин Шноббер встретил любовь всей жизни...

– Шутишь? Шути. – В голосе Харилы проскользнуло самодовольство.

– Вот скажи мне, какой тогда от зелья толк? Зря только

добро перевёл, – посетовал Мордан.

Харила глумливо осклабился, что-то припомнив:

– Хотя бы деревенским вышел толк, я будто в третьесортном столичном борделе побывал. Ну, знаешь, когда народ по углам жмётся, ежели комнат на всех не хватает. Вздохи чуть ли не под каждым кустом. Весной детишек тьма народится...

Братья засмеялись

– Сработала задумка значит. Только вот мне с того толк?

– Меньше за охотницей надо было бегать.

– Ну а ты-то, как свою красотку встретил? – Мордан не хотел продолжать разговор об очередной неудаче, тем более что понимал – брат прав.

– Да она сама на тропу вышла. Сказала: «Попался!» Я растерялся даже сначала...

Мордан покосился на Харилу, всматриваясь в откровенно некрасивые черты и более чем внушительные размеры, мысленно поёжившись, честно ответил:

– Я бы точно не рискнул. Зовут хоть как?

– Не знаю. Не спросил как-то.

– Чернявая, говоришь? Так тут через одну темноволосые, в темноте и не разберешь. Глаза приметил? Раньше в деревне встречал?

– В темноте не понял, какого цвета и не знаю, встречал ли раньше. Красивая она...

– И всё-таки ты глупый, – покачал головой старший тин Шноббер.

4.

Охотница успела переменить сарафан на домашнюю рубашку и заплести косы, предварительно вычесав набившиеся за ночь листья и прочий мусор – все же неловко в лесу с неприбранными волосами, когда в комнату вошла Анасташа.

– Кира, что случилось? – Воскликнула она, сходу приметив синяки на шее. – И хватит уже через окно в избу лазать. Заколочу! – Эту угрозу охотница слышала с тех пор, как ей миновало шесть зим, но мать только пугала. Из груди сам собой вырвался усталый вздох. Теперь не отвертеться, придётся рассказывать. – Это снова тин Хорвейг? – Продолжила тем временем Анасташа.

– Нет, Защитник на этот раз ни при чём. Кто-то накинул мне пояс на глаза, а я дёрнулась от неожиданности, споткнулась и упала. Кушак случайно соскользнул на горло и вот.

Кира не собиралась вдаваться в подробности, чтобы лишний раз не волновать мать.

«Синяки, оставленные пальцами Мордана на бёдрах, ни в коем разе никому нельзя показывать. Одна радость пройдут быстро».

– Ой-ли? – Анасташа явно не поверила. – И кто же это такой неосторожный?

– Не видела. Да тут и Пасита как раз поблизости оказался. Прогнал незадачливого ухажёра. А, может, тот сам испугался и сбежал. Я не успела разобрать.

– А что Защитник?

– Поцеловал и отпустил, – почти не соврала Кира, но воспоминания о жарком, выворачивающем душу наизнанку поцелуе окрасили щёки. Вспомнила она и как неумело отвечала, невольно поддавшись наваждению.

«О, Киалана! Неужели это ты одобрила такое? Неужели весь этот огонь внутри – твоя воля? Нет, в это попросту нельзя поверить! Лучше впредь держаться от Защитника подальше, только если бы это было возможно...»

– Я принесу мазь, там ещё осталось. Зная тебя, Матрёна давала с запасом.

Пока мать ходила, Кира быстро улеглась в постель – сегодня полагалось выспаться. Деревня погрузилась в дрему, лишь куры деловито копались в пыли, взлаивали потревоженные неведомо чем собаки, да раздавалось редкое ржание застоявшейся лошади. Наконец, и Кира уснула.

Привиделась всякая глупость: вот она на руках у Паситы, бесстыдно – точь в точь как Ламита к Лютобору – прижимается к груди Защитника. Тот наклоняется все ближе и ближе, впиивается в губы страстным поцелуем, стискивая в объятьях все крепче, до тех пор, пока не затрещали рёбра. Кира пытается отстраниться и вдохнуть, и вот уж вместо тин Хорвейга перед ней перекошенная рожка Мордана. Тот, обдав пивным, кислым духом, выплёвывает в лицо: «Попалась!» Руки сжимаются на горле, и Кира хрипит, бьётся в попытках освободиться, но вдруг обна-

руживает, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, потому как полностью примотана к стволу берёзы невероятно длинным праздничным кушаком. За ней бесстрастно наблюдают Ламита и Люта, но не торопятся на помощь. Вдруг раздаётся голос Каррона:

– Кирана тин Даррен, тебе никогда не стать Защитницей!

– Отец помоги, – кричит охотница, но тот превращается в Паситу и выпускает в неё поток ревущего пламени. Огонь больно обжигает, и из уст вырывается отчаянный крик.

Кира села на постели, ошалело озираясь. Было душно – похоже, сквозняком захлопнуло ставни. Тело горело, а подушка была мокрой от пота, рубаха тоже. Несмотря на жар, зубы стучали, и очень хотелось пить.

«Неужто с малиновым мёдом переборщила?»

Кира кое-как поднялась с постели. Распахнув окно, впустила в комнату свежий вечерний воздух, почувствовав, как сразу становится легче. Переодев рубаху, натянула чистый сарафан и вышла на двор. На душе было муторно и тревожно. Охотница направилась к колодцу, достав бадью ледяной воды, напилась вволю и умылась. Остатки понесла Туману. Лохматому псу в такую жару приходилось несладко.

«Надо бы его с привязи спустить, засиделся бедняга».

Туман лежал, на боку возле будки и, похоже, спал.

– Ах ты засоня! – Рассмеялась Кира, присаживаясь рядом. – Тебя так и кошки задерут, пока дрыхнешь, – она по-

трепала пса по голове, удивлённая, что тот до сих пор не проснулся, не потянулся, пытаюсь лизнуть в лицо. Пёс не пошевелился. – Туман! – Нехорошее чувство подступило к горлу. Морда пса была чем-то измазана, отчего слиплась шерсть, а открытые глаза смотрели не мигая.

Мёртвые глаза.

– Туман... – Прошептала охотница.

По щекам ручьём побежали горячие слёзы. Шмыгая носом и то и дело вытирая набегающую влагу, Кира осмотрела землю вокруг на предмет следов. Они нашлись по ту сторону плетня. Узкие отпечатки ног, обутых в сапожки – отчётливо были видны углубления, где каблуки продавливали мягкую землю: «А ведь все деревенские в такую жару босиком ходят!»

Рядом обнаружили и куриные кости, несколько валялось и около будки: «Откуда они здесь взялись?» – Туману никогда не давали птицу.

5.

– Глафира! – Не докричавшись, Кира отворила калитку и ступила на двор.

Разрывавшийся на цепи кобель, глухо заворчав, скрылся в конуре, стоило охотнице только глянуть.

– Нет её, раз не отзывается. Чего не понятно-то? – Апраксия попыталась преградить путь, но Кира аккуратно отодвинула женщину в сторону.

Сама Глашка тут же появилась на крыльце сонная и босая. Окинув Киру высокомерным взглядом, презрительно усмехнулась.

– Я уж подумала разбойничает кто.

– Ты и разбойничаешь! Почто Тумана отравила? – Кира едва сдержалась, чтобы не стащить красавицу через высокие перила за длинную косу, да не приложить разок о ступеньку, руки так и чесались.

Пухлые, красиво очерченные губы расплылись в довольной улыбке:

– Это тебе за Паситу, – Глафира даже не думала отрицать обвинения.

– Что ты такое говоришь?! – Охотница даже опешила от такого заявления.

– Защитник – мой по праву!

– Защитник ничей! А ты – дура, если так решила.

– Думаешь, если твоя мать отхватила себе Каррона, то и ты имеешь право вставать мне поперёк дороги? Да только это я дева-клятва. Меня выбрали, куда уж тебе? – многозначительно приподнятые брови намекали, что Кира недостаточно хороша для Защитника.

«Или, вообще, недостаточно хороша...» – подумалось Кире под едва ли не сочувствующим взглядом Глафиры.

– Ты забрала у меня Микора, – не унималась та, – а теперь и Паситу хочешь отнять?! Не выйдет! – Она зашипела разъярённой кошкой, спускаясь по ступеням навстречу. Краси-

вое лицо зло кривилось, даже осанка стала угрожающей: – За это я отняла у тебя пса. Не уймёшься – продолжу!

Внезапно Кира успокоилась, ярость ушла, а всё что осталось – это жалость к потерявшейся девке.

– Послушай, Микор всегда мне был только другом. Не более. Если он на тебя и не смотрел, так в том не моя вина. Сердцу не прикажешь. Пасите я тоже нужна по иной причине. Поверь, я бы и рада не видеться с ним вовсе.

– Ты врешь! Мне всё уже рассказали!

– Что хочешь, то и думай, – голос Киры звякнул металлом, – но, если увижу тебя рядом со своим двором, или кто о том мне расскажет, за косу проволоку через всю деревню. Так и знай! – Охотница повернулась и вышла на улицу, не обращая внимания на крики и угрозы, доносящиеся в спину.

6.

Тин Хорвейг перелистнул страницу. Люто клонило в сон, как с ним частенько случалось, если приходилось много сидеть за учебниками. Очередной зевок, чуть не разорвал рот, но всё же два дня прошли не впустую.

После праздника Киаланы он много времени посвятил медитации на берегу Широкой. Близость воды способствовала укреплению энергетических потоков. Легче давалась разработка новой структуры, которая позволила компенсировать перекоп баланса сил в сторону огненной половины. После всех затраченных усилий, он почувствовал себя вполне

сносно. Все оставшееся время Защитник посвящал чтению и переводу Книги Излома. Даже брал её с собой – после медитации лучше думалось.

Среди прочего, Пасите удалось обнаружить упоминание о слиянии и взаимном усилении мощи Защитников за счёт объединения сфер *силы* в момент инициации. Описание было весьма запутанным, и знаний тин Хорвейгу недоставало, чтобы разобраться в тонкостях ритуала, да и ни про какое «объединение сфер *силы*» он доселе не слышал: «Надо срочно везти книгу в Орден, уж дядя точно сможет во всём разобраться».

На глаза раз за разом попадалось какое-то предупреждение, которое повторилось минимум трижды. Но все, что удалось разобрать, сводилось к тому, что следует правильно просчитывать коэффициенты потенциалов, и что ритуал возможно провести лишь однажды. Отчего-то мысли то и дело возвращались к Ночи Киаланы: «А ведь именно после поцелуя с девчонкой тин Даррен неожиданно возрос мой потенциал, стоит быть с ней осторожнее, пока не выясню всё про это самое слияние. Вдруг случайно повлияю на её *силу*, запустив эту самую инициацию невовремя?»

К вечеру третьего дня Защитник заскучал. Непрерывное штудирование уже набило оскомину. Раздражало и двоякое толкование рун, да витиеватые выражения, в которых было больше пустословия, чем смысла. Пасита устало отодвинул талмуд в сторону и потёр покрасневшие глаза: «Надо про-

ветриться, пока мозги не закипели». Защитник прислушался к дару, *сила* вторые сутки вела себя смирно. Новая структура с двойными компенсационным узлами оказалась удачной находкой. Перед глазами встал образ Махаррона. Крючковатый нос, недовольно кривящиеся губы, скрежещущий голос.

– Неплохо, тин Хорвейг, неплохо. Но можно было и лучше. Твоя основная ошибка...

Пасита усмехнулся: «Вспомнится же!»

Одолел зов природы, и Защитник встал из-за стола. Мордан уехал ещё накануне, Харилы тоже нигде не было видно. Младший тин Шноббер, вообще, теперь старался не попадаться на глаза лишний раз с тех пор, как упросил не прогнать вместе с братом. Так что в сенях и на дворе никто не встретился. Поддавшись безотчётной тревоге, тин Хорвейг с крыльца вернулся в избу. Осмотрелся. Книга Излома лежала на столе, хотя он был уверен, что поставил её обратно на полку.

«Может, запамятовал?»

Тревога не отпускала, а Защитник привык доверять своим ощущениям. Впервые за всё время он побоялся отставить книгу без присмотра.

«Опять же, тин Шнобберы знают, что она представляет для меня ценность. Вдруг Мордан подговорил брата её уничтожить, чтобы отомстить за обиду?»

Пасита внимательно, осмотрел горницу, проверил под столом и за занавеской, что отделяла постель и закуток у пе-

чи от прочего пространства. Выглянул в сени, но и там ничего подозрительно не обнаружил. Вернувшись в горницу, подошёл к открытому окошку – на дворе, похоже, никто не скрывался: «А если бы и так, то теперь уже и след простыл».

Защитник взял книгу и поместил в сумку, в которой носил её с собой на берег: «Пока буду держать при себе, а позже придумаю куда спрятать».

7.

Пайшан большим чёрным пауком распласталась в сенях под потолком, у самой притолоки, затаила дыхание и, усилив воли замедлила стук сердца, когда Защитник осматривал сени: «Саршан-хо, ушёл бы поскорее, долго мне так не продержаться!»

Когда тот, наконец, вышел, юная асс-хэпт, выждав ещё немного, глубоко вдохнула. Сердце привычно отозвалось щемящей болью, возвращаясь к нормальному ритму, не обращая на это внимания, девушка тихо скользнула в комнату. Ожидаемо книги на столе не оказалось. На полке, к сожалению, тоже.

– Хайшшат вассор! – Выругалась асс-хэпт сквозь зубы.

«Похоже, Защитник забрал книгу с собой. Какая незадача! Глупая ослица, нужно было взять её сразу, потом бы убедилась, что это именно Книга Излома».

Убивать кого бы то ни было в деревне, Хэпт-тан настрого запретил. За слушание последует неминуемое суровое на-

казание: «Да такое, что не раз пожалею, что не приняла лёгкую смерть от меча или *силы* Защитника».

Об этом конкретном Защитнике тоже ходили кое-какие слухи, так что встреча с ним лицом к лицу ничем хорошим для ассасина её уровня закончиться не могла, а потому следовало делать все возможное, чтобы остаться незамеченной.

Простое, на первый взгляд, задание на деле оказалось гораздо сложнее. Началось с того, что дорога до Золотых Орешков заняла больше времени, чем девушка планировала. К своему стыду, Пайшан умудрилась банально заблудиться, поддавшись на уговоры встреченной на постоялом дворе семейной пары. Супруги напирали на то, как опасно юной девушке путешествовать в одиночку и предложили вместе преодолеть отрезок пути через лес, в котором, по слухам, хозяйничали разбойники.

Чета выглядела респектабельно, и асс-хэпт, здраво рассудив, что отказ вызовет ненужные подозрения, согласилась. Как водится, попутчики предложили пойти короткой дорогой, которая на деле оказалась длинной... Когда же они возжелали забрать её лошадь и деньги... Впрочем, за это мошенники уже заплатились.

В первые дни после прибытия в Золотые Орешки осуществить план не удалось. Защитник, как оказалось, в избе жил не один. Рядом постоянно крутились два идиота, даже ночевали в сенях. Потом произошла досадная случайность. Её укрытие в лесу обнаружили деревенские ребятишки, и при-

шлось срочно искать новое, подальше. Местность она знала плохо, оттого потратила лишний день на это занятие.

Не помешал и запасной план, потому следующую ночь Пайшан посвятила подготовке, благо времени было предостаточно. Раздражало её то, что задание было не убить кого-то, а украсть: «Все же я ассасин, а не воровка, – но с Хэпт-таном не спорят – Райхо...» – имя, даже произнесённое мысленно, вызывало почти суеверный страх одновременно с сонмом мурашек.

К счастью, Защитник неожиданно разругался со слугами и выгнал их. Пайшан сначала обрадовалась, надеясь, что это упростит задачу, да не тут-то было. Последующие дни тин Хорвейг не выпускал книгу из рук, даже занимаясь медитацией. Подсыпать сонного порошка в еду тоже не вышло, Пасита стал гораздо внимательнее к своей пище, но в том её вины не было: «Похоже, это как-то связано с той ссорой. Он не доверяет слуге».

Вот тут-то ассасин себя и похвалила за то, что не поленилась продумать запасной план.

Глава 15

1.

К Красным Горкам маленький отряд успел аккурат перед закрытием ворот, когда последние лучи заходящего солнца померкли, и уставшая от однообразной работы стража, изнывающая в ожидании смены, проводила путников безучастными взглядами. Нааррон не увидел, а скорее почувствовал – их беспечность обманчива, и через бойницы надвратных башен на них сейчас смотрят острия арбалетных болтов.

Звякнув вирой, спешили и вошли внутрь вместе с другими припозднившимися путниками. Мальчишка исчез чуть раньше, ещё на последнем перекрёстке, махнув рукой на прощанье, припустил куда-то рысцой.

– Не нравится мне шельмец, – пробурчал Крэг.

– Да тебе же никто не нравится. Пора привыкнуть, – поддел Нааррон.

– Молчи, заучка!

Дорога от ворот вела мимо добротных двух и трехэтажных домов. Серые, сложенные из камня стены, часто с северной стороны зеленеющие мхом – деревянных построек, несмотря на близость леса, здесь практически не встречалось. Красные черепичные крыши, на каждой по две-три каминные трубы. Всюду крепкие ставни на зарешеченных окнах. Закрытые попадались, по большей части, только на верхних

этажах. С нижних доносились звуки кутежа, – почти каждый второй дом на этой улице был постоянным двором или трактиром. Среди них изредка мелькали лавки ремесленников, в основном тех, кто по какой-то причине не смог или не захотел перебраться поближе к рыночной площади.

Молотом в нос ударили запахи пищи, отозвавшись голодным спазмом в желудках – обедали путники сегодня абы как, не слезая с коней. В ярко освещённых залах, через окна с ещё не закрытыми на ночь ставнями, Нааррон без труда разглядел силуэты пирующих – день подошёл к концу и приезжие купцы радостно пропивали выручку, наслаждаясь прелестями местной кухни.

В переулках между домами то и дело попадались на глаза фривольно разодетые дамочки, кидающие недвусмысленные зазывные взгляды на молодых и привлекательных путешественников – улица соседствовала с кварталом наслаждений.

«А что? Логично, – подумал адепт, – все под боком. Из-за стола – туда, продолжать веселье». На улицу легкомысленные дамы не высовывались, и юркали обратно, стоило какому-нибудь стражнику обратить строгий взор в их сторону.

Когда в животе заурчало особенно громко, кобылка под Наарроном всхрапнула.

– А, может, ну его?

Крэг вопросительно повернулся, прослушав слова адепта из-за очередной строящей глазки девицы.

– Ты ещё не устал на них пялиться? – Нааррон добавил в голос побольше равнодушия, стараясь не особо приглядываться к непозволительно высоко задранным юбкам и вываливающимся из корсетов прелестям.

– Ты не понял, заучка. Это они на меня пялятся, – голос Защитника звучал самодовольно.

– Им без разницы на кого пялиться, лишь бы кошель был полон.

– Заучка, у тебя есть деньги?

– Есть немного, а что?

– Тогда покажи мне хоть одну, которая смотрела бы на тебя?

Крэг заржал, и Нааррон устало закатил глаза.

– Может, ну его, этот постоянный двор, как-там? «Три драные кошки»? – повторил он, оставив без внимания выпад курсанта.

– «Четыре кошки», – поправил Защитник. – Ты, вообще, как в мудрецы-то загремел? У тебя ж памяти, как у курицы.

– У меня прекрасная память, просто не запоминаю информацию, которая не представляет ценности.

– Конечно! Совсем неважно, где тебя обдерут до нитки, а где можно сэкономить свои кровные.

– Материальное – ничто! – высокопарно заявил Нааррон. – Духовная пища, коя есть знания...

– Напомни завтра на рынке, чтобы я на твою долю, купил пару умных книжиц. Да! И не проси больше кого-ни-

будь подстрелить.

– Я не это имел в виду.

– Вот и не умничай, – оборвал его Крэг.

Впереди показался перекрёсток, и путники повернули направо к западным воротам, о чём свидетельствовал указатель. Дальше, мощённая шлифованным камнем, улица вела мимо обширной рыночной площади. Вдоль выстроились в ряд дома мастеровых, первые этажи которых сплошь являлись лавками. Каждая была украшена добротной, с любовью выполненной вывеской.

Нааррон загляделся, несмотря на сумерки:

– А вывески-то почище, чем в столице будут! – искренне удивился он не раз бывавший вместе с Настоятелем Агилоном в Стольном граде.

– Угу, – согласно кивнул Крэг.

Ставни домов здесь, были накрепко закрыты, и обещали распахнуться только с наступлением утра, когда оружейники, кожевники, портные, пекари и галантерейщики проснутся, наперебой зазывая в лавки покупателей. Сейчас же было тихо и обманчиво пустынно, глаза то и дело улавливали какое-то движение. За всё время им навстречу попала только парочка сомнительного вида типов, да патруль. Но ни те, ни другие не обратили на путников внимания. Защитник внимательно всматривался во все закоулки, и как-то подобрался, словно готовясь к возможным неприятностям.

Улица закончилась у западных ворот, уже закрытых к это-

му времени. Почти в самом её конце возвышалось добротное, трехэтажное здание, а вывеска над входом, выполненная в виде клонящегося спелого колоса, источала лёгкое золотистое сияние.

– Сартог меня дери! Это же стоит целую прорву золотых! – восхитился Нааррон. – Такую краску изготавливают с добавлением перламутра моллюсков, которых выращивают только в Лиардинии. И как только трактирщик, пускай и зажиточный, смог себе такое позволить? Я в Стольном Граде видел подобное, но так то – столица!

– Хм, заучка, а ты, оказывается, умеешь ругаться? – брови Крэга насмешливо приподнялись. – Ну тут все снова проще, чем ты думаешь. Хозяин бесплатно или же с большой скидкой пускает на постой купцов. Те взамен могут его благодарить, как им вздумается. Уверен, что в этом краю расценки много ниже, чем у северных ворот, потому что далеко не все сюда добираются, а только те, кто знает про это заведение.

Нааррон почесал в затылке, нехотя признавая правоту сопроводителя.

Территория двора ярко освещалась десятком масляных фонарей, свет которых казался теплым и уютным. Надпись над входом гласила: «Полный колос». Открытые ставни и аппетитные запахи горячей пищи манили, не позволяя пройти мимо.

«Жареное мясо, хлеб, какая-то приправа...» – вслед за новым голодным спазмом окрестности огласил богатырский

кишечный рёв. Тут уже и мерин Крэга покосился на адепта, а сам Защитник удивлённо приподнял бровь.

– Грозен же ты брат с голодухи! Вон, даже кони шарахаются! На вот – почитай, – он, с участливым видом, выудил откуда-то из кармана небольшую книжицу и протянул Наррону. Тот ответил осуждающим взглядом и, покачав головой, мудро решил не обращать внимания на подколки.

– А, может, ну их, этих «Дранных кошек»? Пахнет вкусно... Может, и хозяин не такой уж ворюга?

– Потерпи, заучка. Вот ты неженка-то! И как мне... – Крэг осекся не договорив.

Чуть в глубине на противоположной стороне улицы, выбиваясь из общего ряда, почти прижавшись к городской стене, расположилось искомое здание с забавной вывеской – два взъерошенных кота, весьма грозного вида, сплелись в клубок и драли друг друга так, что шерсть летела клочьями. Эти самые клочья были тщательно прорисованы. По углам вывески, скрестив аркой непомерно длинные хвосты, за баталией наблюдали две утончённого вида кошечки. То, что это особи женского пола было понятно по хитрым мордашкам и бантикам на шеях. Глаза представителей семейства кошачьих мягко мерцали выкрашенные той же самой, жутко дорогой, краской.

– Похоже, мы на месте.

– Ха! И почему «Четыре кошки»? Тут ведь явно два кота и две кошки? Какая в этом логика?

– Слишком много ненужных вопросов, – буркнул Защитник. – Посмотрим, есть там кто, а то как-то подозрительно тихо.

И правда, в отличие от «Полного колоса», заведение не манило ни светом из окон, ни ароматами, ни многолюдностью. Да и, вообще, само здание, если бы не вывеска, производило мрачное впечатление. Подъехав к коновязи, путешественники спешили. Крэг не торопился привязывать лошадей. Всё равно на ночь их тут не оставишь.

– Постой здесь. Я загляну внутрь, – заметив, как сразу напрягся Нааррон, тому враз стало неуютно на безлюдной улице, добавил: – Встань вот сюда, промеж лошадей. Ори, ежели чего, – и скрылся за дверью раньше, чем адепт успел ответить.

– Умеет же страху на пустом месте нагнать... – пробурчал он себе под нос, но указание выполнил с поспешностью, внезапно осознав, что посреди леса, да и на ночёвках у реки было не в пример спокойнее.

На фоне тёмно-синего неба чёрными столбами выделялись силуэты стражников на стенах. Они особо не скрывались. Кого им было бояться? Внезапно боковым зрением Нааррон уловил какое-то движение в переулке между домами. Он вздрогнул и непроизвольно прижался к тёплому боку кобылки, которая за прошедшее время из страшного зверя превратилась в друга и товарища.

«Почудилось?» – адепт был уверен, что это не игра испор-

ченного чтением, зрения, там определённо кто-то был.

Сощурившись, Нааррон до боли всмотрелся в темноту и едва сдержал крик, когда, с угрожающим мявом, оттуда появились дерущиеся кошки. Воя и шипя, покатались единым клубком, затем распались на две отдельные особи, а затем их что-то вспугнуло, и они бросились обратно в переулок – одна за другой, согнув крюком хвосты.

На плечо легла тяжёлая рука:

– А-а-а! – не сдержался-таки будущий Хранитель.

– Чего орешь, придурок? Идём внутрь, – голос Крэга прозвучал едва слышно.

– Ты меня напугал!

– На этот раз – не специально, – усмехнулся курсант и добавил нарочито громко: – Пожалуйста, господин Нари, я прослежу, чтобы о лошадях позаботились как следует и принесу наши вещи, – он услужливо поклонился.

Адепт повернулся, в дверях стоял трактирщик.

– Приветствую, господин. Вы что-то припозднились. Мы-то тут раньше закрываемся, до нас мало кто так поздно добирается, да и конкуренты... – он развёл руками, и Нааррон отметил, какие у него широкие мозолистые ладони. – Ужинать изволите?

– Изволим, – с готовностью отозвался адепт под аккомпанемент утробных звуков из собственного нутра.

– Господин Рэн распорядился проводить вас сразу в комнату и подать ужин туда, если пожелаете, – продолжил ра-

душный хозяин с холодным взглядом наёмника.

Застиранный фартук, натянутый поверх одежды, шёл ему так же, как кобыле рога. Нааррон непроизвольно обернулся, убеждаясь, что Крэг и правда хочет, чтобы он пошёл внутрь с этим человеком, но тот уже завернул за угол, следуя за усталым слугой. Незаметно сглотнув, будущий Хранитель Знаний двинулся за трактирщиком. Они миновали тесный, грязноватый, но забитый посетителями до отказа зал.

Здесь запах еды смешался с сивушными парами. Лица некоторых гостей явно указывали на степень опьянения. Ловко лавируя между близко расставленными столами, сновали две крепенькие подавальщицы, бойко осаживая охальников, желающих ущипнуть за пышный зад, и умудряясь не уронить нагруженного снедью разноса.

«Удивительно, почему снаружи всего этого веселья не видно?» – Нааррон мысленно поёжился, заметив, как некоторые подозрительные личности провожают его пристальными взглядами, и идея поужинать в номере – показалась ему особенно разумной.

Они поднялись по вытертым деревянным ступеням на второй этаж.

– Сюда, пожалуйста, – пробасил трактирщик, отворив третью по счету дверь, и сделал приглашающий жест. – Располагайтесь. Позже придёт Мариша с ужином и чистой постелью.

– Спасибо! – кивнул Нааррон, несколько поспешно за-

хлопнув дверь, как только хозяин повернулся. Заперев её на задвижку, он почувствовал себя в относительной безопасности и возмутился в пустоту: – Почему нельзя было остановиться в «Полном колосе»? Здесь же чистый притон!

Дверь дёрнули, а затем раздался настойчивый стук, заставив в очередной раз подпрыгнуть.

«Что-то нервы расшалились. Пожалуй, стоит заварить себе успокоительной травки».

– Кто? – он постарался, чтобы голос звучал уверенно.

– Господин Нари, это Мариша. Я принесла ваш ужин.

Нааррон осторожно отпер. Крепкая, фигуристая служанка в фартуке и чепце держала в руках корзину с бельём и поднос. Адепт отодвинулся в сторону, впуская девушку внутрь, и лишь потом сообразил, что, пожалуй, стоило пособить. Пока служанка размещала свою поклажу, он быстро выглянул в коридор. Там никого не было. Запираться при девушке адепт как-то постеснялся: «Где же носит Крэга? Скорее бы пришёл, – подумал и возмутился этой мысли: – С каких пор я так привязался к Защитнику?»

Мариша ловко застелила соломенный тюфяк застиранными, но, на удивление, чистыми льняными простынями. Бросила поверх тонкое шерстяное одеяло. На столе, источая дивные ароматы, томился в ожидании ужин. В животе снова громко заурчало, и девушка хихикнула покосившись.

– Да, вы, поешьте, господин. Чего тянуть-то? Ведь вижу – голодны. Если что-то понадобится – звоните, – она указа-

ла на шнурок возле одной из кроватей. – Но только не позже полуночи или с утра. Уборная на дворе. Вниз по той же лестнице и сразу в дверь, через весь зал проходить не нужно. Будьте осторожны, лестница крутая – прихватите с собой свечу и не забудьте задвинуть засов, когда вернётесь.

– Да-да... – рассеянно кивнул будущий Хранитель, краснея до кончиков ушей.

Он подошёл к столу, на котором стоял большой кувшин. Рядом, накрытый чистым полотенцем, поднос, где обнаружился добрый кусок жареного поросёнка, большая миска зелёного горошка, вываренного в бульоне и сдобренного сметаной и чесноком. Ломти белого и чёрного хлеба, корзинка со свежими овощами и зеленью, а также две миски похлёбки исходящие паром. Рот мгновенно наполнился слюной. Адепт судорожно сглотнул и схватил ложку.

– В кувшине эль, – Мариша закончила возиться со второй постелью и, поклонившись, вышла. В дверях она столкнулась с Крэгом. Защитник тащил с собой седла и всю сбрую вместе с седельными сумками, оттого не успел её поймать.

К счастью, девчонка устояла на ногах.

– Простите, господин, – произнесла без малейшего раскаяния в голосе. Глаза с явным вожелением прошлись по крепко сложенной фигуре, по буграм мышц, которые не особо скрывала походная куртка. – Если господину что-нибудь понадобится... – она по-особенному улыбнулась.

– Господин знает, где тебя найти, – продолжил за неё Крэг,

отодвигаясь с прохода. Когда служанка вышла, он закрыл за ней дверь, заперев на задвижку, чем несказанно обрадовал адепта. – Ты же не собираешься это есть?

Нааррон, уже было поднёс ко рту ложку с похлёбкой, но остановился:

– Не-ет, – разочарованно протянул, опуская орудие труда. – Нас что, уже хотят отравить? На вид вполне сносно.

– Отравить – вряд ли. Полагаю, два трупа им ни к чему. А вот, к примеру, подсыпать сонной травы в похлёбку – легко.

– Но зачем им это делать?

– А затем, куриная твоя голова, чтобы без страха пошарить, где мы прячем золотишко и прочие ценности. Иди сюда – Что-то покажу.

Нааррон бросил злой взгляд на, остывающую пищу, которая теперь не казалась столь привлекательной, как мгновением раньше, и подошёл.

– Видишь сучок?

– Вот этот? Прямо над задвижкой?

– Ага, – кивнул Крэг. Отпер и отворил дверь. Убедившись, что в коридоре по-прежнему никого нет, надавил пальцем. Сучок поддался и выпал в ладонь. Крэг вставил его обратно. – Такие же имеются на каждой в этом коридоре.

– И что это значит?

– А то и значит, – Крэг плюхнулся на кровать. Попрыгал. Лёг на спину, заложив руки за голову, и внезапно широко улыбнулся.

– А я думал, тебе больше нравится спать под открытым небом, – не удержался от шпильки правильно расценив его мимику Нааррон.

– Я ж не кочевник, – отозвался Крэг. – Заучка, надо от всего получать удовольствие. Тем жизнь и хороша.

Он сел и пододвинулся к столу. Пошарив в карманах куртки, извлёк голубоватого цвета камень на серебряной цепочке. Окунул в свою миску. Подержал над пламенем свечи и внимательно присмотрелся. Затем понюхал содержимое, схватил ложку и принялся уплетать за обе щёки.

– Чево не еф? Офтынет, – пробубнил Защитник с набитым ртом.

– Амулет определения! Но откуда?! Мою – проверишь? – Нааррон почувствовал, как от голода снова свело нутро.

– Ой, и правда. Чуть не забыл, – издевался Крэг, даже не думая что-либо предпринимать. – Не переживай. Сонный порошок они подсыпали в эль. Так всегда делается. Ешь, не бойся. – он закинул в рот ещё несколько ложек, прежде чем ощутил на себе пристальный голодный взгляд. – Ну ла-а-адно! – протянул цепочку. – Пользоваться умеешь?

– Ещё бы! – адепт с восторгом схватил амулет. Убедившись, что Крэг был прав, отёр камень полотенцем и окунул в кувшин. Тот тут же потемнел, став из голубого синим. – На лицо присутствие снотворного вещества, – Нааррон поиграл камнем на свету, – судя по оттенку, *asanis satum* или «крепкий сон». Дешёво и сердито! – глаза адепта блестели азар-

том.

– Вижу, ты и правда готов довольствоваться знаниями. Я съем твою порцию?

Нааррон бережно положил амулет на полотенце и демонстративно ухватился за ложку.

Весьма недурно поужинав, несмотря на то, что вместо эля пришлось все запить водой, которая имелась с собой во флягах, Крэг и Нааррон, погасили свечи.

– Если что услышишь, лучше притворись спящим, – сонно пробормотал Крэг и зевнул, – уверен ночью нас навестят.

– Как навестят? Кто?

Нааррон подскочил. Дремоту как рукой сняло.

– А я тебе говорил – не нравится мне мальчишка.

– Сайкер-то тут при чём?

Ответом послужило мерное сопение.

– И тебе доброй ночи, – буркнул адепт, укладываясь обратно и завидуя привычке Защитников засыпать, будто по команде. Он полагал, теперь ни за что не уснёт после всего сказанного, но не заметил, как провалился в небытие безо всякой сон-травы.

2.

Утром Нааррон проснулся сам без пинков и криков. Сладко потянувшись, хотел ещё понежиться в постели, но вдруг вспомнил события прошедшей ночи и вскочил как ужаленный. Напротив сидел, уже одетый, Крэг.

– Проснулся?

– Ночью! Ты был прав! – начал взхлёб адепт.

– Да-да, заучка, – кивнул Крэг, – они были здесь. Нечего так орать.

От возбуждения Нааррона даже заколотило. Он судорожно принялся натягивать одежду, раз за разом промазывая ногой в штанину.

– Стреляные воробьи, – констатировал Крэг, – это им явно не в новинку. Первым делом проверили кувшин и ретировались, как только поняли, что к элю мы не притронулись. А ты – молодец. Не пикнул.

– Я этого так не оставлю! – взвился будущий Хранитель. – Сейчас же идём к этому подлецу трактирщику. Я сразу понял, что он ещё та гнида!

– Успокойся.

– Но...

– Не привлекай внимания. Ты вчера внизу видел эти рожи? Каждый второй только что сбежал с каторги, или же напрашивается на рудники. Тебе большая охота, чтобы эти ребята направились следом?

– Ты что, тоже боишься? – удивлённо спросил Нааррон.

– Куриные твои мозги, заучка! Я, по-твоему, кто? Головорез?

– Да вроде был Защитник.

– Вот именно – Защитник! Положим, я их всех перебую и что? Ты считаешь, нам нужны истории по пути? Следует

привлекать как можно меньше внимания!

– Полагаешь, ты смог бы с ними справиться?

– Нааррон, – тяжело вздохнул Крэг, – я, может, и не очень хорошо контролирую *силу*, но вполне успешно компенсирую это боевым искусством, – в голосе Защитника послышалась усталость. Похоже, не в первый раз ему приходилось это повторять. – Внизу сейчас, кроме хозяина, никого нет. Пора отправляться. Не думаю, что стоит здесь задерживаться.

Адепт был в кои-то веки полностью с ним солидарен.

Отказавшись от завтрака и поблагодарив за радушие, путники рассчитались с хозяином «Четырёх кошек» и покинули негостеприимное прибежище, под оценивающими взглядами завсегдатаев и, вкусно позавтракав в «Свежей булке» – одной из многочисленных харчевен напротив рынка, за небольшую плату оставили там же лошадей, прежде чем отправиться на рынок.

3.

Время приблизилось к обеду, когда Нааррон пробирался по рынку, следуя за Крэгом, пред которым толпа уважительно расступалась: «Да, днём здесь не в пример многолюднее, не то что накануне».

Защитник нёс в руках несколько объёмных свёртков.

– В списке что-то осталось?

– Мы все ещё не нашли лошадей, – Нааррон сверился на ходу с длиннющим перечнем, который совместно набросали

за завтраком.

– Кони – в последнюю очередь.

– А ну как всех разберут?

– Сдаётся мне, лошадок следует посмотреть на окрестных фермах, – Крэг слегка подпрыгнул, поправляя сползшую с плеча лямку. – Все, что я успел тут приметить нам не подходит. Да и дорого.

– Походные одеяла?

– Взяли.

– Ах да! – адепт аккуратно вычеркнул пункт.

– Тогда, только лошади.

– Хорошо. Возвращаемся. Это тебе, чтобы не забывал.

В руки Нааррону упал громоздкий, но не сильно тяжёлый тюк со сменной одеждой и одеялами. Теперь он едва поспевал за Защитником, изредка выглядывая из-за своей объёмной ноши, чтобы не потерять того из виду. Уже у самого выхода с рынка, адепт почувствовал, как хламида за что-то зацепилась. Завертевшись, увидел, как маленькая рука шарит среди складок, в поисках карманов. Последовал лёгкий рывок, и адепт понял, что остался без поясного кошелья.

– Держи вора! – завопил он, не решаясь бросить вещи.

– Присмотри! – Крэг, хлопнув рукой по плечу, сорвался с места.

Нааррон, увидев, что все тюки Защитника оказались на земле, опустил сверху свою ношу и замер рядом, приняв воинственный вид. Крэг вернулся через пару минут, волоча за

руку упирающегося мальчишку.

– Дяденька, дяденька-а-а, отпусти-и-и!

– Ты только посмотри, кого я поймал! Это же наш старый знакомец – «сиротка» Сайкер. – Крэг протянул Нааррону отнятый у воришки кошелёк. – Пришлось немного побегать. Шустрый, как заяц.

– Сайкер?! – искренне удивился адепт.

Мальчишка насупился.

– Ах да! Почему-то друзья нашего Сайкера кричали: «Сейла, беги!»

– Но, Сейла же женское имя!

– Господин, вы весьма проницательны, – съязвил Крэг.

– Ты забыл добавить: «заучка», – тон мальчонки, а точнее, девчонки, изменился до неузнаваемости. Плаксивость исчезла, уступив место звонкой дерзости.

Нааррон вдруг осознал, что она гораздо старше, чем им показалось сначала.

– Что ты сказала? – Защитник вздёрнул девчонку за руку, заставив поморщиться.

– Я тысячу раз слышала, как ты называл так своего мнимого хозяина? Вы не те, за кого себя выдаёте! Тут и дураку понятно.

– Нар, – на всякий случай Крэг не стал раскрывать настоящих имён, – кажется, девчонка нас раскусила. Не стоит больше притворяться, – он незаметно подмигнул.

– Как скажете, господин Рэн, – ответил Нааррон, ещё до

конца не понимая, какую игру следует вести дальше. Но, похоже, Крэга удовлетворил его ответ.

– Так что ещё тебе известно? – он снова тряхнул девчонку.

– Отпусти меня, обезьяна! – она довольно оскалилась, наблюдая вытянувшуюся рожу Защитника. – Что, думал только ты тут прозвища раздавать умеешь?

Нааррон едва сдержал улыбку. Красавчика Крэга, наверное, никогда в жизни так не обзывали.

– А не сдать ли нам воровку страже? – предложил он.

– А что, хорошая идея, – Крэг, невзирая на сопротивление, перекинул пленницу через плечо одной рукой и, без усилия, поднял весь свой скарб другой. – Идём.

Нааррон поспешно спрятал кошель под хламидой. Подхватил свои тюки и пристроил их за спиной так, чтобы видеть дорогу. Удивительно, но никто не обращал внимания на странное зрелище. Скучающий стражник проводил их таким равнодушным взглядом, будто здесь каждый день, наряду с барашками, выносили брыкающихся отроков.

Миновав пару кварталов, Крэг свернул в глухой переулок, куда даже днём не проникали солнечные лучи. Здесь пахло помоями, сыростью и отхожим местом, а главное, было совершенно безлюдно. Выбрав пяточок посуше, Защитник пристроил поклажу, а затем опустил воровку на землю.

– Ну, говори?

– Ой, не несдобровать тебе, дылда! Мои люди порежут тебя и твоего доходного писаря на кусочки! – девчонка шипела

и плевалась, тщетно пытаюсь вывернуться.

– Я не писарь! – возмутился Нааррон обидевшись.

– Нет, Нар, ты только посмотри, она ещё угрожает!

– С её стороны – это просто чёрная неблагодарность. После того как мы подобрали её в лесу, обогрели и накормили, – совершенно искренне возмутился адепт. – И почему это я – доходной?!

– Слушай, Сейла-воровка, я тебя просто тихо придушу и оставлю сидеть тут в уголочке, как раз между гнилой капустой и вон той кучей... Хм... Кучей. Когда твой труп найдут твои дружки-бандиты, уличные кошки уже успеют обглодать тебе лицо. К тому времени нас в городе подавно не будет. Хочешь остаться целой и невредимой, рассказывай все, что известно!

Крэг снова бесцеремонно потрянул девчонку, и Нааррону почудилось, что её голова сейчас оторвётся.

Холодный равнодушный тон Защитника все же нагнал страху, и Сейла побледнела:

– Пусти, дылда, я все скажу.

– Почему ты назвала меня доходным писарем? – будущий Хранитель чуть не топнул ногой.

– Отвечай! – рыкнул Крэг так, что даже адепту захотелось что-нибудь рассказать.

– Хорошо, хорошо! Не надо только меня больше трясти! – девчонка снова безуспешно попыталась высвободиться. – Ты доходной, потому что хилак! Доходяга!

– Нет, она ещё издевается! – Крэг, издав угрожающий звук, слегка припечатал девчонку к осклизлой стене, и та поспешно продолжила:

– Неделю назад, или около того, в гильдию пришёл человек. Нам дали наказ: по всем дорогам и тропам, во все стороны на день-два пути разослать соглядатаев понеприметнее. Чтобы смотрели и о подозрительных путниках – сообщали.

– А мы то что же, выходит, подозрительные? – спросил Нааррон обиженный на хляка.

– Ещё какие! У меня чутье, вот я к вам и пристала. А вы сами мои подозрения и подтвердили. На людях держитесь, как слуга и господин, но на деле любому видно, что это не так. Где видано, чтобы прислуга хозяина заучкой обзывала?

– Донесла?

– Конечно. Ещё и монет за это отсыпали. Серебром, – ничуть не смущаясь, похвастала девчонка.

– За нами следят?

– Про то не знаю. Главарь не велел больше лезть.

– Ещё, кроме нас, подозрительные имеются?

– Хватает. Только наши про троих доложили, но есть и другие шайки. Серебра-то всем охота.

– Обворовывать нас тоже главарь приказал?

– Кошель я сама заприметила ещё в лесу. Да он же с ним, как нянька с дитём носится, нельзя было не приметить. Решила поживиться.

– Тебе уже серебром отсыпали. Жадничать нехорошо.

– Денег много не бывает, – рассудительно хмыкнула Сейла, всем видом показывая, что таких глупцов она ещё отродясь не встречала.

– Вали отсюда. Да не смей больше попадаться! – Крэг было выпустил тонюсенькое запястье, но ухватил снова, раньше, чем воровка успела увернуться: – Что за человек приехал в город? Ты видела? Описать можешь?

– Сама – нет, главный видел. Знаю только, что его все боются. Говорят, от него ледяной страх исходит. Ни один главарь не посмел ему отказать.

– Пошла отсюда!

Девчонка не заставила себя долго уговаривать, голые пятки замелькали по переулку, расплёскивая вонючую гадость.

– Ледяной страх? – в голосе Нааррона послышалось удивление. – Он что, Защитник?

Крэг пожал плечами:

– Возможно. Идём.

– Но как же так? – адепт, морща лоб, остался стоять на прежнем месте, бормоча: – Такой город, как Красные Горки не нуждается в постоянном присутствии Защитника. Время от времени, конечно, Орден кого-нибудь посылает для инспекции, или же по просьбе градоправителя. Кто из наших в последний раз был здесь официально? – спросил он Крэга.

– А я-то почём знаю? – тот махнул рукой поторапливая. Нааррон схватил свой тюк и быстро зашагал догоняя.

– Защитник Касмолан. Касмолан тин Хорвейг!

– Ты хочешь сказать?.. – теперь уже Крэг остановился.

– Касмолан состоит в родстве с Затоланом и любит использовать «стужу» к месту и не к месту. «Ледяной страх», как сказала девочка.

– Затолан всегда был себе на уме, не исключено, что он может вести свою игру. Но нам лучше ни во что не вмешиваться. Давай убираться отсюда поскорее.

Оставшуюся часть пути до корчмы, где ждали лошади, они проделали молча, лишь у порога Нааррон тихо спросил:

– Я что, и правда, выгляжу, как доходной писарь?

Крэг остановился и обернулся. Придирчиво осмотрел адепта с ног до головы, делая вид, что серьёзно размышляет.

А потом отрезал:

– Более чем. И пора это исправить.

Глава 16

1.

Когда путники вышли из «Свежей булки», хламида Наарона была тщательно упакована вместе с остальными вещами, а на адепте красовался новенький походный комплект из кожаных штанов и куртки, кои носят все подряд, от наёмника до охотника. Отросшие как попало волосы того непонятного русого оттенка, когда не поймёшь тёмные они, или все же светлые, были аккуратно острижены, и новая причёска совершенно изменила его облик. Теперь адепт особо не выделялся из толпы прочих путешественников, и ничто в нём не выдавало принадлежности к гильдиям мудрецов, писарей, студиозусов или прочей учёной братии. В желудке наблюдалась приятная тяжесть, и виной тому был плотный обед, состоявший из непомерного количества свежей выпечки, часть которой осела в седельных сумках под рукой. Можно будет тягать пирожки прямо в дороге не спешиваясь.

– Спасибо, мамаша Марта, – поклонился в пояс Крэг. – Когда ещё теперь доведётся так вкусно поесть?

Румяная дородная хозяйка благосклонно приняла похвалу и от души кинула «сынкам» с собой ещё с полдюжины пирожков с грибами.

– А не подскажите, где можно прикупить лошадей? – Задал вопрос Нааррон.

– Как не подсказать? Пойдёте от западных ворот по дороге к фермам, там спросите владения Херкона. Он разводит всякую живность, но особое внимание уделяет именно лошадам. У него и тягловые есть, и скаковые. И породы разные. Любит они их – страсть! Цена, конечно, получится не меньше рыночной, а то и подороже зайдёт, но вы поторгуйтесь, не мне вас учить. Будут вам лошадки, каких вы на рынке здесь и не видели. Да! Шепните, что вас Марта прислала.

– А что, этот самый Херкон в городе не торгует?

– Никогда, – ответила Марта. – У него даже любимая поговорка есть: «Рыночная суета для животины – маета».

– Как тогда ему удаётся вести дела?

– А его все тут знают, вдобавок на рынке сидит один из его внучков. Он-то и подсказывает покупателям, где лучший товар искать. Да не всем подряд – смотрит, чтобы и с деньгами человек, и к животине – с добром.

Спустя полчаса, путники под внимательным взглядом стражи покидали город через северные ворота.

– Сделаем крюк, – опередил все вопросы Крэг.

До фермы Херкона добрались далеко за полночь, заплутав среди разбросанных по окрестностям полей и садов.

– Чего надо-ть, охламоны? – У ворот их недоброжелательным взглядом встретил седой согбенный старик, в теле которого до сих пор чувствовалась былая мощь, а в крепких ещё руках дед сжимал увесистую дубинку.

– Чего ругаешься, отец? Вот так прямо сразу и охламоны!

Ты вот лучше скажи, тут ли живёт уважаемый Херкон?

– А того и охламоны. Вона как животину нагрузили, мерин даже захромал! – Старик, подслеповато щурясь, указал дубиной на прихрамывающего коня.

Хорошо смазанная калитка бесшумно отворилась, и из неё высунулась косматая голова парнишки, которому на вид было от роду зим восемь, не более.

– Деда, деда, это кто здесь?

– Охламоны, – остался верен себе дед, – шастают!

– Деда, а чего они хотят? Тятюку позвать?

– И вовсе мы не охламоны, а покупатели, – доброжелательно откликнулся Крэг. – Это же ферма достопочтенного Херкона? Мы правильно пришли?

– А чего надо-ть? Откудава прознали? – Подозрительно щурясь, прошамкал старик.

– Хотим пару лошадок под седло приобрести. Мамаша Марта из «Свежей булки» сказывала к вам обратиться. Вы Херкон?

– Я – Херкон, – ответствовал старикан. – И вот он – Херкон.

Неторопливо, по-старчески дед развернулся к мальчишке, который уже скрылся из виду. Старик лишь рассеянно махнул рукой и пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Охламоны... – Он пристально взглянул на путешественников, провалившись в задумчивость. Пожевал сухими гу-

бами и неожиданно выдал: – Марта, говоришь? Огонь-девка!

Дед недвусмысленно ослабился, и Нааррон заметил, что во рту у него недоставало порядочного количества зубов. Подумалось: «Интересно, это от старости, или из-за языка и характера?»

Калитка снова отворилась, и за ворота вышел справный мужик – косая сажень в плечах. По размерам он даже превосходил Крэга. За спиной мужика маячил тот самый мальчишка. Малец указал на гостей пальцем:

– Вот эти господа сказывают, что им лошади надобны.

Херкон некоторое время изучающе смотрел на пришельцев, затем скупно выдал:

– Отец, пропусти.

Старик отодвинулся в сторону, что-то ворча себе под нос, а парнишка, не дожидаясь указаний, уже отворял ворота. Херкон повернулся и размашистым шагом направился вглубь своих владений. Путники, не заставляя себя ждать, поспешили следом.

– А кобылка-то ваша с секретом, – внезапно выдал фермер, не оборачиваясь. – Говорите, тётка Марта прислала? Это хорошо. Сегодня тогда переночуете, а завтра делами займемся.

– Нам бы сегодня...

– Поздно уже, животины устала, – отрезал Херкон тоном, не допускающим возражений.

Крэг и Нааррон переглянулись.

2.

Утро наступило под пение петухов, ржание лошадей да лай собак.

Нааррон, сладко потянувшись, сел на постели: «Как хорошо, подумать только!»

Крэга нигде не было видно, и никто не орал под ухом. Чистые простыни пахли лавандой, в приоткрытое окно доносился запах сена, смешиваясь с ароматом свежего хлеба. Нааррон улыбнулся, наслаждаясь уютом маленькой комнаты. Вот бы остаться здесь подольше: «Решено! Как только все это закончится, куплю себе домик в какой-нибудь деревушке неподалёку от Ордена, устрою себе там кабинет и буду проводить выходные на природе».

Крэг так и не объявился, его аккуратно заправленная постель пустовала. Натянув обновки, адепт немного заскучал по хламиде. Она просторная и там столько нужных, пришитых собственными руками карманов. В узких штанах из плотной ткани Нааррон чувствовал себя непривычно, да и новая куртка давила на плечи: «Надеюсь, быстро разносится». Решив пока её не надевать, он ограничился рубахой и вышел наружу.

Раздетый по пояс Защитник плескался у корыта с водой. Похоже, он проснулся ненамного раньше. Хоть день на ферме и начинался ещё до рассвета, но так то – для хозяев, гостям же позволили как следует выспаться. Нааррон стянул

рубаху и присоединился к утренним процедурам, даже сделал несколько разминочных упражнений. Крэг удивлённо приподнял бровь, глядя на такую оказию, но тактично промолчал, за что Нааррон остался искренне ему благодарен.

На крыльцо вышла веснушчатая и улыбчивая жена Херкона, Ольгина. Крепко сложенная, под стать мужу, женщина. Вытерев руки о передник, она пригласила всех к столу. После плотного завтрака Херкон не стал их задерживать и повёл смотреть лошадей. В просторной конюшне царили чистота и порядок, но многие стойла пустовали – лошади находились на выпасе.

– Не будем терять время, – начал Херкон, – я тут заранее прикинул, что вам потребуется. – Он повернулся к Нааррону: – Под седлом тебе ехать лучше и дальше на своей кобыле, – удивил он в лоб. – Да ты не смотри, что с виду невзрачная да смиренная – не подведёт. У меня похожие имеются, но с этой вы уже знакомы и притёрлись. Я бы даже её купил на развод, да совесть не позволяет. А животное под поклажу вам обойдётся недорого. Выбирайте из этих, – справа в стойлах стояли несколько коренастых крепких коньков с длинными чёлками.

Нааррон вздохнул. Подспудное желание оседлать одного из тонконогих красавцев боролось с привычным страхом перед этими грациозными животными. За время путешествия он немного пообвыкся и втайне надеялся, что когда-нибудь, как и Настоятель Агилон, сможет взобраться на приличную

лошадь, не наделав в штаны. Адепт подошёл ближе, придиричиво всматриваясь во флегматичные морды. В конце-концов ему придётся иметь дело с новыми попутчиками, а значит лучше самому решить, кого выбрать.

В ответ на протянутую руку гнедой мерин люто клацнул зубами, заставив Нааррона взвизгнуть. Херкон засмеялся:

– Воробей у нас добрый, но с характером. Возьми лучше чалого – не пожалеешь. Мы его Ясенем кличем. Он смирный.

Нааррон сглотнул и осторожно погладил мягкие губы второго конька, в любой момент готовый отскочить подальше. Тот благосклонно потянулся за лакомством, и аккуратно взял припасённую загодя морковку.

– Что касается тебя, я долго думал. Даже сон не шёл... – Херкон, усмехнувшись, обратился к Крэгу. – Мерин, на котором ты приехал, никуда не годится. Того и гляди не вовремя споткнётся, дальние путешествия точно не для него. Не выдержит, падёт в самый неподходящий момент, как это часто бывает. Оставь его мне, я возьму пяток серебряных в доплату, и забирай под поклажу Ясеня, он выносливый и за верховыми поспеет без труда.

Крэг пожал плечами, соображая насколько выгодна сделка.

– Да не тушуйся, раз тётка Марта прислала, знать и я не обижу. Вчера сынишка-то домой прибежал, рассказал, как вы в переулке воровку допрашивали. Дело, конечно, не

моё, – поспешил Херкон предупредить негодование, – но не все здесь рады, что в Красных Горках беззаконие с законом равняться пытаются. Вижу я – люди вы честные. Идём, – Херкон направился вглубь конюшни, – вот он твой красавец. Конечно, если совладать сможешь. Погодика-сь, – отворив стойло, он накинул недоуздок и вывел наружу огромного вороного.

Это был настоящий боевой конь, с лоснящимися крутыми боками, длинной шеей, крупной головой и сильными ногами, способными нести и воина в тяжёлом облачении, такого, как паладины Керуна из монастырей бога-воина. Хвост и грива красавца были аккуратно заплетены в длинные косы и перевязаны золотыми ленточками:

– Подрезать рука не поднялась, – внезапно смутился могучий фермер. – Вот, заплёл, чтобы репы не цеплялись.

Конь высокомерно покосился необычным золотистым глазом и громко фыркнул.

– Его зовут Северный Ветер, – почти нежно представил его фермер.

– Чудовище! – Пробормотал Нааррон, побледнев, и непроизвольно отступил за спину Защитника.

– Он... – От очарования голос Крэга осип, а ком почти отпраздновал победу, блеснув влагой в глазах. – Мы... Я... Не смогу его себе позволить, – с большой долей горечи в голосе, наконец, выдавил он.

– Теперь нет, но когда-нибудь же сможете, Защитник

Крэг? – Херкон хитро улыбнулся. – А я уже сейчас готов сделать скромный вклад в будущий покой города и окрестностей.

Нааррон, так выпучил глаза, что чудо, как они не выкатились прямо на посыпанный чистой соломой пол конюшни.

– Как вы узнали? – Пробормотал не меньше его удивлённый Защитник.

– Расскажу, когда вернётесь. Надеюсь, окажете старому фермеру честь и порадуете хорошей историей? – Он снова хитро прищурился. Затем посерьёзней: – Знакомьтесь, да и пора вам в дорогу, а если кто спросит, я вас тут не видел.

Нааррон и Крэг переглянулись.

– Ну, зайчик, ну, – тем временем ласково успокаивал прядущего ушами коня Херкон, потянув за собой наружу.

– Зайчик?! – Адепт состроил гримасу.

Крэг подошёл к коню, осторожно протянул руки с открытыми ладонями, позволив себя обнюхать. Вороной топнул ногой и фыркнул. Защитник взялся за уздечку и медленно, но уверенно притянул к себе большую голову, прижался лбом, что-то тихо шепча. Ветер лишь нетерпеливо перебрал ногами, но если и попытался воспротивиться, то только для виду. Крэг придержал его, показывая, кто тут главный.

Херкон довольно улыбнулся и вздохнул, передавая поводья. Защитник, поглаживая и похлопывая мощную шею, аккуратно обошёл сбоку. Одним махом взлетел в седло, которое Херкон уже успел водрузить коню на спину. Вороной за-

ржал и взвился на дыбы, показывая характер, но, получив шенкелей, рванул вперёд. Быстро свыкся с наездником, почувствовав крепкую руку и сильную волю. Фермер одобрительно кивнул сияющему, как новый серебряник, Защитнику, когда тот, сделав круг, вернулся.

Крэг спешился и протянул Херкону руку, тот крепко ответил на рукопожатие.

– Спасибо, – в это короткое слово Защитник постарался вложить всю свою благодарность.

Выезжали спешно. Херкон показал, как проехать через его владения напрямик и полями выйти на Восточную дорогу. За недолгими сборами сообщил последние новости из города. Оказалось, местные банды стоят на ушах, ищут воина и писаря, ночевавших в «Четырёх кошках». ещё с вечера по дорогам были разосланы соглядатаи, среди которых может оказаться кто угодно, так что стоило сторониться даже детей и старух.

Восточная дорога оказалась обычной просёлочной, в одну колею. Хорошо укатанная, она вилась вдоль маленького, но бурного безымянного притока Быстрой, который временами превращался в узкий ручей, а временами, как полноценная речка, с рёвом катил и пенил свои воды через множество крутых изгибов и порогов. Ближе к вечеру река и дорога расстались. Речушка повернула направо к взгорьям, чтобы, сорвавшись оттуда водопадом, влиться в большое озеро. А дорога, уводящая путников на восток, нырнула в лес, выныр-

нула обратно, перевалила через холм и продолжила виться среди полей и берёзовых рощ до самого горизонта.

За весь день Защитник и адепт почти не разговаривали, стремясь как можно дальше оставить Красные Горки и возможных преследователей. Шли размашистой походной рысью, и Нааррон тратил все силы, чтобы удержаться в седле, наблюдая, как под копытами мелькает полотно дороги. Дважды им приходилось сворачивать в сторону, прячась среди кустов, или скрываясь за холмами укладывать лошадей, пережидая встречные подводы с товаром, все ещё тянувшиеся в Красные Горки на летний торг.

Нааррон не уставал дивиться, наблюдая, как Крэг то и дело наклоняется к лошадиной шее и что-то ласково бормочет, гладит шелковистую шкуру. Защитник глаз не мог отвести от своего коня, и, казалось, тот платит ему взаимностью, чего нельзя было сказать об адепте. Пока ехали бок о бок, чудовище попыталось схватить его за ляжку, и теперь будущий Хранитель старался держаться по-возможности на расстоянии. Удивила кобылка, внезапно проявив норов, когда Ветер в очередной раз захотел куснуть Нааррона. Маленькая лошадка храбро щёлкнула зубами прямо перед наглой мордой, встав на защиту своего седока, и тем самым завоевала сердце адепта окончательно.

– Интересно, как тебя зовут? – Впервые задался он подобным вопросом. А потом решил: – Будешь Ромашкой, – он потрепал верную иноходицу по холке.

На коротком привале Нааррон решил и, пользуясь благодушием счастливого Крэга, спросил:

– Херкон сказал, что ищут воина и писаря?

– Угу, – Кивнул Крэг с набитым ртом.

– Думаешь это из-за хламиды?

– Не уверен.

Некоторое время Нааррон задумчиво жевал кусок мясного пирога, который завернула им с собой жена Херкона.

– Как бы так сделать, чтобы мы были похожи не на воина и писаря, а на пару наёмников, к примеру? – Вопрос прозвучал несколько смущённо.

– Может, просто стоит повторять за мной? – Улыбнулся Крэг.

3.

На ночёвку друзья остановились среди полей, предусмотрительно отдалившись от дороги на приличное расстояние. Огня разжигать не стали, перекусили остатками пирога. Лошадям же накапали в воду, налитую в котелок, успокаивающего зелья, которое сунул с собой Херкон. Снадобье делало животных флегматичнее. Они не рвались погастись, не проявляли норова, лежали спокойно, если уложить, но, при необходимости, были способны продолжить путь и двигаться быстро. Правда, в этом случае позже нужен был основательный отдых.

– Может, и мне глоточек сделать?

Нааррон с сомнением покосился на котелок с остатками воды.

– Тебе-то на что? Ты вроде и так спокойный, пастись не рвёшься, – усмехнулся Крэг.

– Да что-то колотится сердце. Пока ехали как-то меньше о погоне задумывался, а теперь под каждым кустом засада мерещится.

– Ложись-ка, друг, спать, я посторожу.

Нааррон с удовольствием и удивлением отметил, что Крэг не использовал привычное «заучка».

– Давай тогда и я буду нести вахту. Разбуди меня... Когда там следует будить? Как устанешь, так и буди. Вот. Буду сторожить вторую половину.

– Уговорил, – усмехнулся Защитник, – отдыхай.

Нааррон поплотнее завернулся в одеяло, но пролежал ещё некоторое время без сна, гоня дурные мысли, вглядываясь в темноту и вслушиваясь в каждый шорох. Крэг разбудил его за пару часов до рассвета.

– Твоя вахта, заучка. Пора и мне чуток подремать.

Адепт с трудом осознал, что происходит. Было ещё совсем темно, хотя небо на востоке начало светлеть. Голова отозвалась гулом, будто с похмелья. «Не выспался», – зевнув, констатировал Нааррон, чувствуя, как одолевает зов природы. Возможно, тому виной было чувство страха, или же набранная в подозрительном роднике вода: «Говорил ведь, не стоит там пополнять запасы!» В животе подозрительно бульк-

нуло, и адепт тихонько поднялся, стоило отойти подальше: «Не приведи Керун, Защитник чего услышит, будет до конца жизни подтрунивать».

В поисках подходящих кустиков или хотя бы небольшого заросшего высокой травой углубления: «Желательно чтобы лопухи там тоже росли...» – Нааррон приблизился к дороге. Здесь недостатка в растительности не было, и будущему Хранителю удалось расположиться с относительным комфортом: «Вовремя!» – он, стараясь не спешить, аккуратно развязал завязки на новых штанах.

Блаженство момента было нарушено какими-то звуками: «Это что, лошади?» От дороги послышалось тихое фырканье. Нааррон поспешно закончил с делами, натянул штаны и отполз чуть в сторону – печально было бы в темноте наступить в собственные испражнения. Тут даже и отмыться-то нечем. Он прислушался, непроизвольно морщась: «Тот ещё запашок!» Он дал себе обещание обязательно сменить всю припасённую воду при первой же возможности, иначе по такому следу их найдут в два счета.

Нааррон прилёг, укрывшись в высокой траве, и до боли в глазах всмотрелся в темноту. Чего бы он ни ожидал, всё равно вздрогнул, когда на дороге показались всадники. Замерев, адепт прижался к земле плотнее, глядя во все глаза. Двое. Кто такие? Почему путешествуют ночью? Не слышно лошадиных шагов – это странно: «Тряпками, что ли, копыта обмотали?» Всадники двигались не спеша, между собой не

разговаривали. Внезапно они насторожились. Один сделал знак рукой другому, и оба, натянули поводья, останавливая лошадей.

Адепт непроизвольно затаил дыхание. пришельцы переглянулись. Один молча кивнул, и второй тронул поводья, отъезжая на другую сторону дороги. Похоже, что-то услышали. Нааррон боялся шевельнуться, чувствуя, как вспотели ладони. что-то в этих фигурах было не так. То, как они держались. что-то до боли знакомое, будто он уже это видел.

Послышался топот. Кто-то приближался по дороге. Будущий Хранитель, рискнул чуть приподнять голову, чтобы было лучше видно. С той же стороны – со стороны Красных Горок – ехал кто-то ещё. Адепт подивился, припомнив, что днём здесь было меньше народу: «М-да, оживлённое тут по ночам движение».

Первая пара путников продолжала все так же медленно двигаться вдоль обочин, и вторая пара их быстро настигла. Нааррон приподнялся ещё чуток, чтобы было лучше видно.

Небо стало по-утреннему светлым, и силуэты на дороге теперь отчётливо выделялись на его фоне. Заметив всадников впереди, пришельцы придержали коней, будто решаясь. Затем приблизились, их голоса в предутренней тишине были хорошо слышны.

– Уважаемые, мы просто путешественники. Не хотим ничего дурного. Едем по своим делам. Очень торопимся, – раздался молодой звонкий голос.

Видать, решил предупредить, чтобы не пустили стрелу от неожиданности. Мало ли кто ночами по дороге носится...

Первые им ничего не ответили, но один невнятно махнул рукой, что должно было означать: «Проезжайте, нам какое дело?» Но в тот миг, когда путники поравнялись, он вдвух шархнулся к одному из них и толкнул его лошадь своей. Седок мешком свалился на землю, в то время как уставшее животное, возмущённо заржав, проскакало ещё несколько шагов.

– Харел! – Воскликнул второй путник, глядя, как погибает товарищ.

Он успел сделать многое: осадил коня, развернулся и поскакал прочь через поля по направлению к Нааррону, но далеко убежать ему не удалось. Лошадь взвилась на дыбы и понесла, когда в её круп воткнулся один из метательных ножей, посланных вдогонку. Всадник свалился, протащившись некоторое время следом – нога застряла в стремях.

«Ассасины!» – с ужасом понял Нааррон, пытаясь слиться с землёй. Почти перестав дышать он, не стесняясь, молил Киалану, чтобы его не заметили и благодарил богиню за то, что парень упал на достаточном расстоянии от места, где он так ненадёжно спрятался.

Убийцы тем временем неторопливо повернули лошадей и подъехали к трупу. Один спешился, проверил несчастного, убеждаясь, что он мёртв. Кивнув второму, заговорил на сагалийском:

– Чего это здесь так воняет?

– Он умер.

– Адепт и Защитник?

– Студиозус и телохранитель.

– Это те, кто нам нужен?

– Не думаю.

– Продолжим поиски. Мы не можем подвести Хэпт-тана.

К счастью или нет, но Нааррон неплохо знал это наречие, а потому всё понял. Боясь шевельнуться, невзирая на затёкшие от неудобной позы конечности, он все смотрел вслед удаляющимся ассасинам, даже когда те уже скрылись из виду. И чуть не умер от страха, когда чья-то рука закрыла ему рот. Даже было панически забился, пытаясь высвободиться, но его тут же легонько встряхнули. В поле зрения появился многозначительный кулак.

В ухо зашептали голосом Крэга.

– Ну и где ты бродишь, заучка? Ты же должен караулить.

– Пошёл по нужде, а тут вот эти... – Он мотнул головой, указывая направление, в котором скрылись ассасины. – Они их убили! – Нааррона вдруг заколотило мелкой дрожью. Может, можно ещё что-то сделать?

Он, спотыкаясь – ноги не слушались, подбежал к телу. Замер, боясь прикоснуться к мертвецу. На земле лицом вниз лежал долговязый парень в чёрной хламиде...

Глава 17

1.

– Прекрати истерику! – Крэг поднял Нааррона за шиворот и бесцеремонно встряхнул.

– Ты не понимаешь! Он умер! Этот парень мёртв из-за нас!

– Хватит рыдать! – Тихо рычал Защитник. – А ну как убийцы вернутся? – Схватив адепта за руку, Крэг потащил его прочь от могилы.

Друзья похоронили убитых в неглубокой, наскоро вырытой яме. Нааррон был явно не в себе, но покорно тащился следом.

– И, да! Тебе ещё мою обувь отмывать. Не могу же я так ехать? – Защитник брезгливо поморщился. – Не то кони издохнут от этой вонищи!

– Сам вымоешь! Под ноги надо смотреть!

Резко остановившись, Нааррон зло выдернул руку. С вызовом глянув на попутчика, обогнал. Крэг усмехнулся, пусть лучше злится и обижается, с этим можно смириться, а вот рыдающий, словно плакальщица на похоронах заучка, это уже перебор: «Такого мне не выдержать, сам пришибу, и никаких ассасинов не понадобится».

Нааррон спешно седлал Ромашку. Из головы не выходило ночное происшествие.

«Вернее, Крэг обыскивал, а я просто паялился».

Нет. Дело было не в страхе перед мертвецами. Курсы целительства тому доказательство, да и скальпелем Нааррон орудовал получше многих. Просто одолело чувство вины.

Парень в хламиде оказался студизосом, что подтвердили и обнаруженные в кармане его хламиды документы. Он едва окончил третий курс Столичного университета ремесленников. Обучался на факультете Оружейного дела и являлся отпрыском почтенного семейства родом из Соколиной Охоты. Также при нём была справка, подтверждающая, что парень с отличием окончил практику. Видимо, возвращался в отчий дом на каникулы, да занесли его сартоги на ярмарку в Красные Горки. Там то их и отследили, приняв за посланцев Ордена. Уж больно пара похожая.

Второй оказался его телохранителем, судя по медальону гильдии на шее.

«Да куда уж обычному охраннику супротив сагалийских ассасинов? Чтобы их Излом поглотил! – Нааррон сам испугался этому своему страшному проклятию. – Нет, Излом лучше и не поминать. Я, конечно, ученый, но да мало ли...»

Документы и медальон адепт прихватил с собой, чтобы позже отослать родителям паренька вместе с описанием, где именно зарыто тело: «Пусть церемонию проведут, как полагается...»

– Ты готов? – Крэг выжидательно смотрел сверху вниз, восседая верхом на Северном Ветре.

– Справился? – Будущий Хранитель хмуро указал подбородком на уже чистые ботинки Защитника.

– Желаете проверить? – Криво усмехнулся тот.

Нааррон промолчал, смерив друга уничижительным взглядом, и довольно ловко взгромоздился в седло – сказывались проведённые в дороге седмицы.

Крэг потянул повод, поворачивая коня:

– Поедем через поля, чтобы не терять из виду дорогу. Постепенно вернёмся к первоначальному маршруту – он короче. Жаль, что теперь преследователи о нас знают, придётся с этим как-то мириться и быть ещё осторожнее. Вовремя мы сменили лошадей и избавились от твоей хламиды, это сыграет нам на руку при случае. В города больше ни ногой без необходимости. Провизию будем пополнять в деревнях и поселениях – их по пути ещё много встретится. Не думаю, что успеем преодолеть болота до осени. Придётся подождать, пока все замёрзнет, и дороги станут вновь проходимыми. Да и хорошо сделали, что все необходимое купили разом, хотя я было начал сомневаться в правильности такого поступка. Правда, теперь со всем этим барахлом мы, как маленький караван. Впору притворяться торговцами, – Крэг мотнул головой в сторону навьюченных лошадей, которые равнодушно топали сзади.

– Как думаешь, кто нас преследует? – Задал вопрос Нааррон.

– Ассасинов нанял кто-то достаточно могущественный.

Подобные услуги стоят не дёшево. И он очень не хочет, чтобы мы добрались до места.

– Неужели в Ордене предатель?

– Вероятнее всего. Кто ещё, кроме тебя и Настоятелей знает о задании?

– Не знаю... Я все время был увлечён учёбой и поручениями Настоятеля, что ничего дальше носа не замечал... Даже жаль, что не могу поделиться хотя бы тем, что известно, – Нааррон вздохнул, припоминая наказ Агилона: «Книга Излома. Нам не хотят позволить добраться до неё».

– Нет уж, лучше молчи, а то вдруг я все выдам под пытками? Не люблю, знаешь ли, когда меня пытаются.

– А тебя что, пытали? – Адепт удивлённо взглянул на сопровождающего.

– Нет, но в теории... – Усмехнулся Крэг.

Спустя час неторопливой езды адепт не выдержал:

– Послушай, мы не можем позволить им убить кого-то ещё.

– Что ты предлагаешь?

– Может, стоит их догнать?

– Догнать?! – Защитник чуть не поперхнулся. – Представляю, как ты подходишь и говоришь: «Доброго денька, уважаемые асс-хэпт, или, может, асс-пта? Простите, если ошибся, я слабо разбираюсь в ваших рангах. В общем, господа ассасины, я тот, кого вы ищете. Не убивайте больше никого, пожа-алуйста».

– Не паясничай! Я не знаю, что делать, но нельзя же все оставить, как есть? Из-за нас уже люди погибли!

– Я должен охранять тебя. И я буду тебя охранять, чего бы это мне ни стоило.

– Но ты ведь Защитник!

– Мне ещё не дали ранга официально.

– Ну и что? Рано или поздно это случится. Но сможешь ли ты себе простить, что мог что-то сделать и прошел мимо? Лично я – нет!

Взгляд адепта отразил то же, что было и на душе у самого Крэга, как он не пытался скрыть.

– Хорошо! – Сдался он. – Поедем тихонько следом, и, если кто-то похожий на нас встретится, постараемся предупредить.

На деле курсанта осенила и иная мысль: «Если двигаться по следу ассасинов, вряд ли им придёт в голову искать нас позади».

Настоящую причину своего согласия Защитник раскрывать не собирался.

2.

– Надо передохнуть. Я устал.

Крэг свернул с дороги, углубляясь в лес, и Нааррон беспрекословно последовал за ним. Защитник и правда был бледен, от природы смуглое лицо осунулось и блестело бисеринками пота, под глазами залегли тени, а прошло всего-то

несколько часов.

– Ты как? – В голосе адепта прозвучало искреннее участие.

– Не подохну. Часок вот подремлю, и полегчает. Эх, для полного счастья ещё бы отвара глоток...

– Ты погоди! Я сейчас что-нибудь придумаю.

Адепт соскользнул с лошади и повёл всех троих в поводу, подыскивая подходящее место для короткой остановки. Вскоре над весело потрескивающим костерком вовсю бурлил котелок. Нааррон, сомневаясь и припоминая вчерашнее, вылил туда остатки воды, здраво рассудив, что после кипячения та уже не будет представлять прежней опасности. Пока закипала, занялся поисками ингредиентов. Ему повезло. На опушке вдосталь нашлось одуванчиков. Здесь же обнаружилась и череда. Всего несколько хилых стеблей – стояло ведро, но много и не надо. Горсть ягод шиповника, заросли которого обнаружились неподалеку: «Ничего страшного, что ещё зелёные». Побросав все в кипяток, принялся ждать. Когда отвар приготовился, процедил через чистую тряпицу и, сосредоточившись, закрыл глаза.

Золотое свечение распространилось от ладоней, наполняя варево целительной силой. Не все мудрецы способны на подобное, но Нааррон, имел дар. Потому-то и светился жёлтым светом Круг Определения, а не погас сразу, короткой вспышкой указав на предназначение. Настоятель Агилон, обладал сходными способностями, научил талантливо-

го адепта делиться жизненной силой с Защитником, и сейчас тот отдавал не скупясь: «От меня не убудет. Главное, чтобы в седле сил удержаться достало, и довольно».

С момента, как они двинулись в путь, Крэг ехал в трансе, чтобы заранее распознать опасность, почувствовать задолго до встречи, есть ли кто живой поблизости. Так порешили на тот случай, если асс-хэпт вздумают остановиться. Было бы не слишком хорошо уткнуться им в спины.

Все бы ничего, но адепт видел, выкладывается Крэг по полной: «Так и для боя сил не останется. Не так всё просто у него с даром. Слабый он, еле теплится, зато других талантов хватает. Хороший все же из друга Защитник получится», – Нааррон и не заметил, как мысленно назвал сопровождающего другом. Впервые с самой Церемонии Определения.

Зарядив отвар, адепт аккуратно, стараясь не пролить ни капли, перелил его в одну из опустевших фляг: «Надо бы сразу ужин приготовить, чтобы костёр заново не разводить. Да и воду стоит поискать».

Вскоре Нааррон устало прислонился спиной к той же самой берёзе, под которой так славно прикорнул Крэг. Тот ещё спал, и адепт решил его пока не тревожить. Костерок он предварительно затушил, остатки пшённой каши переложил в миску и поставил рядом, отвёл лошадей к найденному поодаль ручью. Вымыл там же котелок и наполнил все фляги. Собрал немного травок в дорогу – жаль, что сразу взять побольше не догадался, зато теперь, если вечером снова отвар

понадобится, не придётся заниматься поисками в темноте. После всех хлопот навалилась усталость, и будущий Хранитель решил: «Посижу, передохну немного и снова в дорогу».

Кроны деревьев теребил тёплый ветер, сквозь ажурную листву просвечивало голубое летнее небо. Лениво перекивались сонные птицы, мерно жужжали насекомые, крупная красивая бабочка, шевеля разноцветными крыльями, уселась на нос сапога, вызвав на губах улыбку. С опушки доносился сладкий цветочный запах. Нааррон широко зевнул. Моргнул. Моргнул ещё раз. Закрыл на мгновение глаза...

3.

– Заучка, ты почему меня не разбудил?!

– А? Что происходит? – Нааррон сонно щурился и не мог сообразить, где находится. – Ой, кажется, я задремал...

– Уже сумерки! Да мы же весь день продрыхли!

– Что же теперь делать?

– А ничего, – Крэг опустил обратно, расслабляясь: «А это удачная случайность, чтобы не продолжать наше рискованное предприятие. Надеюсь, заучка теперь отстанет». Чувствовал себя Защитник не в пример бодрее. – Самое время подумать об ужине. Есть хочу! Сартогскую лошадь бы слопал.

– На вот, – Нааррон протянул флягу, – выпей.

– Заучка, неужели ты сподобился сделать отвар? Приятно удивлён.

– А ты полагал, я у Агилона в помощниках хожу только потому, что мой дед Настоятель Северной Башни?

– Примерно так я и думал, – по тону Крэга сложно было определить всерьёз он или издевается.

– Пей, а то скоро свойства растеряет. Зря я старался?

– Заучка, только не говори, что...

– Да. Умею. Зарядил. Пей.

Защитник, глядя на адепта с искренним восхищением, взял флягу. Вынул пробку, понюхал. Несколькими большими глотками выпил все до капли и блаженно откинулся, облокачиваясь все на ту же берёзу. Структура потоков восстанавливалась, что называется, на глазах, вызвав ощущение приятного зуда по всему телу. Погружая в легкую эйфорию, наполнялись энергией силовые линии, подобно иссушенным засухой устьям рек солнечной Сагалии. В узлах возникли маленькие смерчи, проворачивая небывалую доселе мощь.

– Спасибо! – Выдохнул Крэг, подняв на друга ошалевшие глаза.

Адепт улыбнулся и кивнул, принимая благодарность.

Защитник издал короткий смешок:

– Однажды мой кузен-обалдуй привёз табаку от нашей троюродной сагалийской бабушки. Мы тогда над любой шуткой смеялись, как полные идиоты. Так вот, ощущение несколько схожие, только твоё снадобье – даже получше будет.

– Это на первом курсе-то? Ну, когда ты эту дрянь доду-

мался приволоочь в жилые кельи, и Махаррон тебя чуть не выкинул из Ордена?

– Да-а, славно тогда покутили... Правда, после третьего непроизвольного выплеска силы за вечер, комендант привёл Настоятеля. Постой! Ты что за мной следил?

– Делать мне больше нечего, – фыркнул Нааррон. – Дед Агилону рассказывал и, между прочим, очень сердился.

Крэг замолчал, наслаждаясь ощущениями. Эйфория постепенно отступила, но возросшая мощь определённо никуда не делась.

– Послушай, это же тебе не просто так обошлось?

– Ерунда. Я сразу поел, да и уже выспался, – улыбнулся адепт, явно довольный собой и произведённым впечатлением. – Кстати, вон и для тебя каша осталась. Прости, но сартогской лошади среди запасов не было, так что довольствуйся тем, что есть.

– Отлично! Надо бы ещё воды найти, пока совсем не стемнело, а переночуем прямо здесь – хорошее место, удобное.

– Лошадей я уже напоил, да и фляги наполнил.

– Нааррон, ты меня так разбалуеть.

– И не надейся!

Крэг почувствовал неладное, когда уже было слишком поздно. Он только и успел облизать ложку и отложить её в сторону, как за деревьями замелькали многочисленные тени.

– Вот я идиот! – Тихо прошипел Защитник, мгновенно входя в боевой транс, не пришлось даже использовать при-

вычные ухищрения. Да и *сила* – вот она, потоки бурлили, разве что не светились, только черпай.

– На землю!

Адепт среагировал, на удивление, мгновенно. Припал к корням той самой полюбившейся берёзы, в белый ствол которой воткнулись сразу две стрелы – похоже, больше для остротки стреляли.

Лес вокруг поляны расцветился красными пятнами: «Сколько же их? – Крэг насчитал уже семнадцать: – Многовато. Откуда они здесь? Неплохо бы скрыть, что я Защитник, – он усмехнулся. – Вот же ирония судьбы! Обычно надо из кожи вон лезть, стараясь это доказать. И вот я впервые переполнен *силой*, но лучше этого не показывать. По-хорошему, жажнуть бы разок огненной стеной, замкнутой в кольцо, сразу бы кое у кого рвения-то поубавилось бы...»

Нападающие, осознав, что их заметили, перестали таиться.

– Эй там! Вы, двое, лучше не ерепеньтесь!

– Что вам нужно?

– Ищем кое-кого.

– Ну так ищите в другом месте.

– Да, сдаётся, что нашли.

– А ты ближе подойди, да проверь.

– А и подойду, и проверю.

Как по команде кольцо стало сужаться. То, что уже стемнело, было на руку. Костер не горел, и противникам их было

плохо видно. При таком раскладе был хороший шанс уйти, если добраться до лошадей. Охотились за друзьями на этот раз обычные бандиты, разбойники, охотники за головами.

«Вряд ли среди них есть хоть один серьёзный противник», – мысль о том, что вместе с этим сбродом пришли те самые ассасины, которых они видели ночью, Крэг отмёл сразу.

Мимо уха с низким гудением просвистела стрела. Такая медленная, низкого качества. Защитник даже рассмотрел потрепанное оперение из утиных перьев: «Летит явно не туда, куда послали. Нет. Это даже не наёмники, скорее городская шушера, сбившаяся в шайку. Наверное, тоже шли по следу тех бедолаг, а в итоге удачно напоролись на нас».

Напали одновременно слева и справа.

Один, здоровый с грязными лохмами и бегущим далеко впереди запахом прелого тела. Грозно вопя, он замахнулся топориком. Защитник лишь слегка подправил траекторию его движения и отступил на шаг, с видом художника рассматривающего деяние рук своих: тот, кто молча скользнул с противоположной стороны, бесшумно осел с раскрытым черепом – топор первого пришелся удачно. У берёзы тихо всхлипнул Нааррон, похоже, до него долетели брызги.

Незадачливый воитель оторопело завис над трупом товарища. Крэг мягким перекатом догнал его и резко вскочил на ноги, одновременно вбивая отвисшую челюсть на место: «Молотобоец – хороший приём. Если, конечно, у тебя доста-

точно крепкие руки». На свои Защитник не жаловался.

Выдернув из черепа жертвы топорик, подбросил в руке, чтобы тот лёг удобнее. Шагнул вперёд, с силой запустив оный в ближайшее теплое пятно на дереве. Засевший среди ветвей лучник свалился и полетел вниз, ломая ветки. Короткий вопль, резко прервался: «Надеюсь, свернул шею. Осталось четырнадцать».

– Кто следующий?

Долго ждать не пришлось.

В бой, мешая друг другу, бросились сразу пятеро. Одновременно просвистели стрелы, но ни одна из них не представляла опасности. Лучники не могли толком ничего разглядеть, да вдобавок, боялись ранить своих.

Защитник прошёлся по отважным, как цеп по снопу пшеницы. Каждый удар если и не был смертельным, выводил противника из строя.

«Хоть бы скопом не навалились. Я не смогу защитить адепта, не применяя *силы*, а в общей свалке велика вероятность, что его кто-нибудь зацепит».

Из леса рявкнули:

– А ну стоять всем! Тупицы! Угораздило же с вами связаться!

– А вот и главарь пожаловал, – пробормотал Крэг.

– Ищите второго! – Тем временем сипловато пробасил тот же голос и, обращаясь к нему: – Эй, шустрый, ты за ребят моих ответишь, но сначала я тебя поймею!

– Горю в ожидании, сладенький! – Курсант метнулся к Нааррону, перехватывая занесённую руку с ножом в самый последний момент.

Пока ему заговаривали зубы, отвлекая, одному из бандитов почти удалось незаметно подкрасться к замороженному схваткой адепту. Незадачливый убийца завизжал и выронил оружие, когда запястье хрустнуло и сломалась. Удар ноги отбросил тело почти до самого края поляны. Красное пятно погасло – тяжёлый ботинок попросту сломал грудину.

Сзади подбирались четверо. Эти не спешили расстаться с жизнью. Гораздо лучше вооружённые – все с короткими мечами наголо – подбирались с осторожностью. Отточенные движения выдавали опытных бойцов. Защитник даже пожалел, что его собственный бастард остался в ножнах, притороченных к седлу – это он от усталости его прихватить запямятовал, а Нааррон не догадался.

– Крэг, – от страха адепт назвал его настоящим именем, – когда это закончится?

«Нааррон сказал, что кони привязаны чуть поодаль – ближе к ручью. Если бандиты пришли со стороны дороги и сразу наткнулись на наш лагерь, то есть надежда, что их ещё не обнаружили».

Курсант подхватил с земли палку потолще. Выпрямляясь, встретил ею удары сразу двух клинков и отоварил по башке одного из бандитов – на большее той не хватило. Хотя, это уже не имело значения. Выбросив то, что осталось, подхва-

тил меч, хозяин которого мирно прилёг у ближайшего дерева. Второй оказался искуснее и даже успел сделать три выпада, прежде чем, захрипев, харкнул кровью, насадившись на развёрнутый в «иглу наяды» клинок. Курсант отбил в сторону, метящий промеж глаз арбалетный болт, отмахнувшись, как от назойливой мухи. Отметил, что транс начинает требовать всё больше энергии: «До конца боя может и не хватить, следует торопиться».

Вокруг царил гвалт. Угрозы и обещания сыпались не переставая. На поляну вылетело несколько горящих стрел, за ними – пара зажжённых факелов. Мгновенно стало светло, как днём.

– Сообразили уроды! Хотя недостаточно быстро, – констатировал Защитник, оказавшись возле адепта. – Вставай и беги к лошадям. Ничего не бойся. Не оглядывайся!

– Х-хорошо... – Неуверенно пробормотал адепт и сглотнул.

– Верь мне. Беги! – Крэг отшвырнул Нааррона в сторону – поближе к опушке и подальше от арбалетных болтов, метательных ножей и бегущих с рёвом и криками преследователей, решившихся-таки напасть всем скопом.

Прыгнув следом, сосредоточился. Должно получиться, резерва ещё не исчерпан.

«Звёздный щит», и правда, удался с первого раза. Единственная защита Защитника, способная удержать физическую атаку, будь то стрела или меч, или любой другой удар.

Подхватив друга под руку, дёрнул, поднимая с земли – тот немного замешкался.

– Беги! – Крэг постарался максимально расширить границы щита, чтобы надёжнее прикрыть друга.

Им повезло. Преследователи и правда не знали местности, а потому быстро потеряли их из виду, и теперь ругались, перекликаясь и натываясь в темноте друг на друга. Здесь и там загорались факелы – таиться не было смысла. Голоса, казалось, раздавались по всему лесу. Похоже, преследователей было намного больше семнадцати...

Им повезло дважды. У лошадей обнаружился только ушлый малый, который, воровато оглядываясь, отвязывал коней, попутно обшаривая седельные сумки. Бандит даже умудрился погрузить их поклажу, навьючив все добро на бедную Ромашку. К зло храпящему и скалящемуся Северному Ветру, он подойти не решился. Они застукали похитителя, когда тот пытался договориться с конём при помощи морковки, но верный товарищ оказался неподкупен. Грозно топая ногами, натягивал повод и отказываясь идти на мировую.

– Тс-с-с, – прошипел воришке в ухо Защитник, зажав рот и приставив к горлу лезвие меча. – А ну отвечай, кто такие? Откуда взялись? Только тихо, – он осторожно отнял пальцы от губ и тут же врезал рукоятью под дых, вздёргивая обратно согнувшегося было от боли бандита.

Тот натужно дышал и пучил глаза, не в силах выговорить

ни слова.

– Я же сказал. Ти-хо, – повторил по слогам Крэг. – Понял? Глупостей больше не будет?

Вор яростно закивал, а после замотал головой.

– Вот и хорошо. Отдышался? – Крэг снова освободил рот.

– Мы с Красных Горок. Ищем вас.

– Нас?

– То-бишь воина и писаря.

– С чего ты взял, что они – это мы?

– Главарь сказал.

– Он знает, кого искать?

– Наверное, – и тут воришка выпалил неожиданное: – Да мы могилку-то раскопали, а там...

– Зачем вы раскопали могилу?! – Взревел Нааррон.

– Хотели поживиться. Свежая же. Вдруг там осталось что ценное? А там – воин и писарь, как и было сказано. Позвали Сипатого. Ну, эта, главаря нашего, значит. Чтобы он, значит, убедился, что это вы. То есть они. То есть те, кого мы ищем, – зачастил он, трясясь от страха.

Нааррон брезгливо посмотрел на узкое, напоминающее крысиную мордочку лицо, жидкие сальные волосёнки, порванную и кое-как залатанную одежду. Поморщился от неприятного запаха.

– И?

– Сипатый сказал, это не вы. Не те. Не стал головы отрезать, и мы пошли искать дальше.

– Сколько вас?

– Не знаю. Много. Все городские отбросы примкнули к бандам на время облавы. Поживиться охота всем. Кому повезёт, обещали хорошую награду.

– Засада на дороге?

– Не думаю. У Клыка людей не так много. Остальные считай, что сами по себе.

Голоса и треск веток раздавались все ближе. Среди стволов замелькали факелы. Надо было уходить. К счастью, шум ручья скрадывал звуки, даря возможность сбежать незаметно.

– погоди. Не убивай! – опередил Нааррон на миг раньше, чем клинок чиркнул по тощей шее. Он повернулся к вору: – Ты, дерьмо сартогской лошади, – голос адепта прозвучал угрожающе, – вернёшься назад и закопаешь тех ребят обратно. Поправишь могилу. Поверь, я узнаю и, клянусь мечом Керуна, уничтожу тебя, если ослушаешься!

Крэг, выпучив глаза, удивлённо посмотрел на друга, но подыграл:

– Слышал, что господин говорит? Тогда пошёл! – Он пихнул бедолагу в спину, и тот прямо на четвереньках скрылся из виду.

– Грозен ты, брат! Не ожидал, – пробормотал курсант, вскакивая на Ветра.

– Эй! Ромашка-то занята... – Нааррон продолжил топтаться на месте, мигом растеряв боевой запал.

– О боги! Заучка, тут что лошадей мало?

– Но...

– Шевели задницей! Я со всеми могу и не справиться!

Нааррон поспешно влез в седло, и Крэг схватил поводья.

– По ручью! – Защитник первым пустил коня в воду и дал шенкелей. – А ты чего это Керуновым мечом клялся? –

Спросил он через некоторое время, когда преследователи не могли их услышать. – Ведь не сможешь выполнить обещания.

– Я – учёный. Я не верю во всю эту чепуху.

– Ты не веришь в клятвы Керуну?!

– Я не верю в его мечи, почки, кубки и, чем там ещё клянутся? А вот он, – адепт указал пальцем через плечо куда-то назад, – верит.

4.

Спустя некоторое время, друзья повернули на северо-восток. Похоже, больше никто за ними не гнался, даже если отпущенный бандит и указал, направление в котором они ушли.

– Будем надеяться, они не догадались выслать людей по дороге, чтобы нас опередить, – мрачно поделился мыслями Крэг.

– Нам обязательно возвращаться на тракт? А если поехать иным путем? – внёс предложение Нааррон.

– А что? Так и поступим. Осталось только найти эту самую другую дорогу.

Старая, нехоженая и неезженная, заросшая высокой травой так, что колея едва угадывалась в темноте, дорога обнаружилась точно по заказу.

– Похоже, это старый тракт. Его забросили, как только появилась новая дорога, ведущая напрямки до Соколиной Охоты, но нам подойдёт. Надеюсь, здесь меньше шансов на кого-нибудь напоро...

Крэг замолчал на полуслове. За поворотом ждали двое. И ждали именно их.

– Храни Киалана! – Прошептал Нааррон.

– Назад! – Заорал Защитник, третий раз за сутки входя в боевой транс.

Глава 18

1.

Две мышастые лошадки, в которых чувствовалась изрядная доля крови степной сартогской породы, тронулись с места. Коренастые, толстоногие, с длинными хвостами и мохнатыми чёлками, они без труда потянули со двора большую телегу доверху гружённую упряжью и сёдлами. Дядька Аккарий, немолодой отец восьмерых дочерей – мал мала меньше, причмокнул и слегка хлестнул вожжами, придавая прыти. За ним верхом на красавице Полночи выехала Кира, придерживала поводья, махнув матери рукой на прощанье.

– Удачи вам! Да смотри, деньги считай верно. Задешёво не продавай. Не забудь купить ткани, какой велела.

– Хорошо, мам!

– Храни вас Киалана, – шепнула Анасташа, осенив отбывающих знаком богини.

Телега плавно вывернула на дорогу, Кира прибавила ходу. Когда выехали к овинам, она поравнялась с возницей.

– Много там у тебя? – Аккарий указал головой на объёмистый тюк увязанной в холстину пушнины.

– Прилично. Соболь, куница, лиса. Каждых десятка по два будет.

– И все сама? Вот молодец! Даром, что девка! – Восхитился возница, – Ануша, дочка, дерюжкой прикрой. Да вон ту

шкуру сверху брось. Сдаётся, быть дождю, – сощурившись, он посмотрел вдаль. – Вона марево повисло какое.

– И воробыи в пыли купаются с самого утра, – встряла девочка.

– Кир, ты влезай на телегу, успеешь ещё накататься верхами. Сейчас холмами пойдём, кобылу только зря маять, – Аккарий придержал коней.

Охотница не стала спорить. Спешившись, привязала поводья к телеге. Взялась рукой за деревянный борт и лихо запрыгнула, вызвав лёгкую усмешку мужика, и наблюдая округлившиеся глаза девчушки.

Но! – Причмокнул дядька, хлестнув вожжами, и кони затопали веселей.

Все обозники уже собрались на окраине сразу за овинами, чтобы дружно отправиться в путь. Ехали на летнюю ярмарку в Птичий Терем. Ждали только Аккария, с которым в последний момент напросилась и Кира. Как водится, она сперва поспорила с матерью, кому ехать. Потом убедила, что меха зря пропадают, лёжа без дела, пригрозила деревенским раздарить. Тут Анасташа и не устояла – столько труда положено, чтобы добыть, да и дочке ведь приданое надобно. Отпустила. Вот и задержался Аккарий, завернув к ним на двор.

– А что, много нынче наших-то на ярмарку едет? – Поинтересовалась Кира, издалека вглядываясь в лица.

– Возов семь-восемь. С виду наши все здесь, а там, может, ещё с Вороньих Гнёзд кто примкнёт, ежели раньше не уеха-

ли.

Аккарий всегда в головах обоза ходил, как бывалый. Он был в курсе всех купеческих дел, да и дорогу хорошо знал.

В груди томилось радостное волнение. Кира торговать ехала впервые, да и за пределами Орешков ещё не бывала – отец даже в Вороньи Гнёзда не отпускал к двоюродной бабке по матери. Каррон её и так баловал, привозя из столицы ленточки и леденцы. Правда, платья не возил, так и зачем они ей в деревне? Хотя поговаривали, что в городах сарафаны только бедняки и носят.

Кира в это не верила. Считала, что платья для княжён, да заморских принцесс. А она, Кира, вовсе не принцесса. Она – охотница. Ей куртка добрая, да штаны милее любого сарафана, даже матерью вышитого. И, тем паче, какого-то там платья. Да и хороший лук, радовал больше, чем все бусы и ленты вместе взятые. Тем более, что они как-то сами собой расходились по подружкам. Родители устали с ней бороться. Так появились Полночь, хорошая упряжь, доброе оружие, одежда и обувь, какой в деревне не раздобудешь, Туман...

«Отец...»

– Тя-ять, а леденцов купишь? – Заканючила Ануша, прервав грустные мысли.

– Куплю, куда от вас деваться? – Пробурчал с деланным недовольством дядька Аккарий.

– А пряников расписных?

– И пряников.

– Тя-ять, а ленточек?

– И ленточек. Тю! Разорительницы.

Кира рассмеялась. Отец восьмерых дочерей постоянно становился целью для незлых насмешек, но попыток обзавестись наследником не прекращал. Его жена Лушана и сейчас была на сносях. Аккарий продолжал надеяться, несмотря на то, что Матрёна уже напророчила ему девятую девочку.

Ануша, четвёртая по старшинству, смешливая, большеротая, с огромными голубыми глазами и едва заметными веснушками на светлой коже, радостно улыбалась, сверкая белыми зубами – отец взял её на ярмарку, даром что от себя и на шаг не отпустит, потому и трещала без остановки, что сорока.

Ехали не спеша, обоз растянулся на всю дорогу. Последние не видели скрывшихся за холмом первых. На соседнем возу, загруженном плетёными корзинами, сундучками, шкатулками и даже детскими игрушками – слыхивали у городских богачей такие в почёте, особенно ежели расписать покрасивше, ехал Лютобор. Кира хотела было пересесть к нему, но передумала: «Хватит с меня сплетен. Ещё скажут, что я и Люту у Ламиты отбить хочу. Ну их!»

Ануша, будто подслушав её мысли, задала вопрос:

– Кира, а правда, что тебя Защитник Пасита поймал в ночь Киаланы?

– Правда, – охотница поморщилась, но отпираться не стала.

– А правда, что ты Микора больше не любишь? У тебя будет сын от Защитника?

– Аннуша! – Рывкнул дядька Аккарий.

– Чего? – Невинно протянула девчонка. – Мне про то Егорша сказывал.

– А я вот выдеру тебя, как вернёмся. Мала ещё с Егоршей знаться!

– Ну не мне – Луссанке. А я – подслушала.

– Много знает твой Егорша, да и Луссанка вожжей давно не получала. Приеду – напомним. Такое болтать – к Защитнику на столбы напрашиваться! Не смей больше это повторять, поняла?

– Но...

– И матери скажу, уж она тебя крапивой-то отходит! Научишься отца уважать, – девчонка, испуганно выпучив глаза, притихла. – Кира, ты на них внимания не обращай, продолжил Аккарий. – Где дыра – там и ветер.

Он, не оборачиваясь, махнул рукой. Кира опечалилась: «Значит, вот какие слухи по деревне ходят. Интересно, мама уже знает?»

– Ануша, Микор мне друг. Не больше. Вот вернёмся, самолично намну бока Егорше, да и Федуньке заодно, чтоб языки зазря не распускали! – Кира с усилием заставила себя разжать кулаки и расслабиться. – Пасита на меня случайно в лесу наткнулся. Поцеловал, как водится, да больше для смеха. На том и отпустил, – выдала она смягчённую версию. –

А Егорша твой с Федулом дружит. Они оба меня недолюбливают.

– А за что не любят? – Оживилась Ануша.

– Я их как-то побила. Гордость в них говорит мужская, и уязвленное самолюбие, – ввернула умные слова, сказанные отцом по тому случаю.

Ануша захихикала, радуясь – будет теперь, что с подружками обсудить. Не удержалась от новых вопросов:

– А как же ты их побить смогла? Они же парни. Да ещё такие здоровые!

– Меня же Защитник драться учил. Я хорошо умею, – Кира улыбнулась.

– Покажешь? – Глаза девчушки загорелись азартом, она вперила взгляд на последний воз, как раз взобравшийся на вершину холма. Там ехал Федул со своим отцом.

– Обязательно! – Охотница потрепала девочку по каштановым с рыжинкой волосам и тоже посмотрела в хвост обоза: – Как только момент подходящий выдастся...

До Птичьего Терема доехать можно было меньше чем за день, но это, если верхами. Обоз же шёл не спеша, жалея лошадей. А посему выходили загодя, планируя ночёвку, ведь ещё день потом торговать.

Одолев две трети пути, остановились в перелеске. Как водится, выстроили возы кругом. Разожгли костры, занялись обустройством и ужином. Всего на ярмарку отправилось семнадцать человек, не считая четверых подростков.

Ближе к вечеру, когда приблизились к болотам, небо затянуло, пошёл дождь, чему уставшие от жары люди и лошади только обрадовались. Но тот скоро закончился. Прохлады толком не принёс, а вот комарья нагнал тьму-тьмушую. У огня было жарко, зато не докучали кровопийцы – то дядька Аккарий кинул в пламя припасённых еловых шишек. Знахарка Матрёна раздала желающим отвар полыни, чтобы намазаться. Кира же никогда не страдала от насекомых. Те то ли не могли прокусить её одежду, то ли причина крылась в чем-то ином: «А, может, кровь у меня попросту невкусная?»

Когда с делами было покончено, утомлённые дорогой путники расселись вокруг огня, принялись ужинать, да судачить. Кира, прихватив кружку кваса, отошла в сторону и расположилась чуть поодаль. Не хотелось ни с кем разговаривать: «Ну как вопросы задавать начнут не хуже Ануши? Вон какие взгляды бросает Федунька, когда думает, что я не вижу. Небось наплёл уже больше, чем у Лютобора товара в возу припасено».

Заговорил дядька Майрат, темноволосый, с плоским носом и чуть раскосыми, вечно прищуренными глазами, отчего казалось, что он смотрит на собеседников с затаённой хитринкой:

– Слышал я, на дороге разбойники объявились, сартог их в печень. Озорничают!

Его пра-прабабка была, как ни странно, из степняков, наверное, поэтому природное чувство юмора не позволяло и

слова вымолвить, не помянув при этом своих предков.

– Да неужто? – Всплеснула руками Матрёна, самолично отправившаяся в город прикупить редких заморских ингредиентов для мазей и снадобий. Не отважилась послать преемницу.

– Да что нам сделают-то? Они только и воины супротив одиноких путников. А нас же вона – целый обоз, – махнул рукой Аккарий, но глазами тут же нашёл Анушу, убеждаясь, что дочка поблизости.

– Пускай только явятся! – Хорохорился Лютобор.

– Мы им покажем, как на добрых людей рот разевать! – Не желал отставать Федул.

Парням не терпелось удалю похвалиться.

– Ну так давай, показывай скорее!

С разных сторон из темноты раздался дружный хохот.

Деревенские подскочили от неожиданности. Разбаловались, отвыкли мечи под рукой держать. Кто-то бросился за своим к телеге, кто-то схватился за нож – он-то завсегда поблизости, а кто ухватил дубинку посуковатей, ежели таковая оказалась на глазах.

– А выдь на свет, коли не боишься! – Ответил дядька Аккарий по праву обозного.

– А что мне с того-то? Аль трусом окрестишь?

– Да ты, никак, тать, коли в темноте прячешься?

– А я и есть – тать.

– Тать, не тать, а добро надо бы отдать, – присоединился

второй голос.

«Больно писклявый, будто гигантский комар разговаривает», – от этой мысли у Киры вырвался нервный смешок.

Не заставил себя ждать и хохот, снова донёсшийся с разных сторон, будто разбойники перемещались, и не можно было толком разобрать, сколько всего их скрывается за границей из возов.

Неожиданно в плечо Горибору ударила стрела. Тот охнул, шагнув назад. Недоумевая, посмотрел на торчащее из тела оперенье.

– Со света! – Заорал Аккарий. – Мы ж как на ладони! – Принялся отталкивать мешкающих в тень. К нему присоединился Лютобор. Остальные, наконец, встрепенувшись, бросились в укрытие.

– А ну добро выгружай пока не подождли всё к сартогам! – снова прогремел тот же самый голос, хрипловатый и наглый. Уверенный.

В борт телеги тут же воткнулась горящая стрела, подтверждая серьёзность намерений. Знахарка Матрёна, схоронившаяся поблизости, быстро нашлась. Подскочила и выплеснула из кружки травяной отвар, гася огонь.

Кира, как и остальные, поначалу растерялась. Юркнула под воз, когда ранили Горибора. Схоронилась за колесом, всматриваясь в промежутки между деревьями и сетуя, что лук и колчан со стрелами остался рядом с тюком пушнины. «Ни зги», – разочарованно подумала она. Нападавших было

не разглядеть, глаза, привыкшие к свету костра, ничего не видели в темноте. Выбравшись из-под телеги внутри круга, охотница, пригибаясь, двинулась вдоль возов.

Тем временем незатейливая перепалка продолжалась. Разбойники увещевали немедленно отдать им все ценное, а деревенские непреклонно отвечали отказом. Нападавшие грозили: «Тогда, мол, сами возьмём». Обе стороны ругались и острословили, кто во что горазд. Свои – раззадоривая кровь, пришлые – пытаясь застрашать.

У воза, принадлежащего Аккарию, Кира тихонько поднялась на ноги. Скрываясь в тени, медленно подтянулась и осторожно перевалилась через борт. Лёжа на дне, затаилась на миг, выжидая, не заметили ли? Закрыла глаза, привыкая к темноте.

Лютобор выкрикнул очередную колкость, и в ответ прилетело сразу несколько стрел – видать, задел за живое. Перепалка возобновилась с пушим азартом. Кира тихонько села, повернувшись к костру спиной: «Теперь можно и взглянуть, кто к нам пожаловал». Осторожно приподнявшись над бортом, без труда смогла различить силуэты деревьев, причудливую вязь ветвей, тёмные пятна кустов. Попробовала было слезть с телеги, но кто-то глазастый заметил движение.

– Даже не думай! – Предупредил звонкий, на удивление, приятный голос. – Враз болта схлопочешь!

В подтверждение один ударил рядом с левым ухом.

– Дурак! Мех попортишь! – Кира нарочно выкрикнула

это, взвизгнув как можно громче. Стараясь, показаться напуганной девкой: «Авось станут осторожнее. Не станут пускать горящие стрелы, чтобы меня подсветить. Да и то, что девка орет, услышат. Решат – неопасна».

Наверное, так оно и случилось. С второй попытки удалось слезть внутрь круга, никто не выстрелил. Выбрав момент, охотница снова юркнула под воз и выглянула на другую сторону, стараясь рассмотреть разбойников.

За одним из кустов, кто-то скрывался. Осмотрев деревья вокруг, Кира обнаружила и второго. Тот засел на берёзе, шагах в двадцати от неё прямо в разветвлении ствола: «Совсем близко! Ему, почитай, половина лагеря видна, как на ладони. Похоже, он и есть сладкоголосый стрелок».

Кира, затаив дыхание, прислушалась к перепалке. Отметила, что эти двое молчат. Больше никого поблизости не было видно. По голосам же выходило, что кричат четверо разных людей: «Значит, вместе с этими будет шестеро. Но на деле, конечно, и того больше, раз рискнули напасть на такой большой обоз».

Разбойник на берёзе выстрелил в сторону лагеря, да сразу из двух арбалетов по очереди. Глухой стук – то болты вошли в дерево, подсказал, никого не ранило. Судя по всему, перепалка подходила к концу.

«Пора действовать, – Кира привычно связала косы за головой, чтобы не мешали. Зачерпнула горсть влажной после дождя земли и основательно измазала лицо, руки и шею.

Приладила колчан, перекинула лук за спину. Выбираясь из-под защиты, едва слышно шепнула, легко и привычно обращаясь к мужскому богу: Керун, помоги!»

Первый бандит не заметил, как за его спиной беззвучно поднялась тень. Даже не пикнул, когда охотница, помедлив, повернула в последний момент нож и тюкнула в висок рукоятью. Придержав обмякшее тело, аккуратно уложила на землю. Припоминая науку Каррона, нашла на шее сомлевшего особую точку. Нажала, сомневаясь, будет ли толк: «Ну не убивать же их взаправду?»

Прежде чем отправиться дальше, внимательно осмотрелась: «Ага! Вот и ещё один».

Шагах в тридцати кто-то выглядывал из-за ствола толстого дерева. Очертания человеческой фигуры отчётливо выделялись на фоне света костров, как и очертания ног людей, затаившихся за возами. Бедняги и не подозревали, как ненадёжно их укрытие. Кира внутренне вздрогнула, ведь и она думала так же, когда бегала туда-сюда. И как её только не заметили? Стало понятно, разбойники, затеявшие перепалку, попросту отвлекали жертв, готовясь напасть со спины, когда завяжется драка.

Хоронясь и оглядываясь, охотница обошла берёзу с арбалетчиком по широкой дуге, чтобы тот не заметил. Да и тот, к которому она подбиралась тоже: «Ну как оглянется?»

Не оглянулся.

Кира, как никто другой, умела подкрасться к любому зве-

рю. Рисковать не стала. Как и первого – рукояткой пристукнула. Осторожно выглянула из-за ствола. Голосистый, так и сидел на прежнем месте.

«Этого соловушку без шума не взять»

Охотница вздохнула с сожалением. Оставлять противника за спиной было неправильно, да делать нечего. Постоянно оглядываясь – уж больно меткий, да глазастый – пошла дальше. Сердце ухало в груди, заставляя кровь стучать в ушах. Ладони намокли, и Кира вытерла пот о штаны: «Керун, что это со мной?» Так даже на охоте не бывало. Даже когда напала старая рысь, спрыгнув на закорки. Да и в драке с Морданом и Харилой не было так тревожно.

«Так дело не пойдёт!»

Никто другой пока на глаза не попался, а впереди обнаружилась поросшая лопухом ложбина, в ней-то она и решила затаиться, переждать и унять возбуждение: «Охотясь на зверя, важно сохранять спокойствие, иначе тот учует тебя первым».

«Отличное укрытие, – решила Кира. – Лишь бы вода под ними не скопилась», – она опустилась на землю и на животе скользнула вниз.

– Ты ещё кто?! – Вполголоса буркнули в ухо, обдавая густым табачным запахом

Кира чуть не заорала от неожиданности. Разбойник быстро нашёлся, ударил локтем в лицо. Точнее, попытался. Инстинктивно прынув в сторону, охотница перехватила руку с

занесённым ножом, блокируя собственным. Завязалась короткая борьба, но ей повезло. Противник оказался не силен и гораздо менее ловок. Ни Микору, ни Хариле с Морданом не чета. Изловчившись, она вывернулась. Выбила нож и, прижав разбойника к земле, приставила к горлу лезвие: «И что же дальше? Я не смогу его убить!»

Тот, напуганный, не ожидавший такого поворота, сглотнул, дёрнув кадыком на тощей шее. Похоже, не понимал, чего она медлит.

Мгновение. Другое.

Отступивший было шум в ушах снова усилился, рука с ножом дрогнула. На коже выступила капелька крови. Разбойник зашептал скороговоркой, глотая слова:

– Это всё Боров. Он – главный. Я ни при чём. Не убивай! – Но не успела охотница осознать, что ей просто заговаривают зубы, как тот истошно завопил: – Боров, караул! – неожиданно сильно взбрыкнув, бандит отбросил её в сторону. Рванул прочь, продолжая вопить.

Таиться больше не было смысла. Кира вскочила, срывая с плеча лук. Выхватила стрелу. Прицелившись, выпустила след.

– А-ай! – Вскрикнул беглец.

Стрела вошла в бедро, но он продолжил нестись прочь, изрядно хромя, а Кира едва успела увернуться от просвистевшего в опасной близости болта.

– Вижу! – Заорал стрелок на берёзе, выпуская следующий.

И ещё. Судя по скорости, он зарядил сразу несколько арбалетов.

Кира, отпрыгнув в сторону, распласталась на земле: «Все же темно, и я больше не в свете костра. Авось не так легко ему, гластому, попасть будет. Разве что наугад пошлёт?»

Охотница выдохнула. Рванула ползком вперёд. Преодолев шагов пять навскидку, затаилась у корней тщедушного деревца, опасаясь поднять голову. Сердце птицей колотилось в груди, от страха заledenели ноги. Преследовать зверя это одно, а тут совсем другое. По-иному. Пришло осознание: «Я не решила отнять жизнь, а вот противник даже не задумается. И это я ещё насчёт Паситы хорохорилась? Одним словом, баба, как сказал бы Микор. Микор... Был бы он здесь, мы бы всех разбойников победили враз!»

Мысль о том, что был бы рядом Пасита, те и вовсе бы не напали, Кира погнала прочь.

В ствол над головой воткнулись, один за другим, ещё два болта: «Деревце едва с руку толщиной, а гад точно садит, хоть и в темноте!»

Наступило затишье: «Хитрит? Перезаряжается?»

Кира осторожно поднялась, встав на одно колено, готовая при малейшей опасности броситься обратно на землю. Вынула из колчана стрелу. Спустив тетиву, отшатнулась в сторону лишь мгновением раньше, чем просвистел очередной болт, чиркнув оперением по щеке: «Да что же такое! Хочет убить меня именно в глаз! Я ему белка что ли?» Не мешкая,

охотница поползла прочь, прижимаясь к земле.

Едва заметный глухой звук раздался в тот момент, когда Кира, переваливалась через торчащий корень. Новое укрытие оказалось гораздо лучше предыдущего. Широкое углубление между двумя большими корнями могучего старого дерева давало надёжную защиту. Прижимаясь спиной к мягкой земле, охотница не забывала внимательно осматриваться: «Вдруг кто ещё меня заметил? Вон как раненый разбойник всех переполошил».

Разволновавшись и каждый миг ожидая появления сладкоголосого стрелка, который явно спрыгнул с дерева, Кира напряглась, готовая прыгнуть навстречу или уйти в сторону. Дыхание участилось, сердце трепыхалось и стучало в ушах, перекрывая все прочие звуки. Вдруг споткнулось, пропустило удар... Пошалив, заработало снова, выбивая иной, чем раньше, ритм – размеренный и спокойный.

Кира моргнула и не поверила глазам. Теперь она видела все до мельчайших деталей: рисунок на листьях деревьев, рельеф коры, стебель травы, и дремлющая на нём божья коровка...

«Да это же тот самый боевой транс, о котором говорил Пасита! А что это за красно-рыжие пятна, медленно трепыхающиеся возле лагеря с противоположной стороны? – тут же осенила догадка: Это наши дерутся с бандитами! Надо помочь!»

Со стороны лагеря доносились крики и шум боя. Похоже,

разбойники напали, а деревенские, как могли, давали отпор.

Без страха охотница выпрямилась во весь рост. Обернулась. Вопреки опасениям, стрелок не спрыгнул с дерева вслед за ней, а попросту упал. Не нужно было подходить, чтобы понять – он мёртв. Её стрела пронзила бедолаге горло.

Среди деревьев еле светились бордовым две точки. Судя по расположению и отсутствию движения, это были оглушенные ею бандиты. Сейчас они не представляли опасности, и Кира направилась к возам. Туда, где разбойники наседали на односельчан.

Всего нападавших было девять. Ближайший едва успел обернуться, но тут же отлетел в сторону, ударившись о ствол – теплое пятно погасло, а вместе с тем пришло знание – он больше не поднимется. Второй замахнулся плохоньким мечом. Кира чуть развернула корпус и немного отклонилась. Клинок, со странным гулом прошёл мимо, в неопасной близости – пальца на два от носа. Со спокойным удивлением охотница проводила его взглядом, щербинки на лезвии были видны так отчётливо, что она успела рассмотреть каждую. Разбойник неуклюже ступил, следуя за своим оружием, и второго выпада сделать не успел. Короткий удар ногой, и бандит свалился.

Теперь её заметили все.

Набросились сразу двое. Здоровенные, заросшие. Оба с короткими мечами. Шли слаженно – видать, что не впервой, но двигались отчего-то, будто сонные, или завязли в меду.

Шаг в сторону. Назад, назад, словно бы в танце. На губах появилась улыбка. Даром что партнёров двое, и те потеют, да хмурятся, грязно ругаясь сквозь жёлтые зубы. Лёгкая тревога, заставила прекратить игру. Что-то подсказывало, странное состояние долго не продлится, надо спешить. Охотница, шагнув вперед, перехватила руку с мечом, слегка повернула... Второй разбойник захрипел, напоровшись на клинок товарища. Тот же, получив уже ставший традицией удар в висок, грузно осел.

Оставшихся на ногах было четверо – мужики из Орешков тоже не лыком шиты. Ощетинившись мечами, незадачливые вояки отступали, и Кира направилась прямо к ним. Она совершенно не боялась. Тело словно зудело от жажды действия, но вместе с тем снова одолело нехорошее предчувствие.

– Стоять! – Отдал приказ тот самый голос.

Даже сейчас он сочился наглостью и самоуверенностью.

– Боров? – Безошибочно определила Кира.

Бритый наголо бандит, с толстой шеей и мускулистыми руками, покрытыми вязью татуировки, одетый и вооружённый не в пример остальным, отчего-то сильно побледнел, как и его товарищи.

Охотница шагнула ближе, но тут раздался, исполненный отчаянья крик Аккария:

– Стой! У них Ануша!

Разбойник, криво ухмыльнувшись, выдернул из-за спины

ревущую девчонку. Кира поняла, в свете костра внутреннее свечение, превращающее людей в теплые пятна, будто пропало за ненадобностью, оттого и не разобрала, что перед ней сгрудились не четверо, а пятеро.

– Стой, где стоишь! – Пригрозил главарь. – Хотите получить девчонку живой, дайте нам уйти.

Лезвие короткого меча угрожающе прижалось к тоненькой шее.

– Кира, не надо! Убьёт! – Снова взмолился Аккарий.

Охотница остановилась в нерешительности. Новые инстинкты требовали: настичь и уничтожить. Но из глубины души пришло чёткое: «Нельзя! Не успеть!»

«Но не отпускать же Анушу с ними? Как же трудно сделать выбор!»

Внезапно что-то изменилось. Что-то, что незримо давило всё это время, нагнетало тревогу, выворачивая суставы невидимыми руками, заставляло ныть зубы, крутилось в животе, внезапно ринулось наружу. Вырвалось за пределы оболочки, принесся облегчение. Откуда-то издали послышался наполненный ужасом крик, прежде чем Киру накрыла тьма.

Глава 19

1.

Открыв глаза, Кира увидела веснушчатый нос Ануши и ореол рыжеватых волос на фоне усеянного белыми облачками голубого неба.

– Очнулась! Кира очнулась!

Крик раздался над самым ухом, отозвавшись болезненным гулом в голове.

– Ануша? – прохрипела охотница, не узнав собственного голоса. – Что случилось?

Рядом тут же оказался Лютобор, на ходу перепрыгнув борт телеги.

– Как ты?

– Не очень. Пить хочу.

Во рту и правда так пересохло, что охотница еле ворочала языком.

– Держи, – парень протянул мех с водой, и помог приподняться. – Я сейчас.

Он ловко спрыгнул с воза. Кира надолго приложилась к меху, шумно утоляя жажду.

– Кира, а ты Защитник или ассасин? – Неожиданно спросила Ануша, и охотница поперхнулась закашлявшись.

– Перестань болтать! – Строго прикрикнул, сидящий на передке Аккарий. Он даже не стал угрожать трёпкой,

как обычно, но Ануша, шепнув одними губами: «Прости, отец», – надолго замолчала, что ей было несвойственно.

Всю время, пока его не было, Кира отлёживалась. Жутко болело всё тело, и за каждое движение приходилось плакать. Лютобор вернулся позже. Подъехал верхом на Полночи и привёз знахарку, усадив на лошадь впереди себя. Без труда на ходу приподняв сублительную старушку, водрузил её рядом с Аккарием, который лишь чуть придержал мерно топающих лошадей. Матрёна перебралась назад и провела осмотр. После сунула в руки флягу с отваром и наказала, добавлять в питье, а пить – побольше.

Лютобор отвёз знахарку обратно и вернулся. Отвар помог мгновенно и Кира смогла сесть, не мучаясь от болезненной ломоты в теле.

– Ничего, что без спроса? – Парень глазами указал на Полночь.

Охотница мотнула головой, показывая, что не против.

– А что вчера произошло? – Она покосилась на Аккария, который пока так ни разу с ней не заговорил. Более того – даже не обернулся.

– Ну и задала же ты всем, – парень замялся, подбирая слова.

– Люта, я не шучу. Я сделала что-то ужасное? – В голове потихоньку всплывали разрозненные куски воспоминаний.

– Кира, никто и не подозревал, что ты способна убить человека. Да ещё вот так... – Друг нервно хихикнул. – Зато Фе-

дул к тебе теперь и близко не подойдёт, – постарался смягчить сказанное неловкой шуткой.

– Я кого-то убила? – В ужасе просипела Кира, но уточнила: – Разбойники? Сколько?

– Трое.

Память услужливо подсунула соответствующие моменты. Значит, только разбойники. Кира выдохнула с облегчением.

– Что со мной случилось потом? – Она постаралась, чтобы голос звучал ровно.

– Мы так и не поняли. Стало холодно. Очень. Это шло от тебя...

– Кто-то пострадал?

– Только разбойники и... Аккарий.

Кира, всхлипнув, повернувшись к Ануше. Та поняла все без слов.

– Я цела. Смогла увернуться, – она было улыбнулась, а потом, помрачнев, добавила тихо. – А вот папа...

– Дядька Аккарий, – Кира робко прикоснулась к плечу возницы. Тот обернулся, и охотница вздрогнула. Вся правая половина лица была красной, левой досталось чуть меньше. Увидела, что и руки у него перебинтованы. – Дядя Аккарий... – сорвалась охотница на шёпот, в её глазах блеснули слёзы.

– Брось, девочка, – мужчина похлопал охотницу по руке, – не реви. Я не в обиде.

– Простите! Я не хотела. Не знаю, как со мной такое вы-

ходит.

– Ты спасла Анушу – это главное, а лицо заживёт, руки тоже. Матрёна мне и мазь приготовила. Поначалу, правда, ничего держать не мог, а сейчас вот уже и с лошадьми управляюсь. Не в обиде я, но имей в виду: не всем, случившееся по нраву.

Оставшаяся часть пути прошла без приключений. Правда, до города добрались немногим позже, чем планировали. Задерживали и пленённые разбойники, топавшие в хвосте обоза, из тех, кто улизнуть вовремя не сумел. Среди них шёл и злющий Боров с красной обмороженной рожей, но на возы лиходеев сажать не стали – много чести.

Когда добрались до Птичьего Терема, ворота уже закрылись на ночь, потому обозники расположились на ночёвку в поле, вместе с другим торговым людом из числа тех, кто запоздал, или же просто не имел желания тратиться на постоянный двор, тем более, что погода позволяла.

2.

Кира вздохнула полной грудью и улыбнулась, её переполняло радостное возбуждение. Вопреки всем ожиданиям и напутствиям, городская суматоха не пугала. По улице катили возы и кареты, проезжали всадники, туда-сюда сновали посыльные и слуги, со всех сторон слышались крики зазывал, доносились разные запахи. Особенно интересно оказалось рассматривать прохожих. Те спешили по своим делам

или праздно шатались, привлекая внимание разнообразными одеждами. В городе носили не только привычные рубахи с портками или сарафаны: «Наверное, так можно часами стоять и глазеть», – подумала Кира.

Из блаженного ступора вывел все тот же дядька Аккарий, незадолго до того куда-то пропавший. Уходя, он попросил Киру помочь Ануше и присмотреть за товаром. Но вот он вернулся, да не один. Вместе с ним пришёл дородный мужчина в летах, носивший коротко стриженную бороду и успевший отрастить приличное брюшко. Это был Силантий, знакомый купец, торговавший мехами. Он подивился на качество товара и предложил хорошую цену. Хотя, и честно признался, что товар можно продать дороже, но тогда придётся провести весь день за прилавком, а он готов забрать все и прямо сейчас. Кира, недолго думая, согласилась.

– Прекрасный охотник твой отец, жаль, что сам не приехал. Хотел бы я с ним лично знаться. Передай, что Силантий готов сделать выгодное предложение на следующий сезон, – тут он хитро прищурил глаз и улыбнулся Кире: – А ты, красавица, почто так одета? Неужто отцу помогаешь?

– Так в дороге сподручней, чем с юбкой маяться, да и от ухажёров отбиваться легче, – отшутилась Кира, решив не выдавать дядьку Аккария.

– Будет ещё товар – привози. Не обману, дам хорошую цену. Спросишь лавку Силантия Капара, здесь кто угодно подскажет.

– Он бы не согласился товар посмотреть, – позже виновато развёл руками Аккарий, – если б я сказал, что девчонка охотилась. Потом сама расскажешь, если захочешь.

– Спасибо, – улыбнулась Кира. – Тогда я пойду?

– Постарайся вернуться до заката, пока открыты ворота, иначе я буду волноваться. Мы постараемся встать на ночёвку на прежнем месте.

В поясном кошельке под курткой, которую, несмотря на пригревающее солнце, Кира не стала снимать, позванивали восемнадцать золотых – целое состояние!

Нет, эти деньги она тратить не собиралась, а вот в правом кармашке звякало несколько мелких монет на расходы, припасённые, чтобы купить сладости соседским девчонкам, вязки стеклянных разноцветных бус, да вышивальные нитки для матери. А, может, что-то ещё, если сильно понравится.

Вдохнув полной грудью, Кира едва не чихнула от повисшей в воздухе пыли, но и это не послужило поводом для разочарования. Охотница любила лес, но решила, что и город полюбить сможет. Сейчас он представлялся новой неизведанной территорией, загадочной и манящей.

Побродив немного по рынку и подивившись на заморские товары, Кира выполнила наказ матери. Затем, сдав новообретенное добро на хранение Аккарию, не удержалась и купила большой, покрытый цветной глазурью пряник. Расположившись напротив цветочницы, принялась его степенно

жевать, запивая водой из маленькой фляжки.

Впереди, там, где заканчивалась улица, над белокаменными стенами возвышались позолоченные конические крыши храмов. Охотницу одолело жгучее желание взглянуть на них поближе: «Неплохо было бы и внутрь войти, помолиться Киалане о здоровье и благополучии».

Правильно! Стоило провести ритуал очищения, да испросить у богини совета, как быть дальше. Покончив с пряником и стряхнув с рук крошки, Кира направилась вверх по улице, стараясь не слишком пялиться на прохожих.

После торговых улиц, состоящих сплошь из лавок, да мастерских, перемежающихся постоялыми дворами, кабаками, да тавернами, пестрящих вывесками на любой вкус, начались деловые кварталы. Здесь дома были не ниже двух этажей, все сплошь каменные, построенные по единому образу. Деревянные настилы сменились мостовой, и Кира отметила, чем ближе к центру она продвигается, тем богаче одеты люди. Но, что ей по-настоящему удивило – редкая лошадь под всадником была лучше, чем её Полночь, даже если сам всадник выглядел богато и внушительно.

«Это же, выходит, сколько отец за неё отдал?»

Рассматривая расшитые жемчугами платья, блестящие парчой, мягко мерцающие складками бархата, Кира невольно застеснялась своего простого облачения, и даже порадовалась, что все эти люди спешат куда-то, и им нет до неё никакого дела.

У конторы, мимо которой она как раз проходила, остановилась карета, запряжённая прекрасной парой белоснежных лошадок. Подскочивший лакей отворил дверцу, и наружу высунулась изящная ножка, обутая в тончайшей работы башмачок. Коснувшись ступеньки и тут же скрылась под подолом. Грациозно опершись на руку лакея, следом появилась прекрасная барышня, плечи которой, несмотря на тёплую погоду, укрывала изящная накидка из меха снежного соболя. Лиф простого на вид атласного платья цвета топлёного молока, украшали жемчуг и кружево тончайшего плетения. Блестящие на солнце каштановые волосы были мастерски уложены в сложную причёску, каких Кира отродясь не видала. Все это великолепие дополняли кружевные митенки, откуда виднелись нежные пальчики с отполированными розовыми ноготками, в другой руке красавица держала белый кружевной зонтик. Она неожиданно повернула голову и улыбнулась, довольная произведённым эффектом.

Кира осознала, что застыла, таращась на сказочную принцессу самым неприличнейшим образом: «Еще и рот открыла!»

Сзади послышался восхищенный возглас:

– Это что за краля? Хотелось бы быть ей представленным.

– И думать забудь! Это дочка градоправителя. Не твоего полёта птица.

«Вот кто получит манто из голубой куницы, которую я продала Силантию», – подумала охотница, стряхивая оцепе-

нение.

Вскоре Кира вошла во врата храма Киаланы. Истово, как никогда в жизни, принялась молила богиню, стоя на коленях в перед гигантской величественной статуей с отстраненным ликом и развевающихся словно на ветру одеждах. Просила защитить деревенских, образумить Защитника Паситу, укрыть грядущей зимой от Стаи, уберечь от сартогов, да укрепить сон тварей Излома. Как водится, не забыла испросить о здоровье, а для себя только одно – направить, помочь принять верное решение. Даже не скупясь, пожертвовала целый золотой и заняла очередь на ритуал очищения, когда к ней подошла юная жрица, закутанная в многочисленные слои кисеи, повторяющие наряд богини.

Поклонившись, та жестом указала следовать. Обогнув статую богини, отворила неприметную дверцу, предлагая войти внутрь. Стало немного жутко, но Кира рассудила: «Да что со мной может в храме случиться?»

– Сядь дитя, – слышался степенный низкий голос.

Немолодая женщина мягким, плавным жестом указала на раскиданные повсюду подушки. Повинуясь, Кира опустилась на одну и скрестила ноги, повторив позу говорившей.

– Я чувствую, твоя душа полна сомнений. Напрасно. В тебе дремлет небывалая сила. Ты лишь в начале пути, но твоя судьба предначертана. Не надо противиться. Все случается по воле богов, и ты должна знать, они любят испытывать смертных. Иначе, как им понять, кто из нас, чего достоин?

Помыслы людей изменчивы. Миг ты веришь в одно, а через два вдоха уже в иное...

Жрица, как водится, говорила долго и запутанно, Кира её не перебивала. Несмотря ни на что, в ней крепла надежда: «Значит ли это, что Пасита послан мне богами, как испытание? Для меня ли одной, или для всех жителей? Мы слишком долго жили мирно. И сартоги стороной обходят, Стая много зим не тревожит, а когда последний раз пробуждался Излом, и старики уже не припомнят. Обленились. Заплыли жирком. Плачемся по любому поводу – только Керуна гневим, прячась за юбку Киаланы, стоит возникнуть мало-мальской трудности... Грядёт время испытаний, а мы, выходит, и не готовы совсем...»

Кира тряхнула головой, отгоняя тяжёлые мысли, и вышла наружу опустошённая, но с надеждой в душе. С удовольствием вдохнула воздух, очищая лёгкие от запаха благовоний. Врождённое любопытство и влекущий запутанными улочками светлый и жизнерадостный Птичий Терем, манил, и нахлынувшая было печаль быстро улетучилась, растворившись где-то там над маковками храмов в синем летнем небе.

Напротив, на другой стороне площади возвышался храм Керуна-воина. В отличие от изящного, как морозные узоры на окне, храма богини, он больше напоминал неприступную крепость. При необходимости, его стены смогут укрыть от напасти немало жителей города. Объединял два храма лишь белый камень, из которого они были построены, да позоло-

ченные крыши.

Кира пересекла площадь, чтобы рассмотреть его получше. Вблизи храм производил подавляющее впечатление, заставляя чувствовать себя песчинкой пред взглядом сурового бога. У входа возвышались две внушительные фигуры братьев-воинов в серых длинных рясах, перепоясанных простой верёвкой. Каждый был, почитай, на две головы выше охотницы, а она на рост не жаловалась: «Не каланча, хвала богине, но и не пигалица, как Маришка. Вот же воистину отражения бога-воина!»

Бесхитростно восхитившись бравыми ребятами, Кира припомнила рассказы Каррона. Именно братья-воины сражались плечом к плечу с Защитниками, разя порождений Излома не магией, но силой духа и мечами из освящённой стали.

Один из невозмутимых истуканов неожиданно тепло улыбнулся и подмигнул, и Кира вдруг осознала, что стоит, уставившись на них во все глаза: «Хорошо, хоть снова рот не раззявила, – брат-воин оказался совсем ещё молодым парнем. – А что? Симпатичный и ладный. Чем-то на Лютобора похож, только мощнее. Второй – его копия, разве что постарше. Этот не улыбался, но в серых глазах явственно отражалось веселье. Кира, не удержавшись, сверкнула зубами в ответ и зарделась, смущённо отвернувшись, поспешила дальше.

«И ладно, что внутрь женщин не пускают, а то вот так вой-

дѣшь просто посмотреть, а выйдешь невестой, если все там такие, как на подбор красавцы», – братьям-воинам, в отличие от Защитников, заводить семьи не запрещалось.

Отдав дань богам, Кира решила осмотреть знаменитый Птичий Терем, давший название городу. Говорят, градоправитель собрал там видимо-невидимо птиц со всех уголков света. Он большой их почитатель, особенно певчих и охотничьих. Местных-то птиц охотница знала наперечёт и по виду, и по повадкам, а вот на заморских страсть как хотелось взглянуть. Но не успела она пройти и пары кварталов, как вдруг на неё, зазевавшись, налетел какой-то паренёк.

– Эй, поосторожней!

Толчок вышел сильный, и Кира поймала парнишку, спасая от падения на мостовую. Тот непроизвольно вцепился в её куртку и, смутившись, затараторил:

– Простите, госпожа, я загляделся, право неловко! Вы сами не ушиблись? – и, дождавшись отрицательного ответа, приподнял шапочку. – Доброго вам денёчка!

– Доброго! Не зевай впредь.

Кира представила: «Попадись на моём месте лошадь... Или, к примеру, та же дочка градоправителя? Всыпали бы парню, наверное, плетей на площади?»

Она было зашагала дальше, как вдруг одолели смутные подозрения. Предчувствие не обмануло, поясного кошель на месте, как не бывало.

– Ах ты паршивец!

Охотница обернулась и чудом успела заметить, как парнишка юркнул в ближайший переулок. Припустив следом, она от всей души надеялась, что гонится именно за воришкой, а не за каким-нибудь случайным бедолагой, иначе пропали денежки.

– Стой! – Крикнула вслед, но тот, оглянувшись, только припустил сильнее и скрылся за ближайшим углом.

«Похоже, не ошиблась», – решила Кира, стремительно преодолев узкую улочку. Как раз вовремя, чтобы узреть прежнюю картину: как бы быстро она ни бежала, вор оказывался проворнее: «Конечно, поди каждую подворотню знает!»

Свернув в очередной раз, Кира остановилась в нерешительности.

Проулок, если так вообще можно было назвать задворки, на которых она оказалась, была пуст и заканчивался тупиком. Справа и слева возвышались грязные, покрытые потёками нечистот, стены. Воняло ужасно: «Дома в отхожем месте и то воздух свежее!»

Повсюду валялись кучи мусора, под которым и мостовой было не видно, Киру одолели сомнения: «А есть ли она здесь?»

Но, главное, охотница совершенно не представляла, где очутилась и куда делся воришка. Украденного кошелька было жаль.

– Просто прекрасно, – горестно расхохоталась Кира, за-

драв голову к небу. – Меня обокрали, и я заблудилась – всё, как пугала мама. Если хорошенько припомнить, ещё осталось насильничать и убить, ну или продать в рабство, куда-нибудь в Сагалию...

Она вздрогнула от неожиданности, когда ей ответил скрипучий голос.

– А что, хорошая идея. По первому вопросу мы с тобой согласны, а про второй сразу не подумали. Спасибо за подсказку, – последовавший хохот напомнил вчерашние события.

Трое крепких жилистых мужчин разного возраста перекрыли улицу, отрезая путь к бегству. Из-за угла, чуть поодаль, демонстративно покручивая Кириным кошельком в пальцах, вальяжно вышел тот самый парнишка. Позади с крыши спрыгнули ещё двое, и круг стал медленно сжиматься. На лицах грабителей читалось насмешливое, самоуверенное предвкушение.

Кира почти не испугалась, скорее обиделась. И за кошелёк. И за потерянное время: «Теперь вряд ли успею посмотреть на птичек». И даже за то, что, может, снова кого-нибудь убьёт ненароком, сама того не желая. За обидой пришла злость, подталкивающая к безрассудству. Сбитые ещё накануне кулаки так и зачесались.

– А что, отбросы всегда шутят, перед тем, как напасть?

– Чего мелешь, баба? Начинай орать. Пора, – припугнул заводила, вызвав новый приступ хохота.

«Похоже, он у них тут главный», – решила охотница.

– Не боишься, что меня станут искать? – Спокойно спросила она, расслабляя мышцы и внутренне готовясь к драке.

– Да по тебе же сразу видно – деревня. Кто ж тебя хватитесь? А если и так, то найдут нескоро.

Он повернулся к воришке и спросил:

– Счастливчик, сколько там?

Парень развязал кошель и удивлённо присвистнул:

– Ты не поверишь!

– Не тяни резину! – Рывкнул главарь.

– Семнадцать золотых, Холера! Семнадцать, сартог их душу, золотых!

– Откуда столько денег, у деревенской курицы? – А с виду и не скажешь.

– Охочусь на зверя, – честно ответила Кира.

– Я думал на пару медяков польстился, – продолжал возбуждённо Счастливчик. – Край серебрушка-другая. Ну добрая куртка, сапоги на ней, но деревня же и есть! Я от самой площади её вёл, она рот не закрывала – по сторонам пялилась. Решил ради смеха пощипать, пуще для науки. Не думал, что погонится. Нет, я воистину Счастливчик!

Парень радовался так искренне, что Кире даже стало его немного жаль. Такие плохо кончают. Она вздохнула и внезапно для бандитов рассмеялась.

– Чего ржешь?

– Да думаю, может, вам и остальные отдать? Али сами за-

берёте? – Кира похлопала по карману с мелочью и встала в стойку.

– Вы только посмотрите! Никак отпор давать собралась, – деланно удивился один из воров, молчавший до сего момента.

– Пусть лучше чего другого даст, я не против, – сострил другой, и остальные снова гнусно заржали.

– Не порежьте! Со шрамами за хорошую цену не продашь, – предупредил Холера подельников. Видать, и правда вдохновился мыслью о прибыли.

– Больно вы уверенные, сами-то не боитесь?

– Это, позволь спросить, чего мне в своих кварталах бояться?

– Сегодня в город вошли несколько таких же смелых. В колодках. Один, помнится, тоже именем кичился.

– И кто же?

Бандиты не нападали, ожидая отмашку главаря, а тот с удовольствием точил лясы и не торопился.

– Уж не про Борова ли она? – Внезапно спросил один из спрыгнувших с крыши.

– Про него. Про него, – согласно кивнула ему Кира, радостно улыбнувшись, как старому знакомцу. – Он тоже страшал, а как до дела дошло... В колодках теперь ваш Боров. Да ему повезло больше, чем подельникам, те в лесу так и остались.

– Неужто все ты? – С усмешкой произнёс главарь, всем

видом показывая, что не верит ни единому слову.

– Почему я? Я лишь деревенская девка, но у меня есть друзья.

– Врёт она, – встрял все тот же Счастливец. – Поговаривают, Боров кому-то серьёзному задолжал, за ним наёмников отправили, а к тому обозу он сам прибежал за защитой и сдался нарочно. Ассасин молодой был, неопытный, не полез дальше. Мне Кривое Рыло про то сказывал, а ему сам Боров и шепнул, когда мимо вели.

Холера, недовольный разговорчивостью подельников, раздражённо дёрнул плечом:

– Хватит болтовни!

Глава 20

1.

Когда две тени отделились от обочины и неслышно вышли на дорогу, разум Нааррона сковала липкая сеть страха. Затошнило. Заныло в груди от горького разочарования, как тогда, в детстве, когда Круг Определения показал, что ему не стать Защитником. И вот он снова облажался. Смертельно.

– Храни Киалана!

Молчаливые фигуры в темноте выглядели еще более жутко. Если бы адепт не видел их ранее, и не подслушал ту беседу, легко мог бы принять за порождений Излома. Нависшие капюшоны скрывали лица, создавая иллюзию их отсутствия. Даже глаза не блестели.

Асс-хэпт напали сразу и в полном безмолвии. Ни боевого клича, ни рычания, ни задиристых фраз. Нааррону показалось, что в его сторону вылетела сразу сотня метательных клинков, не меньше: «И каждый наверняка смазан, какой-нибудь убойной дрянью...»

Ясень оказался сообразительней наездника. Взметнувшись на дыбы, конь развернулся и рванул прочь. Не удержавшись, Нааррон свалился, отбив задницу, и больно приложившись головой обо что-то твёрдое.

Тончайшая голубоватая плёнка, слабо мерцающая в темноте мириадами маленьких искорок, раскинулась на добрые

три сажени во все стороны, укрыв от стальной смерти не только их с Наарроном, но и лошадей. Крэг ещё ни разу в жизни не ставил «звёздный щит» так быстро и, тем более, такой огромный.

«Надо же! И правда, звёздное небо напоминает. Можно впечатление производить на девчонок», – подумалось некстати. Не вовремя... Нет у него ни мига на размышления. Защитник, спрыгивая на землю, увидел, как опали на траву с десятков метательных ножей-лахиров¹. Хлопнул по гладкому крупу, и Ветер поскакал назад по дороге, утягивая за собой привязанную к седлу Ромашку.

Выжигая до конца и без того иссушенные «звёздным щитом» потоки, Крэг снова обратился к силе. Вверх взметнулась приличных размеров огненная стена. С рёвом пожирая всё, что попадалось на пути, она отправилась навстречу убийцам, но толку от неё не было никакого. Защитник это понял, когда в свете пламени на высоте пяти саженей увидел взвившиеся в небо фигуры ассасинов.

Те, невероятным образом перескочив огонь, оказались рядом. Бастард отбил лезвие кривого кылыша, Защитник закрутился волчком под шквалом скользящих ударов. Чудилось, что у убийц больше, чем по две руки – с такой скоростью мелькали смертоносные изогнутые сабли. Мелькнула

---

¹ Автор поиграл с названием реально существующих двусторонних метательных ножей типа «валет» и использовал название «Lahire», так называли валета червей по имени французского полководца (прим. автора)

мысль: «Окажись на моём месте другой курсант, вряд ли он смог бы выстоять и пару мгновений». Крэг впервые осознал, насколько был прав безжалостно загоняя себя на плацу и в тренировочных залах, повышая боевое мастерство, чтобы компенсировать недостаток магического потенциала. Вымуштрованное тело не подводило, он парировал, отбивал, уворачивался и даже пытался наносить удары раньше, чем успевал о них подумать, сжигая мышцы боевым трансом. Помогали и усиленные регулярным приёмом особых снадобий рефлексы.

У ассасинов, как оказалось, также имелись и рефлексы, и снадобья, и своего рода боевой транс. А ещё их было двое. Возможно, будь асс-хэпт один, Защитник смог бы с ним потягаться в честной схватке, насколько схватка с сагалийским ассасином могла быть честной...

Приходилось туго. К удивлению Крэга, воздух внезапно уплотнился. Он будто наткнулся на вязкую стену, которая погасила инерцию замаха. Бастард застрял, как муха в янтаре, и Защитник, инстинктивно усилив нажим, вдруг полетел вперёд, когда меч получил свободу. Едва увернулся, но лезвие шибрии – он узнал клинок по специфической форме – разрезав рукав куртки, оцарапало плечо. Следом взорвалось болью правое бедро – асс-хэпт, сделав обманный выпад, довернул запястье, выпустив из кожаного наруча тонкое жало стальной иглы в добрые две пяди длиной.

2.

Нааррон очнулся. В голове стоял гул, по щеке текло что-то тёплое. Не обращая на это внимания, шатаясь, он поднялся на четвереньки и пожалел, что пришёл в себя: «Там в темноте было так хорошо и спокойно...»

Картина перед глазами безбожно плыла, отчего тут же замутило. Подавив рвотный позыв, адепт сосредоточился. Чуть поодаль в свете догорающего пламени Защитник остеревенело, на остатках транса, отбивался от двух молчаливых теней. Схватка была жестокой: «Крэг явно ранен, бережёт ногу, и боги знают, что с ним ещё!» – в темноте, да еще и со зрением Нааррона толком было не разобрать.

Внезапно один из асс-хэпт поднял голову. Нечеловеческий прыжок, и вот убийца рядом. Свистнула сабля, и мир сузился до размеров изогнутого клинка. Огонь отразился в отполированной плотью стали. Нааррон зажмурился, чтобы не видеть и едва сдержал рвущийся наружу вопль.

3.

Ветвь мороза – все, на что хватило жалких крох *силы* – достигла-таки цели. Боги! Метнувшийся к Нааррону убийца сумел отразить удар в спину. Его просто на миг окутала какая-то муть, похожая на туман, и ветвь не причинила никакого вреда: «Да он даже не обернулся! Асс-хо-хэпт!» – осознал Крэг, понимая, что расклад смертельно хуже, чем он думал. Но на этом неприятности не закончились. Одновре-

менно позади обречённого друга возникла ещё одна фигура в характерном капюшоне: «Третий!»

Из вытянутой руки пришельца вылетел всего лишь один метательный нож. Транс позволил расслышать, как тот издаёт тихий гул в полете, разглядеть, как расходится в стороны воздушная рябь...

«Не успею... Я уже ничего не успею сделать. Потому что нож летит слишком быстро. Потому что первый все ещё здесь – рядом, пытается закончить начатое. Потому что тот, третий, несоизмеримо быстрее...» – хотя время в трансе и растянулось на целую вечность, на деле это всего лишь краткий миг, заключивший в себя их с Наарроном гибель.

«Мальчишки. Мы всего лишь мальчишки, возомнившие, что сможем безнаказанно принять участие в Большой игре...»

В правый бок будто ткнули горячей головнёй. Защитник пошатнулся, и гудящий нож, стократно ускорившись, достиг своей цели. Задев висок, оставил лишь глубокую царапину, да срезал несколько волосинок. Прوماхнулся убийца или попал куда целился, но лахир вонзился в глаз нападавшему на Крэга асс-хэпт. Тот упал вперёд, ещё глубже вгоняя клинок в печень.

Защитник так и не понял: произошедшее досадная случайность, или же невероятное везение? Получив передышку, он осторожно разжал пальцы навалившегося на него мёртвого ассасина, высвобождая шибрию. С трудом отпихнул те-

ло. Придерживая левой рукой засевший в ране клинок, шатаясь от слабости, захромал к Нааррону, понимая, что это бессмысленно. Кровь из рассаженной брови заливала глаза, но Крэг даже не пытался её утереть – не хотелось тратить остатки жизни на лишние движения: «Мёртвому будет всё равно...» – выжить Защитник не надеялся.

Перед глазами плыло, мутило неимоверно. Он не знал, что помогает ему все еще оставаться в сознании: остатки транса или собственное упрямство, но старался использовать это на полную. Гнал прочь назойливую мысль о том, что не сможет даже поднять меч, не то что ударить: «Главное, дойти, а там...»

Шаг.

Ещё один...

4.

Нааррон все ждал и ждал, когда сталь коснётся шеи, но бежали мгновения, а ничего подобного не происходило. Более того, рядом затеялась какая-то возня.

«Я все ещё жив! И даже почти цел! – саднящий рассечённый затылок не в счёт. – Ничего серьёзного. Боги! Киалана! Я пожертвую все свои сбережения, как только вернусь в Орден. Отнесу в храм всю копилку!» – пообещал адепт, рискуя приоткрыть глаза.

В двух шагах шло ожесточённое сражение: «Мда, рановато радоваться...»

Между собой яростно рубились, звеня кривыми клинками, ассасины. Нааррон кожей ощутил напряжение в воздухе – оно отличалось от того, какое производили Защитники, обращаясь к *силе*, и все же что-то витало в эфире, и это ни с чем нельзя было перепутать. Осенила догадка: «Асс-хо-хэпт. О боги! Высоко же оценили наши жизни, раз послали такую убойную, в прямом смысле, команду!»

Нааррон, не вставая, отполз в сторону и только тогда увидел Крэга.

Защитник едва держался на ногах, глядя перед собой в одну точку. Непривычная бледность смуглого зубоскала бросилась в глаза несмотря на темноту. Вот лицо Крэга исказила гримаса, но он упрямо сделал шаг, чудом не рухнув на землю. Нааррон вскочил, взыв от неожиданной боли: «Когда это я успел подвернуть ногу?» Прихрамывая, поспешил к другу. Вблизи стало видно, тот с ног до головы залит кровью: лицо, кисти рук, влажно поблескивала одежда: «Своя или чужая?»

Мокрая правая штанина, подтвердив худшие подозрения. Схватив раненого под руку, чтобы поддержать, адепт ощутил, что и рукав мокрый.

– Крэг! О нет, громила... – К горлу подступил ком, вынуждая сглотнуть. Левая рука Крэга безвольно повисла, открыв торчащую из правого бока рукоять кинжала, из разжавшейся правой вывалился бастард. – Киалана! – В который уже раз Нааррон воззвал к богине. Глаза Защитника затяну-

ла предсмертная муть, он упал на колени. – Эй! Не смей даже думать! – выкрикнул зло адепт, беспомощно обернувшись.

Ассасины все ещё кружили, словно дерущаяся коты: то сцепляясь в единый мельтешащий вихрь, в котором невозможно понять, где чей клинок, чья рука. То отскакивали в стороны, принимаясь примериваться друг к другу, отслеживая малейшее движение противника, улавливая одно лишь намерение. Оба противника были ранены, вокруг каждого клубилось какое-то серое марево, из-за чего фигуры расплывались и смазывались.

«Что происходит? Откуда взялся этот третий? Неужели, один убийца стремится добраться до нас, а другой пытается ему помешать?!» – в откровение было сложно поверить.

Будто в подтверждение догадки, «свой» асс-хо-хэпт рыкнул, не оборачиваясь:

– Убирайтесь! – Он едва успел отбить кылышем один из посланных в Нааррона лахиров, второй вонзился ассасину в плечо.

И правда, стоило поторопиться. Сознание окончательно покинуло Крэга, и Нааррон, хекнув от навалившейся тяжести, едва успел его подхватить и со всеми предосторожностями уложить на землю: «Надо что-то сделать с его ранами».

Скинув куртку, адепт стянул рубаху и разорвал на полосы. Быстро осмотрел повреждения: «На плече царапина. На лице кровищи много – но тоже ерунда, с этим можно и потом разобраться, главное, череп целый. Бедро – уже серьёз-

но. Артерия не повреждена, хвала Киалане! – Адепт затянул импровизированный бинт потуже, подложив побольше ткани. – Так, теперь самое страшное. – изогнутый клинок, похоже, пробил печень: – Очень плохо... – Руки задрожали, когда потянул нож из раны. От вида хлынувшей вслед, чёрной в темноте, жижи Нааррона замутило. Он не боялся крови, испугался другого...

Заставив себя сосредоточиться, адепт отбросил клинок в сторону и зажал рану руками. Для обычного человека, вроде него самого, все уже давно было бы кончено, но *сила* бережёт Защитников: «Крэг должен выжить, я сделаю для этого все возможное».

Нааррон понял, лучше друга у него в этом мире нет и не будет. Желтоватое сияние озарило лицо, когда целительная сила полилась из ладоней, затворяя кровь, восстанавливая ткани: «Нет, этого, конечно же, не достаточно, но позволит громиле подержаться некоторое время».

Адепт почувствовал, как с навалившейся слабостью отступило одолевшее чуть раньше ощущение беды. Он добавил ещё, отдавая последнее. Края раны чуть схватились. Кровь, наконец, перестала течь: «Боги, как её много...»

Как смог, Нааррон перевязал и эту рану: «Всё. Теперь нужно отыскать лошадей».

Всё, что он сделал, не заняло много времени. Обернувшись, адепт оторопел. Ассасины ещё сражались. Один, повалив второго на землю, пытался перерезать ему глотку. Но,

главное, теперь Нааррон не мог разобрать, который из них «свой».

«Кто побеждает? Негаданный помощник? А если нет?»

Решение пришло неожиданно. Будущий Хранитель осмотрелся. На обочине у самых деревьев обнаружился увесистая палка.

– Отдохни-ка! – Натужно хекнув, Нааррон со всей мочи опустил подобранную дубину на черепушку ассасина, который брал верх.

Убийца оказался не готов к подобному повороту событий, а по сему позорно обмяк, мигом растеряв всю свою крутизну. Нааррон испытал мрачное удовлетворение по этому поводу. Второй был ранен, и не смог сразу освободиться от придавившего его тела. Адепт, немедля, размахнулся снова, оправдывая свой поступок тем, что и их сторонник далеко не молоденькая невинная жрица Киаланы, а такой же наёмный убийца: «Разница между ними лишь в том, кому какой заказ достался».

Асс-хо-хэпт едва успел прохрипеть:

– Лошади там за... – Его зрачки отразили протест за мгновение до того, как тяжёлая палка опустилась на голову.

Насчёт лошадей Нааррон почему-то ему поверил.

– Держись дружище! – Шепнул он, метнувшись по дороге назад, хотя толком так и не понял, куда именно указал ассасин. Вороной и кобылка, и правда, обнаружились привязанными к дереву совсем рядом, а вот Ясеня нигде видно не

было.

Позабыв о страхах, Нааррон отвязал коней, и даже сумел приказать Ветру опуститься на колени – иначе могучего Защитника было не поднять в седло. В последний момент передумав, уложил и Ромашку – мягкий ход лошадки будет причинять чуть меньше беспокойства раненому.

– Прости, – шепнул он, укладывая друга, поперёк седла. Крэг застонал, но в себя не пришёл. – Держись, громила. Всё будет хорошо, обещаю! – Смахивая непрошенные слёзы, привязал Защитника, чтобы тот не свалился. Сам взгромоздился на Ветра: – Придётся тебе меня потерпеть. – Конь недовольно всхрапнул, но согласился на временное перемирие. – Пошёл, родимый, пошёл!

5.

Когда будущий Хранитель Знаний очнулся, вороной, изредка фыркая, мирно щипали траву, время от времени перебирая ногами.

«Кажется, я задремал, – подумал он. – Хорошо, что сооразил привязаться к седлу».

Вокруг тянулись к небу рыжие стволы сосен. Солнце взошло совсем недавно, тонкие лучи наискось пронизывали кроны. В вышине размеренно переругивались птицы, а внизу в тени ещё сохранилась прохлада. Нааррон поёжился, выпрямляясь в седле. Расстёгнутая, влажная куртка на голое тело согревала не так, чтобы очень. Волосы на затылке слип-

лись от засохшей крови и неприятно тянули. Чесалась искусанная комарами грудь. В стремени нудила и дёргала распухшая нога.

И всё равно его затопила безотчётная радость: «Прекрасное утро – утро нашего нового рождения!»

Обернулся, с облегчением обнаружив Ромашку, надеясь всем сердцем, что недвижимый Крэг, все ещё без сознания или спит. Убедившись, что это действительно так, и Защитник всё ещё дышит, немного успокоился и, кряхтя, снова влез в седло.

Кони устало перебирали ногами в выбранном направлении, то и дело останавливаясь, чтобы подхватить травинку. Подгонять их уже едва получалось: «Нужно срочно найти место для отдыха, привести себя в порядок, напоить лошадей, а главное – всерьёз заняться ранами Крэга».

К жилью идти было нельзя. По крайней мере, не в таком виде. Если за ними шла погоня, то первым делом будут искать в окрестных поселениях, люди в большинстве своём не умеют держать язык за зубами: «Всегда найдётся тот, кто за монету другую шепнёт про двух незнакомцев, один из которых тяжело ранен».

Спустя некоторое время, Нааррон понял, что шум, который он слышит, рождается не в его больной голове. Шумела вода. Где-то поблизости явно протекала речка.

– Давай, родной, – он с усилием поднял тяжёлую голову Ветра. – Вперёд! Потерпи ещё немного.

К счастью, на этот раз лошадок не пришлось долго упрашивать. Животные, почуяв воду, сами ускорили шаг. Лес неожиданно кончился, впереди у реки виднелась какая-то постройка.

«Мельница!» – Нааррон обрадовался, что укрытие удалось отыскать так быстро, но осторожность взяла верх.

Привязав коней на опушке, он, пригибаясь к земле, так быстро, насколько позволяла больная нога, пересёк отделявшее лес от реки пространство, заросшее высокой сочной травой.

На старой мельнице царило запустение. Было похоже, что ей не пользовались с прошлого года, а то и дольше: «Тем лучше. Меньше шансов, что кто-то внезапно зайвится».

Здесь можно было с удобством переждать некоторое время. В наличии: трава для лошадей, загон, крыша над головой и чистая вода в большом количестве. Бурная, порожистая речка с шумом выворачивала из-за невысокой скалы. Пенясь, катила круглую гальку вниз: «Похоже, мы уже в предгорьях, но где же именно?»

Адепт осторожно заглянул внутрь сквозь пыльное окно – внутри никого не было. Отпереть засов не составило труда. Трухлявые доски поддались, со скрипом выпуская заржавевшие скобы из старческих объятий. Изнутри пахло пылью и сыростью. Нааррон вошел, вздрогнув, от протяжного скрипа половицы.

На мельнице обнаружился шкаф с тряпьем, среди которо-

го нашлись затхлые, но относительно чистые простыни, кое-какая посуда, вполне пригодная для использования. Две широкие лавки, да поленница у входа, а в ней – вот удача! – Сухие дрова.

6.

Крэг ненадолго пришёл в себя и, что-то невнятно пробормотав, снова уснул.

– Спи, дуболом. Тебе нужно побольше спать.

Нааррон, приподняв голову друга, осторожно влил в рот тёплый травяной отвар, заряженный целительной силой. Остатки допил сам. Дохромал до соседней лавки и свернулся на ней, укутавшись в пыльные одеяла.

«Сон...»

Приснилась всякая дрянь, чего и следовало ожидать. За Наарроном гонялись толпы разбойников во главе с тремя убитыми и восставшими ассасинами. Умиравший добрую сотню раз Крэг, капризно обвинял его в своей гибели, ссылаясь на то, что он – Нааррон, заучка и слабак. Потом появился гигантский загнутый клинок. Он долго гонялся следом, пока, наконец, не настиг.

Адепт проснулся в холодном поту, зубы выбивали дробь, но скорее не от холода, а от натянутых до предела нервов. Он сел и натянул куртку. Дрова в очаге превратились в едва тлеющие угли. За окном царила глубокая ночь.

«Выходит, я проспал целый день?» – несмотря на голов-

ную боль, он чувствовал себя почти отдохнувшим.

Опухшая нога не лезла в сапог, и Нааррон бросил эту затею, решив заняться ей, как только проверит состояние друга.

«Хвала Киалане!» – Крэг дышал, хотя и несколько натужно.

Адепт потрогал потный, испачканный засохшей кровью и жирный от мази лоб – накануне было не до церемоний, мазал как придётся. У Защитника был жар, но он не метался, а спал. Нестерпимо потянуло на двор – нужда, дело такое. Облегчаясь за углом, адепт прислушивался, но ничего, кроме несмолкающего шума воды, расслышать не смог. Подумав, что сейчас его вряд ли кто увидит, сходил проверить лошадей у небольшой рукотворной заводи ниже по течению. Там громко пели цикады, порой раздавался пронзительный вскрик ночной птицы. Облака разошлись, и небо смотрело на землю, сияя мириадами звёзд. Напоенный терпким ароматом хвои воздух радовал с каждым новым вдохом, напоминая, что он, Нааррон, все ещё жив.

Не удержавшись, адепт разделся и быстро вымылся. Его не испугали ни обжигающий холод воды, ни чёрная непроглядность глади. Он радовался, чувству облегчения в опухшей ноге, наслаждался ощущением покрывающейся мурашками кожи.

«Я жив! О, Киалана, спасибо!»

Вымывшись, прополоскал одежду. Набрал воды в старое

рассохшееся, безбожно протекающее ведро и в большой мех, что прихватил заранее.

«Хорошо, что тот идиот-воришка сгрузил все припасы на Ромашку», – Ясень так и пропал, вместе с содержимым сдельных сумок.

Вернувшись, при свете лучины занялся ногой. Затем разжёг очаг – в темноте меньше шансов, что кто-то увидит дым, да и деревенщины побаиваются подобных мест, особенно по ночам. Зная, сколько страшных историй рассказывают о мельницах, можно было не волноваться, что кто-то рискнёт проверить, кто здесь обосновался.

Когда вода нагрелась, Нааррон занялся перевязкой, предварительно обтерев тело друга мокрой тряпицей, смыл кровь и грязь. Срезал и сжёг испорченную одежду – в сумках имела смена. Раны очистил заново, обработав горелью и промыв дезинфицирующем отваром собственного приготовления. Наложил купленную в Красных Горках заживляющую мазь. Перевязал. Мелкие порезы уже затянулись и покрылись свежей розовой кожей.

– На тебе как на собаке заживает, дружище, – беззлобно пошутил адепт.

Следовало провести новый сеанс лечения, вот только сначала стоило поесть и восстановить собственные силы.

7.

Утром жар у Крэга усилился, хотя по всем признакам дол-

жен был прекратиться. Нааррон хлопнул себя по лбу:

– Плечо!

Увиденное ему совсем не понравилось: края раны почернели, припухли, а вокруг разлилась краснота.

– А вот это уже совсем нехорошо. – Нааррон разволновался, даже руки затряслись. – Я идиот!

Клинок оказался отравлен, а ведь эта мысль посетила его в какой-то миг, но от усталости, он забыл принять меры. Адепт метнулся к сумке:

– Как же я сразу не сообразил, это же, сартог их дери, асасины! – Он спешно перебрал длинными пальцами имеющиеся снадобья и травки и раздосадовано поморщился, не обнаружив необходимого: «Тогда неплохо бы раздобыть хотя бы пиявок».

Те обнаружили в заводи днём, когда лучи солнца, пронизали воду, сделав её тёплой, как парное молоко. Нааррон, некоторое время решался: сделать это самостоятельно или использовать лошадей как приманку. Всё же решил пожертвовать собственным телом.

Следующий раз Нааррон проснулся уже днём. Доел приготовленную ночью кашу и осмотрел собственную ногу. Мазь хорошо помогла, от опухоли и следа не осталось, болено теперь только, если наступить, но и то вполне терпимо. Проверил Крэга, жар по-прежнему не спал, но и не усилился.

Защитник очнулся, шевельнув потрескавшимися губами:

– Пить...

Нааррон напоил друга заряженным отваром, *сила* у Защитника должна бить через край, тогда организм восстановится гораздо быстрее.

Затея с пиявками оказалась удачной, а жертвы, на которые пошел адепт не напрасными уже хотя бы из-за физиономии громилы, когда тот, в очередной раз открыв глаза, обнаружил присосавшихся к плечу тварей: «Только что не взвизгнул, как кабацкая девка, которую ущипнули за зад».

Нааррон давно так искренне не смеялся, но на просьбу «убрать эту гадость немедленно» ответил категорическим отказом.

На четвертый день Крэг смог подняться с постели. Сначала с помощью Нааррона, потом и сам, судорожно хватаясь за стены. Правда, ограничивался он редкими походами по нужде до поганой бадьи в сених, но и это отнимало все его силы.

Остальное время Защитник спал.

Помимо прочих забот адепт по утрам удил рыбу в заводи, да искал всякие травки, заготавливая их впрок. Сушил, перетирал, составлял сборы. Теперь он гораздо лучше понимал, что может пригодиться в дороге, что важно всегда иметь под рукой.

Так в тишине и покое пролетели почти три седмицы. Похоже, боги решили дать им передышку. Нааррон взял за правило регулярно объезжать окрестности верхом на Ромашке, изучая местность. Подготавливая пути отхода на случай, если придётся срочно сниматься: «Рано или поздно этот мо-

мент настанет, и лучше, чтобы он не напоминал поспешное бегство».

Защитник был с ним полностью согласен. Он все порывался присоединиться, но оказался слишком слаб, чтобы сесть в седло, что послужило поводом для моральных страданий. Адепт даже стал поручать ему несложные дела по хозяйству, чтобы тот не так сильно маялся. Вместе они продумали план действий, оставалось только точно узнать, где именно они оказались.

В попытках это выяснить, не прибегая к помощи посторонних, Нааррон однажды вернулся на полдня пути в ту сторону, откуда пришёл. Но то ли перепутал направление, то ли вовсе заплутал, но так и не обнаружил той старой дороги. Это было странно, но они не могли уйти настолько далеко от места, где напали убийцы, но все что он видел вокруг говорило об обратном.

В одну таких поездок, будущий Хранитель Знаний поднялся по реке и случайно увидел дымок. Оставив Ромашку в приметном месте, прогулялся дальше пешком, и, подобравшись ближе, наткнулся на стоянку.

Семь стреноженных лошадей, паслись поодаль от лагеря. Подобравшись ближе, Нааррону удалось подслушать недовольное бормотание одного из путников – тот трижды сбегал по нужде, облюбовав камень, за которым адепт притаился: «Заставил, сукин сын, понервничать!»

Вздумайся тому обойти кругом ненадёжное укрытие, как

пришлось бы отвечать на неудобные вопросы.

8.

– Надо уходить! – Возбуждённый адепт ворвался в горницу и начал спешно паковать немногочисленные пожитки.

– Что случилось?

– Сюда идут. Пять или шесть человек. Возможно, больше. Я так понял, они кого-то ищут.

– Нас?

– Не знаю, но лучше убраться поскорей. Я слышал, двоим из них нездоровится, и надо бы пару деньков пересидеть под крышей. Думаешь, где они захотят остановиться?

– Думаю здесь, – Защитника задумчиво вперился куда-то вдаль, словно бы он пытался рассмотреть неожиданных гостей сквозь стену мельницы.

Тяжело поднявшись, Крэг едва заметно сморщился от боли:

– Я готов.

– Сможешь удержаться в седле? Поезжай на Ромашке, у неё мягкий ход.

– Посмотрим, – Крэг не стал сразу отказываться, и это насторожило Нааррона: «Возможно, он чувствует себя хуже, чем пытается показать?»

Хромая и ощущая себя полной развалиной, тот принялся помогать с вещами. За порогом уже ждали осёдланные лошади – адепт подготовил все заранее.

– Что ты сделал с Ветром?! – Курсант потерял дар речи.

– Покрасил, – последовал короткий ответ.

Некогда красавец-вороной теперь выглядел отвратительно. Роскошный хвост был безжалостно подрезан, та же участь постигла и гриву. Краса и гордость теперь больше напоминала пегую кудель. Чёрная лоснящаяся шкура сменилась на бледно-рыжую с неровными пятнами пегой окраски.

– Теперь он чалый.

Крэг даже возмущённо обернулся, услышав нотки гордости, просквозившие в голосе друга.

– Да у Херкона случился бы разрыв сердца! – Защитник, судя по нахлынувшей бледности, и сам был недалёк от этого.

– Ты ещё себя не видел, – буркнул под нос Нааррон, разглядывая новые блондинистые волосы Защитника, и добавил громче: – Покрасил как смог, а то нас по нему легко опознать можно. Не переживай, постепенно всё смоется и отрасли, – адепт надеялся, что изменения в собственном облике друг заметит нескоро.

Оставшуюся поклажу навьючили быстро, все лишнее сложили заранее в маленьком закутке – авось кому пригодится.

– Поедем вниз по реке, там выйдем на просёлочную дорогу – я до неё доезжал и вернулся однажды. Так вот, если повернуть на северо-восток, она выведет на торговый тракт, который идёт до самого Приграничья.

– Предлагаешь примкнуть к одному из обозов?

– А есть идеи получше?

Глава 21

1.

Пасита, сладко потянувшись, сел на постели и понял, что утро давно настало. Защитник засиделся накануне допоздна, вот и проспал дольше обычного. Внезапно затревожился, припомнив, что не убрал Книгу Излома в тайник, но сунув руку под подушку, испытал облегчение, нащупав рельефный кожаный переплёт: «На месте».

С улицы донеслось конское ржание, оголтелый собачий лай, да кто-то будто бы ругался.

– И чего расшумелись, сартогские отродья? – Ббуркнул тин Хорвейг, выглядывая в окно.

На дороге по ту сторону площади царило небывалое оживление. Два воза остановились напротив пустующего дома. Возницы переругивались, а вокруг собрались немногочисленные деревенские из особо любопытных да празднующихся.

«Надо бы что ли проверить?»

Надоедливо тьявкаящая собачонка пыталась цапнуть лошадь за заднюю ногу, но первой приметив Защитника пустилась наутек, поджав хвост.

– Говорил же, токмо зря крюк сделаем! – Мужик на переднем возу сплюнул.

– Откуда я знал, что они так рано уедут. Обычно поспева-

ли, – ответили с соседнего.

– Обычно пофпевали, – передразнил его первый, гримасничая, а затем добавил нормальным голосом: – И сейчас поспели, если бы не ты! Короткий путь ему Кузьмар подсказал! Дери вас сартоги с вашим коротким путём! И тебя, и твоего Кузьмара!

– Хватит ругаться! Поедем уже потихоньку, – примириительно увещевал второй.

– Вдвоём придётся в лесу ночевать, а все из-за тебя, дурная башка!

– Я и один ездил, – начал было виновник, да первый его перебил:

– Это ж ты без товара! А с товаром что? Положим, от волков отобьёмся, а ежели разбойники?

Пасита, остановившись позади остальных, некоторое время слушал разговор, а потом рявкнул:

– Что здесь происходит?!

Возницы вздрогнули, зеваки благоразумно последовали примеру мелкой шавки. Защитник, не глядя, сграбастал за шиворот замешкавшегося беглеца, возвращая обратно. Тщедушный мужичок неопределённого возраста, трясаясь и вымучено улыбаясь, залепетал:

– Доброго вам утречка, господин Защитник, доброго...

– Что происходит? – Повторил Пасита вопрос.

– Да вот ведь оказия! Люди заблудились.

– Где заблудились? – Не понял Защитник.

Ему ответил первый возница:

– Здрав будь, господин Защитник! – Мужик подобающе поклонился. – Мы на ярмарку направлялись, поспешали к обозу вашему, значит. У нас-то деревенька маленькая, вот вдвоём всего торговать едем, да опоздали видать. Заплутали по дороге, – он, не удержавшись, повернулся к товарищу и снова гнусаво передразнил: – Корофкий путь!

– Обоз? – Защитник недоуменно наморщил лоб.

Пойманный мужичок охотно ответил:

– Так это, обоз ушёл спозаранку в Птичий Терем на ярмарку, господин Защитник. Народ торговать изволит, ужели не можно? – мужичок даже побледнел испугавшись.

Пасита помолчал. Решил, не стоит перед чужаками показывать, что он на своей земле не обо всём осведомлён, а потому рассеянно ответил:

– Ах да, обоз... – уточнил: – Так ярмарка сегодня?

– Завтра.

Выпустив мужичка, тин Хорвейг молча развернулся и пошёл обратно.

«А и боги с этим их обозом, у нас – тренировка», – он ухмыльнулся в предвкушении встречи с охотницей.

Во дворе кликнул Харилу, хотел послать за девчонкой, но того нигде не было видно – младший тин Шноббер старался лишний раз не попадаться на глаза, и был тише воды и ниже травы с тех пор, как уехал его брат. Выругавшись, Защитник пошел седлать Ярого. Когда подъехал к дому Киры,

во дворе хлопотала её мать. Женщина, как обычно, вежливо поздоровалась, но избавиться от ощущения, будто в глубине её странных синих глаз затаилось презрение, не удалось.

«Держится, что княжна. Даром, что баба деревенская», – подумал Защитник, понимая, что с лёгкостью может представить её и на балу среди придворных. Ответив кивком на приветствие, попросил позвать Кирану.

– Так ведь Кира уехала, – удивилась Анасташа.

– И куда же?

– Так на ярмарку.

– Значит, на ярмарку? Ага... – Протянул тин Хорвейг, чувствуя, как закипает: «Они что? Издеваются? – Он молча развернул лошадь. – Дрянная девчонка! Как только осмелилась уехать без спросу?!»

Решив не пороть горячку, Пасита не пустился в погоню и не поехал домой сразу. Вместо этого отправился на Керунов холм, у подножия которого на берегу Широкой занялся медитацией. Это помогло успокоиться и взять себя в руки.

«Вряд ли девчонка решила сбежать. Анасташа не была бы так спокойна. – тут его осенило: – А почему бы и самому не съездить в город? Заодно и развеюсь. Туда верхом полдня пути, или чуть больше. Отправлюсь в дорогу завтра до рассвета, как раз к полудню и поспею», – в голове Защитника родилась идея.

Харила, убедившись, что за ним никто не следит, направился к дальнему овину.

Нариша уже была здесь.

– Любимый! – Пышногрудая и изящная бросилась на шею, прижимаясь плотнее.

Тин Шноббер нащупал под сарафаном тонкую талию, которую мог обхватить пальцами, точно кольцом. Мягкие губы припали к его рту в неискушённом девичьем поцелуе, и Харила будто молнией прошибло, никогда раньше он не был так счастлив. Тихо застонав, приподнял девчонку, добавляя поцелую страсти. Почувствовал, как в грудь упёрлись две маленькие ладошки. Игриво прозвучало:

– Не спеши. Ты принёс, что я просила?

Густые чёрные ресницы кокетливо пощекотали щёку, отчего-то напомнив крылья бабочки-наноха, так напугавшей его в детстве. Девушка отстранилась, чуть раскосые, карие глаза затаили на дне загадку. Впервые увидев её при свете дня, Харила даже было решил, что она – сагалийка, но оказалось, что в роду Нарishi имеется примесь сартогской крови, что в этих краях не редкость – в этом девчонка призналась сама прелестно смущаясь...

Настолько прелестно, что тин Шноббер едва сдержался, чтобы не задрать ей сарафан прямо в тот же самый миг, наплевав на сартогскую пра-пра-пра-бабку и всю её орду разом. Каким чудом тогда сдержался и сам не понял: «Да если их женщины хоть чуть-чуть напоминают Нарishi, я пе-

ресмотрю выражение сартогская шлю...ТЬфу! Что за мысли так не вовремя лезут на ум? Наверное, брат прав. Я – тупица».

– Нет, – Харила досадливо поморщился. – Я подмешал тин Хорвейгу то зелье, которое ты дала, но он всё равно лёл поздно и уже проснулся.

– И что же? Так и не выходил никуда? Даже по нужде?

– Выходил. Я в очередной раз обыскал всю избу, но так и не понял, куда он её прячет.

Девушка медленно побрела вдоль стены, мгновенно потеряв интерес.

– Далась тебе эта книга? – Не выдержал Харила. – Сказал же – женюсь, чего еще надо? Веди сейчас же к отцу!

Он схватил Наришу за руку, разворачивая к себе. Девушка не противилась, наоборот, снова прильнула, упёршись упругими полушариями груди. Нежно погладила курчавую поросль. Тонкие тёплые пальчики невзначай проникла за ворот рубахи. Она снова потянулась, приподнимаясь на цыпочки, и всё равно бы не достала до губ, но Харила наклонился ниже, заключая прекрасное лицо в ладони. Целомудренно поцеловал, хотя хотелось бросить наземь...

Нариша снова отстранилась, но взяв его за руки, потянула внутрь овина и усадила на колоду. Харила покорно выполнял молчаливые приказы, и от этого таяло сердце: «Что-то много этой талой воды скопилось, того и гляди портки прорвёт», – подумал Харила, едва сдерживая тяжёлое томление.

– Принеси книгу, – зашептала бесовка, касаясь губами уха. – Докажи, что любишь, – принялась покрывать лёгкими поцелуями шею. – Я стану твоей, – маленькая ручка скользнула снизу под рубаху. – Даже без свадьбы, – вторая двинулась ниже и, чуть сжав его естество, умело погладила.

Харила зарычал и схватил девчонку. Точнее, попытался, но та, каким-то чудом вывернувшись, оказалась поодаль. Улыбнулась как ни в чём не бывало и нежным, что пение ночной птахи, голосом попросила:

– Принеси мне книгу, любимый.

Взмахнув на прощанье ресницами, девушка выпорхнула наружу. Харила было бросился за ней, но той и след простыл: «Как обычно! И как ей только удаётся морочить мне голову?»

– Нариша! Нариша, ладушка, где ты? – Безрезультатно позвал он.

«Небось за плетень забежала и смеётся, – Харила не стал искать, побрёл обратно, в который раз ругая себя за мягкотелость. – Я же тин Шноббер! Я всегда брал, что по нраву, невзирая на протесты! – тут он покривил душой, и заговорила совесть: – И вовсе не всегда. Да и, скорее, то, что доставалось».

Они встретились в ночь Киаланы. Тогда-то младший тин Шноббер впервые и пообещал жениться, даже не зная её имени. Так ему понравилось, что девчонка его совсем не боится. Не выражает брезгливости или страха, как прочие

девки. Харила знал, что не красавец, но Нарыша так искренне им восхищалась. Даже сама поцеловала первой. С тех пор и начались тайные встречи. Девушка была родом из какой-то соседней деревни, но откуда точно не сказывала. Говорила – отец очень строгий. Он не настаивал, да и про женитьбу в тот раз больше к слову сказал, пошутил значит. Сегодня – обещался всерьёз. Захотелось чего-то настоящего впервые в жизни.

3.

Пайшан, распластавшись на плоской крыше, слушала: «Да, когда же он уйдёт, сын козла и ослицы? Лучше бы продолжал искать тайник, Райхо слишком долго ждёт!»

Приглушённые мягкой почвой шаги, слышные её натренованному уху, наконец, затихли. Девушка, не вставая, нащупала край крыши и, оттолкнувшись ногами, послала гибкое тело вперёд. Мягким пёрышком асс-хэпт опустилась на землю, не потревожив и камня.

– Хайшшат вассор! – Сплюнув, утёрла губы. – Воняет, свинья, как стадо верблюдов.

Пайшан посмотрела на небо: «Полдень». Люд попрятался от жары, она же, выросшая в Сагалии, солнца не боялась. Самое время помыться, сейчас её вряд ли потревожат. Девушка направилась было в сторону полюбившихся купален, да вовремя вспомнила про сарафан. Подол ненавистой одежды она заткнула за ворот, открыв на всеобщее обозрение хит-

роумную систему обвязок, удерживающих её самые смертоносные секреты: «Не приведи Саршан-хо, кто увидит!»

4.

Главарь дал команду и на Киру бросились сразу двое. Не мудрствуя лукаво и не ожидая серьёзного отпора, бандиты попросту попытались схватить её за руки, будто девку какую.

Охотница без особого труда увернулась, попутно ударом локтя выбив дух первому – тому самому «вежливому пареньку», считай мальчишке. Другого – одного из тех, кто спрыгнул с крыши – отправила на свидание с каменной стеной: «Пускай полежит, авось образумится». На душе отчего-то стало радостно, словно бы легче стало, но тут же радость сменилась тревогой: «А ну как снова в транс скачусь? Поубиваю, а потом и сама свалюсь, кто меня здесь найдет? Хорошо, если городская стража...»

Бандиты навалились скопом и стало не до размышлений. Пришлось поспевать – уворачиваться. В руках нападавших замелькали ножи всех мастей.

Выпад.

Другой.

Гнусно скалятся жёлтые зубы. Короткий бросок в сторону. Ударом ноги Кира оттолкнула самого скорого и едва успела упасть на спину, спасаясь от выпада. Сталь просвистела мимо, а охотница уже сама шла в атаку. «Жало осы», «таран» вдогонку. Кинжал, выбитый из чьих-то рук,

бесшумно упал на усыпанную отбросами землю. Ушла вниз с поворотом – скорее угадала, чем почувствовала, что кто-то зашёл сзади. Исполненный боли вопль подсказал: «Не ошиблась».

– Рука! Дерьмо сартога!

Ещё один, баюкая запястье, отполз в сторону.

Много хлопот доставлял жилистый, худой и гибкий, как верёвка, мужик. Кира старалась не выпускать его из виду: «Вынул удавку, в кучу не лезет и все норовит за спину зайти». Беспокоил и главарь, от него тоже стоило ждать сюрпризов: «Опасный. Бьет редко, больше присматривается».

– Идиоты! Порежете! – Рывкнул Холера и натиск ослаб.

Тем временем бандитов несколько не уменьшилось. Первый уже подобрал свой кинжал. Другой, который с вывихнутой рукой, просто перебросил нож в другую и недобро осклабился. Как-то быстро очухался и «прыгун» злющий, как орда сартогов. Только Счастливчик теперь старался держаться поодаль.

Грабители больше не спешили. Раз наскочив, отхлынули и закружили, как вороны подле дохлой коровы. Где-то на грани сознания замаячила паника: «Такого у Каррона на тренировках не было!» Теперь приходилось отбивать редкие и осторожные выпады. Вот и Холера, криво ухмыляясь, примерился, обменявшись парой ударов, отступил: «Опасен. Ой опасен!»

Напали двое. Бросились вместе с разных сторон. Отчаян-

но, словно бы от этого зависели их жизни. Охотница отступила и присела, дубинка свистнула над головой, и только когда горло обожгло болью, Кира поняла, что попала в ловушку – бандит с удавкой улучил момент. Первого, кто пошёл сумела оттолкнуть ногой, но удавка тут же затянулась сильнее, напомнив случившееся в Ночь Киаланы. Охотница, запаниковав, беспорядочно забилась. Ничего не соображая. Забыв обо всём, чему учили. Вместо крика из горла вырвался лишь хрип, а чужие руки, уже шарили по телу не то обыскивая, не то...

Транс.

Звуки стали тише, но чётче. Кира замерла, перестав трепыхаться.

– Болван! Ты её задушил! – Давление на горло немного ослабло.

– Сартог дери! – Отшатнулся от неожиданности Холера, когда охотница распахнула веки.

– Глаза! Её глаза! – Истошно заверещал кто-то.

Удавка снова затянулась, и Кира ударила локтем назад. Послышался хруст и давление прекратилось.

– Она! Та самая!

– Про неё говорил Боров!

– Ассасин! Сартогский конь её дери! Ассасин, Керуном клянусь!

– Бежим!

Они побежали, но двигались медленно и неуклюже как

сонные мухи. Кира могла бы догнать в два счёта любого: «Нет! Стоп! Только не это! – охотница почувствовала, как подступает то самое прежнее ощущение. Заныли суставы, зубы:

– Не надо! Нет!

5.

Райхо возвращался на постоянный двор пешком, дав понять собеседникам, что это якобы прихоть, за которой он ловко скрывает боязнь верховой езды. Но на самом деле, у Хэпт-тана были кое-какие планы, и возня с лошадьёу в них ну никак не вписывалась – в городе ассасину была нужна свобода.

Не торопясь, поигрывая тросточкой, он вышагивал по направлению к Храмовой площади. Сейчас во франтоватом хлыще никто и ни за что не признал бы Райхо Справедливого, одного из Танов Совета пятнадцати. Пошитый на заказ наряд стоил целое состояние и отлично изменял фигуру, делая плечи на вид не такими широкими. Из-под светло-серого кафтана выглядывал тёмно-синий, расшитый серебряной нитью камзол. Узкие штаны в тон были заправлены в высокие сапоги из светлой кожи, украшенные квадратными пряжками белого золота – небывалая роскошь! Отвороты рукавов покрывала тончайшая паутинка серебряного же растительного узора, под которым таилась «стальная смерть» в полторы пяди. На голове красовалась широкопо-

лая шляпа с пышным пером, она также хранила кое-какие секреты, да и трость, при необходимости, резким взмахом можно было превратить в грозное оружие.

Белозубо улыбаясь всем встречным барышням и приподнимая шляпу в приветствии, Райхо думал. Барышни, к слову сказать, не отводили глаз, пожирая его взглядами – в Птичьем Тереме он гостил уже как неделю и успел побывать на паре приёмов у градоправителя. Слухи же разлетались, как песок над пустыней, и теперь весь городок знал про столичного чудаковатого холостяка Грейла тин Аларию. Поговаривали, что он баснословно богат и, притом, на удивление, застенчив, да к тому же единственный наследник угасшего рода. Легенда работала, но был в ней один серьёзный недостаток – она превращала Хэпт-тана в цель, для светских хищниц.

Пошла вторая неделя, а от Пайшан до сих пор не было никаких известий: «Видать, что-то у асс-хэпт не заладилось. Хорошо, что время ещё есть. Зато получен отчёт от Сафуила».

Второму подопечному Райхо удалось спасти мальчишек. Вдобавок четвертый клан, его стараниями, лишился двух весьма опасных и ценных асс-хо-хэпт: «Ещё одна приятная новость, – Райхо не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести: – Такова судьба ассасина. Или ты лучший, или рано или поздно – мёртвый».

Убийство своих официально не поощрялось, но каждый

Хэпт-тан вёл собственную игру, и Райхо не был исключением. Это и привело его на вершину. Мальчишек, правда, Сафуил потерял из виду, но обещался найти, так что ещё стоило подумать, достоин ли асс-хэпт повышения.

Чтобы не терять форму Хэпт-тан решил подзаработать и выполнить пару-тройку заказов, благо в этом городке их оказалось предостаточно. Перебирая список, Райхо недовольно хмурился: «Ну нельзя же нанимать ассасина, только чтобы отомстить за проигрыш на скачках? Или за меха, которые достались другой?»

Он никогда не брался за грязные дела, предпочитая руководствоваться кодексом из прошлой жизни. Собственно, за это Хэпт-тан и получил своё прозвище. Другие, посмеиваясь, называли его Райхо Справедливым, пока он не стал во главе новоиспечённого пятнадцатого клана. Впрочем, прозвище ему нравилось.

Размышления прервало что-то, что ассасин не мог объяснить. Заставило остановиться, ухватившись рукой за стену. Сердце нет, не колотилось, но будто зануло. Эта боль напомнила о временах, когда он еще только учился проделывать трюки со своим организмом при помощи воли. И всё же это было по-другому и так странно, что Райхо, даже немного испугался.

– Господин, вам плохо? – Две милovidные мордашки возникли перед глазами, пахло жасмином и ландышем. – Вы так побледнели. Поймать вам экипаж?

– Все хорошо, – ответил Хэпт-тан, быстро взяв себя в руки. – Не извольте беспокоиться, барышни, – он натянул на лицо привычное доброжелательное, чуть извиняющееся выражение. – Немного перегрелся. Жарковато сегодня, – он, хихикнув, указал на небо и продолжил лучезарно скалиться.

– Вы правы, так и припекает, – чуть с придыханием посетовала брюнетка и, зазывно улыбнувшись, кокетливо pokrутила кружевным зонтиком.

Тем временем беспокойство только усилилось, отозвавшись новым приступом, но на этот раз Хэпт-тан понял, что делать.

– Барышни, – Райхо приподнял шляпу, отвешивая изящнейший из придворных поклонов. – Вынужден откланяться, дела не терпят, – он всем видом постарался показать, что спешит, но искренне об этом сожалеет.

Когда девушки через несколько шагов обернулись, чтобы хлопнуть на прощание ресницами, то с удивлением не обнаружили того самого господина тин Алларию.

Райхо, свернув в ближайший переулок, быстро зашагал к месту, куда так тянула *сила*, и по мере приближения к источнику ему становилось легче. Подобное происходило с ним впервые. Вскоре боль в сердце и вовсе прекратилась, но вместо неё появилось чувство будто на него надели уздечку и тянут за повод.

«К сартогам заказ! Выполню в другой день, благо не горит».

Хэпт-тан стремительно углублялся в запутанную сеть переулков. Его повадки незримо изменились, от вальяжной размеренной походки не осталось и следа, движения стали скупыми, четкими и сквозили грацией дикого зверя.

«Что за город? Суший лабиринт! Сверни с главной улицы, сделай пару шагов и здравствуй городская клоака!» – Возмутился Райхо, с недовольством глянув на испачканный сапог.

В этот момент из-за угла выскочил какой-то парнишка. Райхо инстинктивно ушёл от столкновения, а парнишка, ша-рахнувшись в сторону, поскользнулся на отбросах. Чудом удержавшись на ногах, он скрылся за очередным поворотом, сверкнув на прощание наполненными ужасом глазами. У него что-то выпало, а он с перепугу даже не заметил, так торопился убраться.

Райхо нагнулся и подобрал кошель, взвесил на руке: «Прилично!»

Без зазрения совести прикарманив деньги – парень явно был воришкой – ассасин направился дальше. Ещё поворот и он оказался у цели: «Похоже, здесь на кого-то напали, но все уже закончилось».

На узкой улочке в тупичке среди мусора и помоев валялось несколько тел.

«Что же случилось, что сила так странно откликнулась?»

Вдруг один из трупов неожиданно поднялся, и Райхо подумал, что вряд ли он, занося кинжал, планирует оказать лежащему на земле несчастному первую помощь. На свою бе-

ду, бандит не заметил Хэпт-тана, и тот, не раздумывая, метнул лахир – метательный нож сам по себе оказался в руке, ещё после памятной встречи, обогатившей его на кошель золотых.

Несчастливая жертва оказалась барышней.

– Боги, пускай она будет жива!

Райхо метнулся к лежащей на земле девчонке. Кожаная куртка, такие же штаны и добротные сапоги – все безнадежно испачкано. Русые волосы торчат как попало, выбившись из кос. На шее – красная полоса от удавки и кожа содрана: «Подонки! Душили всерьез»

Райхо коснулся пальцами бьющейся на шее венки и отшатнулся:

– Хайшшат вассор! – Его будто ударило молнией. – *Сила!* – перестроив зрение посмотрел на девчонку ещё раз. – Боги, такого я ещё не видел!

Беспорядочная сеть хаотично закрученных потоков силы коконом окутывала тело девушки. Красной точкой бился пульс, вторя сердцу: «Не может быть! Как здесь могла оказаться внучка Махаррона?»

Все сходилось, перед ним определённо лежала Киррана тин Даррен.

Райхо вскочил и схватился за голову, осознав, что потерял шляпу, но мысли тут же вернулись к Кирране: «Выходит, случилось то, чего так боялся Настоятель – *сила* проснулась? – Хэпт-тан догадался, что это её мощный и абсолютно

не контролируемый выплеск он почувствовал почти за три квартала: – Но почему в записке Пайшан про девчонку ни слова?»

Ассасин быстро проверил остальные тела и снова склонился над девушкой. Осторожно ощупал, проверив на наличие повреждений, но, к счастью, никаких травм не обнаружил: «С таким потенциалом ей много чего не страшно. Судя по потокам, у неё регенерация бешеная». Райхо, поддавшись порыву, взял узкую ладонь в свою руку и вдруг испытал странное, ни с чем не сравнимое чувство: «Хорошо. Так бы и сидел рядом вечность...»

Хэпт-тан встряхнулся.

«Что это было? Расселся среди отбросов, даже дорогуший кафтан не пожалел, не говоря о штанах – их теперь только выбросить». Он заставил себя собраться, сбежавший воришка вполне мог привести подмогу. Хэпт-тан здесь с кем угодно бы справился, но девушке светиться не стоило.

«Трупов шесть. Пять – убила Киррана, одного я сам прикончил. Скольким удалось уйти? Тот парень например? Но не убивать же каждого встречного заранее, на всякий случай?»

Киррану следовало поскорее убраться из города.

«И чего, спрашивается, не сиделось в деревне?» – Райхо поймал себя на том, что продолжает держать и гладить её руку.

Просто не мог заставить пальцы разжаться и выпустить

узкую ладошку. Ассасин осмотрел сбитые в кровь костяшки: «Судя по их виду за последние сутки девочке пришлось много драться, – это стало для Хэпт-тана открытием. – Может, она в беде? Не стоит ли самому этим заняться?»

От мысли присмотреть за Кирраной собственная *сила* закрутилась где-то в животе. Ощущение было странным, но приятным: «Будто котёнок с усилием трётся мордочкой о нутро». И вдруг Райхо осознал, что эта самая *сила* возросла и скоро потребует выхода, появилось ощущение, будто он способен свернуть горы.

– Хайшшат-вассор! – Вновь выругался Хэпт-тан.

Как же все навалилось, нужно срочно заняться медитацией и перестроить заново схему потоков, чего много лет уже не случалось. Вдобавок, нельзя было отказаться от взятого заказа – это пятно на репутации клана, но и Кирране требовалась помощь: «Причём прямо сейчас!»

– Думай, Тан, думай! – Мысли понеслись с удвоенной скоростью.

«Выплеск непроизвольный, значит, она просто потеряла сознание, и когда придёт в себя – неизвестно, – тут он мог кое-что сделать, а заодно и присмотреть. Райхо быстро обыскал Киру, но, кроме нескольких медяков, денег не обнаружил: – Вряд ли она бы отправилась в город без средств. Скорее всего это её золото, из-за него и напали».

Он положил кошель рядом с Киррой, затем извлёк из внутреннего кармана два бутылка. Взглянув на просвет, посом-

невался немного и выбрал один. Приподняв девушке голову, не удержался и провёл рукой по гладким как шёлк волосам, ощутив волну болезненного желания: «А я уж думал, после того задания в гареме меня уже ничем не проймешь...» – Хэпт-тан усмехнулся своей шутке, но тут же посерьёзnel и, чувствуя себя распоследним распутником со странностями, легонько поцеловал пухлые чуть приоткрытые губы.

– Так, все! – Удивлённый и раздосадованный собственным поведением, ассасин мысленно отвесил себе затрепачину: «Ещё не хватало, чтобы нас тут кто-нибудь застукал».

Зубами открыв пузырьёк, Райхо влил содержимое в приоткрытый рот Кирраны тин Даррен. Не сдержав порыва, осторожно стер грязь со щёки, наслаждаясь каждым прикосновением к нежной бархатной коже, и вновь ощутил волнение силы.

– Да что ж это?! – Хэпт-тан чувствовал себя глупо: «Ещё чуть-чуть и я, начну, как мартовский кот об неё обтираться?!»

С сожалением уложив девушку на прежнее место, Райхо скрылся в ближайшем проёме между домами, накидывая «неожиданную радость» – отвод глаз для случайных свидетелей: «Вовремя».

Киррана пошевелилась.

Глава 22

1.

Вопреки обыкновению, когда Кира вынырнула из тёмной ямы, транс то ли ещё не закончился, то ли приобрёл какую-то иную форму, но вокруг все плыло и смазывалось, не поспевая за вращением головы. Охотница, шатаясь, поднялась на ноги: «Будто медовухи перепила, только хуже».

Едва смогла устоять, когда бросило на стену. Подождав, пока окружающая действительность немного смилостивится и перестанет кружиться, осторожно отпустила осклизлую каменную кладку, обтёрла ладонь о штаны, морщась от отворачивания. Продолав несколько шагов, снова чуть не полетела на землю, на этот раз обо что-то споткнувшись: «Киалана! Это мертвец?»

Охотница зажмурилась, борясь с накатившей дурнотой – валявшиеся вокруг тела, представляли не самое приятное зрелище. Среди прочих был и Холера, почему-то с колотой раной на шее. Охотница не помнила, как убивала, да и думать об этом не хотела, опасаясь скатиться в истерику. Стало ещё хуже, оттого, что к физическим страданиям добавились душевные муки: «Нет! Это снова случилось!»

Сморгнув слёзы, Кира взяла себя в руки и заставила еще раз посмотреть на убитых бандитов, среди которых не оказалось Счастливого – это слегка успокоило. Ей почему-то

было жаль парня: «Не от хорошей жизни он выбрал такую компанию».

И все же что-то казалось неправильным, но мысль ускользнула, когда взгляд наткнулся на кошель с золотом. Охотница нагнулась, чтобы его поднять, и мир снова пустился в пляс, уронив на четвереньки.

«Съездила на ярмарку! – думала Кира, вновь поднимаясь на ноги. – Нужно уходить отсюда к сартогам! Убраться из города, вообще, как можно скорее!»

Зажав в руке кошелёк, и, пошатываясь, она побрела прочь. Несмотря на сложности с восприятием, в голове услужливо возник обратный путь. Все подворотни и повороты охотница, как оказалось, сумела запомнить, и дорога назад не отняла много времени – головокружение вскоре прошло, и она смогла передвигаться быстрее и уже почти бежала, когда стены расступились, выпуская из лабиринта переулков на ту самую оживлённую улицу, откуда все и началось.

Как оказалось, на этом неприятности не закончились. Солнце ослепило привыкшие к полумраку глаза, и Кира с разбега в кого-то врезалась.

– Смотри куда прёшь! – Раздался высокомерный голос.

От столкновения охотница уронила кошель – будучи не в себе, попросту забыла сразу убрать на место. Несколько золотых выпали и покатались по мостовой, их звон показался оглушительным. Сияя маленькими солнышками, монеты, наконец, остановились.

– Прошу прощения, господин, – Кира с трудом наклонилась, чтобы подобрать деньги, но вдруг услышала презрительное:

– Грязная воровка!

Разодетый мужчина помогал подняться с земли своему менее удачливому другу. Судя по облику, оба принадлежали к знатному сословию, что, скорее всего, грозило неприятностям: «Серьёзными, если обнаружат трупы в переулке. Как я докажу потом, что защищалась?»

– Держи её!

Пока Кира решала бежать или все же оставаться на месте, её схватили. Руки больно вывернули, а злосчастный кошель бесцеремонно отняли уже во второй раз за сегодня.

– Я не воровка! Это мои деньги! – Протест прозвучал тихо и неубедительно.

Голова от резких движений снова начала кружиться, звуки исказились до неузнаваемости одновременно с очередной волной слабости, да вдобавок одолел озноб. Охотница повисла на руках пленителей, пытаюсь сообразить, что делать: «Куда там вырываться, когда ноги не держат!»

– Отведём её в тюрьму, – тот, который упал на мостовую, высыпал монеты из кошелька на ладонь и, пересчитав, сунул в карман.

– Эй! Это мои деньги! – Кира все же предприняла новую попытку, но язык едва ворочался.

– Твои? – Выпучил глаза обидчик. – Да откуда у пьяной

бродяжки взялась такая сумма?

– Я не воровка и не бродяжка!

– Рассказывай, – не поверили, а скорее, не захотели поверить. – Если ты не бродяжка, почему от тебя так несёт?

– Да она же вся грязная! Фу! – В голосе второго прозвучало отвращение.

«Вас бы так по земле повалили», – подумала охотница, но не стала ничего отвечать.

Её бесцеремонно куда-то потащили.

– Нет! Отпустите! – Она отчаянно попыталась вырваться. – Люди! На помощь! – Получилось едва слышно.

– Стоять!

Смутно знакомый голос раздался неожиданно, и все трое вздрогнули. Солнце закрыла внушительная фигура, на фоне которой хлыщи выглядели, мягко говоря, бледно.

– Отпустите девчонку!

– Но...

– Я. Сказал. Немедленно!

– Она украла у нас...

– И верните ей её деньги. Я все видел.

– Конечно, господин Защитник, – буркнул первый, выпустив руку Киры и, нехотя, выгребая золото из кармана. – Как скажете.

– Мы этого так не оставим! – Выпятил грудь второй. – Вам известно, мое родовое имя? – Попытался было ерепениться он, но первый дёрнул его за рукав, намекая, что стоит

заткнуться.

Защитник приподнял бровь с таким выражением лица, будто с ним заговорила муха, и в плывущем мареве вдруг отчётливо стал виден громовик, а следом проявились знакомые черты:

– Пасита?!

2.

Защитник Пасита выезжал из ворот постоянного двора «Княжеский полдень». Приписка к причудливой вывеске гласила: «Лучшие номера во всём городе, – и он вынужден был согласиться: – Приличнее, чем местами в столице, но и цена такая же».

Внезапно оглушив, его накрыло странное ощущение. Ярый протестующе заржал, когда хозяин резко натянул поводья.

– Осторожнее, господин Защитник! – Раздался мелодичный женский голос.

Симпатичная брюнетка в модном наряде для верховой езды, придержала своего серого в яблоках, избегая столкновения. Пасита, того не желая, развернул коня поперек дороги и перегородил ей путь.

Окинув взглядом девушку, Защитник подумал: «При ином раскладе я был бы не против продолжить знакомство в более интимной обстановке» – этот типаж привлекал его сильнее прочих, вдобавок и в глазах незнакомки читался от-

кровенный интерес, но сейчас тин Хорвейгу было не до того. Уступая дорогу, он двинул коня вперёд и неприветливо буркнул:

– Прошу прощения, барышня.

Сила ощущалась как никогда странно. Она будто тянула, звала, указывая путь. Никогда ранее Защитник не испытывал ничего подобного. Вскоре он достиг храмовой площади и понял, что движется в верном направлении. Внезапно ощущения видоизменились, принимая знакомые очертания – те же, что он испытывал рядом с девчонкой тин Даррен: «Боги! Это я её что ли чувствую?!»

На губах тин Хорвейга расцвела довольная улыбка:

– Керун и Киалана! Похоже, я сильно задолжал провидению за этот воистину княжеский подарок!

Иного объяснения происходящему он найти не мог. Про подобное не рассказывали на уроках в Ордене, не делились опытом Защитники постарше, не орали пьяными голосами, надрывшись в кабаке: «Остается надеяться, что в книге Излома что-нибудь об этом сказано».

Следуя путём, который указывала *сила*, Пасита свернул на одну из улиц, лучами расходящихся от площади во все стороны, и почти сразу же наткнулся на объект поисков. Киррану крепко взяли в оборот два хлыща скользкого вида.

Один из них нагло прикарманил её деньги, а затем побитые молью щеголи громогласно объявили девчонку воровкой и ухватили под руки, собираясь куда-то тащить. Этот ти-

паж Защитнику был хорошо знаком, не раз доводилось выставлять посмешищем подобное отребье: «Родители лишили содержания, или же род обеднел, но привычка пускать пыль в глаза осталась, – намётанный взгляд отметил пошитые по прошлогодней моде кафтаны, избыливающие пятнами и потёртостями, стоптанные сапоги и особый, голодный блеск в глазах. Да и поведение: – Хотели бы отвести девчонку в тюрьму – попросту кликнули бы стражу, а так свернут в ближайший переулок, заведут подальше и бросят, чтобы заблудилась и не догадалась позвать стражу, а может и кой-чего похуже замыслили?»

Защитник похвалил себя за то, что, желая произвести впечатление, напялил лучший наряд – тот самый из золотой и алой парчи, который не вынимал из сундука с тех пор, как его сослали: «Хорошо, хоть из моды не вышел». Но, главное, за то, что не забыл про громовик. Тот весьма кстати висел на толстой золотой цепи, вместо повседневного кожаного шнурка. Не надел тин Хорвейг только ботинки – грубая, хоть и добротная обувь была больше данью традициям, чем необходимостью и не шла ни к одному наряду.

Спешившись, Пасита неслышно подошёл сзади, напустив на себя самый надменный вид: «Кстати, почему девчонка не сопротивляется? Да таких бы она одолела даже со связанными за спиной руками! Побоялась затевать драку? Но почему тогда просто не сбежала?»

Кира сомлела неожиданно. Синие глаза закатились, и За-

щитник едва успел уберечь её от падения: «Идиоты словно специально дождались этого момента, чтобы выпустить девочку из рук!»

Повинуясь выжидательному взгляду тин Хорвейга один из ее обидчиков нехотя выудил из кармана золото, подобрал с земли брошенный ранее кошель и ссыпал его обратно, прежде чем вернуть. Убрав его в карман, Пасита посмотрел на охотницу:

«Боги, что за вонища! – Одежда Киры была сплошь перепачкана какой-то склизкой гадостью: – Где это её так угораздило?» – Защитник брезгливо поморщился, понимая, что теперь придётся чистить и собственное платье.

3.

– Растяпа! – Райхо скривился, будто у него занули зубы: «Надо же было додуматься дать полную дозу?!»

Зелье «хэпт-соне» должно было взбодрить Киррану, привести в чувство и придать сил.

«Ей хватило бы и пары капель, добавленных в воду! – к сожалению, ассасин это осознал, только когда девушка зашаталась, как пьяная: – Хайшшат-вассор! Меня сбила с толку мощь её потоков», – о схеме потоков речи пока не шло, ведь Киррана тин Даррен не прошла через Круг Определения и не могла их видеть и перестраивать.

Райхо вознёс хвалу Саршан-хо и Киалане за то, что ошибка в пропорциях никак не отразится на здоровье девушки:

«Хотя, без сомнения, ощущения Киррана испытает пренеприятные».

Сам Хэпт-тан ненавидел состояние беспомощности. Он встряхнулся, прогоняя вместе с воспоминаниями, неуместное чувство вины.

Вопреки его терзаниям, Киррана быстро сориентировалась, и вскоре даже перестала шататься, быстро удаляясь от места нападения. Все бы кончилось хорошо, если бы её снова не угораздило столкнуться с местными. Райхо, нацепив личину Грейла тин Аларии, собрался её выручать, но неожиданно его опередили. Хэпт-тан скривился, будто хлебнул укуса:

– Пасита тин Хорвейг собственной персоной! Кто бы мог подумать!

4.

– Горячую ванну, смену белья и пришлите кого-нибудь в помощь, – Защитник на ходу отдавал распоряжения тащившимся следом слугам.

С Киррой на руках, он быстро поднялся по лестнице на второй этаж постоянного двора «Княжеский полдень». В коридоре навстречу снова попала та самая брюнетка. Наморщив носик, она проводила Защитника многозначительным взглядом, но Пасита это едва отметил – все его мысли вились вокруг девчонки. Влетев в номер, он хотел было уложить охотницу на кровать, но, передумал. Осторожно разместил на по-

лу, сунув под голову свернутое полотенце, и скинул кафтан, засучивая рукава тонкой батистовой рубахи. Стащил с Кирраны перепачканные сапоги, снял куртку и стянул штаны, оставив в одной исподней рубахе, и только тут заметил кровь на руках – костяшки пальцев были сбиты:

– Да ей же пришлось драться!

Быстро осмотрев и ощупав девчонку, тин Хорвейг выдохнул с облегчением, не обнаружив никаких повреждений, и вдруг его осенило:

– Сартог дери! Это снова произошло без меня!

Пасита примерно представлял, как всё случилось: «Девчонка продала меха и пошла прогуляться. На улицах её заметили местные воры, обманом или ещё как-то заманили в трущобы и напали».

– Эх, ты, деревенщина! – Пожурил он бесчувственную охотницу и замер на месте, припомнив, как утром стражники на въезде в город трепались про шайку лесных разбойников.

Позже в таверне, где он завтракал, болтали о банде какого-то Борова, который месяц держал в страхе путников. Судя по всему, речь шла об одном и том же случае: бандитов помогла изловить девчонка-ассасин. Нескольких убила, а остальные спаслись, сдавшись торговым – обозники их повязал и привели в город. Тогда история показалась глупостью, как могли обозники кого-то защитить от сагалийского ассасина, теперь же всё встало на свои места. Глядя на Киру,

Пасита осознал, виновница происшествия лежит перед ним на полу, и причина её состояния – стихийный, неконтролируемый боевой транс, возможно даже с непроизвольным выплеском силы.

«То есть то, чего я не смог добиться, устроив драку с тин Шнобберами?»

Неожиданно поднялось раздражение.

– Стоило скрыться с моих глаз, как на тебе?! Вот так вот, легко и просто? – Прошептал он сквозь зубы, зло глядя на крепкое, но изящное тело, прикрытое лишь тонкой нижней рубахой. – Чего замерла? Вон! – Рывкнул Защитник, повернувшись к застывшей у двери служанке, которая принесла ведро кипятка, но не отважилась окликнуть грозного постояльца. – Ведро оставь!

Женщина мигом ретировалась, бормоча извинения, а тин Хорвейг сам вылил воду в ванну на кованых ножках. Подошёл к Кире и, больше не церемонясь, зло сорвал с неё рубаху: «Даже жаль, что девчонка без сознания, так бы и надавал по заднице!»

Он без усилия поднял охотницу на руки, не понимая, отчего ему все время хочется это делать, но размышлять об этом не было времени. Подавив все изменные порывы: «В конце концов, никуда от меня не денется», – аккуратно опустил ледяную на ощупь девчонку в горячую воду, невольно залюбовавшись представшей картиной. И все же что-то не нравилось ему в облике Кирраны тин Даррен. Недовольно

скривившись, Пасита принялся расплетать косы. Закончив, едва ли не благоговейно рассыпал русую волну по краю ванны.

– Так-то лучше, – он улыбнулся, невольно почувствовав себя художником, завершившим шедевр всей жизни. – Всё, хватит! – Сдавленно приказал Защитник сам себе, с трудом выравнивая участвовавшее дыхание и едва удерживая рвущуюся с поводка силу. – С этой игрой пора заканчивать, – он растерянно заозирался, чувствуя, как начинает разрушаться схема потоков.

Тин Хорвейг направился к двери, и случайный взгляд в зеркало, которое висело рядом, привлёк его внимание. Зрачки отражения светились странным голубоватым огнём. Остаточное сияние во время применения дара – это нормальное явление, но такого как сейчас с ним раньше не случилось. Пасита приблизил лицо к гладкой поверхности. Присмотрелся: «Так и есть, не показалось».

– Что это? – Пробормотал он вслух и усилием воли заставил себя успокоиться, наблюдая, как постепенно гаснет странный отблеск.

«Не хватает ещё напугать слуг, потом не дозовешься, если что понадобится».

К счастью, далеко идти не пришлось – та самая служанка, которую он выгнал, весьма кстати обнаружилась сразу за дверью: «Ожидала указаний или попросту грела уши?» – Подумал Пасита.

– Вымойте девушку, но осторожно и переложите в постель, пока вода не остыла, да укройте как следует. Ей необходимо тепло.

– Будет сделано, господин Защитник, – служанка замялась: – Скажите, она чем-то больна? Может пригласить лекаря?

– Переохладилась и очень устала, ничего более, – ответил Пасита проигнорировав, предложение. – Я вернусь примерно через полчаса. К моему приходу приготовьте свежую ванну.

Служанка, поклонившись, убежала выполнять распоряжения, а Защитник вернулся в комнату. Приблизившись к ванне, потрогал торчащую над поверхностью коленку. Провёл пальцами вниз по шёлковому бедру. Стряхнув с руки воду, едва заставил себя отойти: «Да что же это со мной такое?!»

Следовало принять меры и сделать кое-какие приготовления. Переодев кафтан, Защитник стремительно вышел из номера.

5.

Кира очнулась и едва сдержала удивлённый возглас. Последнее, что она помнила, было лицо Паситы и грубые руки, держащие под руки.

Быстрый осмотр не слишком прояснил ситуацию. Незнакомая комната. Обстановка, начиная от представшего пред

взором потолка, края кровати и столика у двери – сплошь роскошь, хотя сравнить ей было не с чем. Мягкая постель: «Не лавка. Перина? – тонкие простыни свежо пахли лимонником, а сверху ощущалась приятная тяжесть одеяла, подсказывая, что она снова пережила последствия боевого транса. – Как я сюда попала?»

Впрочем, догадаться, что во всём замешан тин Хорвейг, было не сложно. Тут Кира забеспокоилась, ведь в первый раз после транса она провалялась в постели трое суток: «Сколько прошло времени? Аккарий, наверное, жутко волнуется».

Стоило поскорее отсюда убраться и, желательно, незаметно. Встретаться с Защитником охотнице совершенно не хотелось, а тем более быть его должницей: «Некрасиво, наверное, но поблагодарить можно будет и потом – в Орешках, – Кира было пошевелилась, собираясь сесть, как вдруг осознала: – На мне нет одежды!»

Раздался тихий всплеск воды. Кира замерла, вжавшись в подушку, и, с трудом подавив панику, медленно повернула голову.

Посреди комнаты стояла ванна, внутри в свете косых солнечных лучей, льющихся из окна, развалился Пасита тин Хорвейг. Защитник сидел спиной, и Кире были видны только широкие плечи, сильные руки, лежащие на бортах ванны, затылок с коротко остриженными светлыми волосами. Охотница спешно зажмурилась, притворившись спящей.

В этот момент Защитник нарочито медленно поднялся,

расплёскивая воду на пол. Капельки стекали по его телу, играя на солнце. Кира наблюдала сквозь щёлочку прикрытых век, испытывая сложное ощущение любопытства и страха одновременно. Нет, она уже видела раздетых парней и не раз – деревенские не стеснялись голышом выскакать на мороз из бани, или летом купаться нагими в реке, но сейчас всё было по-другому. Иначе.

Добавляло остроты ситуации и беспомощное двусмысленное положение: «Боги! Мы здесь вдвоём, и оба без одежды!»

Любопытства резко поумерилось, зато страха прибавилось. Она-то знала, чего можно ждать от такого Защитника...

Пасита неспешно обернулся, словно красуясь, и Кира перестала дышать. Не глядя в её сторону, Защитник прошёл мимо, исчезнув из поля зрения, раздался шелест одежды, что-то упало. Затем Пасита заговорил:

– И долго ещё ты собираешься притворяться, что спишь? Насмотрелась?

Щёки Киры мгновенно залила краска: «Киалана! Как же неловко-то!»

Притворяться больше не имело смысла, и Кира, набравшись смелости, заставила себя открыть глаза:

– Где мы? – Сердце застучало, готовое выпрыгнуть из груди, когда она решилась на следующий вопрос: – Почему на мне нет одежды?

Защитник подошёл ближе, к счастью, уже одетый. Вместо

ответа, протянул кружку:

– На вот, выпей, это восстановит силы.

В нос ударил терпкий травяной запах с привкусом мёда. Похоже пах отвар, который давала ей Матрёна.

Следующий вопрос поставил охотницу в ступор:

– Два раза за сутки?

– Что? – Кира сразу и не сообразила, о чём говорит тин Хорвейг.

– В транс входила дважды?

– Да. Так, где моя одежда?

Пасита пристально посмотрел, медля с ответом, и в его глазах мелькнул странный отблеск:

– Отдал, чтобы почистили, – голос Защитника прозвучал как-то низко с надломом, и Кира инстинктивно натянула одеяло повыше. – Пей, – он указал глазами на кружку.

– Мне нужно что-то надеть. Нехорошо ведь...

– Я об этом позаботился, – перебил Пасита, – но тебе потребуется помощь, – он снова посмотрел так, будто собирался слопать. Будто вторя её мыслям, Защитник спросил: – Голодная?

Есть и правда хотелось, но сбежать хотелось сильнее.

– Голодная, но оденусь сама! – Кира, втайне понадеялась, что сможет улизнуть, если удастся выставить тин Хорвейга из комнаты.

Украдкой покосившись на окно подумала: «Интересно, куда оно выходит?».

Её жест не остался незамеченным, и Защитник усмехнулся:

– Как знаешь. Вот твоя одежда, – приглашающим жестом он указал куда-то назад, не переставая улыбаться.

Кира обернулась, прижав одеяло к груди, да так и замерла. В углу обнаружился изящный диванчик с витыми ножками и резной спинкой, обитый полосатым сукном зелено-жёлтого цвета в тон шторам. На нём было разложено роскошное платье из светло-голубой парчи, расшитое жемчугом и кружевами тонкой работы по лифу. Невольно вспомнилась красавица-дочь градоправителя, и Кира не сдержала нервный смешок, заметив висящую на спинке горжетку. Проданные утром шкурки она легко опознала. Теперь они были соединены между собой и украшены застёжкой из большого прозрачного камня: «Горный хрусталь?» – в драгоценностях охотница не разбиралась.

– Что это? – Спросила Киррана

– Платье, Кира. Я думал, ты сообразительней, – поддел Пасита. – Ну так что? Уверена, что сама справишься? – Он задумчиво поджал губы, и решил: – Хотя, я тебе верю. Ведь стоит мне только отвернуться, как ты войдёшь в транс и начнёшь творить чудеса, верно? – Он вдруг подскочил и, грубо ухватив за подбородок, зашипел прямо в лицо: – Какого сартога ты со мной это делаешь?!

В комнате заметно потеплело.

Охотница, удивленная поведением, а тем паче, вопросом

Защитника, вытаращила глаза, но едва открыла рот, чтобы спросить, о чём он, как тин Хорвейг впился в губы жёстким поцелуем, лишая дыхания, безжалостно сминая своей волей.

От неожиданности Кира уронила кружку с отваром, и попыталась оттолкнуть Защитника, но тщетно: «Всё равно, что бороться со скалой!»

Пасита словно и не заметил её усилий, лишь удвоил напор, больно запустив пятерню в волосы на затылке, сильнее запрокинул назад её голову, будто так мстил за что-то. Одеядо скользнуло вниз, обнажая грудь, но как ни странно, именно это и отрезвило Защитника. Он отшатнулся, тяжело дыша, обежал взглядом стены комнаты, и снова уставился повернулся к Кире. Та, сияя пунцовыми кончиками ушей изпод натянутого до самых глаз одеяла, смотрела на не мигая, будто загнанный зверёк. Защитник невольно опустил глаза, испытав что-то вроде отголоска совести, и вдруг осознал, что сжимает кружку с отваром: «И когда только успел поймать?»

Залпом допив остатки, хлопнул ею по маленькому столику и схватил с вешалки кафтан:

– Жду внизу, советую поторопиться!

С грохотом отворив дверь, Защитник вылетел в коридор, перепугав толпящуюся там прислугу. Проводив его удивлёнными взглядами, в комнату вошли несколько служанок.

– Вы позволите, госпожа? – Одна потянула из рук одеяло, но Кира вцепилась в него, как гончая в лисицу, не отводя глаз от двери.

– Возьмите, – вторая протянула вновь наполненную кружку. – Господин Защитник наказал, чтобы вы пили побольше.

Охотница, медленно перевела взгляд на служанку, чувствуя, как тело сотрясает противная мелкая дрожь.

– Госпожа, господин Защитник вас обидел? – Участливо осведомилась та.

– Поменьше болтай, – пихнула её в бок другая.

Как из рога изобилия посыпались вопросы и указания:

– Киалана! Госпожа, что с вашими руками?

– Госпожа, позвольте, я помогу вам одеться.

– Госпожа, не могли бы вы сесть вот сюда.

– Госпожа, разрешите, я займусь вашими волосами.

– Я не госпожа.

– Что, вы говорите?

– Я. Не. Госпожа! – Чётко произнесла Кира, едва удержавшись от рвущегося из горла рыка.

Глава 23

1.

Райхо, а точнее, Грейл тин Аллария, обедал в лучшей ресторации Птичьего Терема, расположенной неподалёку от Храмовой площади.

«Жар-птица» – детище градоправителя – стало излюбленным местом знати с его же лёгкой руки, не скупясь отмеривающей золото. В просторных залах, ослепляющих роскошью, устраивались пышные балы и приёмы. В маленьких уютных закутках, можно было и плотно пообедать, и просто перекусить, блеснув на входе модными нарядами. По мнению Хэптана, все это заведение представляло собой ещё тот гадюшник, но кухня здесь была, и правда, отменная. Отчасти поэтому, отчасти, чтобы поддержать легенду, он являлся сюда каждый вечер на ужин. К нему непременно подсаживался очередной отец девицы на выданье и, под предлогом делового разговора, поведать о своём пылящемся без дела сокровище.

Вот и сейчас Райхо расположился за одним из столиков в общем зале, откуда было хорошо видно всех входящих. Напротив него восседал тучный Марро тин Гапатор и уже битых полчаса нахваливал свои каменоломни в Предгорьях, которые отойдут в приданное его красавице-дочери. Марро рассказывал, какая Аннара у него умница, да сетовал, что

больно уж разборчивая.

– Уже двадцать три зимы, а никак с женихом не определится. – Слушая, как эта самая Аннара неизменно забраковывает все достойнейшие кандидатуры, предложенные отцом, Райхо потерял нить разговора. Погрузившись в мысли о предстоящем задании, старался вовремя кивать, создавая видимость заинтересованности. – Не может быть! – Удивлённый возглас вывел ассасина из задумчивости. – Это же прохвост тин Хорвейг! Но кто это с ним рядом?

– Что?

Хепт-тан вскинул голову и посмотрел, куда указывал собеседник. Одновременно вернулось то самое ощущение, которое он испытал рядом с Кирраной тин Даррен, но только намного слабее. И тем не менее его *сила* завибрировала, окутывая тёплыми волнами с ног до головы, сворачиваясь внутри ласковым котёнком.

– Вы не поверите, но Аннара мне рассказала, как ещё днём он притащил в номера какую-то бродяжку! Вы можете себе такое представить? Если бы услышал от кого другого, ни за что бы не поверил. Кстати, Грейл, а вы бывали в «Княжеском полдне»? Достойнейшее место!

Спутница Паситы обернулась, и Райхо вскочил на ноги, опрокинув бокал вина. Бордовая, слегка тягучая жидкость растеклась по белоснежной скатёрке, заливая штаны и камзол тин Гапатора.

– Поосторожней, тин Аллария! Что это с вами?

Но Хэпт-тан не слушал. Его глаза зло сузились, не отрываясь буравя Защитника. Неожиданно для себя Райхо испытал сильнейший укол ревности, едва сдерживая руку, так и норовящую скользнуть за лахиром.

Едва сдерживая рвущуюся с поводка *силу*.

«Враг! – шептало все его естество. – Убей!» – ассасин нечеловеческим усилием воли подавил желание прыгнуть вперёд и всадить клинок в горло тому, кто смел стоять к Кирране так близко, а затем схватить девчонку и увезти далеко-далеко...

Защитник, напрягшись, посмотрел в ответ пристально, настороженно, точно так же готовый к битве. Хэпт-тану показалось, ещё секунда и в него полетит что-то огненное. К счастью или нет, но его отвлек каким-то вопросом слуга.

Тем временем ничего не подозревающая Киррана тин Даррен повернулась, рассматривая великолепие зала, и Хэпт-тан напрочь забыл о Пасите, жадно уставившись на потрясающе прекрасную молодую барышню, ничем не напоминающую того растрёпанного воробушка, которого он сегодня днём нашёл в переулке. Гордый профиль, чуть смягчённые, но явно угадывающиеся фамильные черты тин Дарренов. Необычный сине-голубой цвет глаз. Райхо даже рот приоткрыл, поражённый столь редким оттенком – будто проглядывает чистое летнее небо. Ранее он всего этого не заметил, поглощённый иными заботами, но теперь растрёпанные косички исчезли. Копна русых, отливающих золотом в

солнечном свете волос чисто вымыта и мастерски уложена в высокую, но простую причёску, из которой будто невзначай выбились несколько прядей. Нежно-голубое платье с открытыми плечами по новой столичной моде выгодно оттеняло сливочную кожу. Райхо безумно захотелось попробовать её на вкус, прикоснуться руками, вдохнуть запах тёплого тела, убеждаясь, что она настоящая.

Наряд дополняли митенки в тон. Он знал, под ними скрываются сбитые в кровь костяшки. Они предстали перед глазами как наяву, и ассасин был готов целовать каждую ссадинку пока та не заживёт. Плечи прикрывала горжетка из какого-то редкого голубого меха, Райхо не смог определить, кому он мог принадлежать, зато без труда узнал туманный дамонд, вместо застёжки. Один такой камушек стоил баснословных денег.

«Кто же она для Паситы, если тот так расщедрился? – Киррана же лишь мазнула по Райхо мимолётным рассеянным взглядом, поселив в сердце ассасина щемящую тоску. – А чего я ждал? Я для неё незнакомец. Один из многих, – подумал он. Было до боли обидно видеть её рядом с ублюдком. – Не хочу верить, что они вместе! – зубы скрипнули, кулаки сжались сильнее. – Но как тогда Пасита допустил, чтобы Кира оказалась в том переулке?! Где был проклятый Защитник, когда девочка нуждалась в помощи? Не время для таких мыслей. Не сейчас!» – Райхо усилием воли постарался взять себя в руки и напустить привычное, чуть растерян-

ное выражение. Даже улыбнулся и, здороваясь, кивнул тин Хорвейгу, ожидаемо не удостоившись ответа. Они были знакомы и не раз сталкивались в княжеском дворце и на иных приёмах, но особой любви между ними не водилось. На то были свои причины.

– Простите, Марро! Как же неловко. Я непременно покраю ущерб. Хотите прямо сейчас отправимся в ателье и закажем вам новое платье?

– Меньше надо на милые мордашки заглядываться, – буркнул недовольно тин Гапатор. – Хотя, должен признать, эта – чудо как хороша! Есть в ней что-то эдакое... С вас ужин тин Аллария. Завтра здесь же.

– Конечно-конечно. Вы же окажете мне честь лицезреть Аннару?

– Безусловно!

3.

– Это же надо было только додуматься натянуть под платье сапоги! Твоё счастье, что никто не увидел!

Ворчал Пасита, весьма обескураженный подобной выходкой: «Как я только сразу не заметил? Надо было собственноручно проверить», – ему даже в голову не пришло, что девчонка не будет рада подаркам.

Вспомнился вчерашний вечер.

Он не видел, как Кира спускалась по лестнице, так как стоял спиной. Понял: что-то происходит только по восхи-

ценным лицам слуг и постояльцев. Когда обернулся, едва не ослеп от вида заключённой в драгоценную оправу невинности. Надо признать, это несколько раззадорило, вынуждая снова уделить время самоконтролю. Благо новая схема потоков позволяла предотвращать вылески с меньшим напряжением воли. Тем не менее посетила мысль, что нет пределу совершенству.

С платьем он угадал, со всем остальным – тоже. Теперь никто бы не признал в прекрасной аристократке деревенскую охотницу, первый раз очутившуюся в городе. И пусть Кира была ему нужна любая, даже если оказалась бы полной уродиной, Защитник не отказался бы от попытки получить желаемое. Но то, что девчонка ещё и красавица, весьма льстило самолюбию и делало ожидание в несколько раз приятнее, а потому в ресторацию тин Хорвейг прибыл в наилучшем расположении духа.

Всю дорогу Кирана смотрела в окно, а он, не скрываясь, разглядывал её гордый профиль: «Это явно от матери. Даже хорошо, если с возрастом их сходство усилится», – вспоминал он красавицу Анасташу. Черты лица Киры были чуть более резкие.

Вечер обернулся тем ещё испытанием.

Сначала совместная поездка в карете. Кира, напротив, так близко, что он чувствовал нежный аромат её кожи, не перебитый духами. Потом ужин в отдельном кабинете, обстановка которого настраивала на романтический

лад. Многочисленные свечи, тихая игра невидимых музыкантов... Напряжение, разрядила сама девчонка. Количество приборов вызвало у неё недоумение. Подтрунивая напропалую и высмеивая, Пасите удалось хоть немного расслабиться.

Ночь... О! Ночь тоже выдалась прекрасная, наполненная страстью и стонами...

– Они удобнее.

Запоздалый ответ Киры вырвал Паситу из плена воспоминаний. Сейчас ничто в ней не напоминало вчерашнюю ослепительную светскую красавицу. Привычный, набивший оскомину охотничий наряд.

«Может, приказать ей ходить в сарафане? И эти косички...»

– Твоя воля, вообще, в штанах бы заявила и с этими своими глупыми косами, – он жестом указал на предмет недовольства. – Позорище! – Вновь взглянув на девчонку, нарочно скривился, чтобы ее позлить.

Кира, впрочем, не заметила. Она ехала, глядя прямо перед собой, и разговаривать явно не была настроена.

Несмотря ни на что, Защитник пребывал в приподнятом настроении. Произошедшее изрядно его повеселило.

«Нет, с этим надо что-то делать», – думал он, рассматривая девчонку украдкой. В голове созрел план.

Кира не верила своему счастью: «Киалана, спасибо что все закончилось именно так».

Мысли то и дело возвращались к прошлому вечеру, и она почти не слушала, что говорит тин Хорвейг.

После мучительного ужина в этой самой ресторации, она едва не осталась голодной. Защитник лишь потешался над её конфузом: «Спрашивается, где мне было набраться опыта? Хорошо хоть сжалился и позволил есть, как умею, не ломая голову над тем, какой прибор следует использовать».

Толку с того, правда, вышло немного, да и от шуток Защитника кусок в горло не лез. Что удалось проглотить – так и упало камнем.

Когда вернулись на постоялый двор, охотницу ждало новое испытание. Собственно остаток вечера она пребывала в «предвкушении», размышляя о том, где придётся спать. В номере была одна-единственная постель, и надеяться, что тин Хорвейг её уступит, было глупо. Она даже было попыталась сбежать, желая забрать свою лошадку и покинуть город до закрытия ворот. Но в дурацком платье бегать оказалось неподручно. Тогда-то Защитник и заметил сапоги, которые Кира украдкой натянула вместо узких неудобных туфель и старательно прикрывала подолом пока ехали в карете. Её нагнали в мгновение ока. Больно схватив за руку – даже синяки от грубых пальцев остались, тин Хорвейг пообещал выпороть по приезду, если ещё раз выкинет что-либо подобное.

Киру трясло от страха – да она Стаи так не боялась, как

когда шли по коридору в номер. Глаза бегали в поисках пути к спасению. Тогда охотница и заметила, что дверь одного из номеров приоткрылась, и их проводили любопытным взглядом, но не придавала значения. На пороге охотница, несмотря на предупреждение, снова попыталась дать дёру. Пасита был настороже. Попросту схватил, перекинув через плечо как волк овечку, и втащил внутрь.

В комнате повсюду горели свечи. Постель и пол усыпали лепестки белых роз. Голова закружилась то ли от их густого сладковатого запаха, или же причиной было вино – не удержавшись, она выпила в ресторации пару кубков.

Защитник с преувеличенной осторожностью усадил её на кровать. И Кира, сжав кулаки, решала сложную задачу: как лучше атаковать, чтобы наверняка. Шансов не было, но оставалась надежда. Однажды в лесу она наткнулась на шатуна и смогла выйти из схватки почти невредимой. Деревенские тогда еле поверили, что ей удалось нанести столь точный удар...

«Вдруг и сейчас повезёт?»

– Сначала снимем платье, – тин Хорвейг, правильно расценив её взгляд, перешёл на шёпот, наклонившись совсем близко. – Оно явно мешает. Горячее дыхание огнём опалило шею. Кира даже порадовалась этой самой меховой горжетке, которая защищала открытые плечи. К сожалению, роскошная безделушка не представляла собой серьёзную преграду. Защитник аккуратно расстегнул застёжку, покрутил между

пальцев драгоценный камень, любуясь игрой света на гранях: – Тебе идут даманды, – медленно потянул, лаская мехом плечи, вызывая мурашки по всему телу. Улыбаясь, опустился перед ней на колени, приподнимая подол платья.

Кира всхлипнула, вцепившись в холодную ткань:

– Не надо!

– Что не надо? Ты собираешься спать в сапогах? – Стянув их один за другим, принялся массажировать стопы.

– Господин Защитник, не надо, пожалуйста! – Кира вздрогнула от странных ощущений – щекотно и приятно одновременно, если бы не было так жутко.

– Разве тебе не нравится?

– Нет!

– Лжёшь! – Защитник улыбнулся. Его рука скользнула выше, и Кира дёрнулась, как от удара. Рванулась назад, но помешал кринолин, корсет не позволял нормально дышать. Вся эта бабская сбруя, кою натянули на неё служанки, плотно облегалась, сковывая движения. Побег обернулся падением на спину. Сверху навалилось тяжёлое тело. Защитник нежно погладил плечи и обжёг шею лёгкими поцелуями. Мгновенно отстранился, избегая её кулака.

– Сначала снимем платье, а потом подерёмся, если захочешь.

Похоже было, он от души веселится. Кира поняла, что проиграла схватку ещё до её начала.

– Господин Защитник, пожалуйста!

– Господин Защитник, – повторил Пасита смакуя. – Ты стала значительно вежливей, с чего бы?

Он принялся целовать её снова, но теперь удерживая руки – обе своей одной. Непринуждённо, будто охотница и вовсе не сопротивлялась. Затем легко поднялся, увлекая следом. Рывком развернул к себе спиной.

– Не двигайся! – Кира было отшатнулась, но большая горячая ладонь легла на горло, легонько сжала. Шёпот раздался у самого уха: – Не двигайся, повторять не буду.

– Господин Защитник... Пасита! – Кира предприняла новую попытку.

– Дай же мне, наконец, расшнуровать корсет! Или видишь здесь кого-то ещё, кто тебе поможет?

Кира придержала платье, не позволяя упасть к ногам, когда тин Хорвейг закончил и повернул её к себе. Видя, как она вцепилась в тонкую ткань, усмехнулся. В холодных глазах мелькнуло предвкушение.

– Забыла, что я тебя уже видел? – Улыбка стала хищной, заставляя залиться краской: – Ах да! Ты ведь не знала.

– Нет! Нет! Нет! Нет! – Только и повторяла Кира, когда он, толкнув её на кровать, навалился сверху и принялся бесцеремонно покрывать поцелуями, спускаясь все ниже, стягивая платье, проникая под него руками, жёстко сминая полушария груди, играя языком с торчащими сосками, сжимая ягодицы, пробираясь к самому сокровенному: – Не-ет!

К счастью, неожиданно Защитник сам все прекратил.

Отодвинулся, взъерошенный и разгорячённый. Воздух с хрипом вырвался из его лёгких, когда он вдруг рассмеялся:

– Похоже, ничего не выйдет. А я надеялся, что хоть это сможет помочь. Но или тебе на самом деле нравится больше, чем ты показываешь... Или попросту два транса за сутки тебя всерьёз измотали. Он рывком поднялся и прошёлся по комнате, поглядывая в её сторону: – Как ты могла испортить такой великолепный план, а? – Его голос прозвучал едва ли не по-детски возмущённо.

Мужчина отошёл к столику у окна и плеснул себе вина в серебряный кубок:

– Хочешь? – Предложил, и, не дождавшись ответа, выпил: – Как хочешь.

Кира молчала, пытаясь хоть как-то прикрыться, завернулась в горжетку.

– Я хотел тебе показать, что удовольствие можно получить разными способами. Необязательно лишаться невинности. Но раз ты так противишься...

Защитник задержал на ней взгляд. В глубине зрачков рождалось голубоватое пламя. Тихо зарывчав, он все же направился к двери, и Кира невольно вздрогнула, когда он проходил мимо. И снова, когда кулак ударил по косяку.

– Нет, это просто невозможно выдержать! Навещу-ка я госпожу Аннару. Она мне кажется сговорчивее некоторых глупышек и сможет оценить мои старания по заслугам.

На пороге Пасита обернулся и пристально, без тени улыбки

ки посмотрел на съевшуюся охотницу. Непогасший отблеск в глубине глаз, придал ему сходство с диким животным:

– Не вздумай сбежать! Помни про договор.

Как только дверь затворилась, Кира метнулась следом, перешагнув, через платье. Судорожно заперлась на щеколду трясущимися руками, но этого ей показалось мало. Схватив резную вешалку, она ударом ноги сломала её пополам и вставила одну часть в дверную ручку, так чтобы помешать открыть дверь снаружи. Но и на этом тоже не успокоилась. Шкаф оказался тяжелее, чем она предполагала, но все же ей удалось его передвинуть к дверному проёму.

Всё.

С мыслью, что сделала всё возможное, Кира устало опустилась на кровать. Это, конечно, Паситу не задержит, но даст какое-то время. Охотница, подошла к окну и выглянула наружу. Оно выходило на внутренний двор, где располагались конюшни и прочие хозяйственные постройки. На земле, вывалив красные языки, разлеглись два огромных сторожевых пса – на ночь их спускали с привязи. «Таких – легко не обманешь. Да, и у меня по-прежнему нет нормальной одежды, а в платье далеко не убежишь, даже если мне удастся его самостоятельно надеть...»

Она улеглась спать на кровати, предварительно выбросив все лепестки в окно и проветрив комнату.

Утром в дверь робко постучали.

– Госпожа, Киррана! Позвольте подать завтрак. Господин Защитник ожидает вас внизу. Просил поспешить.

5.

С мельницы Крэгу с Наарроном удалось убраться лишь чудом, ненадолго опередив неожиданных гостей. Те появились гораздо раньше и зачем-то направились по их следу, но, к счастью, на тракте отстали. Верховая езда ожидаемо не пошла на пользу курсанту, и он ехал, то и дело припадая к шее Ромашки. Изначально взобравшись на Ветра, Крэг вскорости пересел на кобылку, у которой ход был мягче. Вечером того же дня друзья нагнали обоз купца Евпатия, который вёз на продажу в Птичий Терем заморские товары. Всего более двадцати возов, отряд наёмной охраны, да прибившиеся по пути путники – приличная сила, чтобы путешествовать в относительной безопасности.

Сам купец, как половина людей, третий день маялся животом. Ехали то и дело провожая горьким весельем каждого нового бегущего в кусты неудачника. Это серьёзно задерживало, и Евпатий злился, понимая, что опаздывает. Средства местного лекаря отчего-то не помогали, и Нааррон со своими целебными отварами пришёлся весьма кстати.

Птичий Терем был последним оплотом цивилизации в Приграничье – дальше располагались одни лишь деревни. Несмотря на удалённость, это был богатый торговый город, в который не гнушались возить товары самые известные куп-

цы и авантюристы. Да и люд там жил охочий до диковинок и золота не жалел, вот и курсировал Евпатий туда-сюда годами.

Обоз, как длинная скрипучая гусеница, источая запах конского пота и навоза, неспешно вползал в городские ворота.

– Проснулся? – Адепт протянул другу привычную порцию отвара, с которой начинался каждый новый день.

Снадобье было горькое, но Крэг не жаловался. Благодарно кивнув, выпил залпом. Поморщился. Осторожно поднявшись, пододвинулся к пологу фургона и, откинув его, выглянул наружу. Уже две недели как он стал их временным домом, позволяя раненому Защитнику передвигаться с большим комфортом. Это стало своеобразной наградой за излечение от медвежьей болезни.

– Не думал переучиться на лекаря? – Спросил Крэг, возвращая кружку. И довольно крякнул: – Прямо на глазах легчает.

Он сладко потянулся, и Нааррон отметил, друг больше не бережёт руку: «Добрый знак».

– Нет. Какой же из меня теперь лекарь? – Скромно махнул рукой.

– Мне кажется – отменный, – Крэг лучезарно улыбнулся.

Они выбрались наружу. Фургоном управлял мальчишка, который подвинулся, освобождая место. Утро выдалось солнечным, обещая ещё один жаркий летний день, но Нааррон

только поразился. Он и не думал раньше, как ненавидит холод, особенно вспоминая, что их путь лежит далеко на север.

Птичий Терем, вопреки ожиданиям, снаружи больше напоминал крепость. Оно и понятно. Раньше это был первый бастион на пути сартогов или тварей Излома. Даром что ров засыпали много лет назад, а сам он разросся, расстроился вширь, потихоньку занимая окрестные земли. Казалось, случись беде, и старый воин вновь снимет со стены свой меч, стряхнёт пыль с доспехов...

Их накрыла тень, когда фургон нырнул в каменный проём ворот, чтобы вынырнуть уже внутри высоких, неприступных стен.

– О боги! – Крэг вдруг ощутил небывалый прилив *силы*. Почти как тогда, когда выпил особого отвара, приготовленного Наарроном. – Что это? – Он завертел головой, новым открывшимся чутьём определяя источник.

Люди, из тех, кто хотел утром покинуть город, да задержался, теперь жались вдоль стен, пропуская их обоз, так некстати попавшийся навстречу в узком проходе. Стража не досматривала каждый воз, но всё равно дело шло не быстро, и путникам оставалось лишь переминаться, в ожидании.

Взгляд Крэга безошибочно упёрся в пару всадников.

– Кажется мне знакома эта лошадь, – он ткнул Нааррона в бок.

– Не может быть! – Откликнулся тот. – Это же Пасита тин

Хорвейг. – Нааррон тоже узнал буланого. – Нельзя, чтобы он нас увидел, быстро внутрь, – адепт скрылся в фургоне. – Чего медлишь?!

Крэг его будто и не слышал. Мир вокруг исчез, растворился. Осталась лишь незнакомая девчонка на вороной кобыле. Ловкая посадка – она сидела верхом по-мужски, да и одета была, как мужчина. Печаль на миловидном лице. Защитник не понимал, чем она его так привлекла, но знал, что готов отдать за неё жизнь и даже больше...

Девушка подняла голову, и Крэга обдало жаром, когда их взгляды на мгновение встретились. *Сила* рвалась наружу, разрушая ненадёжную структуру потоков.

– Ты что творишь?! – Зашипел Нааррон, и Крэг от неожиданности подпрыгнул, получив увесистую затрещину. – Тише-тише! Ты это чего? – Друг зачастил шёпотом, и явно был напуган. – Крэг, тут же все замёрзло! Ты меня слышишь? Прекрати сейчас же!

Защитник, сбросив наваждение, осмотрелся – тент изнутри и правда покрылся инеем. Но он, не обращая на друга внимания, жалея об утрате того восхитительного ощущения, спешно перебрался в заднюю часть фургона и попытался спрыгнуть.

– Да постой же!

Адепт упёрся ногами и что есть мочи потянул друга обратно за рубаху.

Девчонки уже не было видно, лишь отголосок *силы* мяг-

ким пёрышком ласкал внутренности, постепенно затухая по мере отдаления. Крэг повернулся, окончательно приходя в себя. Могучая грудь вздымалась, будто он пробежал несколько вёрст.

– Прости... *Сила*, она... вырвалась? – Крэг осмотрелся, сам удивлённый не меньше.

– Не пора ли всемогущему перестроить потоки, чтобы ничего не вырывалось наружу не вовремя? – Съехидничал Нааррон. – А то перед девками недолго опозорится.

– А ведь и правда, я не делал этого с прошлого года, – пропустил колкость мимо ушей курсант. – Да и незачем было... Я уже и отчаялся стать сильнее...

– А всего-то стоило за орденские ворота выйти, так *сила* во все стороны и попёрла, – продолжал подтрунивать адепт.

– Давненько я тебя не гонял по утрам, – словно в раздумьях почесался Крэг.

– Так я ж только того и жду. Даже зад зудит – пинков просит. Давай уже поскорее приходи в норму, дружище.

Будущий Хранитель хлопнул друга по больному плечу и тут же испугался. Они рассмеялись. На душе у обоих, впервые за долгое время, стало неожиданно хорошо.

Позже, тепло распрощавшись с Евпатием, обменялись скромными подарками: Нааррон поделился снадобьями, а купец – подарил им по медальону гильдии. Полезное приобретение – любой торговый обоз без вопросов примет. После отправились на поиски постоянного двора. Следовало хоро-

шенько отдохнуть перед дорогой на север.

Глава 24

1.

По пути в Золотые Орешки, вопреки надеждам Защитника, в лесу никто не напал. Опасения Киры также оказались напрасными. Не пришлось ни отбиваться, ни спастись бегством. Пасита большую часть времени молчал, о чем-то размышляя, а, главное, не распускал рук.

Со следующего дня продолжились тренировки, к которым постепенно добавились уроки грамоты, математики, этикета и иные науки. Новоиспечённый учитель, как из рога изобилия вываливал на неё по вечерам знания. В такие моменты тин Хорвейг даже как-то преобразался. Не смотрел, как на дичь, задумчивым взглядом. А если и злился, когда она что-то не понимала, так это было по-иному. Вспылив, он тут же брал себя в руки и успокаивался, терпеливо принимаясь объяснять сызнова.

Кира жадно поглощала знания, словно навёрстывая упущенное, да и на память не жаловалась. Она училась бегло читать, изучала историю, геральдику и родословные. Пасита даже настоял на уроках танцев и этикета, объясняя это тем, что придётся бывать при дворе. Поначалу охотница воспротивилась, опасаясь его близости, но, к слову сказать, танцевать ей понравилось. Да и вёл себя Защитник во время таких уроков не в пример пристойно.

В один из дней привычный ритм жизни был нарушен появлением конного отряда. Шестеро всадников показались на соседнем холме, спустились в ложбину, а вскоре уставшие лошади, позванивая сбруей и поднимая пыль, взобрались на самый верх. Ещё было утро, но Кира как раз заканчивала тренировку. Внизу у подножья неспешно катила свои воды Широкая, лениво поблескивая на солнце. Измотанные дорогой люди то и дело сторожко посматривали в сторону противоположного берега, до которого здесь было не меньше четырёх полётов стрелы. Мрачный вид пришельцев внушал тревогу, уж очень не вязался с радостным солнечным деньком – подарком угасающего лета. На головах красовались остроконечные шлемы, на плечах – пропылённые зелено-коричневые плащи, к сёдлам приторочены щиты, луки. В ножах короткие или длинные мечи – кому как сподручней.

Вперёд выехал сурового вида воин. Из-под шлема выбились словно усыпанные пеплом пряди волос. Шрам делил левую щеку надвое, скрываясь в густой, чёрной с проседью бороде. Нос был давно и безнадежно сломан. Несмотря на жару, воин был обряжен в пластинчатый доспех, на остальных под плащами угадывались кольчуги.

– Дядька Боян! – узнав одного, Кира с радостным воплем подскочила с земли, куда её только что отправил очередным приёмом Пасита, и, позабыв о наставнике, как в детстве бросилась навстречу. Взлетела на седло по стремени, сжав сотника в объятиях.

– Никак Кира! – В шутку удивился тот. – Выросла то как, дочка! – Мужчина отстранил её за плечи рассматривая. – А кто этот с тобой? Вижу не Микор, да и не Каррон. Кто таков, назовись? – Рокотал низкий бас старого воина.

– Защитник Пасита, владетель сего места по приказу Великого Князя Богомила.

– Пасита? Пасита тин Хорвейг? А куда же Каррон подевался? Неужто в Ордене? Не думал я, что после стольких лет его вернут в Орден.

Кира погрузилась и опустила голову. Тихо ответила, спускаясь на землю:

– Защитник Каррон умер прошлым летом. Теперь Защитник Пасита наш охранитель.

– Как умер?! – Удивился сотник. – Неужто погиб?

– Не ведаем точно. С виду – заснул и не проснулся.

Губы сотника шевельнулись, сдержав ругательство.

– Матрёна смотрела? Что говорит?

– Смотрела, да ничего так и не обнаружила.

– Подозрительно, – протянул старый сотник, теребя ус.

Кира пожала плечами. Боян повернулся:

– А почто ты, Защитник, девчонку мутузишь?

– Тренировка у нас. У Киры хорошие навыки. Может, путное что и выйдет.

– Что ж путное ты из бабы сделать хочешь? Неужто вместо себя супротив сартога выставить собрался? Не след девчонке вот так один на один с мужиком бороться. Ей бы вы-

шивать, да приданое себе готовить, и так в девках засиделась, гляжу? – он снова обратился к охотнице: – Ты, Кира, присмотришь к Мечиславу, – названный воин расправил плечи, подбоченился, лихо подкрутив пшеничный ус, и сверкнул очами. – Он у нас как раз жонку ищет. Парень хороший, за него поручусь. К тому же из местных, приграничных. А коли понравитесь друг другу, так пушай сватов засылает, как раз к осени и свадебку...

– Дядька Боян! – Возмутилась Кира.

– А ты это брось, чего тебе за интерес? – Боян неодобрительно покосился на Паситу. – Лучше бы делом каким занялся.

– Попридержи язык, сотник. Ты прав таких не имеешь Защитнику указывать.

– Показал бы я тебе, где твои права, да недосуг, – старый воин даже сменился в лице, проникаясь ещё большей неприязнью.

– Дядька Боян, я сама попросила, – примирительно объяснила Кира. – Ты же знаешь, меня и Каррон учил. А тут уже, почитай, год без тренировок. Спасибо Защитнику Пасите за то, что, вообще, согласился. Зря вы его ругаете.

– Каррон учил. – Ворчливо протянул Боян. – И Каррону, видно, делать было нечего. Замуж тебе надо, Кирка, говорю. Детишек нарожала б, и глупости всякие в голову не лезли б. – несмотря на такие слова, в голосе сотника звучала теплота. – И куда только Микор твой смотрит? Как он тебя одну

сюда отпустил-то с этим... – Он пренебрежительно мотнул головой в сторону Паситы.

Защитник криво усмехнулся, а Кире не хотелось отвечать при нём на этот вопрос, и она неопределённо пожала плечами. Да и знала, не любил Боян Микора, даже как-то сказал Каррону, что чует в парнишке гнильцу.

– Да, Кира, куда всё-таки подевался тот дурачок, которого пришлось учить в день приезда? – Вкрадчиво поинтересовался Пасита. – Всё лето его не видно. Не помер ли?

– Ушёл из деревни, а куда – то мне не ведомо, – холодно соврала Кира и перевела тему: – Дядька Боян, а вы с Дальней заставы идёте? Надолго?

– Да, дочка, оттуда. Почитай, две зимы дома не был, да и ранили меня. Как прибыла смена, так мы домой.

– Дядька Боян, как же так? – Воскликнула охотница. – Вы к Матрёне-то загляните. Я проверю! – Она строго погрозила пальцем суровому воину, и в глазах его спутников промелькнуло веселье.

– Не переживай, всего лишь царапина, – улыбнулся Боян. – А к Матрёне-то я загляну, – он красноречиво подкрутил ус. Потом внезапно помрачнел: – Да-а, не думал я, что Каррона не застану. Тебя тут точно никто не обижает? – Он бросил многозначительный взгляд на Защитника.

– Нет, дядька Боян, что ты! У нас все хорошо. А как дела на заставе? Спокойно ли у Излома?

– Тревожные вести. Дозорные на дальних рубежах видели

гигантский столб пыли у самого горизонта. Похоже на сартогскую орду небывалых размеров. Пока не приближаются, но на виду, почитай, постоянно ходят. Как пить дать что-то замышляют.

– Князю послание отправили? – Посерьёзnel Пасита.

– Да уж не запамятовали, – с неприязнью ответил сотник. – Уже и из близлежащих гарнизонов отряды прибывают, Защитникам тоже следует быть наготове. Тебя тин Хорвейг это прежде всех касается. – Боян крякнул и снова повернулся к Кире, показывая, Защитнику, что разговор окончен. – Как Опорафий, не хворает?

– Здоров он. Да вы сами поезжайте, у него и остановитесь.

Сотник кивнул и чуть тронул поводья.

– Ну, прощевай, Кира. В деревне ещё свидимся, а завтра снова в дорогу. Пока болотный путь не закрылся, следует торопиться.

– Продолжим, – скомандовал Пасита, как только улеглась пыль, поднятая лошадьми.

Вскоре усталая охотница мерно покачивалась в седле.

Защитник не очень-то её жалел на тренировках, но бил не в полную силу, смягчая удары. Был терпелив. Поправлял, указывал на ошибки, добиваясь безукоризненного исполнения приёмов. Но как бы точно Кира ни следовала его науке, задеть Паситу ей не удавалось. Слишком уж быстр был Защитник и отвечал жёстко. Говорил: «Иначе толку от такой

науки не будет».

«Ни Каррон так не делал. Ни Микор... Неужто, жалели?» – это стало своего рода неприятным открытием.

Последнюю неделю в конце тренировки посвящался медитации. Текущие движения, напоминающие плавный танец, приносили странные ощущения, будто все тело приятно свербит и покалывает. Защитник пояснил: это означает, что все идёт как надо. Медитация и нужна, чтобы пробудить и покорить *силу*. Постепенно она сможет входить в боевой транс по собственному желанию, когда понадобится, а заодно контролировать расход *силы* в бою. А ещё сказал, если дело и дальше пойдёт так же хорошо, как сейчас, то уже зимой как раз, когда болота встанут, они смогут отправиться в Орден.

Шло время.

Жизнь в Золотых Орешках окончательно вошла в колею. Люди занимались повседневными делами. О сартогах, с тех пор как приезжал дядька Боян, так ничего слышно и не было. Молодёжь, как и когда-то, снова отваживалась собираться на вечерние посиделки. Песни и смех звучали на улице. Так завершилась жатва, а после наступила пора свадеб.

Деревенские перестали оборачиваться и наблюдать украдкой, как Кира в сопровождении Защитника выезжает верхом за околицу. Как возвращается обратно усталая, а к ужину поднимается на крыльцо его дома. Только одного человека это все ещё интересовало – Глафиру. Она всё время крути-

лась где-то поблизости.

В один из дней Кира с утра отметила, что Пасита какой-то не такой, как обычно. Чуть сильнее захваты, чуть дольше удержания, чуть больше ругани, да ещё этот неприятный отблеск в глазах, напоминающий прежнее... Все это поселило на сердце тревогу.

Подходя к избе Защитника, Кира привычно поймала на себе взгляд полный ненависти. Оглянувшись, заметила Глашку, которая на этот раз стояла у дома Опорафия. Кира, не здороваясь, со вздохом вошла внутрь, она не могла простить Глафире убийство Тумана, а то что надумала себе глупая девка – её беда.

Дверь, закрывшись за ней, тихо хлопнула.

– Явилась, наконец! – Пасита повернулся и потёр руки от нетерпения. – Надевай поскорее.

– Что это? – Кира застыла в недоумении: «Он шутит?!»

На постели Защитника было разложено платье. Не такое роскошное, как – то голубое, в которое её наряжали в птичьем тереме, а довольно простое: серого цвета с голубыми оборками по краю и такой же шнуровкой на лифе.

– Ты повторяешься! – Тин Хорвейг закатил глаза.

– Зачем оно? Мне и без него удобно. – Кира опасливый глянула на мужчину: «А ну как прямо при нём переодеваться заставит?»

– Ты неплохо освоила этикет, но носить пристойные вещи не умеешь. Я решил, пора и этому учиться. Времени остаёт-

ся всё меньше, – он поднял платье и сунул ей в руки: – Надевай!

– Пасита, – Кира сглотнула, припомнив поездку на ярмарку. – Господин Защитник! – теперь после всех тренировок она очень хорошо понимала, ей с тин Хорвейгом не тягаться, но вот так просто сдаваться она не собиралась. Конечно, лучше было решить вопрос мирным путём, и Кира попыталась объяснить, что она не справится с этим платьем самостоятельно: – Пасита, я не могу...

– Конечно, ты не можешь! – Защитник раздражённо пролетел мимо и выскочил на улицу.

Раздался крик:

– Глафира!

4.

Защитник посмотрел в окно, проводив уходящую домой девчонку взглядом. Глаза привычно наткнулись на Глафиру, и он раздражённо подумал: «Не надоело же маячить?» Пасита совсем забыл про девку, да и, вообще, о женщинах не думал, увлёкшись занятиями с Кирраной тин Даррен. А ещё ему будто что-то исподволь мешало, отвлекая наяву от плотских мыслей, поворачивая их в иное русло, но он этого и не замечал, списывая на усталость. Падал на кровать сразу, как уходила Кира, забросив работу над книгой Излома: «Похоже, все что мог, я уже сделал. На большее у меня просто не хватает знаний».

Пасита, тяжело дыша, сел на постели. Мерцая красным в темноте, на окне тлели занавески. Защитник подскочил, сорвал занявшиеся было куски ткани, бросил их в печь. Внимательно осмотрелся, но больше ничего не заметил. Успокоившись, подошёл к окну.

Снаружи светила полная луна.

– Снова сон... – Усмехнулся Защитник, вспоминая каждое мгновение. – Прекрасный сон... – прошептал он, обращаясь к луне. Его глаза лихорадочно блестели.

5.

Молния высветила мужественный профиль, обнажённое развитое тело, будто доспехами покрытое буграми мышц. Тело воина.

Защитник повернулся одновременно с ударом грома. Его зрачки чуть мерцали в темноте мягким голубоватым светом – не ярость. Страсть.

Губы растянулись в улыбке, хищной, как оскал зверя.

В горнице царил полумрак, не считая слабого света лучины. Но и этого было достаточно, чтобы озарить устланное волчьими шкурами ложе и сжавшуюся на нём фигурку в самом уголке.

Новая вспышка молнии ослепила, скрыв момент, когда Пасита приблизился. Создалось впечатление, будто Защитник только что стоял у окна, и вот уже совсем рядом.

– Кир-ра, – прорычал не то он сам, не то почудилось в по-

следовавшем раскате. – Девчонка тин Даррен! – он протянул руку и поднял конец цепи. Той самой, которая осталась от убитого пса. Широкий кожаный ошейник, красовался на шее обнажённой Кирраны, являясь её единственным украшением и одновременно одеждой.

Кира вздрогнула и схватилась за цепь обеими руками, но он её сопротивления даже не заметил.

– Тебе не понравилось платье? Не страшно. Теперь ты будешь носить только это.

Он потянул ошейник вверх, вынуждая девушку встать на колени. Медленно окинув взглядом торчащие девичьи груди, с обещанием посмотрел в глаза, а затем грубо поцеловал, проникая языком в рот, кусая губы, вырывая невольный стон боли. Нехотя оторвался, когда понял, что она сейчас задохнётся.

– Станешь моей, будешь носить его постоянно. Я собираюсь часто наезжать в поместье. Там с твоим появлением, станет гораздо интереснее.

Он выпустил ошейник, чтобы тут же вцепиться в распущенные шёлковые волосы, заставляя опуститься ниже.

– Помнишь, я говорил, что удовольствие можно получить и иным способом? – Тин Хорвейг усмехнулся, глядя на её округлившиеся не то от удивления, не то от ужаса глаза. – Сейчас покажу один. Тебе тоже понравится... со временем, – короткий вздох вырвался, когда он почувствовал на себе её губы.

– Я буду делать с тобой всё, что мне вздумается, до тех пор, пока будет на то желание. До тех пор, пока это мне будет доставлять удовольствие. Или до тех пор, пока не понесёшь. Тебе придётся сильно стараться. Ты родишь мне наследника! Помни, меня никто не остановит, слышишь? Не посмеют.

Он сжал волосы крепче, добиваясь приглушённого вскрика. Потянул и задвигался, задавая ритм её движениям. Ускорившись, задыхал чаще. Запрокинул голову, жмурясь от удовольствия. Из приоткрытых губ вырвался сдержанный стон. Пальцы сжались, сминая звенья намотанной на кулак цепи. – Кир-р-ра...

6.

Сегодня Кира не могла поднять взор на Защитника. Стоило столкнуться с пытливым взглядом серых глаз, как щёки тут же вспыхивали краской. Она проклинала себя за это: «Как же тренироваться-то? Так никуда не годится! Он может неправильно понять...»

Задумавшись, охотница снова пропустила удар. Кулак двинул в солнечное сплетение, лишив возможности нормально вдохнуть. Охотница едва смогла откатиться в сторону, когда Пасита нанёс следующий. Рывком, вскочив на ноги, случайно встретилась с холодными насмешливым взглядом и, замешкавшись, вновь оказалась на земле.

– Что такое, Кира? – Голос Защитника звучал не раздра-

жённо, скорее вкрадчиво.

– Не выпалась, – буркнула Кира, поднимаясь на ноги.

Косы растрепались, и в волосах запуталась хвоя. Пасита по какой-то причине перенёс тренировки на другое место. Туда, где они раньше занимались с Микором и Карроном. Кира испытывала двойные чувства по этому поводу. С одной стороны – привычное место, родные сосны, удобная площадка для спаррингов... С другой – чудилось, что здесь витает дух отца. Иногда от этого было хорошо, а порой, наоборот, грустно... Микора же, она запретила себе вспоминать, стараясь не держать обиды в сердце.

– Говоришь, не выпалась? И в чём же причина? Неужто ухажёр какой объявился? Смелый, видно, парень. – Защитник хохотнул.

– Нет у меня ухажёра, и не было... Просто сон дурной привиделся.

– Дурной сон? И часто тебе такие снятся? – Вопрос прозвучал весьма подозрительно, и Кира не смогла совладать с предательски запыхавшимися щеками.

Ночью она проснулась от собственного немого крика, да так и просидела до зари не смыкая глаз. Боясь, что наваждение вернётся. Это сон Кира видела уже не первый раз. С небольшими изменениями он повторялся почти каждую ночь, но сегодня было особенно плохо. Как ни силилась охотница забыть липкий кошмар, как назло, помнила каждую мелочь. Невероятно, но даже отголоски запахов и ощу-

щений чудились, стираясь только с первыми лучами солнца. От этих сновидений становилось жутко, ведь о таких вещах она и не подозревала. На память приходили байки времён Излома, когда на землю лезла всякая нечисть, смущая людей, чтобы украсть у них душу, но рассказать об этом кому, она попросту стеснялась: «Неужто Пасита знает?!» – в ужасе подумала девушка.

– Кира, ты меня совсем не слышишь?! – Раздался раздражённый голос над ухом. – Ты где витаешь?

Тин Хорвейг больно ухватил за руку, оставляя жёсткими пальцами отметины на запястье. Дёрнув к себе, крепко прижал за талию.

– Кир-ра, – прошептал, обдавая дыханием, с рычащими нотками в голосе, будто смакуя её имя, – противник не станет ждать если тебе помечтать вздумается.

Глаза Защитника приняли до боли знакомое выражение, в глубине зрачков зарождался голубоватый отблеск.

«Он все знает!» – Теперь Кира была уверена, в лицо снова бросилась краска, и Кира, не дожидаясь поцелуя, резко присела, выворачиваясь из объятий. Не вставая, хитрым приёмом, который тин Хорвейг сам же ей и показал, умудрилась-таки уронить мужчину на землю. Мелькнуло подозрение, что Защитник поддался. В следующее мгновение охотница поняла – не ошиблась.

Пасита бросился следом резво, будто степная змея. С лёгкостью подмял под себя, не давая пошевелиться. Кира задёр-

галась, попробовала его скинуть, да не тут-то было – всё равно что пытаться сдвинуть мельничный жёрнов. Её попытки лишь веселили мужчину, и пришло осознание, что все приёмы работают, только если противник не тренированной и готовый ко всему Защитник.

– Кира, ты никчёмный боец, – шептал он почти на ухо. – Я удивлён, как те разбойники не пустили тебя по кругу.

– У меня проснулась *сила*! Я справилась, – процедила сквозь зубы охотница, не оставляя тщетных попыток высвободиться.

– Так, пускай и сейчас проснётся! – Заорал тин Хорвейг ей в лицо и чувствительно приложил спиной об землю, заставляя успокоиться.

Тотчас рядом с головой ударил тяжёлый кулак, вынуждая зажмуриться и затихнуть. Ошеломлённая, Кира прекратила дёргаться, и не сразу отважилась снова открыть глаза. Взгляд Защитника заледенел, губы сжались в тонкую полоску, ноздри расширились. Не успела охотница осознать, что все это ей не нравится, как руки грубо зашарили по телу. Пасита не сдерживался и не церемонился, срывая застёжки, раздирая ткань рубахи... Кира поняла, то что было в её снах сейчас случится наяву. У неё пытались отнять сокровенное. Безжалостные пальцы проникли под одежду, до боли сминая грудь. Вернулись, в попытке вытряхнуть её из штанов. Кира вцепилась в этот последний оплот целомудрия. Забилась, закричала. Плач перешёл в надрывный вой. Она редела в голос,

съёжившись в комочек. Не осознавая, что её больше никто не держит и не трогает.

Пасита, отвернувшись, стоял на краю площадки. Не обращая внимания на истерику, сухо бросил:

– Жду к ужину. Не забудь про урок этикета. Да, и избавься, наконец, от этих дурацких кос. Чтобы я их больше не видел!

7.

Пайшан разжала пальцы с лахиром, вознося хвалу Саршан-хо.

Хорошо, что Защитник ушёл. Ещё чуть-чуть и она нарушила бы приказ Тана. Юная асс-хэпт не выносила насилия.

Кира дралась хорошо, даже очень. Пайшан бы с ней пришлось ой как туго при случае. Но любая схватка с тин Хорвейгом для девчонки заведомо проигрышная. Это же всё равно, как если бы она, Пайшан, вздумала выйти против Райхо.

Асс-хэпт не могла забыть, как Хэпт-тан забрал её полумёртвую, сломанную, прямо с тренировочного поля, разогнав толпу тех, кто издевался, и тех, кто просто наблюдал за её страданиями. Клань жестоки. Если ассасин не может защититься сам, это только его беда. Первые месяцы Пайшан сидела и тупо пялилась перед собой, желая умереть. Выполняя простые действия, только когда он её о том просил: поесть, умыться, лечь спать...

Асс-хэпт Сафуил, единственный ученик Райхо Справедливого, не мог на это спокойно смотреть и однажды даже спросил, зачем им лишний рот? Хэпт-тан ему не ответил. Он попросту подошёл к ней и задал лишь один вопрос: «Ты хочешь отомстить?» И Пайшан неожиданно для себя кивнула, удивлённая до глубины души подобным поступком.

Открытая вражда и междоусобицы в кланах карались смертью, но тайная борьба поощрялась, главное, не попадаться. Она отомстила каждому. Память сохранила имена и лица. Её мастерство, благодаря Райхо, дало превосходство над всеми в честной схватке лицом к лицу. После этого Хэпт-тан стал единственным человеком, кому она доверяла и была готова умереть по приказу.

Девчонка ещё некоторое время после ухода Защитника сидела и тихо плакала. Пайшан едва подавила желание подойти и успокоить. Нельзя. Она должна выполнить задание. Вдобавок у асс-хэпт закрадывались подозрения: не водит ли её за нос Харила, тупоголовый сын верблюда и ослицы. Уж очень долго не может раздобыть Книгу Излома.

8.

Кира встала, обхватив себя руками. Медленно на подгибающихся ногах побрела в сторону деревни, стараясь унять бившую крупную дрожь.

«Боги!»

Вспомнился первый визит к Защитнику: «Какая же я ду-

ра! Думала, что тогда было страшно... – Она не представляла толком, на что соглашалась, заключая договор с Защитником. Надеялась, как-нибудь справиться. – Теперь знаю... – Подкосили охотницу сны. – Будто все наяву происходит...»

Каждую ночь она оказывалась во власти Паситы тин Хорвейга. Её сознание будто раздваивалось, делая её одновременно и участником, и наблюдателем. Не было ни сил, не возможности убежать. Она не могла сопротивляться, покорно выполняя его желания. И даже проснуться едва получалось. А потом она чувствовала себя так, будто и не спала всю ночь.

Кира вдруг заметила, что невольно потирает саднящее бедро, на котором во сне Защитник, натешившись, каждый раз вырезал кончиком ножа своё имя: «Тин Хорвейг».

«Что же делать? Так больше не может продолжаться. Это следует прекратить! Да и Пасита ведёт себя странно... Стал нервным и вспыльчивым. И этот блеск в глазах... Так выглядят люди, пристрастившиеся к траве-лихоманке», – такая росла на подступах к Излому, и однажды Кире довелось увидеть выкурившего ее воина. Эта мысль подтвердила ужасную догадку: – Пасита не просто знает, мы видим эти сны вместе!»

9.

«Горящие занавески – тревожный знак. Стоить побольше медитировать», – хмурился тин Хорвейг, глядя в окно.

Сила больше не росла, но чувствовал он себя не так, как обычно. Настроение то и дело менялось. Ему хотелось то выдрать девчонку по заднице, то обладать ею, то попросту прибить. Это мешало, когда Кира находилась рядом.

С тех пор как появились эти сны, Киррана просто сводила его с ума во сне и наяву. Постоянно донимало желание взглянуть на её бедро. Проверить, есть ли надпись? Претворить в жизнь все, что видится ночами... Сегодня он едва не сорвался. Позволил себе чуть больше, в надежде спровоцировать выплеск. Бил сильнее, чем обычно. Памятуя, как девчонка испугалась его ласк, решил припугнуть снова и едва смог остановиться.

«Продолжать в том же духе нельзя. Нужно взять себя в руки, иначе легко податься прихоти и всё испортить!»

– Почему? Боги, ну почему она не может призвать *силу*, когда я рядом?

Пришла мысль, не кроется ли причина странного состояния в воздержании? Пасита вдруг осознал, что Леди Аннара последняя, с кем он удовлетворял похоть, а с тех пор прошло несколько месяцев: «Небывалое дело! Решено. После вечерних уроков не стоит прогонять Глафиру, когда та придёт помочь Кире с платьем. С ней можно хотя бы часть видений превратить в явь...»

Пасита покосился на висящий на стене ошейник с длинной цепью. Подошёл и взял конец в руки. Сжал звенья. Те – не поддавались...

10.

Вечером Кира вернулась с чувством облегчения и надежды. Когда шла к ужину дрожала, но Пасита вёл себя предельно вежливо. Она же, несмотря на расшатанные нервы, почти не делала ошибок. Лишь однажды перепутала приборы, но тут же исправилась, вежливо извинившись. Кажется, Защитник остался доволен...

Церемониальные поклоны, чопорные жесты... Как же это все раздражало!

Раздражала Глафира.

Она пришла и, молча опалив ненавидящим взглядом, могла надеть платье, а затем и снять в конце урока. Все остальное время девушка просидела в уголке тихо, как мышка. Лишь чёрные глаза блестели, пожирая тин Хорвейга.

Дома Кира, устало опустилась на лавку, застеленную свежими простынями, от которых успокаивающе пахло лавандой. Выудила из внутреннего кармана куртки маленький пузырёк. Налила из кувшина воды в кружку и отмерила из флакона три капли – ни больше ни меньше как наказала Матрёна. Знахарка не обещала, что сны исчезнут, но гарантировала – больше Кира их не будет помнить.

Глава 25

1.

Пасита, хмурясь, посмотрел на низкое серое небо. Уж больно не любил вот такое вот преддверие зимы.

Порыв северного ветра взметнул листву и бросил в лицо водяную взвесь, через пару вдохов, превратившуюся в колючие снежинки. Защитник невольно поёжился, хотя и не чувствовал холода так, как его чувствуют обычные люди.

Погода нагоняла тоску. Вдобавок те особенные сны ему больше не снились, и это злило, словно у него украли сокровенное. Что-то, что принадлежало только ему одному.

«Не только», – он опроверг сам себя, покосившись на Киру.

Теперь ничто больше не отвлекало от мыслей о возвращении в столицу, а Затолан не спешил его возвращать: «Чего же старый змей тянет время?»

Тин Хорвейг надеялся добиться от девчонки выплеска и с чистой совестью отправится обратно в Орден самостоятельно: «Махаррон, ты, без сомнения, все знаешь, старая сартогская собака. Недаром же твой выродок Каррон провёл столько лет здесь, в глуши. Но я привезу девчонку, и тогда-то ты не сможешь выставить меня идиотом. Любой наставник, обладающий нужным умением, сможет увидеть её потоки. – Тин Хорвейг усмехнулся. – Прямо как в старые добрые вре-

мена».

Когда-то все наставники умели отличать одарённых. Они рыскали по всему Ярросу в поисках таких детей. Жили рядом, в ожидании первого выплеска, а уж только потом тащили на обучение в Орден.

«Не то что сейчас. Мы даём приют, кормим и поим каждого ублюдка, рождённого от семени Защитника, пока тому не исполнится пятнадцать, в надежде, что драгоценный отпрыск не подохнет раньше времени».

Лишь после Церемонии Определения становилось окончательно понятно, выйдет ли из такого ученика толк. Сможет ли он видеть потоки, разбудить и подчинить дремлющую до поры *силу*. Раньше артефакт попросту не срабатывает.

«После сего знаменательного события половина никчёмностей получит пинок под зад, потому как уровень их *силы* настолько ничтожен, что нет никаких шансов к ней воззвать. Ещё треть слабаков станет носить гордое имя Хранителей Знаний. И лишь жалкая кучка сможет зваться Защитниками...»

Пасита сплюнул раздражаясь. Запасной план оказался на грани провала. Он чувствовал, что уже поздно отправляться в дорогу. Должно пройти не меньше месяца, а то и двух, прежде чем расквашенные дождями топи не застынут. И за это время следует во что бы то ни стало добиться результата.

«Чего бы это ни стоило! Я не могу ждать вечно, пока дядя ведёт собственную игру!» – в том, что Затолан именно этим

и занят, Пасита не сомневался.

Он снова покосился на своевольную охотницу, и волна противоречивых чувств окатила с ног до головы. Девчонка сидела на земле в позе цветущего лотоса и, безмятежно улыбаясь, подставляла лицо ледяным порывам. Снежинки таяли на порозовевших щеках и чуть обветренных губах, превращаясь в маленькие капельки. Розовый язычок, мелькнув, слизнул одну. Кира прикрыла глаза, втянув носом воздух, будто приюхиваясь к чему-то.

Острое желание обладать ею сейчас же поспорило по силе с раздражением: «Пока я как баба ломаю руки в поисках выхода, она вздумала наслаждаться погодой!»

Глаза Защитника нехорошо сузились.

2.

С тех пор как Кира начала принимать снадобье, которое дала Матрёна, сны ей больше не снились. Никакие. Ни обычные, ни те – странные. Это радовало. Позволило вздохнуть с облегчением, хотя смотреть на Защитника всё равно было как-то неловко.

Пасита же на неё будто за что-то злился. Рычал всё время. Зыркал недовольно. Это казалось вдвойне странным, учитывая, что на тренировках она, наконец, начала делать успехи.

Теперь далеко не каждый удар попадал в цель, Кира блокировала, уворачивалась и частенько успевала дать сдачи. Хотя, конечно, для тренированного Защитника её удары бы-

ли, что комариный укус, но охотница помнила, Защитники в бою дополняют приёмы *силой*.

– Передохни и продолжим.

Кира сидела на холодной земле и радовалась первому снегу. Неповторимый запах свежести и обновления будоражил душу. Мечталось тропить русака [выслеживать на охоте зайца-русака. Прим. автора] утром по первому снегу, как в прежние безмятежные времена. Она вздохнула, и улыбка чуть померкла: «Да разве ж Пасита отпустит? Вон даже всю учёбу отменил, теперь с утра до ночи только и делаем, что дерёмся...»

Неожиданный удар в плечо опрокинул набок. Ошеломлённая охотница, еле успев откатиться в сторону, рывком поднялась на ноги.

Кира едва смогла приподнять веки, но не увидела ничего такого, что ей не подсказали бы запахи и ощущения. Мерно покачивало. Пахло кожей и мужским потом. Чуть меньше лошадью. Пальцы на босых ногах онемели от холода, но сил пожаловаться не было. На попытку отодвинуться подальше от ненавистного ей мужчины, тело отозвалось болью. Крепкая и тяжёлая рука лишь чуть напряглась, прижимая крепче.

– Прости, – раздался едва слышный хриплый шёпот. Щетина уколола висок, и сознание, пожалев, покинуло охотницу снова.

Пасита зарылся носом в русые волосы. Свои чувства к такой вот беззащитной Кире он не мог объяснить. На поле не чурался загонять её до полусмерти. Бил не жалея, не давая подняться, как бил бы любого курсанта тщетно добиваясь выброса *силы*. Потом вёз домой, а сердце затапливала непривычная нежность пополам с виной. Дома Защитник впадал в злую хандру.

«Муки совести?!» – эта мысль стала открытием.

Успокаивало лишь то, что девчонке все нипочём. *Сила* её защищала даже получше, чем его самого. Ночь. День. Кира снова на ногах: «Ни один из курсантов Ордена на такое не способен...»

Захотелось выпить чего-нибудь покрепче. Подошёл бы сагалийский ханаретто, от которого пресекается дыхание и слезятся глаза. Его принято разбавлять ягодным соком, но сейчас он употребил бы и чистый.

Пролетел уже целый месяц с тех пор, как земля укуталась белым пушистым покрывалом и ударили трескучие морозы. Вечера Защитник коротал в одиночестве сидя у горячей печки и заливая тяжёлые думы вином. Изредка его покой нарушала Глафира. Робко входила и, если не гнал её сразу, молча опускала руки на плечи, одаривая неспешной лаской. Все это в полной тишине. Говорить он ей запретил, лишь закрывал глаза, представляя на её месте другую.

Брякнула калитка. Тявкнул разок и тут же трусливо умолк Рыжик. Бабке Матрёне не нужно было гадать, кто пожаловал. Знахарка выпрямилась и вытерла мокрые руки о передник. Дверь отворилась и внутрь, не говоря ни слова, ввалился хмурый Защитник. Он нёс на руках безвольно обмякшую Киру, замотанную в его подбитый мехом плащ. Положив девушку на лавку, обернулся:

– До завтра сможешь её поставить на ноги? – заметив тревожное выражение на лице знахарки, добавил: – Два дня. Не больше.

– Лучше б насильничал! – в сердцах буркнула Матрёна ему вслед, но осеклась, под обжигающе-холодным взглядом, когда тин Хорвейг молниеносно обернулся. К счастью, он ничего не добавил и вышел.

Матрёна, выглянув в окно, злорадно отметила, что и сам Пасита выглядит измождённо. Не считая красовавшегося на щеке кровоподтёка, при ходьбе он слегка припадал на правую ногу.

– Сеня! Воду вскипяти! – крикнула она.

Кира слабо застонала, приходя в себя. Знахарка подскочила, развернула плащ и всплеснула руками:

– Совсем озверел! Да что же это делается? – и добавила богохульно: – Где твои глаза, Киалана?

Вбежала Есения.

– Боги, Кирочка! – девушка прижала руки к щекам. – Почему она в исподней рубахе? Зима ведь!

– Чего застыла? Воды неси!

– Так уже нагрела.

Матрёна разрезала ткань. Оценив степень повреждений, вздохнула:

– Бедное дитя, будто стадо быков пробежало!

Несмотря на сплошь покрытое ссадинами и ушибами тело, всё было не так страшно, как показалось. Матрёна проверила ноги, уже не удивляясь отсутствию обморожения. То, что Кира непростая девочка, знахарка узнала, ещё когда той было всего три зимы.

Она споро принялась за дело, ворча под нос:

– И чего привязался? Колотит и колотит! Да и сама хороша, сколько уже говорила – текай!

– Не сбегу... – одними губами едва слышно прошептала Кира.

– Помолчи! – Матрёна кинулась к полкам со склянками и пузырьками. Вынула один, посмотрела на свет тусклой масляной лампы, кивнула и отмерила часть в ложку: – На-ка, вот – выпей.

Кира с трудом проглотила снадобье, поперхнулась и закашлялась. Кашель перешёл в стон, и из уголков глаз выкатились слезинки.

– Тихо, девочка, тихо. Потерпи, – Матрёна принялась ощупывать рёбра.

– Мама... – шепнула Кира, и ещё одна слеза прочертила дорожку по виску. – Не... говори ей. – слова давались с тру-

дом.

– Не скажу, – помрачнела Матрёна, в душе радуясь, что Анасташа уехала погостить к родственникам в Вороньи Гнёзда, да из-за метелей задержалась. – Неча Анасташе ещё больше сердце рвать...

5.

Кира ничего не ответила знахарке, потому что уснула, несмотря на горящие огнём пальцы ног. Несмотря на саднящее тело. Несмотря на каждый вдох, отдающийся болью. Сказалась усталость. Организм был на пределе, а в тепле вконец разморило.

Впервые за долгое время ей приснился сон, вернувший в реальность:

– Раздевайся! – Голос Паситы прозвучал резко и отрывисто.

– Зачем?

Вместо ответа, последовал прямой удар. Охотница ушла классическим «шагом назад», но схитрила, ответив «кошкой» – подлым приёмом, нацеленным лишить противника зрения. Била по-настоящему не жалея. За что и поплатилась. Тяжёлый кулак обрушился на рёбра, затем в живот ударило колено, и тут же её отбросили в сторону.

Кира не то что не смогла сгруппироваться, она дышать в этот миг разучилась. Шлёпнулась плашмя, разбив нос об утоптанную до состояния льда площадку. Попыталась

отползти, но пронзившая грудь резкая боль не позволила этого сделать.

– Вставай и раздевайся, – повторил тин Хорвейг.

Упрямо сжав зубы, стараясь не стонать, загоняя боль подальше, Кира все же поднялась и встала в стойку.

– Если ты сейчас же не скинешь одежду, я её сожгу прямо на тебе, – угроза прозвучала ровно.

Когда штаны затлели, Кира обречённо сорвала их первыми. Вскоре рядом упала куртка. Следом – тёплая поддёвка.

– Сапоги.

Пасита оставался непреклонным.

Оказавшись в одной исподней рубахе, Кира подняла глаза на Защитника. В них горели вызов и негодование, но не огонь силы...

– Рубаху тоже снять? – Ноздри девчонки раздувались от гнева.

Пасита залюбовался наблюдая, как порывы ветра играют с тонкой тканью, то обрисовывая контуры продрогшего тела, то скрывая их очертания. Мгновение помедлил, принимая решение, но, покосившись на Харилу, который, приотпывая и хлопая себя руками, бродил в ожидании по краю площадки, понял, что не хочет, чтобы идиот пялился на его девчонку своими масляными глазами.

– Так сойдёт, – он встал в стойку. – Продолжим.

Харила порядком опостылело принимать участие в этом странном действе. раз за разом одно и то же. Он засопел, наблюдая, как охотница снова упала, не в состоянии дать отпор, но упрямо поднялась шатаясь.

Босые ступни чуть оскользнулись. Из рта вырвался не то стон, не то хрип. Девчонка больше не пыталась атаковать, лишь защищалась. В какой-то момент она снова пропустила удар. Второй. Третий вышиб из неё сознание, и охотница упала как тряпка.

Тин Хорвейг стоял над ней и тяжело дышал.

– Почему?! – Внезапно заорал Защитник, подняв голову к небу. – Почему ничего не выходит?! – В его глазах вспыхнуло пламя.

Серия мощных ударов обрушилась на ствол ни в чём не повинной берёзы, которая одиноко торчала на краю площадки. Тин Хорвейг, не жалея, разбивал кулаки в кровь, щедро орошая снег красным. Затем бедное дерево подверглось потоку ледяного ветра, а через минуту от него остался только обгорелый пенёк.

Харила замер возле лошадей и старался дышать тихо-тихо. Казалось ещё чуть-чуть и он тоже примется фыркать и жевать сено, чтобы не выделяться.

Взгляд Паситы погас и прояснился. Грудь вздымалась, будто он пробежал несколько вёрст кряду.

– Одень её! – Защитник указал себе за спину.

Тин Шноббер, немедля метнулся было к лежащей на снегу

девчонке: «И так вон пот прошиб, или это не пот? Но портки сменить стоит...», – как его остановил новый окрик:

– Не трогать! Я сам.

Харила едва не упал поскользнувшись.

Тин Хорвейг, пролетев мимо, задел его плечом, лишив равновесия: «Да чтоб тебя сартоги драли вечность!» – выругался мысленно тин Шноббер, отбив зад об лёд. Его терпение было на пределе.

Защитник одёрнул бесстыдно задравшуюся рубаху. Чуток повоzilся, тщетно пытаясь натянуть на девчонку штаны, но, свирепея, плюнул на это дело.

– Захвати её вещи, – приказал он и поднял Киру на руки.

6.

Один кошмар плавно перетёк в другой. Судя по окружающей обстановке, Кира была у Матрёны. Пасита сидел рядом и держал её за руку. Он что-то тихо шептал, но она не могла разобрать ни слова. Затем принялся целовать её пальцы, прижимая ладонь к своему лицу. Кира хотела выдернуть руку, но не смогла даже пошевелиться.

Когда снова открыла глаза, уже наступило утро или даже день, по брезжившему в маленьком окне серому мареву было не разобрать. Она снова находилась у Матрёны в избе, но даже не удивилась. Привыкла.

«Надо бы домой. Вдруг мама уже вернулась и будет волноваться?» – Кира попыталась подняться с постели.

– Ну и куда ты собралась? – Знахарка осторожно уложила её обратно, сопротивляться у охотницы не было сил.

– Кирочка, все хорошо, – подскочила Есения и взяла за руку, – я сходила к тебе домой утром. Анасташа ещё не приехала. Не волнуйся, мы тебя вылечим.

Ловкие пальцы забегали по телу, проверяя повязки. Есения отошла, взяла склянку с отваром и вопросительно посмотрела на Матрёну. Знахарка одобрительно кивнула и, прихватив ушат, вышла из горницы. Отмерив, несколько капель, Сеня разбавила их водой.

– Выпей, – черпачок коснулся растрескавшихся губ, – оно, правда, противное, но хорошо помогает.

Кира покорно проглотила горький настой и без сил опустилась на подушку:

– Мне сон приснился. Станный, – она непроизвольно вытерла руку об одеяло.

Есения тревожно обернулась, убеждаясь, что Матрена не слышит. Наклонившись к Кире, шепнула:

– Кирочка, это не сон. Я сама видела, как Пасита приходил ночью. Шептал слова всякие, целовал... Прощения будто даже просил.

– Разболтала-таки, простая твоя душа! – Девушки вздрогнули, когда знахарка неслышно вернулась.

Кира сморщилась от боли, а Сеня залилась румянцем до корней светлых, как спелый колос, волос.

– Глупости все это! – Ненатурально рассмеялась Матрё-

на. – Не вздумай забивать себе голову. Если он тебя целовать намеревался, не колотил бы, как сотник рекрута.

– Разве же я могу о таком думать?! – Удивилась подобному предположению Кира.

– Хорошо, если так. Тех, кто не против погреть постель Защитнику и без тебя хватает.

– Ты хочешь сказать? – От удивления Кира даже закашлялась, слишком сильно втянув воздух. Ухватила за рёбра.

– Именно! – Подтвердила догадку Матрёна

– Но как же можно? Пасита – чудовище!

– Их манит богатство, власть, надежда на особые милости.

К тому же эти слухи, что Защитники хороши как мужчины.

– Бабушка! – Воскликнула Есения и густо покраснела

– Киалана Заступница! – Прошептала Кира. Мысли заметались зайцами: «Нет, становиться подобием Глафиры я точно не собираюсь. Если Пасита возьмёт силой, убью при первой возможности и уйду в леса, а то и в степи за Излом. Неважно, что потом будет...»

7.

– Дрянная девчонка! – Защитник бессильно метался по комнате. – Что ещё я должен сделать, чтобы она призвала *силу*? Спалить всю деревню по одному жителю? – он вдруг остановился, осознав, насколько близко подобрался к этой грани, сжигаемый изнутри огнём собственной ярости.

«Такие как она не сдаются, – Пасита отхлебнул вино пря-

мо из горла, понимая, насколько теперь далёк от своей мечты и каждый день собственными руками расширяет эту пропасть. – Да она скорее сдохнет, чем родит мне ребёнка...»

Но хотелось-то покорить и приручить, а не растоптать и уничтожить.

«Выбранный путь не верный. Хорошо, что я начал это понимать... Может, не все ещё потеряно?»

Защитник грязно и витиевато выругался. Думы не давали уснуть, и он вернулся к знахарке, просидев рядом с Кирраной половину ночи. Видя, в каком она состоянии по его вине мысленно молил Киалану, чтобы не случилось страшного. Пасита вдруг осознал, что девчонка ему небезразлична.

Все в ней привлекало его. Её необычность. Её стойкость – другая такого бы не выдержала. Сдалась, как и прочие, или ещё во время первого ужина, или позже на ярмарке, ослеплённая подарками, умелыми ласками и невысказанными обещаниями. Привлекала её остервенелая жажда знаний – Кира прилежно училась всему, что он ей предлагал, забывая о своей ненависти, которая явно читалась в синих глазах во время тренировок. Привлекала даже её жажда и готовность убить, когда загнанная в угол, она продолжала сражаться изо всех сил. Быстрая, гибкая как лоза. Злая в бою, и яростная как дикая кошка. Куда до неё всем светским дамочкам в кружевном белье? Тин Хорвейг потёр колено, осознавая с восхищением, что Киррана вполне способна дать фору любому курсанту первого, да, пожалуй, уже и второго

круга.

«Прекрасно! Значит, по приезде она сможет обучаться сразу на втором, а то и на третьем кругу обучения, а значит, и церемонию инициации можно будет провести намного раньше».

Мысли прыгали с одного на другое, и Пасита снова приложился к бутылке, но в рот ничего не попало. Перевернув её вверх ногами, потряс. На пол упало несколько капель. В сердцах Защитник размахнулся и запустил ни в чём не повинный сосуд в дверь. Мелкие осколки брызгами вернулись к его ногам.

– Проклятое захолустье! – взревел он и, сапогами превращая битое стекло в крошку, пошёл к двери. Отворив, отпрянул в сторону, спасаясь от ворвавшегося в горницу пара.

«Совсем нервы расшатались... Шарахаюсь от каждой тени».

– Харила! – позвал, но снаружи никто не отозвался. Защитник, пошатываясь, вывалился на крыльцо. Осмотрелся вокруг. На дворе тин Шноббера тоже не было: – Где этот ублюдок пропадает?

Грязно выругавшись в который уже раз, тин Хорвейг, как был без тулупа в одном кафтане бродячим псом потащился по улице, безо всякой цели. Привычный порядок вещей нарушился, и виноват в этом только он сам. Виноваты его *сила* и похоть. Эта дикая смесь ощущений сводила с ума, не давая покоя. Пасита засмеялся и заговорил сам с собой:

– Махаррон всегда считал меня капризным, избалованным мальчишкой, у которого совершенно нет самоконтроля. Посмотрел бы я на него, окажись он на моём месте. Да я просто бог самоконтроля! – выкрикнул он, и его повело в сторону.

Защитник все же удержался на ногах, выписав зигзаг.

«Жаль, выпивка кончилась... Может, вернуться и допить Вино Откровения? Что с того, что оно дороже? Зато не хуже иного другого поможет скрасить вечер... Да... Ещё, пожалуй, стоит позвать Глашку...» – с этими мыслями Пасита поднял голову и расплылся в улыбке. Перед ним на дороге в нерешительности остановилась знакомая девка.

– То, что надо, – Защитник растянулся в довольной улыбке и припомнил имя красавицы: – Ламита!

Мороз украсил щёки девушки здоровым румянцем. Пухлые губки немного приоткрылись в растерянности. Пар от дыхания осел белой изморозью на пушистых ресницах и выбившейся из-под платка тёмной прядке. Отчего-то именно эта прядка навела Паситу на мысль о восхитительном разврате.

– Доброго дня, господин Защитник, – испуганно пролепетала девушка, и шерсть на загривке тут же привстала, вместе с «орудием труда».

«Нет. Точно не надо звать Глафиру... – подумал Защитник, вспомнив, как приелось её желание угодить. А старательность уже напоминала не страсть, а, скорее религиозный

экстаз, – Никогда не был излишне набожным...»

Усмехнувшись пришедшей в голову шутке, Пасита шагнул ближе и едва не облизнулся:

– И тебе доброго дня, Ламита. Хорошо выглядишь. Вижу, от того маленького недоразумения следов не осталось? Я рад.

Что-то в его тоне насторожило девушку. Она попятилась, непроизвольно оглянувшись по сторонам в поисках поддержки, но, как назло, вокруг никого не было. Пальцы Защитника легонько коснулись высокого лба, заскользили по щеке, невзначай проникнув под платок. Большой палец задержался на нижней губе. Ламита отшатнулась, но крепкая рука, обвившая талию, не позволила сбежать. Горячее дыхание выдало количество выпитого.

– Не надо, господин... – Ламита, чуть поморщившись, задрожала всем телом. меховые рукавички упёрлась в грудь, пытаясь оттолкнуть, но лишь разожгли кровь. – Не надо, пожалуйста! – Она, видно, не понимала, как на него действует. Закрутила головой, уворачиваясь от поцелуя. – Я закричу... – Голос прозвучал обречённо.

8.

Ламита, представляя, что сейчас случится всё равно решила, не станет звать на помощь Лютобора. Вообще, никого не позовёт. Не имеет права. Из глаз ручьями хлынули слёзы, когда Защитнику надоела игра и он, легко преодолев со-

противление, завладел её губами. Платок свалился с головы, полушубок оказался расстегнут, а Ламита просто безвольно стояла, не препятствуя гуляющим по телу горячим рукам. Вдруг какая-то сила оторвала от неё тин Хорвейга, и тот полетел в сугроб. Ламита проводила его взглядом, забыв закрыть рот от удивления. Всё это время она мысленно молилась Киалане: «Неужели богиня услышала?»

– Чего стоишь? Домой беги! – Это Кира пришла ей на помощь.

Бледная, осунувшаяся, растрёпанная охотница, в своей обычной куртке и с непокрытой головой, несмотря на погоду. Ледяной ветер трепал её не убранные в косы волосы.

Из сугроба донёсся смех, от которого стало ещё холоднее. Девушки разом повернули головы.

– Ламита, беги! Ну пожалуйста! – В голосе Киры прозвучала мольба.

– А как же ты? – Не решалась девушка, не хватало совести оставить охотницу одну. Но увидев выражение глаз Защитника, шепнула: – Прости! – и, сорвавшись, с места побежала что есть мочи домой не оборачиваясь. Причина, толкнувшая её это маленькое предательство, крылась в едва зародившейся под сердцем жизни.

9.

– Ки-ир-р-р-а! – Раздалось из сугроба, и охотница, сглотив, замерла в боевой стойке.

Пасита медленно поднялся на ноги, не спуская с неё взгляда пылающих огнём глаз. Снег был везде: в сапогах, в рукавах кафтана, на плечах и в коротко стриженных волосах. Таял там, где касался обнажённой кожи и это, судя по всему, не улучшило настроения Защитника. Он встряхнулся, будто пёс и зарычал:

– Кто тебя просил вмешиваться, девчонка? – Каждое слово упало ледяной глыбой.

– Ты чуть не нарушил обещание!

– А я-то было решил, что прибил тебя вчера... – Он коротко хохотнул. – Думаешь, сможешь со мной справиться?

– Попытаюсь, – ответ прозвучал глухо, будто Кира говорила сама себе, но Защитник расслышал.

Снова рассмеявшись, шагнул навстречу, и оступился, когда его повело в сторону.

– Да ты же пьян, Пасита! – Вдруг с удивлением осознала Кира, ещё ни разу не видевшая его в подобном состоянии.

– Я пьян? О да, я пьян! И выпил бы ещё столько же, но все когда-нибудь заканчивается. Выпивка. Терпение. Самоконтроль. – он развёл руками и сделал ещё один неверный шаг.

Кира отступила.

– Пасита, не надо!

– Повтори ещё. Мне нравится, как это звучит из твоих уст.

На руке Защитника появился маленький огненный шарик, который, бешено вращаясь, рассыпал вокруг ворох маленьких искорок, постепенно увеличиваясь в размерах.

– Защитник Пасита, не надо! – В голосе Киры зазвучало отчаянье.

«Если он станет использовать *силу*, мне точно не выстоять! – Да и тугая повязка, до сих пор стягивавшая рёбра, не внушала излишних надежд. – Нужно постараться решить все миром...»

Она оглянулась в растерянности и выпрямилась, больше не угрожая.

– Пасита, ты пьян. Давай я отведу тебя домой?

– Я думал, ты собралась со мной подраться? – Пасита задумчиво посмотрел на огненный шар, будто бы только что его увидел. – Но новое предложение мне нравится больше, – сжав ладонь, он заставил его исчезнуть, а после, стряхнув с ладони что-то невидимое, протянул её Кире и вдруг широко беззлобно улыбнулся: – Веди.

«Вот так просто?» – Кира удивилась настолько сильно, что даже не почуяла подвоха. Взяла протянутую руку, и та тотчас сжалась на запястье. Защитник рухнул в сугроб, увлекая её следом. Он радостно смеялся, подминая её под себя, наваливаясь сверху, зарываясь носом в волосы. Ухо обожгло горячее дыхание:

– Кира, Кира, – повторял шёпотом Пасита. – Киррана...

Охотница попыталась выбраться, но рыхлый снег не позволил. Пасита же прижался теснее. Вцепился рукой в её волосы, приник к губам, как умирающий от жажды. Поцелуй оказался не в пример нежным, несмотря на запах и привкус

вина. Кира больше не сопротивлялась, но и не отвечала, исполнившись мрачной решимости.

«Он слишком пьяный, а ну как разозлится и спалит?» – умирать не хотелось. Даже за деревенских.

А ещё, хоть Кире и не желала в этом себе признаваться, от близости Защитника так закружилась голова, что очень захотелось сдаться, подчинившись потребностям молодого тела. Тут-то и припомнился давешний разговор с Матрёной.

Наконец, Защитник оторвался от её губ и, глядя помутневшим от страсти глазами, хрипло произнёс:

– Отведи меня домой Киррана.

Он откатился в сторону, давая ей свободу. Лёжана спине, раскинув руки, улыбнулся низкому небу. Как по заказу даже ветер стих. В воздухе закружились пушистые резные снежинки. Кира неловко поднялась и отряхнулась, отмечая намётанным глазом шевелящиеся в окнах занавески, мелькающие в сумерках тени, торчащие из-за плетней любопытные носы. Наконец, поймала на себе выжидательный взгляд стальных глаз, блестящих от неприкрытого веселья.

Защитник снова протянул руку, и Кира едва сдержалась, выбирая между желанием её сломать или, на худой конец, хотя бы грязно выругаться. Но просто подала свою. Морщась от боли, помогла ему подняться, пребывая в уверенности, что тин Хорвейг бы и сам прекрасно справился: «Сартог дери! Да он мог бы донести меня верхом на Полночи, хоть до околицы!»

Так, держа Защитника за руку, Кира вела его по улице. Тянула за собой, будто послушного телёнка. Тин Хорвейг, шёл, пошатываясь, и блаженно улыбался, не отводя от неё странного, почти ласкового взгляда.

Подходя к площади, Кира тяжело вздохнула: «Вот только Глафиры мне сейчас не хватает!»

– Дочь сартогской собаки! Да как ты посмела?! – Начала та издалека, ловко спускаясь с крыльца дома Защитника по ступеням. – Я что говорила? Псину твою отравила, и тебя изведу!

Больше Глашка ничего не успела сказать. Пасита в одно мгновение оказался рядом. Схватив за шиворот, встряхнул, как шкодливого котёнка, зло прошипел:

– Только попробуй хоть что-нибудь сделать, и я сожгу тебя, как порождение Излома! Ясно? – Гаркнул он тряхнул девку снова. – Не слышу!

Глафира часто-часто закивала.

Пасита, удовлетворённый ответом, оттолкнул девушку в сторону, и та едва не упала, из глаз хлынули слёзы обиды. Тин Хорвейг повернулся к Кире. Помедлил, пристально разглядывая, тяжело вздохнул и выдал:

– Иди домой, Кирана.

Кира не заставила себя упрашивать дважды. Молча развернулась и зашагала прочь. В душе боролись чувство вины, что оставила Глафиру и облегчение, что всё закончилось именно так. Все же она ещё злилась на Глафиру из-за Тума-

на, но сил продолжать эту игру в спасателя не осталось.

«Да и сама Глашка, не против... Вот пусть сама и разбирается»

Глава 26

1.

Дни в дороге потихоньку сливались воедино, становились похожими один на другой, как близнецы. Холодало. Леса постепенно потеряли своё золото, потускнев под затяжными, выматывающими тело и душу, дождями.

Путники достаточно удалились от столицы, и теперь не избегали жилья, стараясь скоротать непогоду под крышей, то помогая по хозяйству одинокой вдове, то греясь у очага в случайно обнаруженной охотничьей избушке. Болота набухли влагой, сделав непроходимыми тропы и даже гати, и друзья неспешно продвигались на север, в ожидании, когда они замёрзнут.

За время путешествия Нааррон значительно изменился и уже не походил на того тщедушного заучку, который выехал из Ордена, пугаясь собственной кобылы. Все свободное время он посвящал тренировкам. Когда Крэг окреп, то стал учить его драться. Конечно, до идеала было далеко, но адепт всё равно радовался своей форме, наблюдая, как окрепли руки и пресс. За всю дорогу на них пытались напасть дважды. К счастью, это были простые разбойники, которые, обломав зубы, благоразумно убирались восвояси.

Преодолев, наконец, болота друзья продолжили идти на север навстречу зиме, и вскоре та расстелила под ногами бе-

лоснежное покрывало. Заселённые места закончились и на ночь приходилось ставить шалашик, спасаясь от холода. Защитник не мог себе позволить расточительно тратить и без того невеликий резерв, а адепт мёрз, как и все прочие люди. Но вскоре погода изменилась. По мере приближения к Излому становилось теплее и в какой-то момент они будто снова вернулись в осень.

Мрачные хвойные леса закончились, будто кто ножом лопотью отрезал. Перед взором расстелились пустоши. Эта земля не родила ни травинки, с тех пор как её отравили ядовитые испарения. Бурая непересыхающая грязь, местами сменялась серым крошащимся камнем, расстилаясь во все стороны, куда глаза глядят. Близость к Излому вызывала безотчётную тревогу, не покидая даже ночью. В сны постоянно вторгались кошмары, которые не запоминались, оставляя неприятное послевкусие поутру. Особенно страдал Защитник. Он с криком просыпался по нескольку раз за ночь и, порой, больше не ложился, сидя до утра у костра и вороша палкой угли. Нааррон лишь качал головой, отмечая осунувшийся вид друга. Отвары и травки, которые он для курсанта готовил почему-то почти не действовали...

Монастырь они увидели однажды утром. Как и дымку у самого горизонта – Излом.

– Крэг, дружище, тебе плохо? – Нааррон подхватил Защитника, когда тот медленно сползал с коня, заваливаясь набок.

– Все нормально, – встрепнулся тот. – Кажется, я задремал. Проклятые кошмары!

Он выровнялся в седле.

– Нужно тебя осмотреть. Слезай.

Нааррон остановил Ромашку.

– Незачем терять время, – воспротивился было курсант.

– Я сказал, слезай! – Адепт был непреклонен. – Давай, давай! Слушай, что говорит Хранитель.

– Хранитель Знаний? – Крэг улыбнулся, но послушался.

– Хранитель одного конкретного Защитника, – ответил Нааррон на полном серьёзе.

Курсант со вздохом сполз с коня, но как только ноги коснулись земли, понял, что они не держат. Адепт уже спешил и снова успел его подхватить, окинув укоризненным взглядом. Усадил прямо на землю, выбрав местечко посуше.

– На-ка вот выпей, – он сунул фляжку с укрепляющим отваром, запас которого постоянно пополнял, а сам принялся деловито водить над головой друга руками. Ладони засветились желтоватым светом.

Нехорошие подозрения подтвердились.

– Да ты на грани истощения! Будто что-то тянет твою *силу*... Идиот! – Нааррон заорал и хлопнул себя по лбу. – Я полный придурок!

– Ну да, иногда на то похоже, – кивнул Крэг с серьёзной миной, только в золотистых глазах играло веселье.

– Так. Я запомнил одну важную вещь, и ты можешь ме-

ня за это поколотить... Но ты-то сам, о чём думал?!

– Я бы с удовольствием, – хохотнув, перебил Защитник. – Только вот сдаётся мне, что сейчас скорее ты меня поколотишь.

Адепт остался серьёзным и продолжил свою тираду:

– Поколочу, но позже! А теперь делай как я скажу: садись на коня, и скачи обратно, не останавливаясь, и как можно быстрее. Насколько у Ветра сил хватит. Встретимся... – он задумался, вспоминая что-то приметное. – Помнишь сломанные сосны, где мы однажды ночевали? Значит, жди меня на том самом месте.

Защитник кивнул, но все же решил поспорить:

– Послушай, если ты не заметил, мы почти дошли. До Храма рукой подать, – он указал рукой вперёд, туда где виднелись очертания большого строения. – Ведь как-то сюда провизию доставляют? Не раз слышал, как Защитники на спор ходили... К вечеру доберёмся. Я смогу отдохнуть там, а ты меня полечишь и утром назад. Как тебе план? Не хочу оставлять тебя одного. Да и ещё так близко от Излома...

– Если ты не заметил, – передразнил его адепт. – Ты раньше подохнешь. Пока мы тут болтаем Излом по капле тянет твою *силу*, которой, меж прочим, почти не осталось. Зуб даю, потоки почти сухие. Так что, чем быстрее и дальше ты уберёшься и примешься за медитацию, тем лучше. И моли Киалану, чтобы тебе удалось выбраться до того, как отрубись.

– Ты серьёзно? – Крэг побледнел, поднимаясь, и тут же,

будто в подтверждении слов друга, пошатнулся тяжело привалившись к тёплому боку Северного ветра.

– Серьёзней некуда!

– А как же ты? На тебя это не действует? Ты точно справишься?

– Ты меня привёл, тут уже и такой как я заучка не заблудится, – адепт махнул в сторону Храма Киаланы. – Теперь я должен выполнить свою часть задания, – Нааррон прислушался к себе. – Кстати, чувствую себя как обычно, разве что не выспался. Поспеши! Ну же!

Крэг с видимым усилием влез обратно в седло. Адепт отметил, что он мигом вспотел и дышал, будто на гору влез, а не на лошадь. Стыдясь своей слабости, друг улыбнулся:

– Как же наши предшественники здесь воевали? Я слаб как котёнок, и *силы* нет – даже огненный шарик не создам.

– Я постараюсь это выяснить, – пообещал будущий Хранитель и мысленно добавил: «Решение этой задачи, станет делом моей жизни».

2.

Нааррон добрался до храма Киаланы только к вечеру. Обманчиво близкая громадина ещё долго маячила на горизонте, возвышаясь над пустошью как перст. Облупившиеся стены. Потемневшие от времени, но все ещё, на удивление, крепкие ворота. Несмотря на запустение, твердыня внушала благоговейный трепет. Никакой привычной ажурности и

лёгкости конструкций не наблюдалось. Скорее прослеживалось сходство с Храмом Керуна.

– Как может храм богини быть настолько суровым и мрачным? – Адепт разговаривал вслух, привычка вернулась, как только они расстались с Крэгом.

Он поёжился, покосившись в сторону Излома. До него все ещё было недалеко, но в клубящемся сером тумане мерещились чудовища. Они, меняя очертания, перетекали из одной формы в другую, приобретая чёткость, стоило чуть дольше задержать взгляд на каком-то конкретном. Нааррон поспешно отвернулся, когда воображение нарисовало маленькую детскую фигурку, помахавшую ему рукой.

«Довольно!»

Он судорожно задёргал калитку в воротах за огромное кольцо. Затылок будто обдало холодком, совсем как в детстве, когда проходишь мимо тёмной комнаты, в которой будто затаились все страхи.

Дверь не поддавалась.

Адепт, начиная паниковать, заколотил руками и чуть не упал, когда калитка бесшумно и легко отворилась внутрь. Умная Ромашка, фыркнув, первой протопала внутрь, аккуратно перешагнув, через его ноги. Видно, и бедной скотинке тоже было не по себе.

– Храни Киалана!

Вознёс мольбу Нааррон, затворяя за собой дверь на застав, и почувствовал, насколько весомо прозвучали эти сло-

ва, когда, обернувшись, упёрся взглядом в гигантскую статую богини, хмуро взиравшей на посмевшегося потревожить покой обители. Заворожённый непривычным обликом Киаланы, которая держала в руках щит и меч, придающие ей сестринское сходство с Керуном, адепт не заметил, как подошла пожилая жрица.

– Приветствую, Хранитель!

Нааррон подпрыгнул и едва не заорал, обнаружив подле себя низенькую, укутанную с ног до головы фигурку.

– Ох...

– Здесь тебе нечего бояться. Богиня бережёт свои владения.

– З-здравствуйте.

Нааррон чуть поклонился, успокаивая колотящееся сердце.

– Мы ждали. Ты пришёл вовремя. Идём.

Жрица повернулась и направилась ко входу в храм.

– Ждали? – удивился Нааррон. – Ну... Я пришёл... А, где?

– Тс-с-с! Ты получишь ответы на свои вопросы завтра. Сегодня уже поздно.

– Моя лошадь...

– О ней позаботятся. Не беспокойся.

Больше жрица не разговаривала, лишь сопровождала его в одну из келий, которая почти не отличалась от его собственной в Ордене. Разве что была ещё меньше и скромнее. Каменные стены, маленькое окно-бойница, прикрытое куском

медвежьей шкуры, чтобы не дуло. Деревянная лавка в углу, небольшой столик рядом. У двери скамеечка, да пара прибитых к стене крюков для пожитков.

Умывшись тёплой водой, адепт съел простой ужин, состоявший из ломтя чёрствого хлеба, большой кружки обжигающего травяного отвара, да куска козьего сыра. Глаза к этому моменту уже слипались. С удовольствием вытянув ноги на жёсткой лавке, моментально уснул без сновидений.

Утром разбудил стук в дверь. Быстро одевшись, Нааррон отпер. На пороге стояла вчерашняя жрица.

– Пора. Провидица готова к беседе. Ищи её во дворе, как позавтракаешь.

Она отступила в сторону, и внутрь вошла вторая, на вид немногим моложе. Не говоря ни слова, поставила на стол поднос, накрытый тряпицей. Завтрак, как две капли воды походил на ужин, но адепт с аппетитом все съел.

После незатейливых утренних процедур и упражнений, которыми больше не пренебрегал, Нааррон вышел во двор, когда-то замощённый каменными плитами. Время их не пощадило, многие растрескались, и в промежутках торчали пучки жухлой травы. Провидицу он обнаружил за статуей Киаланы, та меланхолично скребла метлой, сгоняя неизвестно откуда взявшиеся листья в одну кучу.

– Из сада, – ответила она на незаданный вопрос и, улыбувшись, добавила: – На то я и Провидица.

– Здесь есть сад? Доброе утро!

– Да прямо за храмом.

– Какая же, вы, провидица? – Пошутил Нааррон как-то сразу проникнувшись симпатией к старухе. – Из них же слова не вытянешь, а если и ответят, то сплошь загадками, а вы – прямо и по делу.

– Никогда не любила пускать пыль в глаза, – скрипуче рассмеялась жрица, подняв на адепта сморщенное, покрытое старческими пятнами лицо. – Здесь нет того, что ты ищешь.

– Ну вот, а я уж было в вас засомневался.

– Да, все верно. Книга Излома – в Золотых Орешках. Ведь именно туда, тебя так тянет в последнее время?

– Откуда вы узнали? – Потрясённо прошептал Нааррон, он даже Крэгу ещё не признался, что хочет навестить мать. Старуха лихо заломила бровь. – Ну да, конечно. Вы же – Провидица. – будущий Хранитель почувствовал себя идиотом, вспомнив, как привык в Ордене кичиться наукой, подвергая сомнению все выходящее за её рамки.

– Про книгу-то? Её забрал твой отец. – Старуха пристально взглянула и добавила: – Спрашивай, тут нет большого секрета.

– Отчего погиб Защитник Каррон? – Нааррон вдруг почувствовал, что ладони вспотели.

– От промедления одного, от нетерпения второго, от незнания многих. – Нааррон наморщил лоб, но жрица тут же исправилась: – Извини, старая привычка. Порой забываюсь, что в этом храме нет нужды в замысловатых фразах. Дед

твой долго не решался разобраться в том, что произошло. Отец не вытерпел и пришёл сюда сам. Это его и убило. Он забрал Книгу Излома, но не подозревал, что обрёл сам себя, проделав это путешествие. Излом тянет силу всех живых существ поблизости. Правильно сделал, что отослал своего друга подальше. Защитников Излом любит особенной любовью. Здесь их *сила* оборачивается во вред.

– Но... Как же вы тогда прожили здесь все эти годы?

Старуха неожиданно звонко рассмеялась.

– Как думаешь сколько мне?

– Девяносто? – Нааррон покраснел, осознав, что ляпнул непристойность.

– Сорок четыре, дурашка. Девчонкам – и того меньше. Самой младшей – всего двадцать. Год-два у Излома, и тело превращается в рухлядь. Я провела в храме уже почти десять. Мне недолго осталось...

– А я?.. Я теперь тоже умру? – Нааррон побледнел.

– Все когда-то умирают, ты не исключение. Но не бойся, – улыбнулась старуха. – Твоя *сила* Хранителя хорошо тебя защищает от влияния Излома, да и пробыл ты здесь всего ничего. Ты услышал ответы? Возвращайся и поторопись, вы должны раньше Стаи оказаться в Золотых Орешках.

– Раньше Стаи?

Жрица вдруг потеряла к нему интерес и зашаркала прочь, волоча метлу ослабевшими руками. Нааррон понял, что на этом разговор окончен.

3.

К поваленным соснам адепт вышел спустя два дня. Уже смеркалось. Снова повалил снег, и большие резные снежинки плавно опускались на конскую гриву.

– Долго же ты дружище! – Крэг появился из-за деревьев, неожиданно.

– Заплутал. Не сразу нашёл тропу, по которой мы шли.

– Как ночёвка?

– Замёрз и проголодался. Ты же знаешь, охотник из меня никудышный, – улыбнулся Нааррон, обнимая Защитника.

– Ты был прав, заучка. Как только я вошёл в лес, стало легче. Похоже, я обязан тебе жизнью. Идём скорее ужинать. Я подстрелил и зажарил зайца. Жёсткий зараза, но лучше, чем ничего.

– Крэг... – Нааррон, положил руку на плечо, останавливая друга. – Мой отец... Защитник Каррон. Он погиб, потому что был здесь.

– Что ты говоришь? – Крэг побледнел. – Я... тоже теперь умру?

– Нет! Провидица сказала, тебе нечего бояться. Отец был немолод, к тому же его потенциал... Он был поистине огромен, по сравнению с другими. Это сыграло против него. Излом присосался к его силе, как к антикварному вину, а Каррон проделал путь до храма и обратно, да ещё и переночевал в нём ночь. – это Нааррон выяснил, расспросив провожав-

шую его жрицу.

– Ужас! – Защитника передёрнуло. – Спасибо, что уговорил меня вернуться. Тебе удалось выполнить поручение?

– Нет. У них больше нет Книги Излома.

– О чём ты?

Нааррон махнул рукой.

– Думаю, теперь ни к чему все эти тайны. Я должен был убедиться, что Книга Излома существует и привезти её в Орден. Старинная инкунабула содержит утраченные ныне знания Ордена. Когда-то её нарочно упрятали сюда, но теперь она вдруг понадобилась деду.

– Но почему сюда? Ведь библиотека есть и у вас – в Южной башне.

– Наверное, здесь надёжней. Не каждый Защитник сможет вернуться, да и тот будет обречён. А простого человека сюда палкой не загонишь, – адепт усмехнулся. – К тому же надо знать, что искать.

– Так, мы возвращаемся в Орден?

– Нет. Мы идём в Золотые Орешки. Книгу забрал отец, значит она где-то в его доме.

4.

Кира вернулась в пустую избу и теперь не знала, куда себя деть. Утром привычно отправилась на тренировку, наплевав на увещевания Матрёны: «Пасита странный в последнее время. Ну как рассердится, мало ли чего от него ждать?» –

она потёрла зажившие рёбра.

На крыльцо дома Защитника поднималась с колотящимся сердцем. Но к радости и облегчению, того дома не оказалось, о чём поведал, на удивление, приветливый Харила. Оказалось, тин Хорвейг ещё рано утром отбыл по делам в Птичий Терем и обещал вернуться только завтра к обеду.

И вот охотница впервые за долгое время оказалась предоставленной сама себе. Анасташа ещё не вернулась, и Кира почти решилась навестить за ней в Вороньи Гнёзда. Дороги правда не знала, но так это не беда. Можно выпросить у соседей. Остановили только мысли о погоде: «Если завьюжит, не смогу вовремя вернуться. А ну как Пасита решит, что сбежала? Нет. Лучше остаться дома».

Тут посетила другая идея:

– Давненько я не охотилась, – на лице Киры сама собой расплылась улыбка.

Остаток дня Кира посвятила домашним делам, коих немало накопилось. Хорошо хоть за козой и коровой приглядывали Лютобор с Ламитой, а новым псом они с матерью так и не обзавелись.

Уже спускались сумерки, когда она подъехала к заснеженной охотничьей заимке. В глаза бросились расчищенные тропинки и поднимающийся из трубы дымок. В загоне переминались с ноги на ногу кони. Спешившись, Кира привязала Полночь в сторонке и крадучись направилась туда. Надо было взглянуть на лошадей: «Своих опознаю, а коли чужие

– нужно осторожно выяснит, кто это здесь обосновался без спроса. Хорошо, если избушка служит приютом для добрых людей, а ежели нет – то им здесь не место. Не хватало, чтобы кто из деревенских, ни о чём не подозревая, напоролся на разбойничий клинок».

Подобравшись к лошадям, Кира невольно прыснула.

– За что тебя так? – Прошептала, погладив бархатные губы статного коня очень странной масти.

Обрезанные по самое некуда грива и хвост едва отрастали, являя первозданную черноту у корней. Остальная шкура была покрыта пятнами, происхождение которых не могло быть естественным. Вторая лошадка оказалась вполне обыкновенной.

«Может, конокрады? – предположила охотница. – Увели жеребца, да замаскировали, как смогли. По весне на ярмарку сведут в тот же Птичий Терем?» – Кира понятия не имела о том, как действуют конокрады. В Орешках лошадей на её веку никто не крал.

Послышался хруст снега, и она затаилась.

Долговязый парень нёс охапку поленьев, от расположенного по другую сторону избушки дровника. Чужак шёл, подслеповато шурясь, и забавно вышагивая длинными ногами, будто боялся споткнуться о возможную преграду. Кира будто рысь выпрыгнула из-за загона. Поленья рассыпались. Пришелец очутился на снегу. Охотница оседлала его, зажав одной рукой рот, другой приставила нож к горлу. Убивать его

она не собиралась, но чужаку необязательно об этом знать. В глазах парня – вблизи он оказался гораздо моложе, чем она думала – плескались страх и недоумение.

– Сейчас я буду задавать вопросы, а ты отвечай. Если меня устроит, то что ты скажешь, разойдёмся мирно. Всё понял?

Парень часто закивал, даже не пытаясь сопротивляться.

5.

Крэг вышел наружу, собираясь спросить, чего заучка так замешкался:

– Дружи... – Он оборвал себя на полуслове, увидев примечательную картину. Верховом на развалившемся Наарроне восседала какая-то девица. – Нет! Ну стоило на минуту его оставить, а он уже с девками развлекается! Куда это годно? – Защитнику удалось подпустить в голос искреннего возмущения. Одновременно он оторвал девчонку от друга, аккуратно перехватив руку с ножом.

Но та оказалась неожиданно приткой. Удар затылком пришёлся точно в переносицу, если бы Крэг не был готов к такому повороту событий. И все же девчонка выскользнула, оставив в его руках нож и подбитую волчьим мехом куртку. Шапка с её головы слетела ещё раньше. Защитник вдруг ошарашенно уставился, но сказать ничего не успел. Та налетела фурией, и пришлось спешно отражать град ударов. Курсант не понимал, что происходит. Она била всерьёз, к тому же используя до боли знакомые приёмы. Вдобавок оказалась

быстрой и ловкой, что кошка.

Но и это не все, что поразило Защитника.

Отчего-то каждое прикосновение к её коже, когда он отражал очередной удар, отдавалось сладкими вспышками в животе. *Сила*, при каждом контакте, отзывалась тягучей волной. Пульсировала, наполняя сердце радостью. Крэг и не заметил, что глупо улыбается, отступая, и просто блокирует удары. После того, как кулак девчонки впечатался ему в лицо, раздался крик адепта:

– Немедленно прекратить! Это нападение на Защитника! Ответишь по всей строгости!

Девчонка, опешив, прекратила нападать. Удивлённо покосилась, на потирающего скулу курсанта.

– Защитник? Я думала – вы воры. – И добавила неуверенно: – Конокрады.

Крэг, встrepенувшись, извлёк наружу и показал ей, скрытый доселе под одеждой громовик.

– Это Защитник Крэг, – Нааррон, видимо, решил, что нет больше смысла скрываться и представил их официально: – А я Хранитель Знаний Нааррон тин Даррен. Ты из местных?

6.

– Кто ты? – Переспросила Кира, сомневаясь, не послышалось ли? – Ты сказал тин Даррен?

Тот, кого называли Защитником, подошёл и встал рядом с тем, кто назвался её родовым именем. Кира невольно задер-

жала взгляд на своём противнике, наконец, удосужившись его рассмотреть: «Симпатичный... И статья для Защитника подходящая... Вот только смотрит на меня... Так же вчера глядел и Пасита!» – Она мысленно поёжилась.

– Нааррон тин Даррен. Хранитель Знаний из Южной башни Ордена Защитников, – повторил долговязый парень.

– Тин Даррен? – Повторила за ни Кира чуть растерянно.

– Тебе знакомо это имя?

– И что вам нужно в Золотых Орешках? – Проигнорировала она щекотливый вопрос.

– Ты знала здешнего Защитника Каррона? Он мой отец. Мы пришли, чтобы расследовать причину его смерти.

Кира никогда не видела брата, но что-то внутри теперь подсказывало, перед ней именно он. Внезапно ноги подкосились, будто что-то, что давало силы держаться всё это время, сломалось.

– Что с тобой? – Защитник вмиг очутился рядом, подхватил на руки, и Кира не стала противиться помощи. – Нааррон захвати дрова.

Внутри избы он уселся на лавку, не отпуская её с рук. Следом гулко протопал по деревянному полу брат. С грохотом свалил поленья возле печки. Покосился недовольно на счастливого без причины друга и со вздохом принялся кидать их в топку.

– Ну! Или мне зажигать? – Проворчал он с деланным недовольством. – Только тогда ещё часик придётся помёрз-

нуть.

Защитник вострепнулся, щелчком пальцев лихо отправил в топку маленький пульсар. Дрова тут же занялись, и изба наполнилась уютным треском.

Кира заёрзала, попытавшись слезть с колен мужчины. Ошеломление отступило, и на смену пришла неловкость: «Два незнакомца, и я у одного на коленях, словно беспутная девка в таверне... Да я даже как его зовут не запомнила толком!»

– Сиди. Лавка холодная, – сильная рука прижала крепче, будто не желала отпустить.

– Эй! – возмутилась Кира: – Как там тебя, Крэг? Хоть ты, Крэг, и Защитник, я тебе всё равно врежу, будешь руки распускать!

– Врежешь, это точно, – как-то мечтательно протянул он. – Только я даже про руки-то не думал. Спасибо, что подсказала, – усмотрев негодование в её глазах, он поспешно добавил, убирая горячую ладонь с талии: – Шучу, шучу! погоди только... – Он прикрыл глаза, и Кира кожей почувствовала, как воздух вокруг стал теплее. – Готово! Садись.

Он похлопал рядом с собой по лавке, и Кира осторожно пересела, обнаружив, что дерево тёплое.

– Вот за что девки Защитников любят, – вырвался отголосок старой родительской шутки, и охотница зарделась, испугавшись, вдруг её не так поймут. Непроизвольно стрельнула глазами и умудрилась-таки встретиться с Крэгом взглядом,

отчего покраснела ещё сильнее.

– Не только за это. Хотя и за это тоже, – хохотнул парень.

Смущённая охотница вскочила с лавки, но Защитник мягко положил руку на её запястье:

– Сиди уж, попрыгушка.

Ситуацию разрядил неожиданный вопрос Нааррона:

– Кстати, а ты так и не представилась. – он пристально, чуть щурясь, посмотрел и внезапно выдал: – Ну конечно! Ты же та самая. Мы видели тебя рядом с тин Хорвейгом осенью в Птичьем Тереме.

Тут уже и Крэг уставился на Киру, вновь вогнав её в краску странным выражением необычных золотистых глаз.

– Она! Та самая девушка! Я сразу почувствовал, – он перевёл взгляд на Нааррона и вдруг захихикал.

– Совсем слетел, убогонький? – Со вздохом, участливо осведомился адепт.

– Меня зовут Кира. Киррана тин Даррен. Защитник Каррон и мой отец тоже.

7.

– Сестра! У меня есть сестра! Кто бы мог подумать? – Наверное, в сотый раз за последние полчаса всплеснул руками адепт.

– Скажи это ещё раз, и я за себя не ручаюсь. – Крэг закатил глаза, и тут же игриво покосился на Киру.

За окном воцарилась тьма, а в избушке было тепло и уют-

но. Новый знакомец и обрётённый родственник оказались приятными людьми и как-то сразу принялись её опекать. Невольно вспомнились времена, когда был жив отец, и в душе поселилась надежда: «Теперь Пасита мне не указ, да и творить недоброе больше не посмеет. Вот и брат подтвердил. Эх, если бы заранее знать эти тонкости, все могло быть совсем по-иному...»

Само собой, охота отменялась и с утра они решили идти в деревню. Нааррон поведал, что о расследовании ляпнул нарочно, понадеявшись невозбранно попасть в дом, где жил Каррон, чтобы кое-что там поискать. Выяснив, что Кира знает про Книгу Излома и была близка с отцом, ребята обрадовались вдвойне. Их задача оказалась вполне выполнимой.

– Тин Хорвейга сейчас нет. Вернётся только завтра. Если мы его опередим, сможем забрать Книгу. Я знаю, где он её прячет. – Кира мысленно корила себя за то, что когда-то выбрала нож. – Его прихвостень тин Шноббер нам не указ, – при этих словах она непроизвольно окинула взглядом внушительную фигуру Защитника и в который уже раз покраснела: «Да что это такое! Сижу глазки строю весь вечер, будто на гулянках!»

А посмотреть было на что. Крэг казался пониже ростом, чем Пасита, но чуть шире в плечах. Коротко стриженные по обычаю Ордена волосы, отросли за время путешествия. Чуть светлей, чем у Микора, и на вид не такие жёсткие они контрастировали с удивительным цветом глаз, какого она ещё

никогда не встречала. Лучезарная открытая улыбка, каждый раз озаряла лицо Защитника, стоило ему на неё посмотреть.

– Чего пялишься? – Буркнула Кира, поймав его взгляд.

– Это я пялюсь?! – Искренне возмутился парень. – Это ты на меня всё время таращишься, будто я зверушка какая?

– Ты тоже на меня смотришь! – В свою очередь, возмущалась Кира, понимая, что он прав.

– Понравилась, вот и смотрю, – развёл руками Защитник. – Ничего не могу с собой поделать.

– И когда же успела? – охотница и сама не поняла, откуда в её голосе взялась эта игривость.

– Да сразу. Ещё в птичьем Тереме. А когда увидел, что Нааррон в снегу валяется, так и совсем убедился, ты – свой человек. Обрадовался, что ты его прибила – достал он меня уже. Бабах и влюбился.

– Даже влюбился? Вот так прямо сразу?! – Кира покраснела не то от смущения, не то от возмущения.

– Эй, друг, полегче! – Адепт обнял Киру за плечи. – Это моя сестрёнка!

– Керун, как ты мог так странно перемешать этих людей? – Курсант, паясничая, воздел рук к потолку. – Это надо же! Дева-воин и брат-заучка. Вы же похожи, как две капли! – тут он явно преувеличил для пушшего эффекта: – Тебе косичек не хватает, а тебе – щетины... – договорить ему не дали.

Брат с сестрой, не сговариваясь, обрушили на Защитника град шуточных тумачков, и он, нарочито взвизгивая, полез

под лавку, заставив всех покатываться со смеху.

Отсмеявшись, расползлись по лавкам, держась за бока. У мужчин выдалось непростое путешествие. Последние три дня почти не спали, спешно уходя от настигающей Стаи. Мороз и голод выгнали хищников из леса, и вой слышался каждый раз все ближе. К счастью, они удачно свернули и набрали на эту вот самую охотничью избушку, где и решили перевести дух – сил ни у людей, ни у лошадей почти не осталось. Все это за ужином поведал Крэг в своей обычно полушутливой манере. Теперь Кира лежала, глядя в темноту и прислушиваясь к шорохам за окном: «Идёт Стая. Что-то будет...»

Вдруг подумалось, что она так и не открыла им своей тайны. Не сказала, что Пасита её тренирует, и что она, похоже, Защитница. А никто из них не поинтересовался, что её связывает с тин Хорвейгом, будто намеренно избегая скользкой темы. Кира гадала – почему так поступила? Не выдалось подходящего момента или же просто испугалась?

«Ладно, на разговоры ещё будет время».

Покрутившись немного, она улыбнулась в темноту и решила:

– Крэг? – позвала шёпотом. – Спишь?

– М-м?

– А я тебе, и правда, понравилась бы со щетиной?

Последовала короткая пауза, а затем предельно серьёзный ответ:

– Правда. Даже лысая, – он ещё немного помолчал и до-

бавил, зевая: – Даже горбатая.

Ещё через мгновение оба прыснули.

– Да тише вы! Дайте поспать, наконец! – Проворчал Наррон. – Первая ночь, когда никто над ухом не воеет, а вы тут все портите.

– И правда, не воеет. Даже странно... – Пробормотал, засыпая, Защитник.

Кира так и уснула с улыбкой на губах.

Она снова забыла принять Матрёнино зелье и увидела сон. В нём странно переплелись три образа: Микор, со смехом отправляющий её сеять репу. Пасита, с презрительным выражением лица ругающий её косички, а потом умоляющий о прощении. И Крэг, который бросил в них охапку дров, заставив раствориться в дымке, а затем обернулся и проникновенно сказал: «Даже горбатая!» Его золотистые глаза совсем пожелтели, превращаясь в волчьи. Вокруг стало стремительно темнеть, и вот уже перед ней вместо Защитника сидит крупный зверь. Волк поднял голову к усыпанному звёздами небу и протяжно завыл.

Стая! – Кира подскочила на постели.

Глава 27

1.

Харила застыл посреди горницы, обхватив голову руками. Закружился, издав не то рык, не то вой отчаянья.

– Где! Где, сартог меня дери, эта книга?

Он сходил с ума, наверное, уж в сотый раз простукивая половицы. Каждую подковырнул ножом, нажал, попробовал сдвинуть в сторону. Стены, потолок, притолоку, лавки, стол, постель тин Хорвейга – он проверил всё. Книги нигде не было. Харила даже пошарил в печи, хотя это было глупо, учитывая, что он собственноручно растапливал её каждое утро.

– Думай тин Шноббер! Думай!

«Пасита может быстро её достать и спрятать, значит, на деле ничего сложного», – он снова лихорадочно обвёл комнату взглядом, но никаких новых идей в голову так и не пришло.

– Прав Мордан. Я тупица.

Вспомнив о брате, Харила испытал новую волну разочарования. Кузен ни разу не написал с тех пор как уехал: «Обиделся? Наверное, дядя и правда заслал его в Болотное поместье. Но это тоже не повод для молчания! Написать можно было и оттуда ».

Мысли, сделав круг, плавно вернулись к первоисточнику его бед. Нариша стала терять интерес. Не улыбалась, почти

не ласкалась, как прежде. Уворачивалась от его поцелуев и надувала шаловливые губки, едва позволяя чмокнуть. Казалось, с наступлением зимы замёрзли и её чувства. На последнем свидании, кутаясь в богато украшенную соболем шубку, она назначила день и час новой встречи. Сказала, чтобы смел явиться только с книгой, или не приходил вовсе...

«Неужели ублюдок забрал книгу с собой? Но ведь был в стельку пьян накануне. Да и с момента, как ушла Глафира, я не спускал с него глаз. Проснулся тин Хорвейг тоже при мне. Как раз, когда я растапливал печку. Молча оделся. Буркнул с порога, что вернётся завтра к обеду и все...»

Мысль, что у него в запасе почти не осталось времени приводила в отчаянье. Заревев как раненый бык, Харила смел с полки книги, которые Пасита накупил для Киры.

– К сартогам эту дыру! Тин Хорвейга! Мордана! Всех капризных баб вместе взятых!

Дверь хлопнула, и тин Шноббер резко обернулся.

– Не это ищешь? – На пороге стояла Глафира. Она протянула ему сумку.

Это была та самая сумка, в которой Защитник возил книгу с собой. Не веря в происходящее, тин Шноббер вырвал её из рук девушки. Заглянул внутрь: «Она, родимая! О боги!»

Перекинув ляжку через голову, он выскочил в сени, где лежала собранная загодя котомка с вещами – возвращаться Харила не собирался: «С меня довольно! – а в сердце поселилась радость: – Нариша будет моей! Теперь ей не отвер-

теться».

Предвкушая, как заберёт любимую с собой, у выхода тин Шноббер все же обернулся:

– Спасибо!

Глафира криво усмехнулась и ничего не сказала.

2.

– Стая!

Сотни глоток огласили окрестности воем. Крэг подскочил как ужаленный.

– Боги! И часто тут такое?

– Бывает, но так близко в последние годы не подходили, – Кира торопливо натянула куртку, и принялась прилаживать ножны.

– Куда ты?

– Нужно срочно в деревню.

– Что происходит? – Всклопоченный Нааррон проснулся последним, адепта сильно вымотала дорога.

– Стая близко, – бросила Кира с порога.

– Мы с тобой! – Крэг принялся натягивать штаны. В отличие от остальных, на ночь он разделся. Кира поспешно отвернулась:

– Поспешите, я пока оседлаю лошадей.

– Ветер... Он у меня с норовом.

– Не беспокойся, мы уже подружились.

3.

Всхрапывая и теряя клочья пены, лошади проскакали через деревню и вылетели на площадь.

Повсюду царила суматоха. Раздавались крики. Кто-то кого-то звал. Кто-то ревел в голос. Кто-то истово молился. Кто-то спешно запирает ставни и двери. Кира осознала – люди не готовы. Столько лет Стая обходила их деревню стороной...

Среди общего гвалта выделялся крик Опорафия:

– Защитник Пасита! Где Защитник?

– Опорафий, тин Хорвейг вернулся? – Кира придержала гарцующую на месте Полночь.

– Сами ищем, и тин Шноббер куда-то запропастился... – Староста лишь развёл руками, в его поблёкших глазах отразилась безысходность.

Волчий вой раздался совсем близко. Похоже, Стая уже была на берегу Широкой.

Люди разом смолкли. В наступившей паузе особенно жутко прозвучал трусливый скулёж, которым ответили волкам деревенские псы, достаточно смышлёные, чтобы понять, что с этой силой им не тягаться.

– Крэг? – Кира повернулась к Защитнику. Растерянность на лице парня боролась с решимостью.

– Сделаю что смогу, но мой потенциал невелик...

Он нахмурился. Кира кивнула и немедля дала шенкелей лошади. Измученное животное рвануло с места. Крэг с Нарроном поспешили следом.

– Заучка, останься! – Крикнул Крэг на ходу.

– Я с вами!

Защитник не стал тратить время на уговоры, увидев выражение глаз друга.

Вылетев с противоположного конца деревни, они некоторое время скакали почти вровень. Затем дорога превратилась в тропу по обе стороны которой возвышались сугробы. Извиваясь, она взбиралась наверх по склону холма, того самого, на котором Кира тренировалась с Паситой, когда приезжал дядька Боян.

Почувяв волков так близко, Ромашка с Ветром заартачились, наотрез отказавшись идти дальше. Полночь, более привычная к запаху зверя, всё же внесла хозяйку на самый верх, прежде чем, протестуя, взвилась на дыбы.

Кира не стала её мучить. Бросила поводья и соскочила. За последние несколько дней выпало много снега, и по эту сторону холма тропу замело. Бежать было тяжело. Ноги тонули, порой, по колено.

На середине склона охотница поравнялась с одинокой фигуркой. Узнала Фению, жену Аккария. Та лишь несколько месяцев назад разродилась очередной девочкой.

– Алинка! Степан! Киалана! – Женщина металась и заламывала руки.

– Беги домой! – Рывкнула, поравнявшись, Кира.

Внизу у подножья суетились две маленькие фигурки. Восьмилетняя Алинка громко ревела, Стёпка тщетно тянул

подружку за руку, а прямо на них неслись обезумевшие звери. Волки рычали, мощными прыжками обгоняя друг друга. Самые шустрые вырвались вперёд, желая раньше прочих заполучить добычу.

Кира сбавила шаг, на ходу сдёргивая с плеча лук. Вынула стрелы – две зараз. Обе выпустила почти в одно и то же мгновенье. На снег упали два трупa. Кто-то неприхотливый, подгоняемый голодом, тут же набросился на свежее мясо. Другие желали более нежной добычи. Кира выстрелила ещё дважды, а затем отбросила лук в сторону – всё равно на всех стрел не хватит. В руке очутился нож. Охотница не думала, что станет делать, когда окажется там внизу. Она просто старалась успеть и бежала, что есть мочи, наблюдая, как готовясь к страшной смерти, обнялись дети. Спрятали лица на груди друг друга. До неё донёсся тихий сдавленный плач.

От стремительного бега уже болела грудь. Подавив кашель, Кира, не останавливаясь, взвилась в воздух одновременно с серой тушей. Зверь погиб в прыжке. Приземляясь, Кира одним точным ударом убила второго. Оттащила за хвост от детей ещё одного. Тот развернулся, скаля клыки, в жёлтых глазах плескалась голодная ярость. Кира зарычала в ответ, когда мощные лапы ударили в грудь, опрокидывая её на спину. Волк коротко взвизгнул. Горячая кровь брызнула из горла, заливая лицо. Отцовский нож не подвёл...

Перед самой вершиной Крэг обернулся, Нааррон сильно отстал и сейчас едва плёлся далеко позади, держась за бок. Следом от деревни бежали похожие отсюда на муравьёв люди. Защитник поднажал, отчаянно боясь опоздать. На вершине холма он на миг остановился:

– Храни, Киалана! – Вырвалось само собой, когда он увидел серое море. – Керун, дай мне силы! – опомнившись, воззвал он к богу-воину и припустил вниз.

Пасита нагнал, когда Крэг преодолел треть склона:

– Сопляк, ты-то здесь откуда? – Казалось, ублюдок даже не задохнулся.

Крэг, не останавливаясь, процедил сквозь зубы:

– Тин Хорвейг? Разве не ты должен быть на её месте?

Пасита зло сузил глаза и, оттолкнув курсанта в сторону, что есть мочи рванул вперёд по протоптанной Кирой тропе. Крэг, не желая отставать, пустился следом.

У подножья уже валялось больше десятка трупов. Снег из белого превратился в алый. Оставшиеся в живых волки обступили хрупкую фигурку с ножом в руках. Они переминались, скулили, рычали, взлаивали от возбуждения, но, наученные горьким опытом, не спешили расставаться с жизнью.

Один решился.

Прыжок. Взметнулись косы.

Крэг практически сам почувствовал, как нож, преодолевая сопротивление, входит в сердце. Как рука, касаясь жёст-

кой шерсти, отводит в сторону оскаленную морду. Как вязкая слюна пачкает пальцы. Услышал, как капкан челюстей щёлкнул смертельно близко над ухом.

Впустую.

Дальше время потекло, будто его заморозили, хотя Защитник в жизни так быстро не бегал.

Стая была совсем рядом. Оставшиеся, взбодрённые близкой подмогой, напали одновременно. Один на Киру, другой на кого-то за её спиной – вошедший в боевой транс Защитник видел лишь две теплящиеся точки: «Дети?!»

Киррана стремительно развернулась. Лицо и волосы – все сплошь покрыто кровью. На фоне страшной маски нереальным синим цветом сияли глаза.

Крэг с Паситой одновременно вздохнули, сбившись с шага. Почувствовав, как мощным толчком всколыхнулась в груди *сила*.

Внезапно во все стороны от Киры разошлись волны уплотнившегося воздуха, подобно миражу искажая пространство. Когда они достигли Защитников, их будто молотом в грудь ударило, отбросив обоих назад на десяток шагов.

Здесь снега намело по пояс и Крэг, барахтаясь, пытался выбраться, когда рядом засмеялся Пасита. Тин Хорвейг хохотал все громче и не мог остановиться. Крэга передёрнуло:

– Вот кто точно умишком-то тронулся...

Кира так отчаянно билась, что не могла позволить себе проиграть или сдаться.

– Керун! Киалана!

Не слова – короткая мольба, в которую она вложила всю себя, готовая раствориться, превратившись в непреодолимую преграду, но спасти невинные жизни: «Так нельзя! Я уже подарила детям надежду. Нельзя же теперь её отнять?»

Что-то случилось. Волки, взвизгнув, разлетелись в стороны. Кира же не могла сойти с места. Замерла, раскинув руки, и не видя, что творится вокруг. Лишь чувствовала, как отдаёт себя по капле, ведомая безудержным желанием спасти.

Опустошённая, наконец, смогла вернуть контроль над отчего-то застывшим в странной позе телом, и осознала – транс закончился. Рука с ножом предательски дрожала. Ноги налились болью, предупреждая, что вот-вот перестанут держать. Сознание будто плавало, грозя померкнуть в любое мгновение. Кира медленно моргнула и пошатнулась.

Оказалось, волков, словно жухлую листву, разбросало в стороны. Вокруг в радиусе пятидесяти шагов от неё бродили оглушённые, потерявшие ориентацию звери. Другие медленно приходили в себя, встряхиваясь и мотая лобастыми головами. Некоторым повезло ещё меньше – они не шевелились вовсе. Но всё равно оставшихся было ещё много: «Со всеми мне не совладать».

– Могута! – Закричала Кира так громко, насколько хватило охрипшего от рыка горла и горящих лёгких.

Снова повело, и она на секунду прикрыла глаза, борясь с тошнотой – невыносимо пахло мокрой псиной и кровью. Когда открыла глаза – перед ней стоял огромный седой волк.

– Вожак, так ты держишь слово? – Не сказала, прокаркала.

Она не видела, как тот изменился, но мгновение и вот уже перекидень-воин склонился к самому её лицу. Поросшее шерстью тело с очертаниями мужского торса и все та же волчья морда с клыками-кинжалами. Густой тяжёлый запах зверя, перебив все остальные, чуть не свалил с ног. Влажные ноздри втянули воздух:

– Волчонок Кар-р-рона? – Он указал длинной рукой с когтистыми пальцами на валяющиеся вокруг тела. – Ты их убила.

Речь вожака была понятной, но Кира этому даже не удивилась. Отвечая, она постаралась, чтобы голос прозвучал твёрдо:

– Я защищала детей.

– Вижу. Потому пр-рощаю. – Вожак выпрямился и посмотрел вдаль. – Моя Стая пр-ройдет мимо и в этот раз, но бер-регись др-р-угую.

– О чём ты? – Насторожилась Кира.

– Вы их зовёте сар-ртоги. Они задумали дур-рное. Разбуют то, что др-ремлет.

Внезапно горячий язык слизнул кровь с лица охотницы. Темнота.

6.

Когда Нааррон, наконец, достиг вершины холма, его обогнали даже деревенские. Десятка два мужиков из тех, кто посмелее, вынув мечи, спешили на верную смерть. Хотя она, как теперь видел адепт, явно откладывалась.

Стая уходила.

Волки по льду пересекали Широкую, устремившись к противоположному берегу. Когда адепт смог оторвать взгляд от этого зрелища, то увидел следы побоища. Участок у подножья холма казался одним сплошным красным пятном. Повсюду валялись серые туши. Навстречу по склону поднимались люди.

Будущий Хранитель, несмотря на близорукость, хорошо видел вдаль и сразу понял, вторая фигура рядом с курсантом – это Пасита тин Хорвейг, а на руках у него: «Кира...»

– А ублюдок-то откуда здесь взялся? – Тут Нааррона обдало жаром: – Кира! – Он, спотыкаясь, побежал навстречу: – Кира! Киррана! Кира! Сестрёнка!

7.

Харила спешился и повёл лошадь в поводу. Вскоре деревья расступились, и он оказался на маленькой круглой полянке, обрамленной молодыми елями. Сейчас их ветки были присыпаны искрящимся на солнце снегом. Тин Хорвейг осмотрелся: «Да. Это – то самое место», – однажды они с Нарией здесь уже были, ошибиться он не мог.

Припомнился разговор:

– Это ведьмин круг. Верить? – Нарюша весело рассмеялась.

– Глупости все это. Ведьм не бывает. Бывают уродливые старухи с обвислыми грудями и мерзким характером.

– А как же танцующие в полнолуние обнажённые красотки, о которых рассказывают сказки?

– На такую ведьму я бы посмотрел с удовольствием.

Нарюша надула губки.

– Значит, тебе без разницы на кого тарашиться? А ещё говорил, что любишь...

– Я бы с удовольствием и на тебя потарашился. – Харюла обнял её сзади, почувствовав горячее упругое тело через тонкую ткань сарафана.

– О чём мечтаешь?

Харюла вздрогнул, очнувшись от воспоминаний, и улыбнулся:

– О тебе.

– Ой ли?

– Выйдешь за меня? Я принёс книгу.

Лицо девушки просияло. Она шагнула ближе, потянулась будто за поцелуем, но, остановившись на волосок от его губ, прошептала, глядя в глаза:

– Покажи.

Харюла вздохнул и хотел притянуть её ближе, но Нарюша упёрлась:

– Сначала покажи мне книгу.

Тин Шноббер снял и протянул ей сумку. Девушка резко выхватила её из рук, заглянула внутрь. Губы расплылись в холодной ухмылке, сделав лицо красавицы хищным.

– Ты справился. Прими награду, – мурлыкнув, она шагнула к нему.

Сердце мужчины затрепетало. Все существо затопило сладкое тепло. Он протянул руки навстречу, заключая любимую в объятия, потянулся к губам за поцелуем.

Клинок вошёл в печень практически незаметно. Тин Шноббер не сразу понял, почему в глазах Нарисы не отражается его счастье, и лишь потом почувствовал, как слабеют ноги.

Пайшан отступила на пару шагов.

– На...риша... – Харила не осознавал, что уже мёртв.

– Меня зовут Пайшан.

– За... что? – Он опустился на колени, и только тогда догадался прижать ладони к ране. Тёмная кровь капала на снег, просачиваясь сквозь пальцы. Харила моргнул, понимая, что сегодня любимая одета иначе.

– Ты падашь, как и твой брат. Мир без вас стал чуть чище.

– Чу... довище! – Прохрипел умирающий.

– Я знаю.

Последнее, что увидел Харила был капюшон, скрывший в тени лицо той, которую он полюбил по-настоящему. А последнее, что мелькнуло перед глазами – кривящиеся в пре-

зрительной ухмылке кроваво-красные губы.

8.

Тин Хорвейг шёл впереди и нёс на руках бесчувственную девчонку. Это казалось почти что правильным и привычным.

– Дай её мне!

– Тебе ещё не надоело, сопляк?

У курсанта заходили желваки, он буравил взглядом и явно едва сдерживался, чтобы не наброситься. Тин Хорвейг гнусно усмехнулся, прекрасно понимая метания парня: «Если молокосос ощущает то же, что и я, могу лишь посочувствовать».

– Давай попробуй, – голос прозвучал вкрадчиво, Пасита только и ждал первого шага. – Сначала я отделаю тебя так, что родной наставник не признает, а потом ещё и ответишь за нападение на Защитника в его владениях.

– Ублюдок, – Крэг в сердцах сплюнул, вызвав новую улыбку.

– Это моя сестра! – Попытался в очередной раз Нааррон.

– Мозгляк, сестра, конечно, твоя. Кто же спорит? Но ты и себя донести сейчас не в состоянии. Так что заткнись похорошему и перебирай ногами молча.

У Паситы было просто чудесное настроение, и он не удержался от шутки:

– Эй, молокосос, – обратился он к хмурому курсанту. –

Почему бы тебе не потащить свою подружку для разнообразия? – Он указал головой на адепта и засмеялся над собственной шуткой. Ожидаемо его никто не поддержал. – Ребята, у вас вместе с мозгами и чувство юмора напрочь отсутствует?

Позади чуть поодаль шли деревенские, ставшие свидетелями страшной схватки. На руках несли перепуганных, все ещё всхлипывающих детей. Рядом, едва переставляя ноги, тащилась зарёванная Фения, которую под руку держал какой-то бородач.

Так и подошли к дому знахарки.

– Ранена? – Матрёна встретила их за воротами.

– Не сильно. Вот он, – Защитник указал на Нааррона, – ей уже помог. Нужен только восстанавливающий отвар.

Матрёна протянула фляжку.

– Тут концентрированный, надо развести.

Пасита кивнул и зашагал к дому.

– Куда ты её несёшь? – Не выдержал Нааррон

– Домой.

– Ты знаешь, где её дом?

– Представь себе. За год как-то сподобился выяснить, – хохотнул тин Хорвейг и добавил издевательски: – Но несу я её к себе домой. А вас – не приглашал.

– А вот и ошибаешься! – Тут уже Нааррон постарался гаденько улыбнуться. – Мы направлены Орденом, чтобы провести официальное расследование в доме, где жил Защитник

Каррон. И ты обязан оказывать нам всяческое содействие. Тин Хорвейг, ты ведь не хочешь ещё больших неприятностей?

– Думаешь, уел меня, мозгляк?

– Думаю, тыпустишь нас внутрь и не посмеешь чинить препятствий, – вконец оборзел адепт тин Даррен.

Пасита не ответил. Хмыкнув, зашагал бодрее. А вскоре принялся насвистывать весёлую мелодию, крепче прижимая к себе драгоценную ношу. Пасита тин Хорвейг был почти счастлив. Теперь можно было беспрепятственно отправиться в столицу и сделать новый шаг к мечте. И даже двойное недоразумение, которое вышагивало сзади, ему не казалось помехой.

Глава 28

Бонус. Защитник Каррон и дева-клятва

1.

Каррон с тревогой всматривался в горизонт, откуда жёлтой змеёй выползала струящаяся по холмам дорога. Весна выдалась дружной. Хотя снег со склонов сошёл не так давно, но необычайно жаркое в этом году весеннее солнце щедро делилось теплом и уже успело просушить землю, покрытую нежной зеленью молодой поросли.

Защитник ждал. Посланники Ордена должны были появиться точно в срок, об этом предупредила полученная с почтовым голубем записка. С тех пор пролетело ровно пять седмиц – достаточно, чтобы небольшой отряд проделал путь по «летнему» тракту от Ордена до самых приграничных земель.

Наконец, на вершукке дальнего холма показалось четверо всадников. Каррон сопровождал их внимательным взглядом чуть прищуренных глаз, пока те не спустились, ненадолго скрывшись из виду, а потом снова показались уже ближе и, обогнув малый холм и преодолев оставшееся расстояние, остановились в нескольких шагах, обдав запахом конского пота.

Каррон склонил голову в традиционном приветствии.

Настоятель Махаррон, желчного вида старик с зачёсанны-

ми назад седыми волосами и крючковатым носом неожиданно ловко спешился, естественным, почти изящным движением руки оправив тяжёлый чёрный плащ, и подошёл ближе. Худой, но жилистый и крепкий, он утёсом возвысился над склонившимся Защитником, взгляд которого упёрся в громовик – символ Ордена, висящий на толстой золотой цепи.

– Здрав будь, Защитник Каррон! Хорошо ли живёт люд в Золотых Орешках?

– И тебе долгих лет, Настоятель, – Каррон поднял голову и тепло улыбнулся. – Чем я заслужил честь лицезреть твой умудрённый годами лик?

– У моего любимого ученика родился сын – будущий Защитник! – Настоятель воздел палец к небу. – Уж не думал ли ты, что я отправлю сюда Затолана? – Махаррон усмехнулся, отчего суровые черты чуть смягчились, и не глядя кинул повод одному из сопровождающих. – Ну, веди нас в свои хоромы. Хотя, зная тебя, это будет скорее волчье логово.

2.

Настоятель обвёл взглядом просторную комнату. Обшитые свежим тёсом стены наполняют пространство запахом древесины. По правую руку двустворчатое окно, прохладный ветерок поигрывает расшитыми васильками занавесками. Под окном – длинная лавка, рядом дубовый стол заставленный ароматно пахнущей снедью, да два стула – это Каррон на досуге балуется. Слева от входа белёная печь, даль-

ше за ней у противоположной от окна стены аккуратно заправленное широкое ложе, рядом покрытый сукном большой сундук. Тут и там мелькает вышивка: петухи, кони, разнотравье. Напротив двери – украшенные резьбой полки. На верхней, как водится, фигурки богов – Керун-воин, да Киалана Заступница.

– Скромно, как я и ожидал, – Настоятель, скрипнув половицей, прошёл в просторную горницу. – Но добротное. – Он хитро прищурился, уставившись на затейливо расшитый ворот рубахи Защитника, и погрозил пальцем. – А ведь тут явно чувствуется женская рука!

Каррон покраснел как мальчишка. Правильно истолковав его смущение, Махаррон успокоил:

– Не переживай, все это условности. Нравится девка и ладно. Конечно, ежели не супротив воли.

– Не супротив! – Горячо воскликнул Каррон.

– О-о-о! – Внимательно присмотрелся к нему Настоятель. – Защитник, – тон Настоятеля посуровел, напомнив времена ученичества, – надеюсь, ты руководишься Кодексом и разумом в своих действиях?

От этих его слов Каррону припомнился первый день в Золотых Орешках:

По древней традиции новому Защитнику привели самую красивую девку в деревне. Тонкий стан, белая кожа, высокая грудь и шёлковые русые волосы до самых пят. Она дрожала не то от холода, не то от страха, кутаясь в кисейную про-

зрачную накидку. Каррон, заворожённый необычайной красотой и невинностью, которой сквозила вся её фигурка, подошёл, осторожно приподнял голову за подбородок. Девушка оказалась страсть как хороша. Неизвестно то ли это на него так повлияло, то ли уважение к Орденским обычаям, пускай и забытым, но он не удержался. Повинуясь какому-то порыву, наклонился и нежно поцеловал приоткрытые полные губы.

Бездонные синие глаза заблестели, из них тут же выкатились две слезинки, оставляя мокрые дорожки на фарфоровых щеках. Защитник, тяжело вздохнув, усилием воли сбросил наваждение, отступил назад и вышел из горницы на мороз, чтобы привести в порядок мысли и взбунтовавшуюся силу. Скоро он вернулся. Сняв с крючка подбитый волчьим мехом плащ, укутал девушку – та, похоже, так и простояла всё это время посреди комнаты, не сходя с места.

– Зовут как, красавица? – Спросил он, плотней запахивая края плаща.

– ...А... Анасташа. Люди Ташкой или Тасей кличут, – девочка робко подняла взор, на лице читалось неподдельное удивление.

– Ладно. Заступница с тобой Анасташа. Иди. Не трону я тебя, не бойся.

Девушка растерянно медлила, и Каррон, отворив дверь, за плечи вывел её в сени. На улице в ожидании переминались с ноги на ногу мать с отцом. Пожилая, красивая статная

пара: «Так вот в кого пошла дочь».

Решившись, родители кинулись к крыльцу. Бросив тревожный взгляд на девушку, сразу всё поняли.

– Ах ты! Я вот тебе! – Замахнулась мать.

Каррон без труда преодолел короткое расстояние, перехватив занесённую для удара руку.

– Не тронь! Ни сейчас, ни впредь, – спокойно произнёс он, а затем повернулся к народу. Вокруг на площади для собраний прямо перед домом Защитника, несмотря на поздний час, шатались зеваки. – И большие девчонок не водите! – У самой двери Каррон обернулся и добавил: – Не бойтесь, не осерчал я.

Защитник вскинул голову и хмуро уставился прямо в холодные светло-голубые глаза, такие же, как у него самого:

– Настоятель Махаррон, ни разу ни в чём я не отступил от Кодекса и совести! – В глазах Защитника пылала вера в произнесённые слова.

– Ну-ну. Не горячись, сын. – Сухая жилистая рука похлопала по плечу, и Каррон удивился, узрев на лице старика печаль. Тот, глядя сквозь бревенчатые стены далеко в прошлое, продолжил: – Любовь к женщине мне знакома не понаслышке, – он усмехнулся, и суровые его черты неожиданно смягчились. – Будь разумным и сможешь позволить себе быть счастливым. Но! Сам понимаешь, ребёнка твоего я все равно заберу. Он – будущий Защитник и должен воспитываться в духе Ордена, как полагается.

Каррон покорно кивнул, всё ещё не веря в то, что услышал. Отец впервые за всё время упомянул о матери, пускай и вскользь.

3.

Годом ранее...

Анасташа не стала изгоем, но порой чувствовала себя не принадлежащей этому миру. На вечерних гуляньях парни сторонились её, более не норовя чмокнуть украдкой, как часто бывало. Не выкрикивали в горелках. Не ловили, играя в «Ящера». Да и ей было не до веселья, сердце железными оковами сжимала непроходящая тоска. Она по привычке продолжала приходить вечерами на берег Широкой, туда, где у подножья Керунова холма издавна было принято веселился народ, но всё больше просиживала в сторонке. К ней не спешили засылать сватов, даже из соседних деревень, хотя это как раз было на руку. Подруги больше не делились сокровенным, а сама Ташка ходила все время словно в воду опущенная. Встречая Каррона, густо краснела и спешила поскорее скрыться, не поднимая на Защитника глаз.

Так пролетело две зимы, и Анасташе миновало девятнадцать. Мать частенько ворчала, а порой и откровенно злилась:

– Отвергла Защитника, дура! Да если бы ты нрав свой поумерила, сейчас от женихов бы не было отбою.

– Мама, он сам меня не захотел!

– Не захотел, он! Рассказывай. Каррон ведь после тебя на других-то и не смотрит. По деревне и слухи уже ходят. Говорят, сглазила Защитника Ташка. Да и какой он Защитник, ежели не дал клятву?

– Мама, он настоящий Защитник! Лучший!

Анасташа нервно схватила ушат с бельём, замоченным в мыльном корне ещё с вечера, прихватила резной валёк и выскочила наружу. Разговор продолжать не хотелось – без того Защитник Каррон из головы не выходит, а она и мысли допустить боится кому-то про то рассказать, ночами мечтая, как бы всё сложилось, поступи она тогда по-другому.

Добрый, сильный, справедливый – лучшего мужа вовек не сыскать.

Да только невозможно это. Таким, как Каррон, запрещено заводить семьи. Недаром в песне о Раггальде Защитнике поётся, как ради любимой покинул он деревню, да тем самым обрёк её жителей на погибель. Когда влюблённые сбежали, пришла Стая и вырезала всех до единого. Ферита – возлюбленная Раггальда, узнав о том, утопилась в реке. Защитник три дня и три ночи горевал, обнимая холодное тело. А потом, развеяв её прах над обрывом, бросился на собственный меч.

Каждый раз Анасташа, заслышав протяжный, исполненный тоски напев, не могла сдержать слёз. Может, оно и к лучшему! Так хоть доживёт век старой девой, зато никто руку не поднимет, да постель с немилым делить не придётся.

Ташка дошла до реки и поставила ушат на деревянные

мостики. Принялась раскладывать бельё. Губы сами зашевелились, над водой полилась тихая «Песнь о Раггальде». Изредка утирая плечом слёзы, девушка старательно работала, постепенно успокаиваясь. В Последнее время то и дело не давала покоя мысль: не поддаться ль на уговоры матери, не уйти ли в Вороньи Гнёзда или ещё куда? Желана думала, что в другом месте дочери не побоятся выказывать знаки внимания, и та постепенно отгадет, а там уж до сватов дело дойдёт. Сама же Анасташа надеялась, станет легче, если она не будет больше видеть Каррона. Не зря же говорится: с глаз долой – из сердца вон.

Солнце стояло в зените, когда выполоскав в проточной воде и развесив выстиранное бельё на верёвках, растянутых между ветками, растущих по берегу кустов, Анасташа устало выпрямилась. Поясница затекла, пот струился по спине, подол просторной льняной рубахи расшитый обережным узором вымок и лип к ногам.

Никого вокруг не было, только птицы вяло переговаривались, попрятавшись от жары в ветвях. Домой возвращаться не хотелось, и Анасташа, оставив ушат и валёк тут же под кустом – прихватит на обратном пути – решила подняться выше по течению к тихой заводи. В деревне место это называли Девичьими купальнями. По негласному уговору женщинам там можно было плескаться без опаски. Мужики заявлялись, только если шутить, да подглядывать, но такое редко случалось. Пойманного охальника били всем миром, чтобы непо-

вадно было. А не много удали – сначала получить на орехи от голых баб, а потом ещё подставить рёбра под мозолистые кулаки их заступников.

У купален Анасташа распустила шнурок на воротах и скинула с себя рубаху, прополоскала её тут же. Крепко выжав, встряхнула и повесила на куст с той стороны, где сильнее припекало солнце. В прохладную воду окунулась сразу не медля. Рыбкой ушла на глубину. На середине заводи вынырнула на поверхность и поплыла на спине. Крепкие девичьи груди дерзко смотрели в синее небо. Так доплыла до противоположного берега, там вода стала теплее – сюда дотягивались солнечные лучи. На мелководье резвились мальки, испуганно разлетаясь в стороны, они приятно щекотали кожу. Натруженное за день тело блаженствовало, заново наливаясь энергией. Отступили тяжёлые думы, смытые целительной влагой.

Вдоволь наплескавшись, девушка поплыла обратно, выбралась из воды и распустила косу. Разбирая мокрые волосы руками, направилась к месту, где оставила рубаху, но та куда-то исчезла. Анасташа внимательно осмотрелась. Она не волновалась. Случалось подружки шутили, пряча одежду и требуя пустяковый выкуп: «Вот, ужо, она оттаскает шельму за косу!» Ташка наклонилась, высматривая не спрятана ли рубаха под кустами.

– Смотри-ка, а с этой стороны она ещё лучше!

Анасташа подпрыгнула от неожиданности и обернулась.

Позади стояли четыре незнакомых мужика. Она и не заметила, когда те появились. Все заросшие, одетые абы как, но вооружённые. У одного на поясе короткий меч, у остальных – дубины. Не то беглые каторжники, не то разбойники. Сразу видно – пришлый люд.

4.

Каррон одетый в простую льняную рубаху, подпоясанную бечевою, хоронился в тенике и неспешно правил косу, когда издали послышался крик:

– Каррон! Каррон Защитник, беда!

Босоногая, рыжая Аглашка, придерживая подол одной рукой и заполошно размахивая другой, что есть духу неслась через лесок по тропинке. Не добежав нескольких шагов, споткнулась и чуть было не распласталась во весь свой долговязый рост. Защитник, верно, чудом, успел отложить инструмент и поймать её за плечи. Аккуратно поставив девушку на ноги, спросил:

– Что стряслось, Аглая? Говори, не медли.

– Я к купальням пошла, а там Ташка. Я подшутить над ней решила – спрятала рубаху, а сама в кустах затаилась. Едва дождалась, пока наплещется, вот ведь русалка!

– Аглая! – Поторопил болтливую девку Защитник.

– Так вот, вылезла Ташка и стала одёжу искать, а тут откуда-то эти пришлые взялись! По виду – чистые разбойники. Стархолудные!

– Много их? – Каррон нахмурил брови.

– Трое или четверо. Я не запомнила...

– Дуй в деревню, собирай мужиков, – прервал поток слов

Каррон.

Аглашка, хлопнув густыми рыжими ресницами, подалась всем телом вслед. Крикнула, сложив руки у рта:

– Рубаха-то там – за куст-о-о-ом!

Девичьи купальни находились неподалёку. Всего-то и до-роги, что пересечь рощу, да подняться наверх по тропе. Кар-рон бегом бросился напрямки через лес. Тревога овладела им вопреки всем канонам.

5.

Разбойники нагло рассматривали Анасташу, та, ступе-вавшись под сальными взглядами, как смогла, прикрылась мокрыми волосами, благо длина позволяла.

– Убирайтесь! Вам тут нечем пожить! – Храбро отве-тила она, вздёрнув подбородок, не подавая виду, что сердце ушло в пятки.

Один из разбойников оскалил в похабной улыбке жёлтые зубы и сплюнул травинку, которую пожёвывал все это время.

– Да ну? Не может быть! – Его товарищи глумно загого-тали.

– Вам Каррон Защитник головы поотрывает вместе со всем остальным из ненужного! – Анасташа шагнула вперёд, пытаясь обогнуть их, но ей преградили дорогу. Двое преду-

смотрительно зашли за спину, отрезав путь к воде раньше, чем она сообразила переплыть на другую сторону.

– О-о, да у неё острый язычок! Проверим, на что ещё он годен. А ежели только, чтобы болтать – такотрежем. Не люблю болтливых. – он, поигрывая невесть откуда взявшимся в руке ножом, многозначительно посмотрел на одного из подельников, остальные снова заржали.

– Каррон? Не слыхивал про такого, – просипел толстяк с большой сучковатой дубиной подстать.

– А раз не слыхивали, знамо, дерьмо ваш Защитник, – писклявым голосом добавил третий. Он был настолько худ, что верно был чем-то болен: «Из всех – этот самый отвратный» – подумалось Ташке не к месту.

– Да он... Он вас убьёт! Он отличный Защитник! Самый лучший! – выкрикнув эти слова, Анасташа отчаянно бросилась прочь по дороге, но её тут же схватили грубые руки, прижали к себе, царапая нежную кожу о заскорузлую дерюгу. Из рта пахнуло кислым.

– Горячая девка, сама на меня прыгнула! – Обрадовался тот, что с мечом. Ташка дёрнулась, взвизгнув, когда её больно ущипнули за зад.

– Кричи громче. Люблю, когда кричат, – раздался над ухом писклявый голос худощеого. Зловоние их тел заставило Анасташу содрогнуться, рванутся, непроизвольно прижавшись крепче к вящему удовольствию державшего её главаря.

– Ага, ори. Может, и Защитник твой услышит. Придёт, мы

и его поймеем, – они снова заржали такой славной шутке.

– Услыхал. Отпусти девчонку!

На тропе возник Каррон. Никто не заметил, как он подошёл. Незваные гости повернулись. Окинули фигуру Защитника оценивающими взглядами. Отметили, что противник безоружен. Вперёд вышел толстяк и, не спеша, потянул из-за пояса дубину.

– Ну, ты, тут Защитник? – Просипел он. – Что-то непохож, даром что здоровый.

– Да и одет, как простой мужик. Защитники так не ходят, – добавил худой, – и медальона на шее нет.

– Да у тебя и оружия нет, – криво усмехнулся тот, что с мечом.

– У тебя одолжу, – ухмыльнулся в ответ Каррон, – и то, чтобы руки не пачкать, – в его голосе прозвучало явное пренебрежение.

– Попробуй! – Толстяк заревел и неуклюже бросился вперёд.

Никто из бандитов не понял, как все произошло. Вот жирдяй оказывается возле Защитника, а мгновением позже уже барахтается посреди заводи, пыхтя и надувая красные, побитые оспой щёки. Анасташа тоже не поняла. Главарь выхватил из ножен меч и шагнул Каррону навстречу, толкнув её в руки молчуна, как про себя окрестила она четвёртого, за всё время он и слова не вымолвил, только сверлил нехорошим взглядом, от которого было совсем не по себе. Тот тут же

крепко обхватил её талию.

Никогда раньше Ташка не видела, чтобы дрались вот так. Худющий и главарь с двух сторон набросились на Защитника. Каррон отбил трофейной дубинкой первый удар меча, тут же увернулся от кинжала, метившего в бок. Перехватив запястье, резко повернул. Кинжал упал на землю. Продолжая движение, толкнул худющего на главаря, сделав стремительный шаг следом. Отбил неуклюжий удар в сторону и пнул худющего в грудь, отчего оба бандита разом повалились на землю. Не медля, Каррон ногой выбил меч из рук главаря и огрел его дубинкой. Тот обмяк. Защитник обернулся. Толстяк принял мудрое решение и уже выбирался на берег с противоположной стороны, то и дело оглядываясь. Молчун, ухмыляясь беззубым ртом, отступил к тропе, приставив к горлу Анасташа клинок.

– Брось нож. Пусти девчонку! – Каррон шагнул вперёд.

Бандит, невнятно замычав, мотнул головой. Анасташа тихо ахнула, когда лезвие оцарапало кожу.

– Брось нож, сказал! – Повторил Защитник, но вдруг что-то усмотрел в пустых водянистых глазах.

Ташка зажмурилась от страха, и вдруг почувствовала, как разбойник обмяк. Его рука разжалась, и нож вывалился на землю. Вторая бессильно сползла с её талии, судорожно пытаясь уцепиться, скользнула по бедру, больно дёрнув волосы, и, наконец, замерла, продолжая держаться за щиколотку. Брезгливо выдернув ногу, Анасташа отскочила в сторо-

ну. Обернувшись, остолбенела, прижав руки ко рту и глядя на труп, из глазницы которого торчал кинжал.

Каррон вмиг оказался рядом. Повернул к себе, спасая от страшного зрелища. Обхватил лицо руками, с тревогой заглянул в синие глаза. На белой коже протянулась красная нитка длинной царапины – от горла к правому плечу. Защитник тронул кончиками пальцев выступившие бисеринки крови и, сглотнув, спросил неожиданно хриплым голосом:

– Говоришь, самый лучший?

Не дожидаясь ответа, крепко прижал к себе, и Анасташа позабыла о пережитом. О том, что стоит здесь совершенно голая, да ещё и в мужских объятьях. Так хорошо и спокойно ей стало, так бы всю жизнь провести...

Но все когда-нибудь кончается. С заметным усилием Каррон выпустил её из рук. Отвёл чуть в сторону от убитого разбойника, нырнул в кусты и тут же вернулся с её рубахой в руках. Проходя мимо очухавшегося было главаря, походя вырубил того коротким движением, всё это время глядя прямо в глаза Анасташе:

– Вот, надень, – протянул рубаху и отвернулся.

Ташка не пошевелилась. Так и стояла, зажав ткань в кулаке. По лицу не переставая струились слёзы. Ей не хотелось верить, что чудо так быстро кончилось. Насколько были отвратительны прикосновения разбойников, настолько волшебными показались ей объятья любимого. Сейчас они вернутся в деревню, и всё пойдёт по-прежнему. Уж лучше с об-

рыва!

Каррон, испустив горестный вздох, подошёл забрал из рук рубаху и сам натянул на неё, завязал ворот. Нагнулся, оправляя подол. Анасташа же, только пуще плакала от этой заботы.

– Вот что мне с тобой делать?

В этот момент появились хмурые деревенские. Сперва мужики – у Ташки мелькнула мысль: «Небось за кустами выждали, пока она не оденется». Следом поспевали и девки, да кое-кто из баб – вести быстро разлетаются.

– Эти что ли хулиганят? – Один из подошедших пнул зашевелившегося худющего в бок.

Каррон кивнул:

– Свяжите.

Аглая и другие девчата, наконец, подбежали. Окружили Анасташу, оттеснив в сторону Каррона. А тот, будто позабыв о ней, занялся разбойниками.

– Ташка, ты уж прости меня! – Скороговоркой залопотала Аглая. – Я не ведала про этих душегубов, а то ни за что рубаху бы прятать не стала.

Другие тоже задавали вопросы наперебой, кто-то пытался её ошупать. Анасташа молча кивнула Аглае, вывернулась из рук и поспешила к дому. У околицы увидела родителей. На встречу, причитая, бежала перепуганная мать. Следом, стараясь держать себя в руках, топал взволнованный отец. Тревожно всматриваясь дочери в лицо, Огин призывал богов и

грозил обидчикам всеми карами. Желана суетилась, во что-то укутывая, ощупывала. Анасташа не выдержав, вырвалась. Пробежав несколько шагов, обернулась и рывкнула:

– Одна хочу побыть!

– Куда? А ну стой! – Преградила путь мужу Желана.

– Отойди, дочку спрошу!

– Спросит он. Спросит он! Вот я уже тебе так спрошу! –

Она сунула маленький кулачок мужу под нос.

Огин строго посмотрел на жену, но, как обычно, не выдержав её твёрдого взгляда, махнул рукой.

Дома Анасташа заскочила в хлев. Здесь привычно пахло навозом и свежим сеном. Фыркнула и качнула головой Бурёнка, приветственно заблеяли козы. Из яслей, мурлыча, выпрыгнула полосатая кошка. Выгибая спинку, потёрлась об ногу. Ташка подняла её на руки, чмокнув прямо в мокрый нос, обняла тёплое тельце, не взирая на протесты, и свернулась калачикам на сене. Горючие слёзы хлынули из глаз. Мурка высвободилась из ослабших вдруг рук, но не ушла. Уселась рядом, стала шершавым язычком вылизывать мокрую щёку.

Наплакавшись, Анасташа незаметно задремала. Потому и не знала, как прошёл суд. Не знала, что хотели жители разбойников тех повесить, да отпустил их Каррон. Заставив предварительно похоронить мёртвого подельника. Да пригрозил, чтобы и духу их не было поблизости. А если ещё раз увидит – пускай на себя пеняют. Жителям же сказал: каж-

дый имеет право на жизнь.

Скрипнула дверь.

Ташка подняла голову.

Вошла Желана с краюхой тёплого хлеба, завёрнутого в чистую тряпицу, молча опустила рядом. Анасташа взяла хлеб из рук матери. Аппетитный запах перебил все остальные, и в животе заурчало. Ташка, откусив маленький кусочек, принялась медленно жевать.

– Тася, дочка, – мягко начала Желана, – знай, коли обидели тебя изуверы...

– Мам, они меня не тронули. Каррон подоспел вовремя, – она украдкой поправила ворот, чтобы мать не заметила оставленную ножом на шее царапину.

– Ох, дочка! – Желана порывисто обняла Анасташу. Затем отстранилась и внимательно осмотрела. – Так чего же ты тогда тут ревела?

Ташка вновь хлопнула носом, Желана сжала губы, снова подумав худое.

– Не могу я без Каррона, мама! – Наконец выпалила она то, что душило, не давая покоя. Слезы хлынули ручьем. – С того самого дня только про него и думаю. Я тогда так испугалась, а он-то такой хороши-и-ий! Кабы о том сразу знать...

Желана обняла дочь и тихо рассмеялась.

– Ох, дочка! Ох, Ташка! Мы же как думали? Принесёт Защитник клятву, и от сватов отбоя не будет, да и нам почёт. А ты, оказывается, вздумала влюбиться. Он же – Защитник!

Ты даже жить в одном доме с ним не сможешь. Да как же нам теперь быть-то?

– И пусть! Все равно больше никто мне не мил!

– Замуж тебе пора. Давай сосватаем тебя поближе к городу, а то и в сам Птичий Терем? Ты же красавица. Найдём в пригороде хорошего жениха. Может даже купца какого, а? Будешь в повозке кататься, платья красивые носить. А что любовь? Стерпится – слюбится, – завела Желана прежний разговор.

Анасташа подскочила.

– Не смейте! Лучше с обрыва!

– Дочка-дочка, ну что ты такое говоришь?

Ташка перестала плакать и насупилась. В голове созрело решение.

– Я вечером к нему пойду.

Желана ахнула, прикрыв руками рот:

– Ташка! Ты это что удумала? Позор-то какой!

– А когда вы меня сами отвели, это называлось честью великою, – парировала дочь, – в чём разница? Он ведь так и не поклялся. Сама говоришь, что уже и слухи пошли.

Желана хлопнула глазами, наверное, впервые в жизни не найдя что ответить.

– Ташка, да пойми, Каррон не обычный Защитник. Большинство живут, как трутни в улье. Деревня их кормит, поит, одевает и развлекает. Вон в Красном Яру – всех девок Защитнику приводят. Ни одной не пропускает, и куда только

их Орден смотрит? А поди ж ты с ним поспорь? Покалечил так одного молодца, который решил за невесту вступиться. А наш Защитник, как отец родной. Даром что клятву не принёс. Третий год горя не знаем, уже и кланяться в пояс отвыкли. Каррон и на покос, и в жатву, и починить, и смастерить горазд. Ни одного мужика не обидел, ни одну девку пальцем не тронул, а они-то и сами не прочь – выбирай любую! Так на гулянках по вечерам вокруг и вьются – тебе ли не знать? А он пошутит, позубоскалит, да и на том делу конец. А может у него вовсе недуг какой? Или обет?

– Вот и поговорю. Поблагодарю за спасение. Прощения испрошу за то, как тогда поступила. Негоже было Защитника встречать так нерадушно.

5.

Защитник Каррон, сидя за столом, изучал один из старых Орденских учебников. Прохладный ветерок шевелил занавески, заставляя тени плясать на пожелтевших страницах, освещенных неверным огоньком масляной лампы. Чтение давалось нелегко. Древние руны способны открыть великое знание, тому, кто сможет их осилить...

На дворе заворчал было, но тут же умолк Волчок. Тихонько стукнула ставня. Защитник поднял голову прислушиваясь. Стук повторился. Отложив книгу, Каррон вышел на крыльцо.

От стены тут же отделилась тень, на крыльцо взбежала

Анасташа.

– Таша, что случилось?

– Каррон Защитник, может, войдём внутрь? – Едва слышно шепнула девушка и боязливо огляделась. – Негоже ночью на улице объясняться.

– Входи.

Каррон подвинулся, пропуская её внутрь.

В сенях пахло кожей, травами и ещё чем-то терпким, но приятным. Дверь была открыта, и девушка вошла в горницу. С тех пор как она тут побывала, мало что изменилось. Защитник не стремился к излишествам и не обзавёлся никакими богатствами, разве что у стола красовался резной стул – любил Каррон дать рукам занятие. Пытаясь унять бьющееся птицей в клетке сердце, Анасташа собрала всю волю в кулак и повернулась:

– Поблагодарить тебя пришла, Каррон Защитник, – отвесила поклон в пояс. Длинная коса подмела пол. – Дозволь исправить давнюю ошибку, – голос девушки едва заметно дрогнул. Каррон удивлённо приподнял брови, та же, не останавливаясь, продолжила уже совсем неожиданно:

– От имени жителей подвластных тебе земель приветствую тебя, Защитник. Поклянись хранить и защищать нас на совесть, а не ради славы, и боги приумножат твои силы. Я, избранная дева, явилась, чтобы скрепить клятву.

Анасташа сбросила большой цветастый платок, в который всё это время куталась, и осталась в одной исподней рубахе,

затейливо расшитой по подолу, обшлагам и вороту девичьим узором. Замерла, ожидая ответа.

Каррон так и остался стоять с открытым ртом. Слова ритуального приветствия! Не может быть, он услышал собственными ушами, то о чём лишь читал в учебниках по истории. Не говоря о том, что сам ритуал давно устарел и был признан необязательным ещё добрую сотню лет назад. Да и в те времена большинство этих девушек от страха не могла вспомнить своё имя, не то что произнести без запинки ритуальную фразу. Конечно! Кто бы позаботился оповестить об этом все деревни приграничья? Защитник перевёл взгляд на Анасташу. Та, затаив дыхание, ждала. По влажному блеску в глазах было заметно, как решимость по капле покидает её.

– Кхм, Анасташа... Может, не стоит? То, что сегодня случилось, потрясло тебя и...

– Дурак!

Девушка, всхлипнув, бросилась к двери. Каррон опередил. Заключил в объятия. Осторожно приподнял лицо и вытер слёзы. Глядя в бездонные, синие как летняя ночь глаза, отметил, как в их влаге отразилось пламя его собственных. Удивившись, почувствовал, как внутри ласковым котёнком заворочалась *сила*, и вдруг осознал, что это правильно, что так и надо. Коснувшись мягких податливых губ своими, едва смог прошептать ритуальный ответ, прежде чем жадно впиться долгим поцелуем:

– Клянусь быть Защитником сего места до самой смерти!

6.

Каррон выглянул в окно из-за занавески и усмехнулся.

На площади перед домом, прямо под старым раскидистым дубом в три обхвата, собрались жители во главе со старостой Опорафием. Неподалеку обнаружили и Огин с Желаной.

– Все в сборе, – усмехнулся Защитник, повернувшись к Анасташе.

– Ох! Это все мама! Она обо всем знала. Что же теперь делать? – соболиные брови сошлись к переносице, щёки заалели. Девушка схватила волчью шкуру и натянула до самых глаз.

– Раз уж ты решила сделать все правильно, то так и закончим. – Каррон подошёл, и Анасташа сама к нему потянулась, не желая прерывать сказку. Глаза Защитника затуманились, и в глубине блеснул огонь силы:

– Ох, что ты со мной делаешь, Таша!

Через час дверь дома Защитника отворилась. Каррон вывел Анасташу за руку на крыльцо.

– Жители деревни! Я Каррон Защитник, поклялся на крови этой девы защищать сию землю до самой смерти.

Толпа возликовала, а сама Ташка залилась краской.

– Ну все, таперича можно не пужаться проклятия, – прокрипела бабка Гынна, пихнув подругу острым локтем в бок. – Теперь все как положеноть.

– Ога, а то третий год, яко грешники, – откликнулась глу-

ховатая Матана.

– Ыть, сплетницы! Все бы вам лясы-то точить, пока молоко не прокиснет, – встрял в разговор дед Вирен. – У, ведьмы!
– Иди ужо! – Замахнулась на него клюкой хромая Гынна.

7.

Чередой пролетели сырая осень, снежная зима и наступила звонкая весна. Весело журча ручьями, она растопила сугробы и унесла зимнюю тоску. Пробудились ото сна деревья, вернулись перелётные птицы, набухли почки – наступило преддверие лета.

Анасташа, тяжело переваливаясь, вышла на крыльцо и вдохнула полной грудью чистый прохладный воздух. Одной рукой придерживаясь за поясницу, а другой за резные перила осторожно спустилась, опасаясь поскользнуться на влажных ступенях. Доковыляла до лавки и грузно присела. Рядом тут же вспрыгнула Мурка и, прищутив изумрудные глаза, подлезла головой под руку. Круглый животик делал кошку похожей на сказочного колобка, она тоже была на сносях. Некоторое время они так и сидели, нежась на весеннем, всю пригревающим солнышке.

Внезапно нутро скрутило болью.

– Мама! – Вскрикнула Анасташа, вскочив и испуганно округлив глаза. – Мама-а-а!

8.

Каррон, как мог, готовил Анасташу к расставанию с ребёнком. Его сердце то и дело сжимала безотчётная тоска, но он с самого начала был к этому готов. Он – Защитник, и сам вырос в Ордене.

Момент настал. Молодой отец, необычайно бледный, наблюдал, как его любимая крепит материнское сердце, с трудом сдерживаясь.

Анасташа стояла с высоко поднятой головой, не опуская взора. Даром что глаза блестят от непролитых слёз, а ногти впиваются в ладони – боль отрезвляет, придавая сил вести себя достойно. Не опозориться и не опозорить.

Открылась дверь, и проём на миг заслонила высокая фигура. Настоятель Махаррон шагнул внутрь. Скрипучий голос произнёс:

– Великая честь этому дому! Здесь был рождён новый Защитник. Хвала и почёт женщине, чьё чрево взрастило его, – он степенно поклонился в знак уважения. Приняв ответный поклон, осмотрелся и прошёл прямо к обвешанной оберегами колыбели. Осторожно вынул голенького розовопопого карапуза. Заглянул в мутноватые, подёрнутые младенческой поволокой, глаза.

– Нарекаю сие дитя именем Нааррон. Пусть сердце его впредь останется чистым, как и в миг рождения!

Младенец вдруг сморщился и огласил избу неожиданно громким криком. Анасташа едва заметно дёрнулась, подавив порыв броситься к ребёнку, но Огин с Желаной, досе-

ле тенями застывшие рядом, синхронно придержали дочь за руки. Каррон подал лоскутное одеяльце и старый Защитник завернул в него внука.

Сопровождающие Защитники ждали за порогом, Махаррон передал им младенца, и те направились к лошадям. Повернувшись к хмурому семейству, Настоятель хотел было попрощаться, как вдруг из-за тряпичной перегородки раздался подозрительный звук.

– Что это?

Махаррон прикрыл дверь, вернулся в горницу и отдернул занавеску.

В закутке возле печки обнаружилась вторая детская люлька. В ней кряхтел и попискивал ещё один ребёнок. Он вдруг широко улыбнулся беззубым ртом, и Настоятелю почудилось, что светлые, неестественного цвета глаза смотрят на него с неподдельным любопытством. Подумалось: «Такие же были и у Каррона, когда он родился». Настоятель, бросил короткий взгляд на сына, извлекая младенца наружу.

– Девчонка?! – От изумления старик чуть не выронил драгоценную ношу.

Лицо Анасташа искажилось страхом. Защитник побледнел ещё сильнее, чем прежде.

Махаррон не успел сделать и шага, как Каррон с мрачной решимостью на лице, преградил ему путь. Грудь Защитника часто вздымалась, кулаки сжались. В комнате заметно похолодало, деревянные поверхности заблестели изморозью.

Тихо всхлипнула Анасташа.

– Уйди с дороги, сын, – устало произнёс Настоятель и постарчески поёжился. – Зачем избу выстудил? Дитё заморозишь.

Он рукой отодвинул Защитника в сторону и подошёл к Ташке. Та, ни жива ни мертва, в ужасе переводила взгляд со старика на ребёнка в его руках, на Каррона и обратно. Настоятель вздохнул, но поднял девочку вверх соблюдая традицию:

– Нарекаю сие дитя именем Киррана! Пусть сердце её впрямь останется чистым, как и в миг рождения!

Он осторожно передал дочь матери и тяжело опустился на лавку. Немного посидел, погружённый в свои мысли, затем посмотрел на Каррона:

– Да сядь ты уже!

По избе пронёсся общий вздох облегчения.

– Ох, и загадал ты мне загадку, сын.

– Отец...

– Не перебивай! – Махаррон утёр ладонями осунувшееся, изборождённое глубокими морщинами лицо. – Понимаю, кто ж знал? – Он коротко развёл руками. – Уже несколько веков у Защитников не рождалось более одного ребёнка, да и то, почитай, великая удача. А уж чтобы такое... – Он неопределённо повёл рукой в сторону закутка, где уже мирно сопела неожиданность. – Ведаю точно: больше ни одна душа не должна об этом знать. По крайней мере, пока. В Орден я её

забрать не могу, сам понимаешь, ей там не место. Но и здесь оставлять боязно. Что делать, если *сила* проявится? Вон как глазищи сияют...

Анасташа бросилась к ногам Настоятеля. Слов не было, но в бездонных синих очах светилась мольба.

– Да охолони, дева! Куда ж я её дену, родную кровь-то? Чай не изверг! – Желана с Огином спешно подняли дочь, отвели в сторонку.

– Отец, я пригляжу за девочкой. Пускай я здесь и останусь Защитником до конца своих дней, это мне только в радость. Мы будем осторожны, клянусь мечом Керуна! А глаза... Они скоро изменятся.

– Что знают деревенские? – Махаррон повернулся к родителям Анасташаи.

– Только то, что Ташка уже родила. Мы никому не показывали детей, не говорили, что их двое.

– Что повитуха?

– Не было повитухи. С помощью Киаланы, я самолично перерезала пуповину, – ответила Желана.

– Будем растить её, как обычного ребёнка при отце, при матери. С нами она будет в безопасности. Всё время на глазах.

– Да будет так! Но помни, сын, она не должна знать, кто ты. Для неё ты Каррон Защитник, и только. Так безопасней. Защитницы не рождались слишком давно, люди уже и позабыть успели, какова их *сила*. Я и сам мало знаю. Дер-

венским скажете, мол, по пути мой отряд подобрал девочку, чью мать убили разбойники. Анасташа отдала сына, но согласилась оставить себе малышку, – Настоятель выразительно взглянул на Ташку, и та поспешно кивнула, не веря своему счастью. – Да. И без особой нужды никогда не называйте её настоящее имя. Сам понимаешь, чем это грозит.

– Мы будем звать её просто Кирой, – раздался дрожащий от волнения голос Анасташа.

– Отец, но что если *сила* в ней и правда есть, как быть тогда?

Махаррон тин Даррен, Настоятель Северной башни Ордена Защитников выглядел весьма растерянно. Он пожевал губами, помолчал, глядя в пол, а затем встретился взглядом с сыном:

– Каррон, мне нужно кое-что сделать. Я и так слишком долго тянул, а тут, вижу, сами боги меня торопят. Есть одна книга, там есть все ответы... Я пороюсь в архивах Южной башни, попрошу Агилона помочь, но на это потребуются время. Если *сила* себя проявит – шли весточку, но будь осторожен. Всегда найдётся кто-нибудь, кто захочет заполучить твою дочь.